

4-48933

НИКОЛАЙ
ИСМУКОВ

СЫРНИСЕН ПУХХИ

Пиллэйерийи тиили

Национальная библиотека ЧР

4-048933

Шулашкар
«Сәһә Вәхәт» — 2017

WALTER D.
THE F. W. W. W. W. W.

Обязательное
487

НИКОЛАЙ
ИСМУКОВ

СЫРНИСЕН ПУХХИ

Пиллёмёш том

Шупашкар
«Сёне Вăхăт» — 2017

УДК 821.512.111
ББК 84(2Рос-Чув)6
И 87

И 87 **Исмуков Н.А.**
Сырнисен пуххи. Пиллёмёш том. — Шупашкар.
2017. — 536 с.

УДК 821.512.111
ББК 84(2Рос-Чув)6

4-48933

Национальная библиотека
Чувашской Республики

© Исмуков Н.А., 2017
© «Новое Время», 2017

КАШНИ ПОЭТ – ФИЛОСОФ, АНЧАХ КАШНИ ФИЛОСОФ – ПОЭТ МАР

Раçсейре, эп пелесе, пёр вăхăтрах философи наукисен докторё тата Халăх поэчё хисеплĕ ята тивĕçнĕ сын питĕ те сайра. Вĕсенчен пĕри — пирĕн ентешĕмĕр Николай Аверкиевич Исмуков профессор.

Нумай пулмасть Мускавра унăн «Философия природы» ятлă виçĕ томлă кĕнеки тухрĕ. Вĕсенчен пёр томĕнче философие наци хайевĕрлĕхне тĕпченĕ, чăваш халăх ас-хакалне категори шайĕнче пăхса тухмаллине палăртнă. Вăхăт, пространство, куçам тата хирĕстеру аславĕсене халăх философийĕн тĕп никĕсĕ вырăнне хурса тишкернĕ. Кăçал вăл пилĕк томлă савăсемпе поэмасен «Сырнисен пухине» пичетлесе каларать. Тăватă томĕ кун çути курнă ĕнтĕ.

Николай Исмуков — Чăваш патшалăх премийĕн лауреачĕ, Чăваш Республики искусствисен тава тивĕçлĕ деятелĕ, Раçсей Федерацийĕн профессии вĕрентĕвĕн хисеплĕ ĕçченĕ, Раçсейри социалă наукăсен Академийĕн академикĕ. Вăл ертсе пынипе тăватă сын философи аславĕхĕн доктор диссертацине хутĕленĕ. Çирĕм çул ытла Шупашкарти коопераци институтĕнче кафедра пуçлахĕ тата декан пулса ĕçленĕ.

Çав пилĕк кĕнекене кашнинех уйрăм пăхса тухсан та аванчĕ. Ку малашнехи ĕç. Халлĕхе вĕсене «сивĕнсе ĕлкĕриччен» тенĕ пек пĕтĕмĕшле тишкернипе те сырлахар.

Томсене хайлавсене хăш çулсенче сырине шута илсе йĕркеленĕ. Вулакана кăçак пултăр тесе хăш-пёр кĕнекине публицистикапа тата литературăпа искусство тĕпчевĕсене кĕртнĕ.

Çакна палăртса хăварас килет. Н. Исмуков «ни дня без строчки» тесе ĕçлекен поэт мар. Урал университетĕн-

че (Свердловск хулинче), аспирантурăпа докторантурăра (Мускавра) вĕреннĕ чухне вăл савă тавраш сырманпа пĕрех. Литература пĕлĕвне те ятарласа илмен. («Советская Чувашия» хаçатра, 05.05.2013 ç.) философи докторне ёненмесĕр филологи докторĕ тесе «юсанăччĕ»). Тăван чĕлхе туйăмĕ поэзи вучахне сунме паман. Савăннă чухне те, аш вăрканă чухне те чун ашăтмăш пулнă вăл уншăн.

«Н. Исмуков спокойно, великодушно ждал своего часа, оттачивал мастерство, уподобившееся чеканному «металлу Митты». Чуть позже он вошёл в поэзию сразу же твёрдо, уверенно, в пору творческой зрелости. По отношению к нему никогда не применялось унижительное понятие «молодой поэт» (В. Эктель. «Советская Чувашия», 1998, 3 марта).

I.

Пĕрремĕш томне вауласа тухатăн та пулас поэт васкамасăр, тĕплĕн те сăнарлăн сырма тăрăшнине туйтăн, турă пани çумне тăрăшулăх хушса панă иккен самрака. Ачапча чухне сырнисенчен суйласа илнĕ пĕр саввинче вăл ак çапларах ўкерчĕк тăвать:

.....
*Ыраш улăм витнĕ суртăм
Асатте сăнлах:
Куç харшийĕ икĕ туртăм,
Шуралан тăнлав.*

*Ав хўме çинче лараççĕ
Шăкăрин çерси.
Вёсене вара хĕл каçĕн
Сивĕ те мар-ши?*

*Хĕл шлемĕ — чун хавалĕ,
Ан хухсам, ан чак.
Вĕл вёçсе анать саламлăн
Картишне чакак.*

*Сивё — те нўрте кёресшён,
Те кулса юри
Чўрече сине ўкернё
Шур автан хўри.*

Санарла, куҗ умне ачаләх тухса тәрәть. Ку савә Пер-
вомайски район хаҗатёнче «Коммунарта» 1954 җулта
пичетленнё, ун чухне савәҗ вуниккёре пулна. Вунҗич-
чёре вара вәл поэзине малашләх тёллевё пек курать,
җёнёллерех җырма тәрәшәть.

.....
*Шәп хам пек юрлас килет —
Хам начар-и, лайәх-и.*

*Таврара вәрман, сәр-ту
Ешерет сип-симёсён.
Савәра ман юрату,
Савәра ман тивёҗём.*

1959 җ.
Чита облаҗё, Борзя хули.

җамрәкләх, юрату, поэзи. җак сәмахсенче темле
татса татәлми җыхәну, пёрпеклөх пур пек. Ара, җамрәк
чух юратса пәрахсан савә җырман җын пур-ши тёнче-
ре?! Николай Исмуковән юрату сәввисем пайтах. Хәйён
кәмәл-сипетне, юратәвне, чун туртәнәвне ытти чылай
савәҗ пек «юратап, юратап» тесе ниҗта кайса кёрейми
кашкәрса тёнчене пёлтермест вәл. Герман Желтухин
калашле «ләпкән, ёнентерүллө, Исмуковла каләть хәй
калас текен сәмахне». («Тәван Атәл». 2009, № 5).

*Мён чуль чечек! Танлаштарам тесен
Санран хитри пурах-ши? —*

җук пуль ахәр.

*җил чўхекен җаран җинче ўсен
Кәвак җеҗке сан куҗусем пек чакәр.*

*Тытмастәм сансәр саваш куркине,
Сук, кирлө мар мана нимле тупра та.
Хөвөл сөсски пек сўс пайәркине
Хайлав кёнекинче тытса упратһн.*

Е тата:

.....
*Алсене хире-хирөс тытса ман сана
Куш илмесөр калех кётмелле.
Шурә хут, тен, чһнах парне тутәрө сан —
Асилў, асилў пўлөмре.
Кётмелли пулмасан, савә сыраһмасан
Пурһнни те харам ўлөмрен.*

Каярахпа сырһә саввисем әстән, чун аталанавөн сулне-йөрне, ун варттанләхөн чаршавне майөпен усса пырассө. Поэт вара хўтлөхсөр тәрса юлһә пекех туйһанат. Ара, чунра мөн пуррине йәлтах сын сине кәларатән-ске! Анчах чәнләхсәр, таса шухәш-туйһмсәр поэзи сук. Ватәласпа сын сәмрәкләх сыләхөсене те киленсе, әшшән аса илет тессө. Лайәх аса-илў, паллах, кун-сула тәсать. Чуна усса кевөленө савә вулаканән чун хөлөхне тивсе пөр евөр кевө суратать.

*Илеме юратса, кусәмсем тәранман-ха, —
тавссийөм.*

*Ав епле, юрә сырһән, умрах юхса иртрө пике...
Куш хупанкә синчи синсе пилөклө манән савнийөм
Куш хупсан та ўкмерө — көтет тахсанхи симөке.*

Никама пәхәнман вәхәт иртет те иртет, сөнөрен те сөнө тупра пухса пурһәс лавне малаллах туртма хистет. Юхан шыври кимө пек пөр вырһнта тәрсан та кая юлатән. Хәй вәхәтөнче тәнчипе паллә чөлхөсө тюрколог М. Федотов профессор Н. Исмуков кёнекисене тишкернө май әна «Сөнөлөх шыракан поэт» тенөччө. «Хыпарта» пичетленнө статгы те сав ятләччө унән

(«Хыпар». 1997. № 2). Чăнах та, Н. Исмукон поэт асталăхне кенекерен кенекене ўстерсех пычĕ, чăваш поэзине «сĕнĕ сывлăш» (Ю. Айдаш. «Хыпар», 1998, № 17) кĕртекеннисенчен пĕри пулчĕ. Поэзире тарăн шухăшпа чунлăх сителĕклĕ, анчах виçеллĕ пулмалла тет вăл.

*Поэзи вайĕ пурнăсна пĕр тан-тăр:
Чул шăтарса тухан ўсентăран
Сăмсийĕ евĕр пĕр сăнар тупан та
Ун умĕнче айтан кайса тăран.*

*Апла пĕтмен иккен-ха ман мехелĕм,
Антив, кашни кун мар та, хушăран
Асчах асмалăх, сăваç кевĕçмелĕх
Çĕн сăнарпа танлаштару шырам.*

Куратпăр ĕнтĕ, ун сăввисенче чылай чухне калас текен шухăш пĕр строфана ырнасаць, сав вăхăтрах састашĕсем (рифмисем) тулли те ырнасуллă. А. Методьев (А. Аксар), сăваç тата критик, Н. Исмукова ытти чăваш поэчĕсен пултарулăхне пăхса тухнă май апа «танлаштару асти» тенĕчĕ. «Ку енĕпе хальхи чăваш поэчĕсенчен апа ситекенни сук та пулĕ». (Сантăр Аксар. Тенче пуриншĕн те пĕрре. Шупашкар, 2005 ç. 220 с.). Ку вăл чăнах та сапла.

Николай Исмуков философи докторĕ пулсан та сăвви-поэмисене халăха апланмалла, ансат чĕлхепе сырать, чăваш поэзийĕн традицине тытса пырать. В. Эктель талантлă писатель, поэт тата критик сапла сырнăчĕ: «Философская лирика Н. Исмукова лишена как трюкачества формы, словесный вычурности, так и тяжеловесности, излишней умудренности. Она проста как путеводный посох странника... В этом смысле он продолжатель традиционных форм чувашской поэзии. Если Г. Айги более известен как разрушитель, “разорвавший цепь” (по выражению А. Хузангая) народности и традиции, то Н. Исмуков является именно одним из зве-

ньев этого серебряного ожерелья» (В. Эктель. «Пойду с открытым сердцем я в народ». Советская Чувашия. 1998. 3 марта). Г. Айги пек сырас тесе асапланакансем халь смахал мар. Шеллемелле вёсене. Сын вилсен Турă ун-ран лере «мёншён эсё урăх сын пулмарăн» тесе мар, «мёншён эсё хăван пек юлмарăн» тесе ыйтать тет. Чăваш пулса суралнаскер чăваш пулсах юласчĕ, чĕкеç чĕлхи-пех калаçасчĕ.

Н. Исмуковăн литературăри пултарулах услахе анла — суртанталак, тăван ен, юрату сёммисенчен пусласа Сёршывăмарăн, халахамарăн шапи, малашнехи кун-сулĕ таранах. Кашни савви ытахальтен сырни мар, саванса е хурланса, чунне парса хайланаскер. Пёр савăпах халахамарăн чĕрĕлĕх хăватне, кун-сулне санласа пама пултарать. Йăмра — чăвашсен символĕ. Кĕвĕç кĕлмĕçсемпе турккес тиекесем апа тĕпреп касса антарчĕс те тураттисене тапта-тапта пытарчĕс. О, суртанталак ыркăмаллахе, тенче тĕрĕслĕхе!

*Тапта-тапта пытарнă турата
Эс чĕрĕлĕх вайне паратан та
Каллех сĕклетĕн пĕлĕте сити.*

Николай Осипов, филологи аслахлахĕн кандидачĕ, пултарулла та анла курăмла шухашлавçă «Лаштра йăмра» пирки уйрăм тишкеру ёсĕ сырчĕ («Тăван Атăл», 2014 ç., 2 №), Ринат Харис хайлавёсене пăхса тухна май апа самаях аслалатрĕ («Тăван Атăл», 2015 ç., 7 №).

Чăваш халахĕн ытарайми чĕлхи, историлле шапи пирки акă еплерех пашарханса сырать вал «Кăвайт умёнче» ятла чылай пысăк савăра:

.....
*Аста ирĕке савнă халахам манан?
Аста Атăл урла куç ывăтнă сын?
Ыр аймăсăсен йăлине те йăлт маннă
Куккук кун-сулна шутла авăтнă-шим?..*

*Ашта сымёкри чăвашла юрă-кĕвĕ?
Саркайăк ашта саванмашкăн анать?
Пуç уснă ыйту паллисен уйĕ евĕр
Шур çўçлĕ кăлкан çеç ўксе хумханать.*

.....
*Мённе саманташăм, тўрре тухăн эсĕ?
Хăравçă салтак сапăсу хирĕнчен
Тарса ўкнĕ пек пурăнса пĕтермесĕр
Тухассăн историн сурма çулĕнчен.*

Пирĕн халăхăн историйĕ тĕрлĕ пăтăрмахсăр пулман, шапах та вăл паян куна тĕрĕс-тĕкелех ситнĕ, хайĕн культурина май килнĕ таран упраса хăварма мехел ситернĕ. Малашĕ мёнле килĕ-ши тўсемлĕ йышăмăрăн?

*Чун юхăмĕ пулса хускалнă сил
Уçса пăхать çака сулçисене:
Мён каласа ытарлăн çырнă-ши
Чăваш шайи пирки вĕсем çине?*

Чĕлхемĕре пăсма парас марччĕ, ун техĕмне упраса хăварасчĕ. Вăл пĕтсен — поэтшăн пурнăç тупсăмĕ, тĕллевĕ сухалать.

Юлашки сулсенче пирĕн поэзи йăвашланса пынине йышăнасах пулат. П. Хузангай, Я. Ухсай тапхăрĕ хыçсăн Ю. Айдаш, Н. Теветкел, Ю. Семенгер, П. Афанасьев, В. Энтип вăхăчĕ ситрĕ, кăшт каярахпа Н. Исмуков килчĕ. Вĕсен шайĕнчи поэтсем халь пурлăхшăн «сунаçсĕ», тăванлăх пĕтсе пырат, вырăса тухаçсĕ, чунлăх чурăсланать. Сăвă вулакан сын сайра. Поэзи катертленсе пыни чунлăх пĕтсе пынине пĕлтерет ахăр. Ситменнине тата тăван чĕлхене вĕренес, малалла аталантарас вырăнне апа патшалăх шайĕнче постановлени йышăнса юрăхсăра кăларасçĕ. Вольтер сăмахне илсе кăтаргасшăн эпĕ сире. «Тĕнчерĕ тĕп чĕлхесене ултă сул хушшинче аша хывма пулат, анчах тăван чĕлхене мён ёмĕр тăршшĕпех вĕренмелле» — тенĕччĕ пулас вăл. Н. Исмуков сăвви-

поэмисене сеш мар философи ыйтӓвӓсене те чӓн чӓваш-ла ӓнлантарса пама пултарчӓ. («Ялав», 1992, 10 №; 1993, 4 №; 1993, 6 №). Апла пулсан пирӓн чӓлхемӓрӓн пуян-лӓхӓ, хевти вышкайсӓр пысӓк. Сӓл шывӓ ирӓклӓ юхтӓр тесен, ӓна ан чӓрмантар, ан пӓтрат.

II.

«Венцом поэзии, как по силе впечатления, так и по трудности выполнения надо считать трагедию, чем её и признают... Трагедия есть вершина поэтического творчества». А. Шопенгауэр сеш мар ытти чылай ӓсчахсем, поэтсем сӓпла ӓненернӓ. Н. Исмуков кӓнекисен иккӓмӓш томӓнче — «Ахӓрсамана» сӓвӓлла трагеди.

Ӕс-пус Чӓвашра тата Сӓпӓрте пулса иртет. Тӓп геройсен сӓнарӓсене чӓн пурнӓсран илнӓ: Услей Исков («иск» сӓмахран, явап тытгармалла) — национализм ярлӓкне сӓкса янӓ поэт; Таниле Тынов («тынӓ» сӓмахран, вырӓсла «свидетель») — Кузнецов, вӓл ӓстешӓсене айӓпланӓ чух свидетельте нумай сӓуренӓ; Сахӓя Августина Ярмужевна — Сахӓянова М.М., Атӓл тӓрӓхӓнче репресси пуслаканӓ, вӓл хушнипе 1937-мӓш сӓлта кӓна 2500 сӓынна тӓрмене хупнӓ, 455 сӓынна персе вӓлернӓ; Кӓверки Гаврилов — пӓтӓмӓшле сӓнар (Сидоров учитель, Гаврилов милиционер, Яковлев партком сӓынни); Сутов — Шитов, НКВД Чӓваш уйрӓмӓн пуслӓхӓ. Ӕна Розанов хысӓӓн уголовнӓй ӓссене суялӓхпа сӓирӓплетнӓшӓн персе пӓрахнӓ; т.ыт.те. Хайлав чӓнлӓхран аякка ан тухтӓр тесе тӓрлӓ архив докуменчӓсемпе усӓ курнӓ.

Мӓнле самана кӓтет пире малашне? Мӓнле улшӓнусем пулса иртнӓ патшалӓх тытӓмӓнче. Поэт-писательсене «хисеплеме» пӓрахман-и власра ларакансем? Асӓннӓ кӓнекере «Ахӓрсамана» хысӓсӓмахӓ вырӓнне «Ялавра» (1991 с., 5 №) пичетленнӓ «Хӓрушсӓрлӓхсӓр хӓрушӓ мар-и?» диалога вырнастарнӓ. Унта автор 1991-мӓш сӓлта Чӓваш АССР КГБ председателӓпе Валерий Ямпольс-

кий генералпа калаҫнине ҫырса кәтартнә. Мён пытарса тәмалли пур? КГБ тесен пирён асәмра 37-меш ҫул тухса тәрать. Тухса тәрать те тәпах чаранать, вәхәт унтанпа нимён чухлө те шуман тейен. Унан паянхи ёҫне-хөлне, мён пёлнө таран, ҫав ҫулсен шайёпе виҫместпёр-и эфир? Мён улшәннә унтанпа, мёне пәрахәҫланә, мён ҫенни пур, демократи сывләшө мён чухлө те пулсан уҫалтарнә-и пүлёмсене тата ытти ыйтусемпе уҫҫән, ирөклөн, ҫивөччөн, хәрәмасәр пынә калаҫава кәсәкланса вулатән.

Репресси вәхәтне Услей Исков поэт шәпи урлә кәтартса панә. Малтан вәл парти хушнипе калхуссем йөркеленө ёҫе хастар хутшәннә, кулаксене «кәкланә», «ҫутә пуласләх» рупорө пулнә. Каярах, репресси пусләхне чәтнә май, ун шухәшө тәпрен улшәнать.

Пулнә-ши вәл этемлөх историйенче синкерсөр, ләпкә самана? Кәвак хуппи уҫалнә саманта кам курса ёлкөрнө-ши? Көвөҫүлөх, курайманләх, тытәҫу, ҫапәҫу, вәрҫә — ҫаксенчен тәрать-шим истори текенни?.. Анчах ҫынсене сыхласа упракан тәнәҫләх саманчө те пулмалла, унсәрән тәнчен хайне хай тытса тәрасләхө пөтет. Ку — ёмөрхи хирөҫтәрури вәхәтләх килөштерү.

«Ахәрсамана» хайлав услам ҫу пек ҫемҫе, хөвеллө те ирөклө, саванәҫлә вәхәтра — ҫимөкре пуҫланать.

*Тәм тирөк пек ҫавра уҫланкәна
Хөвел сар ҫу пек ҫаврәнса үксен
Питне ҫавать ҫырла яри куна.*

Мөншөн яланах ҫавән пек килөштерсе пурәнмалла мар этемлөхөн, мён ҫитмест әна ҫак ҫөр ҫинче. Ырри курәмлә, ҫиелтех, әна шырама та кирлө мар. Усал вара вил ҫеленө пулса тәрук явәнса тухать. Төнче пуҫланнә-ранпах ҫапла пулнә, халө те ҫаплах. Ҫутҫанталәка та Турра та айәпламалли ҫук — пурте хамәртан килет. Төнчи пиртен уйрәличчен этемлөх хай уйрәлө төнчерен. Урәхла пурәнма пултараймастпәр эфир: кашни ҫыннан хайөн төллевө, меслечө, көвелөкө, хапсәнчәкө, көвөҫлөхө. Әна

яланах мён те пулсан җитмест. Җавах малалла утма хистет, җавах — пётерет. Пёр сәмахпа төвөлесе каласан «Ах-әрсамана» идея, төрөсрех, идеологи трагедийё, лирик-әлла геройсен синкерлөхө урла сәнласа панә этемлөхөн пёрпөтөмөшле трагедийё. Этемлөх әса кәрсе пынә май пёртанләх, килөшүлөх, саванәҗ никөсө җинче танәҗлә та телейлө пурнәҗ тәвасшән пулнә. Т. Мор, Т. Кампанелла җырса катартичченех, Марксапа Энгельс вөсен төп шухәшне наукалла әнлантарса-аталантарса паричченех. Н. Исмуков коммунизм идейине Киремет йывәҗҗипе танлаштарать. Чәваш җыннишөн, ытти халәхсемпе танлаштарсан Киремет усал та ыра та, анчах нумайрах чухне ыра пулнә. Вәл җын җыләхөсене, чир-чөрөсене, юхан-шәтанөсене хәй җине илсе, вөсене җәлса пынә. Җыләхсем пухәнса җитсен Киремете (вөрене е юман йывәҗҗине) хура аса җапса тасатнә, анчах вәл аманса, чөрмекленсе, кукар-макар пулса юлнә. Коммунизм идейи Киремет йывәҗҗи пекех, малтан таса та илөртүллө пулнәскер, влаҗ йәнәшөсене, җыләхөсене пула хәйөн туртәмләхне катертсе пынә. Паян кун вара унран тунката вырәнө җөҗ юлнә. Автор шучөпе кулаксене пөтерни, 37-мөш җулсен репрессийё коммунизм идейине пурнәҗа көртөс вырәнне әна төпренех амантса хәварнә.

*Әй, Киремет-идея, сан җине
Мён чухлө җакнә пуш сәмах-парне!
Йөркөсөр ирөкре те, төрмере те
Янрать вәл халь мухтав юрри пулса,
Янрать, янрать ыраттарса пуҗа.
Асав шәләсене өрет-өретөн
Кәларнә Кремль.*

*Киремет енне
Сулпуҗ җөкленө хәрәк аллине.*

Малашне, җутә пуласләха өненме пәрахсан, импери саланат! Парти җыннисем, хура пусмапа җөле хәпарнәскерсем, какай туранә пек, татәкән-татәкән уйәраҗҗө әна.

Тёнче историйёнче эпир генилле икё сутанчака пёлет-пёр. Иуда тата Горбачёв.

Нумай хайлавсенче, уйрамах классикара, мён пуласи вулама пусласанах палла: ак ку герой-йёксёк, ку — «положительнай», вара малалла вулас камал та пётет. Н. Исмуков лирикалла геройсен кунне-сулне малтанах палартса хумасть, самани улшанна май вёсен шухаш-камалё те улшанать. Акя, самахран, Исков Вафлей хяруша активистран «калхус вал сынна саратмалли ушкан» текен шухаш патне килсе тухать. Лисук, Симёк ваййинче Услеё кёвёссе-вёчёрхенсе тараканскер, совет лагерёнче а́на нима пахмасар, тёнчене манса, сунса каймалла юратса парахать. Хёрарамсен шалти туйамне, хайне евёр камал-сипетне питё витемлё, ёненмелле сырса катартначчё Л. Бахмисова поэтесса, хайён уйрам кёнекепе каларна тёпчев ёсёнче. НКВД асла следовательне «сута пуласлах сёршывне таса алапа тавас» ёметлёскерне «Хёрлё кустарма» таптаса каять. Епле ёнентеру́ллё сырса катартать автор парти тата НКВД ёс меслетне, икёпитлёхне, хярушлахне. Кунта Шаламован, Волкован, Солженицинан витемё паларать, сав вахатрах Шалти Ёсен чаваш уйрамёнчи хаш-пёр документсемпе паллашни те сисёнет. Ытла та ёнентеру́ллё-ске геройсен ёс меслечёсем, самахёсем, хатланкаларашёсем! Партком тылли витер тухман-ши поэт тесе те шухашлатан тепёр чух. Лаша пусла Сахья Ярмажевна, селекине юхтарса ларакан хура тутла партком секретарё, ула сысна сан питлё, хёсёк кусла Гаврилов милиционер, кунтак пус Сидоров — вёсене урамра курас пулсан тўрех палласа илетён. Унччен «тарашса ёсленёшён» пенси ўстерсе парассине кётефсё вёсем.

Трагедия иккёмёш пайёнче ёс-пус Магаданри лагерьте пулса иртет. Автор кунта сюжета хиврелетет. Н. Исмуков малалла мён сырать-ха тесе кётместён, малалла мён пулать-ха тесе поэт сырна хайлав сёс иккенне манса каятан. Пус янисен таса юратавё, лагерь

хуҗисен тискерлѣхѣ, тарма хӑтланни, җамрӑк сӑвӑҗа йӑнӑшпа, каҗсерен җӑхав җырать тесе, пӑвса вӑлерни, хутла пӑлмен Йӑван хӑйне йывӑҗ җапсан вилес чух пачӑшкӑ умӑнче җылӑхне каҗарттарни тата ытти те пӑр җыхӑра тӑвӑленсе пыраҗҗӑ. Ғапах та җак пӑтӑрмахра чуна пырса тивмелли, җамрӑка та ватта та каҗӑклантараканни — Услейпе Лисук тӑлпулӑвӑ, вӑсен юратӑвӑ. Тем пек каласа парӑттӑм ӑна, анчах таса та пысӑк юратӑва хӑв җӑтса курмасӑр, хӑв вуласа тухмасӑр ӑнланаймӑн та, ӑнлантараймӑн та... Ӑна вӑсем нумай җул каялла Ғимӑк вӑййисенче пулӑскерсем, халь лагерь пульниҗинче тӑл пулаҗҗӑ. Пӑри — ирӑклӑ җын, тухтӑр, тепри — пуҗ янӑ «доходягӑ». Услей арӑмӑ тепре качча кайнине Лисук пӑлет, анчах «сӑмах манран ан тухтӑр» тесе каламасть. Уйрӑлу саманчӑ җитет.

*«Паллах, паллах... Кала кӑна мана,
Вӑҗеймесен — упаленсе җитетӑн», —*

тет Лисук тӑван җӑршывне таврӑнакан Услее. Унта мӑн кӑтет ӑна? Йӑри-тавра паллӑмарлӑх, синкерлӑх, синкерлӑх...Акӑ поэт савнӑ Шупашкарта. Ёҗтешӑсем-юлташӑсем унпа каласма та шикленеҗҗӑ — ара, нимӑн те улшӑнман-җке! Вӑрӑм Ваҗҗа, Кӑткӑ упи, Кукар пӑшал, Лекҗӑ — җавсемех хуҗаланаҗҗӑ культура кӑрекинче. Услей арӑмӑ хӑрачине тӑван җӑлхине те вӑрентмен иккен. Чӑваш поӑҗӑшӑн ку иртмелле мар трагеди. Чӑнах та, чӑваш халӑхӑ хӑй җӑлхине манса пырать пулсан камшӑн, мӑншӑн җырмалла пирӑн?! Пӑр синкерлӑх хыҗҗӑн тепри тухса пырать, вӑҗӑ-хӑрри пулать-и вӑсен, е җапла пухӑнса-купаланса пӑр Аслӑ Ғухату патне җитетпӑр... Лавӑ тулнӑ ӑнтӑ, ӑна малалла туртма Услейӑн вӑй-халӑ те пӑтнӑ, җӑри те хавшаса җитнӑ. Киремет патӑнче вилет поэт. Киремете парне пани мар-и ку? Паян җуҗкунӑ — Ғимӑк кунӑ-җке. Кӑнтӑрла иртсен аслатиллӑ шалкӑм җумӑр юхтарса җӑвӑ те Киремет йывӑҗҗине каллах хура аҗа җапӑ. Ғавӑнпа вӑҗленет сӑвӑлла трагеди.

*Вылять иккен тёнче. Върман енче
Чӓнар куккук чарусӓр авӓтӓть,
Пӓр каҗӓхса каять, пӓр такӓнать.*

*Ку-ку, ку-ку! Пӓр җывӓх пӓр инҗе
Саккӓрланать те сасӓ мал енче —
Җук, татӓк ахрӓм мар, кун тӓкӓнать.*

Василий Эктель, Н. Исмуков пултарулахне тишке-рекенскер, җапла тӓв тӓвать: «Николай Исмуковӓн «Ахӓрсамани» чӓваш литературинче чи паллӓ трагедисенчен пӓри шутланать. Социаллӓ пӓлтерӓшӓпе ытти поэт хайлавӓсенчен чылай ирттерет. Эпир ӓна халиччен те тӓплӓн хак параймарӓмӓр-ха, философилле пӓлтерӓшне ӓнланса җитереймерӓмӓр-ха». (В. Эктель.)

III.

Виҗҗемӓш томри хайлавсенчен уйрӓмах «Митта» поэмӓна, «Чул җинчи җырусем» тата «Ятран җырнӓ сӓвӓсем» ярӓмсене палӓртас пулать.

Чӓваш поэзийӓшӓн Митта кун-җулӓ нихӓҗан та пирчемен суран.

*Куплет-куплетӓн сӓввӓм манӓн
Шур юр җине чӓр юн тумланӓн
Пӓчӓртанса тухать чунран.
... Вилсен те сурӓ ман суран.*

«У поэтов нет биографии, а есть судьба» тенӓ А. Блок. Митта йӓхӓнчи талантлӓ пӓртӓвансем юррисене юрласа пӓтереймен: Иллепе Коля вӓрҗӓра вилнӓ, Петӓр 1942 җулта Совет тӓрминче вилнӓ, Ваҗлейӓ 17 җул Совет лагерӓсенче ларса тухнӓ хыҗҗӓн нумаях пурӓнайман. Биографи текенни җакӓнпа пӓтнӓ, шӓпа текенни паян кунччен те хӓвалать вӓсене.

Н. Исмуков «Митта» поэмӓра хӓйӓн чаплӓ янташне иккӓмӓш пурнӓҗ пама кирлӓ, тивӓслӓ форма тупнӓ,

Митта Ваҗлейён сәмахсаврәнәшәсене, виҗине кәртсе яни те кунта ыраңлә. Пёрремеш монолгри «Ҷәспәл Мишши» сәвәри строфасене пәтәмпех усә курни те чух — Ҷаканта поэтсен әмәрхи Ҷыхәнәвә, ахрәмә, элчеллә шәпи. «Шухәшәм сыпәкри тәватийәркесем — а-а-б-а рифмәллә чән-чән ТухәҶ рубаисем, әсләләх әнчисем «афоризмсем» (Василий Эктель. Ман пурнәҶәм — юррәмсенче. «Тәван Атәл», 1992, № 3).

Поэма икә пайран тәрәтә: «Кәмәләм», «Шухәшәм». Митта Ваҗлейён кәнеки Ҷавән ятләччә. Элек туссе курнә, тәрме мәшкәлне чәтнә поэт, «тәкме Ҷапнә хыҶ-Ҷән папка янә пек» тепәр хут йәл илет.

*Ҷулса пәрахнә АрануҶ Ҷаранә
Каю шәтса тек үсмә терәҶ-ши?
Пёр таптасассән хуйәх тамерланә
ПуҶа текех Ҷәклеймә терәҶ-ши?*

Поэтән «хәнпе хәрсе туптаннә сасси каллех ян хурҶә пек тасан янәрама» пуҶлатә, килес куна ыталаса илет, тәрәсләх Ҷиеле тухасса шанатә. «Анчах мана камах тавәрса парә // Ҷамрәкләха, Ҷухатнә сывләха?!»

Пулни-иртни Ҷине Ҷырлахуллә кәмәлпа пәхар та малаш куна мал әмәтпе пурнар тет лирикәлла герой.

*Ан чактәр чәвашла ыр тараватләх,
Ан сунтёр шәкәл-шәкәл каләҶу.
Ҷапла килсәссән асилүллә ватләх,
Кун-Ҷуләма ылханмалли те Ҷук.*

«Василий Егорович Ҷәр Ҷултан та иртрә, анчах пуҶа ыраттарса шухәшласан та Ҷәр Ҷулхи Миттана куҶ умне илсе килейместәп, вәл яланах 49-та. Акә манән әҶ сәтелә Ҷинчи сәнүкерчәккре те Митта Ваҗлейә кәрнеклә, вәйпитти. Кәшт хәсерех пәхнә тунсәхләрах куҶәсенче сәпайләх, тӯркәмәлләх, чәтәмләх, чунләх — митталәх» Ҷыратә Н. Исмуков поэма умсәмахәнче.

Иккәмеш монолгра 49 Ҷул ячәпе 49 Ҷавра — хәрәх

тăхăр тĕрлĕ шухăш. Мĕнле хăтăлмалла саманан тунтер саманчĕсенчен, элекçĕсемпе сутанчăксенчен, тискер чунла йĕксĕксенчен? Таса чунпа, ыра кăмалпа пуранса ирттерме мехелĕмĕр çитеймĕст-шим пире?

*Епле ан пултăр чунлăх чунсенче?!
Епле ан пултăр çынлăх çынсенче?!
Эп çаксене текех ёненмесессĕн,
Ман пурăнни те усăр çĕр çинче.*

Пирĕн лирикăлла герой мĕн чухлĕ хура-шур курсан та, ёçтешĕсем сутсан та пурпĕрех тĕрĕслĕхе, чанлăха ёненме пăрахмасть. Анчах:

*... Мăн Атăл хĕрринче шур Шупашкарăн
Пур пульница, чиркў тата тĕрме.*

Сыхă тăр. Эпир вилсен те тĕнче çаплипех хăрушă юлать.

Митта Ваçлейĕн ыранĕ Константин Иванов, Çĕçпĕл Мишши, Петĕр Хусанкай ёретĕнче. Вĕсемпе вăл сума-сумăн ларса пĕр чĕлхе тупса калаçма-тупăшма пултарать: ун поэзийĕнче К. Ивановăн чăн чăвашла, сыпăçуллă та ирĕк чĕлхи, Çĕçпĕлĕн хĕрўллĕхĕ, Хусанкайăн пуянлăхĕ. Анчах Митта никам пек те мар, хай пек çех, — унăн хайĕн сăн-сăпачĕ, çепĕслĕхĕ, хĕрўлĕхĕ, хĕрхўлĕхĕ. Сăвви-юррин пĕр йĕркине илтсен те, «Ку — Митта» тетĕн. Поэмăна автор юриех Митта сăмах-çаврăнăшĕпе, хĕрўлĕхĕпе, хĕрхўлĕхĕпе витĕм кўрет. Талантлă поэт çинчен сырма талант кирлех, унсăрăн ун хакне йўнетĕн. Н. Исмуков хайĕн ентешĕпе мухтанать, унăн пăханманлăхĕ умĕнче пуç таять. Чунран сырнă сăвă чуна пырса тивет.

*Ан макăр татăлса эс, ырсуна,
Митта ўксен те тăнă, хăв куран.
Çапăçура, вут-çулăмра çуна
Салтак ўтне илемлетет суран.*

*Тәхта эс, саванмашкән, чөртәйшман,
Иккен Митта үкме те шутламан.
Чап-хисепе чунне сутса илмен
Чән-чән поэт вилсессән те вилмен.*

«Чул синчи сырусем» ярәмран «Кефаратпа кәтүсә» тата «Эмпедокл ывалә Эмпед синчсен хунә юрә» савәсене уйрәмах паләртас килет. Ташта-ташта, тахсан-тахсан янәранә сасә паян куна ахрам пулса сапанать. Авалхи синсен шухәш-туйәмә, кевәсләхә, курайманләхә хальхи саманара та хушаланать иккен. Влашпа пурләх малти вывранта, чунпа әс пуянләхә хисепре мар. Ырә кәмәл мар, ылтән-кәмәл хушаланать.

*Агат тәва лексе ак тухрә Кефарат,
Ялав нек хумханать паттис уртмахә.
Тин сапнә чәкәт нек шур урхмахә
Пусмассерен хысра сут сәлтәр хәварать,
Кәвак силхи синче сил кәмәл сәвәрать.*

Кефарат, патшасен патши, хәйне мухтавлә юрәс тесе шутлаканскер, кәтүсә юррине илтет те хәраса үкет: тәнчере әна пәхәнман вәй та пур-и.

*Анчах әшта шәхлич хуши — кәтүсә?
Матери текенни халь ёнтә сук пачах,
Йәри-таврәләхра шәхлич сасси анчах.*

Кефарат чурисем кәтүсә тәват пая пайлашсә.

*Анчах та юррине әшта чиксе хурас?
Тытма та сук әна, тытсан — касма та,
Вәл, сывләш евәр, сәрхәннә чула та.
Сәлкус вылявәнче шәнкәртатать сав сас,
Пират та халь әна ёнәрлеме хавас.*

Ылханлә Каинсен ырхан мәнукәсем историн хура хәми сине сырәнса юләс, кәтүсә юрри вара мәнпур таврәләха сәрхәнса ёмәрләх упранса юлә.

Саккярланать те ахрәм паянхи самана сыранне пырса шапать. Ёлѣкхи грек историйѣ урѣхла тумланса тусем те ѣмѣрсем урлѣ каҫса пирѣн пата ҫитет. Чѣнах та, истори пире нимех те вѣрентеймест, унчченхи каҫармалла мар йѣнѣшсене тепѣр хут тѣватпѣр. Демократи пулнѣ-ши вѣл этемлѣх историйѣнче, анчах тирания текенни яланах пулнѣ. Акѣ Сталин саманинех илер: мѣн чухлѣ ҫын пурнѣҫне чѣмланѣ вѣл! Аҫ-тѣнлѣ та мух-тавлѣ грек йѣхѣнче те патша-тирансем пулман мар.

Мѣншѣн ҫав синкерлѣ вѣхѣта куҫ умне кѣларса тиран тымарне ҫийѣнчех кѣкламалла мар?!

*Вѣтѣрҫиччѣмѣш ҫул ҫитиччен, саманташ,
Мѣн-ма ҫаврѣнса килеймен ҫак састаш?*

Пулса ҫитнѣ сѣвѣсем теес килет виҫсѣмѣш томри хайлавсене. Капашѣпе шухѣш-туйѣмѣ килѣшѣллѣ, састашсѣсем кѣтмен ҫѣртен пѣр пек янѣраҫсѣ. Ҫамѣллѣн вуланаҫсѣ сѣвѣ йѣркисем. Араснах «Каҫхи Атѣл» тата «Бельдиана» ярѣмѣсем илѣртеҫсѣ.

Акѣ поэт хумсем ҫапса кѣларнѣ тунката ҫинче ларать, «шѣпѣлтетен хумсем мѣсѣльмансен сѣпай арѣмѣсем пек ман урана ҫаваҫсѣ, ҫунѣҫем каялла чакаҫсѣ, — ѣрехмет, исянмѣ». Канѣҫлѣ туйтѣн хѣвна. Тѣван Атѣл хѣрринче те, Вѣтаҫѣр тинѣсѣ патѣнче те илемлѣ, кѣтмен-туман танлаштарусем, ѣкерчѣксем тупать поэт. Лутрарах туйѣсемлѣ тусем хырѣнман турккѣ евѣр ура хуҫса лараҫсѣ, «Сенкер-сенкер тѣпе, июнлѣ сывлѣш Сѣпка ачи сывланѣ пек таса». Чѣнах та, «тѣнче илемѣ такама та ҫитѣ, пин ҫын пѣхса тѣрсан та иксѣлмест». Туркѣ йѣхѣнчен тухнѣ Исмаѣль тѣхѣмѣ кунти ҫыр-шыв илемѣпе савѣнма пѣлет.

*Манаймастѣн, епле-ха манайѣн
Исмаѣль савнѣ симѣс тѣсе!
Авѣк-авѣклѣ тѣрѣ — ѣна эп
Чечекри йѣтпыршийѣ тесе.*

*Раççее хăратса тăнă Турци
Тарават халь пире питĕ те:
Арăма ак пĕр çыхă настурци,
Ман валли — чăнкăрах тубетей.*

*Тен, манра турккă юнĕ те пур-тăр,
Тен, ку аскăнчăк туйăм кăна? —
Чăвашла кĕтесле çыхнă тутăр
Чĕлт кăна чĕрсе илчĕ чуна...*

IV.

Тăваттамĕш томĕнче автор тăватийĕркеллĕ сăввисене вырнаçтарнă. Вĕсене Тухăс поэзийĕнче «рубаи» теççĕ. В. Родионов профессор «Николай Исмуков поэзийĕн пĕр уйрăмлăхĕ» статъинче çапла палăртнăчĕ: «Çавă уйрăмлăх вăл — савăç хайлавĕсенчи поэзипе философи пĕрлĕхĕ. Чăваш сĕршывĕ ку енĕпе ăнăслă çĕре Анăçпа Тухăс чиккинче вырнаçнă».

*Тухăçра, пĕлетĕп, çăлтăрсем те шухă,
Анăçра, пĕлместĕп, темĕншĕн салху кăшт.
Те хирĕçтăру ку, те ку килĕшÿ? —
Тухăс вăл ўкерчĕк,
Анăç — анлă шухăш.*

Чăваш халăх поэтĕ Юрий Сементер çапла палăртать Н. Исмуков поэзийĕн хайевĕрлĕхне: «В чувашской литературе Н. Исмуков проявил себя как мастер во многих видах творчества, но особой образной выразительности, поэтической прозорливости и философской мудрости достиг в четверостишиях, которые мы по восточному называем «рубаи» (Звезды в кладезе. Чебоксары, 2012. С. 10). М. Федотов, В. Родионов, Ю. Артемьев профессорсем, В. Эктел, С. Аксар, А. Смолин, Г. Желтухин, В. Кервен, Н. Теветкел, И. Чермаков, О. Сатур, И. Иванов, Л. Бахмисова, Л. Сачкова, И. Софронова

тата ыгти писатель-поэтсем, критиксем Н. Исмукован литературари пултарулахне тивещлӧ хак парасщӧ.

«Сынни хай мӧнлерех, унан самахӧсем те ҫапла-рах, — теҫщӧ халахра. Вӧл веҫех ал тупанӧ ҫинчи пек: улап кӧлеткеллӧ, кервен шӧм-шакла, ас-танӧпе хитре, чун-чӧреллӧ те сапайла, самахӧсем те хайне евӧр кӧске... Кӧске самах чӧнах та талант палли пулӧ ҫав» (Г. Желтухин. «Таван Атӧл». № 5. С. 92).

Н. Исмуков хайӧн таватӧйркисенче этемлӧхӧн татса татӧлми ыйтӧвӧсене хускатать, хуравӧсене ыгарлан та вӧлтса парать. Мӧн вӧл пурнӧҫ? Тӧллевӧ, тупсамӧ аҫта унан? Ансӧртлахран пулса кайнӧ-и вӧл, е эволюци ата-ланӧвӧ йӧркеленӧ аҫна?

Унччен, тахҫан авал, мӧн асаттесем те ҫураличчен, нихӧҫан та пулман-ҫке эфир тӧнчере, вилсе ыртсан каллех нихӧҫан та пулмастпӧр. Ҫук пулна — Ҫук пулатпӧр. Апла А. Шопенгауэр калашле, ҫуралманни лайӧхрах тен? Анчах эфир ку тӧнчене хамӧр ирӧкпе килмен, хамӧр ирӧкпе те каяс ҫук.

*Те ҫакӧ тӧнчене килнийӧ лайӧх,
Те килменнийӧ лайӧх — кам пӧлет...
Шалча ҫинче юрлать пӧр хӧмлакайӧк:
«Ан шухӧшла — санран килмест ку» — тет.*

Индуссем ҫемйере ача ҫуралсан — йӧреҫщӧ (тӧнче инкекӧ ун ҫине тиенет-ҫке), ҫын вилсен куҫсулӧ тӧкмаҫщӧ, савӧнаҫщӧ — ҫыннан пӧтӧм хуйхи-суйхи пӧттӧр теҫщӧ пуль.

.....
*Чӧтса курнисемне танлаштарсасӧн,
Мӧскер вӧл вилӧм! — ҫӧлӧнӧс кӧна.*

Ҫапах та ҫуралма пӧрнӧ пулсан, пурнӧҫ туту-масине пӧлсе пурӧнар, кун-суламӧр синкерлӧхрен кӧна тӧмасть, теплерен «кавак хуппи» те уҫалса хупӧнать.

Тӧнче тытамӧ, пурнӧҫ тупсамӧ — акӧ вӧл этемлӧхӧн веҫсӧр канӧҫсар шухӧшлавӧ. «Звездное небо надо

мнои и моральный закон во мне», — тенё нимёссен асла асчахё И. Кант. Паллах, сáлтáрлá тупене те этеплэх саккунне те хальхи наука тата самана шайёпе а́нлан-тарса парассё. Анчах тёнче тата мораль ыйтáвёсене каласа-вёрентсе пани пире сырлахтармасть. Наукáра фанатла ёслекенсем сук мар, сапах та наука сулсáсáр йывáс пек куса илёртеймест, чуна тивеймест, кáмáла тивёштереймест. Поэзи — ак аста вáл тёнче илемё.

Николай Исмуков поэзийёнче пётёмёшпе илсен, тунсáх кёввисем чылайрах. Поэт áна хáй те йышáнать:

*Тен, тёрёсех? — сáввáмсенче хальхассáн
Поэтáх, сáмáлтайлáх ситеймест.*

Сáлтавё мёнре-ши? Е пурнáс мёнпе вёсленнине туйса тáнинче, кашни япаларах унán вёсне-хёрне курса тáнинче. Е поэт кун-сулё тикёс килменнинче? А. Блок калашле, «у поэтов нет биографии, а есть судьба». Шáпа, паллах, хáй тёллён сýрекен япала, вáл тáтáшрах синкерлэх туйипе сýрет. Кашни сыннán хáйён шáпи тетпёр, апла сын вилсен, умах шáпа та сёре кёрет, анчах пёр пётёмёшле шáпа ку тёнчерех юлать... Ёлэкхи грек философё Платон каланине аса илтермест-и ку? Н. Исмуков философ ку ыйтáва поэт кусёле курать.

*Санрав та суккáр мён усал шáпа —
Ни каласма, ни укёте кёртме.
Тáваттáлла ташланá ташáпа
Ана эп пултараймáн илёртме.*

*Инкек сине синкек илсе килсе
Сив кёл сапсах тáрать ман пуç сине.
Элле пёлмест вáл, асáр, эп вилсен
Манна пёрлех сёре кёрессине?..*

Тёнче хáй кáна вилёмсёр, яланлáх, ун япалисем пурте хáй вáхáтёнче суралассё, аталанаçсё, ситёнеçсё, каярах вара хáйсен структурине, тытамне аркатаçсё,

сухатаҕҕё, вилеҕҕё. Вилёмсёрлөх въл хальхи вӕхӕтра анчах, иртсе кайнӕ тата пулас вӕхӕтра — ҕук. «Настоящее единственная форма реальной жизни» (А. Шопенгауэр). Вьльӕр-кулӕр, ташлӕр-юрлӕр — паян! «Нам нечего допытываться ни о прошлом до жизни, ни о будущем после смерти».

*Ыранхине ан хапсӕн — вӕл сан мар,
Ёнерхине ан асӕн — вӕл сан мар.
Юхан шывра хёвел ташланӕ евёр
Паян, тӕванӕм, савӕнса юлар.*

Н. Исмуков шучёпе хускатнӕ кӕткӕс ыйтусене поэзи шайёнче ҕеҕ аша илме пулать. Вуласа пӕхӕр-ха О. Хайямӕн тӕватӕйӕркисене: ёмёрхи ыйту-хуравсем чуна пырса тивеҕҕё, шухӕша яраҕҕё. «Пурнӕҕ — кун-сул — шапа — вилём» этемлөхён ёмёрхи ыйтӕвёсем, мёншён тесен этем вьльӕхран уйрӕлсанах вёсем ҕинчен шухӕшлама пусланӕ. Апла-и, капла-и — пурнӕҕ малаллах туртӕнма хистенё, савӕнтарнӕ, вилём — хӕратнӕ, вёсен хушшинче Вӕхӕт хуҕаланнӕ. Ғураличчен Вӕхӕт пулман саншӕн, вилсен — каллех Вӕхӕт витёмлөхне туймастпӕр.

*Эп пурӕннӕ чух манишӕн вилём пулмасть —
пӕх та кур,
Вилсесӕн вара эп туймастӕн аӕна —
пӕх та кур.
Апла вилёмпе тёл пулмастпӕр эфир
нихӕҕсан та?
Тавах лӕплантарнӕшӕн ман чунӕма,
Эпикур.*

Ахальтен мар ёлөкхи грексем вилёме улталамалли чеелөх тупнӕ. Е, чун канӕҕне тупас тесе, хамӕра хамӕр улталатпӕр?..

Ғамрӕк чухне, сывлӕх ҕӕлкуҕ пек тапса тӕнӕ чухне, вӕхӕт иртни сисёнмест. Ватӕласпа, ӕраснах ыйхӕ вёҕнө чух, сехет йёппи аран-аран куҕать. Анчах пёр-пёр курӕмлӕ

ёс пусласан кунсем кинори кадрсем пек вёлт те вёлт иртсе пырасçе. Апла кашни çыншăн вăхăт тени пёр хăвăртлăхпа иртмест иккен. Пурнăç ăнса пынă чухне пёр кун та пёр самант пек иртет, анчах хуйхă-суйхă пырса лексен, пёр кун та пёр султалак пек вăрах шавать.

*Эп вăхăта шурă пёлёт тесе ёненеттём,
Пуç тăрринчен шуса иртё те кайё тееттём.
Ах, шурă пёлётём — шур кăвакарчăн вёсевё,
Шух пуçăма шуратса иртрён те иртрён вёсевёç.*

Поэтла каланине мён ситтёр! Нумай пёлни те сынна ватăлтарать.

Тёлёнмелле тавçарулла çакă тёнче — мёнле тёрлө-тёрлө япаласене пёр тан тума ăс ситернө въл? Пёр пётёмешле япаласем уйрăм-уйрăм пайсенчен тăрасçе, вёсем пурте тёнче саккунёсене пăханаççе. Çапла вёрентет пире наука. Этемлөх те тёнчен пёр пайё пулсан ун саккунёсене пăхăнмалла пек. Анчах ăнсăртлăх, вырăсла каласан, «Его величество Случай» тёнче йёркисене арпаштарать.

*Йывăç ўсет ăшă сумăр çусан — ăнсăртран,
Йывăç ўкет урнă тавăл тухсан — ăнсăртран.
Мёншён питех хурланас куçам тăрук хупăнсассăн —
Пурнăç та килнө çак çут тёнчене — ăнсăртран.*

Ăнсăртлăхпа сүтçанталак саккунёсем пёр хирёçтăрура тăрасçе. Хăшө вайлăрах, хăшө сётнерет? Этемлөх ăнсăртран төвёленсе суралнă пулсан, вăхăт ситсен çавăн пекех ăнсăртран сўнмелле. Тавăру? Тёнче хайён йăнăшне тўрлетет апла? Анчах хирёçтăру саккунён йёркипе ăнсăртлăх пулмаллах, çав вёсçёр ылмашура ăс-тăнлă чёрчун каллах килмелле тёнчене. Çак кăткăс ыйтупа Н. Исмуковăн «Антропный космологический принцип в его физической и философской интерпретации» ятлă статьине те вауланăччө эпө. Вара çапла төв турăм: тёнче саккунёсемпе те, ăнсăртлăхөсемпе те сырлахас пулать.

Юлашки сълсенче аслалӑх кенекисем («Мудрости веков») кӑлара пусларӑҫ. Унта ӗлекрен пыракан «сунатлӑ сӑмахсем», афоризмсем пухнӑ. Н. Исмуков тӑватийӗркисенче те тӗлме тӗл килекен шухӑшсем сайра пулсан та курма пулать. Ӑна вӑл ҫак йӗркесемпе тӗрре кӑларать:

*Сут уйӑх айӗнче хура вӑрман...
Тӗнче тени пӗрре те улшӑнман.
Сӑввӑмсенче ҫын шухӑшне курсассӑн,
Туссем, каҫарӑр, пурнӑҫ улшӑнман.*

Анчах вӗсем, ҫав шухӑшсем, ҫӗнелсе-тасалса ҫавашла янӑраҫҫӗ, ҫаваш халӑхӗн асхакӑл сӑпҫине пуянлатаҫҫӗ. Акӑ, сӑмахран, ҫаваш сипетлӗхне, сӑпайлӑхне упрама ҫӗнекен ҫавашла рубаи:

*Кукаҫи вӗрентсе каланийӗ килет асӑма,
Ан вакла, — тетчӗ вӑл, — сӑмахна, ытлаиши ан вакла.
Вӑтӑр икӗ шӑл витӗр кӑларнӑ шалкамлӑ сӑмах
Хура ут уланса ҫаврӑнать вӑтӑр икӗ яла.*

Халӑхран илнӗ тупра халӑха таврӑнмалла. Авӑ, сӑмахран, П. Хусанкайӑн «Гилли юрисене» илер-ха. Малтан Шелепи сӑварнӑ ҫав тырра, Хусанкай вара ӑна пӗрчӗн-пӗрчӗн суйласа ылтӑн кӑшӑла пуҫтарнӑ. Н. Исмуков пултарулӑхне тӗпчекенсенчен пӗри филологи наукисен кандидачӗ И. Соофронова ҫапла палӑртать: «Исмуковӑн рубаисене ҫаваш кун-сулне, характерне, тӗнче курӑмне палӑртакан рубаисем тесе калама май пур. Вӗсем ҫӗнӗ условисенче суралнӑ, шухӑша кӗскен те татӑклӑн калас енчен, сӑвӑ композицийӗ тӗлӗшӗнчен рубаи жанрне тивӗҫтересҫӗ. Пӗтӗмӗшпе илсен, Н. Исмуковӑн рубаисенче классикӑлла анӑҫ философийӗпе ҫаваш халӑхӗн аслалӑхӗ пӗтӗҫсе тӑраҫҫӗ». (Рубаисем. Шупашкар, 2005. С. 13-14).

Н. Исмуков пултарулӑхӗнче Анне теми малтан пусласа мӗн вӗҫне ҫитичченех витӗмлӗ курӑнса тӑрать.

Ахальтен мар а́на вӓл яланах пысӓк саспаллинчен пу-
сласа сырать. Ку тӓлӓшпе а́на балкар поэчӓпе Кайсын
Кулиевпа танлаштарас килет. Н.И. Ашмарин чӓваш
чӓлхинчи пин-пин сӓмахран «илем» сӓмаха чи техӓмлӓ
те хӓхӓм сӓмах тесе палӓртнӓ. Н. Исмуков вара «Анне»
сӓмаха пӓлтерӓшӓпе те илемлӓхӓпе те малти вырӓна
хурать. «Илем», ӓлӓкхи грексем каланӓ тӓрӓх, «перво-
матери». Тӓнче пусламӓшӓ, первоматери мар-и вара
пирӓн Аннемӓрсем! Анне сӓнарне мӓнле кӓна ўкерсе
кӓтартман пуль поэтсем.

*Чӓваш чӓлхинчи чи илемлӓ те а́шӓ та
сиплӓ сӓмах вӓл — Анне!
Епле сурана су сӓрсе янӓ пек сӓмсетет
вӓл этемӓн чунне.*

Чӓвашла, ялтилле, сӓпайлӓ та уӓӓ Анне сӓнарӓ Н. Ис-
муковӓн. Ватӓлса пынӓсемӓн сӓӓнен Хӓвел пек вӓл
пирӓншӓн тата а́шӓрах та сӓутӓрах, тата хаклӓрах.

*Шур сӓка хуппи пек пӓркеленчӓк
Тӓп-тӓваткӓл сӓн-питӓ сине
Хӓш сӓлсем сӓпла-ши йӓркеленчӓс
Шыв сӓурса антарнӓн хирсене?*

*Сӓлуна пулсан та эӓ ватӓ,
Астӓну сан сивӓч-ха, Анне,
Ситмӓл сичӓ сӓвӓ астӓватӓн
Ситмӓл сичӓ самана ятне.*

*Сӓмахна эп итлесе ларуӓӓн
Шухӓша путап самантлӓха.
Чун-чӓрӓ сан ялти сӓурт пек уӓӓ,
Кӓмӓлу сан — уй пек сарлака.*

Леш тӓнчере те вӓл пирӓн сӓитӓнӓсемшӓн савӓнать,
пире ырӓ сунать:

*Хайш сүх Аннем төлөкөмө килет,
Иртни сине куш ывйтса илет:
«Пурнан иккен-ха, ывайлам, пёр майла,
Ман сүлсене ситме ман пилём», — тет.*

Пирёншён пашарханать, пире усал тавасран сых-
лать:

*Хайш чух Аннем төлөкөмө килет,
Паян куна куш ывйтса илет:
Эле пёр пярнайсра пёр йанайш турам? —
«Сана эп ятламашкан килтём», — тет.*

Пирён хута кёрет, пире хутте илет:

*Хайш чух Аннем төлөкөмө килет,
Малашлаха куш ывйтса илет:
«Куш хупанкисене сёкле-ха, чёппём,
Сан хуйахна хама эп илём», — тет.*

Унта та канас сук Аннемёрсене.

V.

*Парне намацсё пураннишён,
Чун еккипе килмест кун-сүл.
Пёр пёчёк лаптак тыр анишён
Тармашрам эпё темён чул.*

.....
*Анчах умра ырман кашалак,
Куш висеймест сар тыррине.
Инсех те мар кёрхи санталак,
Пухса кёртес мён пуррине.*

Сак саваран пусланать пиллөкмөш том.

Пёрремёш сáвá иккёленүрен пусланать, анчах сивёч те хáюллá шанчáкпа вёçленет. Мён тáвáн — поэт ят-сумё çулсеренех йўнелсе пырать. Хусанкай, Ухсай вáхáтне илер-ха — ун чухне вёсем патша пек мáнаслá çуренё, парти тиекёсем те пуç тайнá вёсене. Халь вара поэт-писательсене палламаççё те. Чáваш кёнеки сутáнмасть теççё. Тен, халáха кирлё хайлавсем áсталаймаççё пирён сыравçáсем? Сáлтáвёсем нумай, тёплён áнлан-тарас пулсан каласу вáрáма кайё. Пёрремёш сёлтавё, паллах, хайлавсен пахалáхё вулакансене тивёçтермест тейёç хáшёсем. Тёрёсси те çук мар кунта. Анчах пирён пурнáçáмáр хáвáрттрах та хáвáрттрах улшáнса пынинчен килет ку пулáм: телевизор-интернет тыткáна илсе пырать пире, вырáсланса пыратпáр, Чáваш издательстви чáвашла кёнекесене укçалла сёç кáларма пуçларё, гоно-рар тўлемесçё. Глобализаци юхáмне епле хирёç тáрайáн?! Вáл çурхи шыв пек сырансáр-мёнсёр лаппáшпе юхать. Халь тата пире указпах Раççей нацийё туса хучёç. Áста васкатáн влаç? Ман шутпа, хамáр тáван чёлхене, анне чёлхине упраса хáваракан пёртен пёр вáй — чáваш сыравçисем. Тёнче пётет пулсан та вёсем тáван чёлхе пётессине ёненмесçё.

*Кёрхи каçра суралнá çáлтáр
Çиссе хáпарнáн суралса
Чáваш чёлхи яланлáх юлтáр,
Яланлáх, ёмёрлэх, таса!*

Хальхи вáхáтра наукáра та, поэзире те сёнё япала тупма хёнрех. Пилёкмёш томра сурри литература хайлавёсем, сурри áслáлáх ыйтáвёсемпе сырнá статьясем. Поэзи уйрámёнче «Пёчёк пахчари чечексен юрри» питех илёртўллё. Кашни сáвви кáштах тунсáхлáрах кёвёле пусланать, сапах та сумáр хыççáн хёвел шевли пёчёк пахчана ўкнё пек чечексем хáйсен тёсёсемпе сисме пуçласçё. Акá, сáмахран, хризантема — áна автор арпаттáрлáх чечекё тет — Пукрав ситсен те хура пахчара

сунса тәрать. Мён чухлэ хёрулэх, тусемлэх, хёври хават унра! Чаваш халэхэ те саван евэр паттәр та чатәмлә. Апла пулсан

*Чаваш, ан паран самана силне —
Вәхәтләха килмен эс Сёр сине.*

Тёнчере илемсёр чечек сук, вёсен кашнийён хайсен пёлтерёшэ, вёсем — чунлә. Саванәслә чухне те, инкек-синкеклэ чухне те аш каниччен калашма пулать вёсемпе. Ашә куспа пәхса иртсен те чечексем саванәсшә пулмалла: хавәртрах васкаса сурәласшә, чун суранне сиплеме васкашә. Ахальтен мар Семирамида вёсемпе калашма юратнә, вёсен юррисене итлсе чунне пусарнә.

«Поэзия — избыток добра» — тенё Шопенгауэр. Сивё куслә сынсен пүлёмёнче чүлмекри чечек те хәрать. Кәмәләмра — хёр кулли пек Сүмёк, чунра ашә июнь пулсан пёчөк пахчари тёрлэ-тёрлэ чечек килёштерсе ешерет. Тата мён кирлэ саванса пурәнма?!

Наука уйрәмёнчи ёссенчен мана этнофилософи статьясем килёшрәс. Вёсене, паллах ку ыйтупа кәсәк-ланакан сын хакламалла. Пёр сәмахпа каласан каласу кунта наци культурин пёрпётёмёшле тытамё синчен пырать. Наци культурине чәмәртаса тәраканё вара философи. Апла пулсан философире нацилле хайевёрлэх пулмаллах. Н. Исмуков Мускавра тухнә кёнекисенче те тёпченё сав ыйтусене. Вёсене чавашла кусарса пичетленё пулсан лайәхрах, сётеклёрех пулатчә. Чавашла-вырәсла кёнекесем хальхи вәхәтра хайне евэр илёртүллэ.

Н. Исмуков «Хыпарта» тухнә статъинче поэзи философирен сывахрах та хакләрах тенёччә. Эпир тишкерекен кёнекере вара поэт философи еннерех туртәнма пусланине туятпәр. Аңа «Антропный космологический принцип», «синергетика» ыйтәвёсемпе сырнә ёссем сирёплетсе парасшә. Тимлэ вуласан вёсене аңланма пу-

лать. Ҷитменнине «Диалектика синергетики» кёнеке кӑларма шутланӑ Мускаври пёр издательствӑра, ку вара сӑвӑ ҫырас вӑхӑта туртса илетех.

Кёнекере пуҫа ватмасӑр вуламалли «Кунҫул утӑ-мёсем» ярӑм пур. Ку пысӑк хайлавӑн пёр пайё пулас. Нимех те шухӑшласа кӑларман унта. Автобиографилле хайлавра, кёрхи ҫил ҫинче хӑв ҫарамас тӑрса юлсан та суйма юрамасть. Суйсан — вуланмасть.

Николай Исмукон васкамасӑр, тӑплӑн вырать каҫ-алӑкне. Каҫалӑкӑн вёҫӑ вара курӑнмасть те. Апла ёҫлемелле те ёҫлемелле — ӑстӑну пур, сывлӑху кӑна пултӑр, Николай Аверкиевич!

*Ырлӑх-сывлӑх та ҫитӑну сунса
Николай ЛАНГРЕ.*

КАҢАЛАКӘМ – ПОЭЗИ ХИРӘ

КАСАЛАКЪМ – ПОЭЗИ ХИРӖ

Парне памаççе пурӑннишӗн,
Чун еккипе килмест кун-çул.
Пӗр пӗчӗк лаптӑк тыр анишӗн
Тӑрмашрӑм эпӗ темӗн чул.

Пӗлетпӗр, ваттисен халапӗ
Юнашарах-мӗн чӑннипе.
Мӗн тунипе сырлахмалла пек,
Лӑпланмалла пек пулнипе.

Анчах умра ырман каçалӑк,
Куç виçеймест сар тыррине.
Инçех те мар кӗрхи çанталӑк —
Пухса кӗртес мӗн пуррине.

1991 ç.

Çапла эп сырнӑччӗ пӗр çирӗм
Е çирӗм пилӗк çул калла.
Каçалӑкӑм — поэзи хирӗ,
Ӑна çапла ӑнланмалла.

Паян кунччен чунтан ёçлерӗм,
Тавах — халь пуçӑм та сывах.
Анчах сырса пӗтереймерӗм
Çырма пуçланӑ пӗр сӑвва.

Е пуç тавра шухӑшласассӑн,
Эп сырнинчен мӗскер усси
Паян-ыран пӗтет пулсассӑн
Чӑваш чӗлхи, чӑваш сасси.

Чăваш поэт, Тăхти калареш,
Сухатрĕ ахăр хай ятне.
Элле чыс-хисепрен кăларĕç
Ана та — халăх поэтне...

2015 ç.

Элле ун чух эп пулна нишлĕ,
Ун чух — ик-виçĕ сул калла?
Иккĕленĕ те икĕ вĕслĕ,
Хури-шурри те сурмалла.

Ĕмĕтленсесĕн ĕмĕт ситĕ —
Тĕнче саккунĕ улшăнман.
Тахçан пулни те пуласси те
Āстăвăмра хускалчĕ ман.

Саманисем ытла кăрачĕ
Кукаçисен вăхăтĕнче.
Пĕрех сунман Исмук аҫрачĕ
«Коллективаци» вутĕнче.

Пĕрех репрессин вут-кăварлă
Тамăкĕнче эфир пĕтмен.
Куратăр-и? — папка кăларнă
Сурса çапсассăн та тĕкме.

Каллех пире сука хăварчĕ
«Прихватизаци» тенĕскер.
Пиртен килмен шăпа-каварçă
Паян та уçăмсăр, тискер.

Ҷапах поэзи вай-хавалё
КуҶса пырать йахран йаха.
Рехмет Турра — мана вал халё
Ҷёклерё Ҷуллё анлаха.

Ҷурхи шывпа пур тасамарлаҳ
Юкса асантар авара.
Сана, чекеҶ чёлхиллё халаҳ,
Савса мухтатап савара.

Кёрхи каҶра Ҷурална Ҷалтар
ҶиҶсе хапарнан Ҷуталса
Чаваш чёлхи яланлаҳ юлтар,
Яланлаҳ, ёмерлёх, таса!

2016 Ҷ.

* * *

Ҷут тёнчене ниме пӑхмасӑр саврӑм,
Тёнчийӑ хӑй мана юратнӑ-ши...
Апла-и е капла-и — ҫичӑ ҫаврӑм
Хайларӑм сӑвӑ — пулмӑ ытлашши.

Сар сак ҫине сарса хурса суйларӑм
Чи уҫӑмлӑ ёлккен сӑмахсене.
Савни тесе савманнине суймарӑм —
Упрарӑм чун-чӑре тасалӑхне.

Эп юратсан юратмалла пек эс те —
Ҷапла шутланӑ эпӑ халиччен.
Паян ак никама та ёненместӑп,
Паян санпа та, сансӑр та пӑччен.

Эс юратсан юратмалла пек ман та —
Сӑмахӑ ку Сӑвап кӑнекинчен.
Улталаман мана, хам улталантӑм,
Халь эпӑ ют — кун-ҫул кӑрекинче.

Сӑнупала, каҫар та, эсӑ турӑш,
Темле хӑрамалла пек тӑкӑнме.
Кӑмӑлупа вара ытла та чурӑс —
Турри паман сана чун техӑмне.

Талпиҫенпе кӑвак чечек те ҫумлӑн
Ўссе ешерӑҫ ҫумӑр ҫунӑҫем,
Ҷапах чечек савӑтӑнче пӑр сумлӑн
Килӑштерсе ларайӑҫ-ши вӑсем?..

Асаилу́ — хура ҫунатлă пелĕт
Тек ҫаврăнать мухтавсăр пуҫ тавра.
Таҫта ҫурет ёнер тёлленнĕ тёлĕк,
Ана паян кирлех-ши пуҫтарма.

Пулни-иртни хирти кивелнĕ хăмăл,
Калассине каларăм — ҫав кăна.
Куратан-и, тăванăм, уҫă кăмăл
Ҫуса тасатнă ҫурт пек Мăнкуна.

2016 ҫ.

* * *

Эп пелессе Исмуқ аратенче
Ҷич сыпакра та пёр Макар пулман.
Эс килтён те, мәнукәм, җут тёнче
Ашшипеле җекленчө кәмәл ман.

Тяппи-тяппи туса эс тапкалан —
Төрөклө, җирөп пултәр ал-уру.
Пил сәмахне эп сәхсәхсах калам —
Сыв пултәр пирён арканми әру.

Юн йыхәрни пырать вәл ёмёртен:
Эс сәвәҗ пул асласуна хурсан,
Е инженер — кукасуна хурсан, —
Хәв кәмәлу, анчах ан юл пиртен.

Тур памасан илеймён нимёскер,
Виҗейён-и виҗесёр уҗләха!?
Пёр ёмёт җеҗ, пәлат пек җивёчскер,
Касса уҗать кәвак малашләха.

Апла пулсан малёмёт җутипе
Ҷул уҗәлтәр вёҗсёрлөхе виҗме.
Ҷулсеренех җеклентёр җул түпе
Сана, мәнукәм, җүлерех вёҗме.

Пёлетөп — халь саманисем хивре,
Тамашисем те тәххәр — асархан.
Куратән-и? — инҗе җулҗүревре
Тәрәть хура җилхеллә арәслан.

Пёлетөп — халь утәмсерен ултав,
Ҷёршывәм та ултав уй-хирё пек.
Пире җәлса пыран Турра мухтав,
Сыхлатәр вәл сана ёмөрөпех.

2015 җ.

ЃАЛТАРСЕН ТЕНЧИ

Таваткъл тенче, тават терлѣ сѣнталак,
Ѓулте – сичѣ сѣлѣклѣ тѣксѣм тѣпе.
Унта касерен вяляса саванмалак
Тукасѣ сап-сут сѣлтърсем кѣтѣпе.

Унта йытѣ сулѣ, лере акѣш сулѣ,
Пѣлмесѣ вѣсем пѣр-пѣрин сул-йѣрне.
Йѣлтак вярнасулла, йѣлтак килѣшѣллѣ
Ѓуресѣ вѣсем сѣтатса пѣр-пѣрне.

Е сивѣ хѣл касѣ, е йѣпхѣн кѣр касѣ —
Вѣсем тутѣхман хурсѣ евѣр сѣнех.
Ѓпне ѣпѣнсе кус илмесѣр пахасѣ
Ѓак сѣлѣхлѣ пирѣн хитре Ѓѣр сине.

Унта чиксѣр ирѣк! Ѓапах паханасѣ
Никам шутласа кѣларман саккуна:
Пѣрре саланасѣ, тепре пуханасѣ
Ѓѣтсе пустармашкан иртен сак куна.

Вѣсен сѣтипе керменсем сѣкленесѣ,
Патшалак ѣсет сѣхманри саплак пек.
Вѣсен сѣтипе кармашса пѣчѣкесѣ
Чечен шур чечек ешерет саплипех.

Вѣсен сѣтипе керменсем ишѣлесѣ,
Патшалак юлать Вѣхѣтпа таптанса.
Вѣсен сѣтипе ѣсекен пѣчѣкесѣ
Чечен шур чечек яланхи пек таса.

Вёсемшён мёскер Ыёр ынчи вярса-харса,
Вёсемшён мёскер урам-сурам туй-су! —
Унта суремест Ыёр ынчи пек каварса,
Хёс тытна Пилат та унта сурес сук.

Аттила чухне те сапса сумар суня,
Паян та питрен сапса сумар савать.
Пурне те курса таракан чёмсёр тыня
Мён-ма сын хутне керейместён савах?

Тастан авалтан килекен сивё сутя
Каштах чём кертет пек «хёреслё яла».
Анне черё чух пуплекен каласу та
Сур ахрам пулса тавранать каялла.

Султи сулёкре ман ятпа сутня салтар
Упрать асамри улам витнё сурта.
Элчелём ситсен те пёр вёсемсёр сунтар
Ман пус тарринче Туря сутня сурта.

2016 с.

БЕЛЬДИАНА

Турцире те куккук пур иккен,
Епле васка-васка аватать,
Вәхәт тени, тәван, пәр иккен —
Самантсерен кун-сул тәкәнать.

Тәрна куҗ пек тәрә тинәсрен
Сарә хәвел тухать җаванса.
Таса ире курма ирсерен
Куккук вәҗсе килет саванса.

Ирхи хәвелпеле киленме
Эп анатап тинәс хәррине.
Куҗ виҗейми Тухаҗ илемне
Вырнаҗтарәп савәҗ чәрине.

Тапса тәран ыраш кәлти пек
Хәйәр җинчи вырәс хәрәсем,
Пурнисенче вара пәтәмпех
Кевер тирнә ылтән җәрәсем.

Е хәвелтен, е куҗ үкесрен
Виткәҗ уртнә туркә пикисем.
Умәсене җакнә пәр вәҗсрен
Ялтра качи-мәчи пеккисем.

Шәрәхланать кәнтәр тәлнелле,
Җитет пулө аллә кратәса.
Атя, куккук, вәҗсер килелле —
Хәтарас җук пире катәркас.

Тёксёмленчэ тинёс паçарах,
Тўлек хумсем çакнă шўлкеме.
Эп тухатăп каçхи пасара
Таваршăн мар — курса çўреме.

Туйăсемпе витнё ту хыçне
Ўпне ўксе хёвел çывăрать.
Каç пулать те Хёвелтухăçне
Куккук ытла тăлăх хăварать.

2013 ç.,
Бельдиана

* * *

Тусем кáвак иётрепеле пёркенчёс,
Хёвел хёртме пáрахнá пáсáрах.
Илетёп те алла тёрленё енчёк
Тухса утатáп шавлá пасара.

Кунта сýрет-кумать тем тёрлё халáх,
Ситес сёре ситесшён вашкáнать.
Пасар тавне-шавне тулли тумалáх
Чáваш чёлхи ситмест пек кáшт кáна.

Кёретёп лапкана — салам аликкём!
Тухсах кётсе илет мана ват сын.
Усси айёпеле пуллет тóлеккён, —
Те тарават вáл, те тараватси.

Тáп сыхнá писихиллё, йáрáс пóллё
Пёр пальма айёнчи тáм лапкинче
Мёнле йышши паха тавар сук пулё! —
Купса майрийё тáтáр айккинче.

Укса шутлаканни хитре хёрарáм,
Те арáмё, те еркёнё кáна.
Эй илёртмёш! — áна кусран ямарáм
Эп — тёксём турáк сáнлáрах хáна.

Чеелёхе илемлёхпе сапласчё —
Ахальтен мар вылянчáк ун сасси.
Хитре хёрсен йáлт-йёрки сапла-шим
Пире кáштах лартса хáварасси.

Кăлтăртатать хай, калăн кăвакарчăн,
Ара, ун сутмалла, ман илмелле.
Сисмерём те мана лартса хăварчĕ
Ик лирăлăх пасар йăлипеле.

Çав пĕчĕк ултавра та техём пур-тăр,
Савăнтарам апла тюрк-тăвана.
Савни валли туянно пурçăн тутăр
Мана та савăнтарчĕ — тав ăна.

Бельдиана.

2013 ç.

* * *

*Не нужен нам берег турецкий
И Африка нам не нужна.*

М. Исаковский

Канлѣх сук кунта та
Бельдианара.
Пулмалла-ске канѣс
Тивѣс канура.

Вѣлт вѣсет пѣр шухѣш
Вѣлт вѣсет тепри.
Пурпѣрех кил шухѣш
Яланах тѣпри.

Ханара аван та
Лайахрах килте.
Халь мѣскер тавать-ши
Арѣм тѣпелте?

Е яшка валли вѣл
Сѣрулми турать,
Е сѣлтавсѣр-мѣнсѣр
Кѣвѣссе тарать.

Вис сѣмах хушсассѣн
Пѣр сѣмах сѣмне,
Тѣрѣс мар шутлать вѣл
Ман сѣлѣхсене.

Хура кус турчанка
Ытарми хитре.
Пурпѣр маншѣн мар вѣл
Сакѣ сехетре.

Юлас сук кунта эп
Ашă Турцире.
Африка сёрне те
Йышăнмасть чёре.

Чăвашрах илемлĕ,
Канăс — Чăвашра.
Ун йăмраллă ялĕ
Яланах асра.

Шур чарлан вĕсевĕ
Янкăр ирхине
Чĕлт чĕрсе хăварчĕ
Сăвă йĕркине.

*Бельдиана,
20.07.2014 ç.*

УНЧЕНХИ СĂВĂСЕНЧЕН

* * *

Ун чух эфир вунулттăраччĕ,
Паян — таса вунсиччĕре.
Мĕнпур тĕнче сиссе тăратчĕ,
Кĕтрет кĕтетчĕ чун-чĕре.

Ир пулнă суркунне чĕтревĕ
Сўсентеретчĕ таврана.
Сўл тўпери сўт сълтър евĕр
Эс курăнаттăнчĕ мана.

Чăнах та эсĕ сълтър мар-и
Ытла инсе те сивĕскер?
Сурхи куна юратаймарăн
Хавна кăна юратнăскер.

Кăсал шукул вĕренсе тухатпър,
Хăш еннелле сўл тытăн-ши.
Кама савса тумланăн капър,
Кама тытса ыталăн-ши.

Эс мансăрăн пĕччен те мĕскĕн
Тесе шутларăн ахăрах.
Анчах тăхта тĕсси темешкĕн, —
Юлмастăп эпĕ хăраха.

Умра тĕнче пек анлă улăх,
Утăмсерен хитре чечек.
Санран илемлĕрех хĕр урăх
Тупаймăн терĕн-ши текех?..

Тавах сана, Манчжури сѣрѣ —
Тамалнӑ кӑмӑл чѣрѣлет.
Сут сӑлтӑр куслӑ вырӑс хѣрѣ
Вырнасрѣ сӑмрӑк чѣрене.

Халь каҫсерен унпа утатӑп
Сѣвеклѣ сопка тӑррине.
Тути сӑнчен чечек тататӑп,
Итлетѣп савӑш юррине.

Борзя хули.

1959 ҫ.

* * *

Ун чух пёр хёрача
Мана килёштеретчё,
«Ик җалтәр юнашар,
Пёри вәл эпё», — тетчё.

Тәван яла килсен
Эп вёсене шыраттәм,
Җап-җут мёлкисене
Юхан шывра кураттәм.

Юхатъ Пәла, юхатъ —
Юлатъ пёр мәшәр җалтәр.
Ёмёрёпех җапла
Вёсен җутийё юлтәр.

Паян та юнашар
Җак икё җутә җалтәр.
Састаш тени ыйтатъ:
Ялтратчәр йәлтәр-йәлтәр.

.....
Чунәмәрсем пёрлех,
Пёлтёрхиллех җу каҗё.
Пёрле пулсассан та
Халь уйрәмшар җунаҗҗё.

*Борзя хули.
1960 җ.*

* * *

Хура куҫсем ҫўҫентересҫё,
Хәратәп тёттём кётесрен.
Вара шыратәп пёчөкҫесҫё
Ҫут ҫәлтәра ҫул ҫётесрен.

Пёччен кёрес килмест киле те,
Ҫўре пёлместёп уйласа.
Анча мён-ма ялан килетёп
Ҫырма-ҫатраллә Уйкаса?

Ёнер килни те, тен, ҫак касчө,
Ҫут ҫәлтәр та ҫак хәй ҫути...
Кантәкунтан пырса шаккасчө —
Мёскер вәл? — тутанса пәхасчө
Пиҫсе ҫитмен ҫырла тути.

*Борзя хули.
1959 ҫ.*

ПЁЧЁК ПАХЧАРИ ЧЕЧЕКСЕН ЮРРИ

* * *

*Хризантема —
тўсёмлөх.*

Арпаттәрләх* чечекё хризантема
Ман пөчөк пахчара эс төмөн-төмөн
Ларан саплах кавар пек төлкөшсе,
Пукрав ситсен те шура лөпөшсем
Вөссе сүренё евөр вөлкөшсе
Юр пөрчисем ларасшан сан сине,
Суркуннеччен, ара, ларасинех.

Маньчжури урла кашна хризантема,
Ман яшлаха асра тытмасар тамё —
Епле ун чух таса вунсиччөре
Савни тусан пөр тапалкка хөре
Сунса-сунса таратчө чун-чөре!
Тен, саван пек юратна пуль Ли Е**
Чөртсе ямашкан суннө телее.

Арпаттәрләх чечекё хризантема,
Сана епле чаваш чечекё темөн —
Хөрүллөх, тўсёмлөх, хөври хават
Юр витөр, сумар витөр сул хывать,
Сана тата чатәмләрах тавать.
Чаваш, ан паран самана силне! —
Вәхәтләха килмен эс Сөр сине.

2015 с.

*Арпаттәрләх — мужество.

**Ли Е — VII ёмөрхи Китай савәси.

* * *

*Лантӓш –
телей таврӓнни*

Епле килсе эс ўкрён, шурӓ лантӓш,
Хырайёнчен ман пёчёк пахчана?
Шкул хёрачи пек шур хӓюллӓ тантӓш,
Сана кётсеччӓ эпӓ тахсанах.

Чём кёртрём мар-и унчченхи сӓвва та
Сан сивӓ те таса сывлӓшупа.
Асилўпе чуна хырса сӓватӓп, —
Тасалтӓр тетӓп усӓмсӓр шӓпа.

Ытараймасӓр лантӓша ан татӓр
Пахча сӓмӓпеле сӓўренӓ май.
Антив хур мӓйлӓ кӓкшӓм пушӓ тӓтӓр, —
Чечексӓрех хитре вӓл хӓйне май.

Вӓрман хӓни ял пахчине ансассӓн
Телей килет теесӓсӓ халӓхра.
Эп халиччен телей курман пулсассӓн
Ӓстан илсе вӓл килтӓр? — калӓр-ха.

Сан умӓнтан хуллен иртсе пырусӓн
Пӓр шухӓш ылмашатъ тепринпеле...
Чунра халь сӓутӓ, кӓмӓлӓм та усӓ!
Тӓванӓм, сӓкӓ мар-и вӓл телей.

2015 с.

* * *

*Йәмра эрешё —
сырлахулаҳ*

Кёрхи чечек йәмра эрешё
Пёрёхтерсе сим-пыл сапсан,
Хёлле валли апат илесшён
Сёрлет, кёшёлтетет сапса.

Сап-сар хёвел чёппи пек саря
Пылхурчё пәрахман ёсе.
Кёрлет кунта та кёр пасарё,
Мухтатъ су паня сымёсе.

Танлаштару шур лёпеш майля
Куç умёнчех вёссе сурет.
Сак хёвёшү ёсчен, сапайля
Ял халәхне асилтерет...

Йётем синче сын тёркёшетчё
Кашни сулах кёркуннепе.
Ун чух та тыря валесетчёс
Ёсқунь пусне кёрепенке.

Сапла, калхус тени хуҗаччё,
Эпир тарсиччё, тупата.
Пуç сёклейми налук хуратчё
Патшаләх текенни тата.

Епле майпа эп чёрё юлня
Сав самана таптавёнче.
Пурёпёрах выляня-кулня
Кёрхи хёвелён хёвёнче...

Пыл хурчѣ те, тѣкѣл тура та,
Лара-тѣра пѣлмен сѣпса,
Сире сѣмахѣма татса
Ачалѣхран салам яратѣп,
Вѣй патѣр тетѣп юратса.

2015 ҫ.

* * *

*Сич тёрлэ чечек —
сиплев.*

Хёвел каранса улахать улахран,
Хёвел — сутсанталакан чапё.
Варантам ытла та пылак ыйхаран
Эп сылахсар пёчек ача пек.

Сич тёрлэ чечек пёчекех пахчара,
Сич тёрлэ чечек — ун илемё.
Тухатмаш куш хывна ана пацарах,
Анчах вал ана илёртеймё.

Сар лёпёш пытанчё сар астра айне,
Сар лёпёш — сын вилёмсёр чунё*.
Пёр йёксёк амантна поэт суранне
Пирчерё су евёр су кунё.

Чечен чечексем, чурече каррине
Ачаш самахпах эп сиретёп,
Эсир юрлакан салтарсен юррине
Хуллен шахарса эп керетёп.

Чечен чечексем, сирёнпе пулеме
Хавас эп кашпа та, ирпе те —
Эрешлэ карта сумёнчи илеме
Ачашшан пахса эп иртетёп.

Таваткал пахча июньпе саванать,

---

*Авалхи грексем, египтянсем, чавашсем ёненнё таррах хёрхалён вилнё хёрсен чунёсем лёпёш пулса вёссе сурессё.

Чунра — хёр кулли савнă сѳимѳек.
Кў-кў капланса тутлă шăршă анать
Хѳевел каранса аннăсѳемѳен.

Сѳич тѳерлѳ чечек пѳѳѳекех пахчара,
Сѳич тѳерлѳ чечек — чун сиплевѳ.
Сывалтăм, тăванăм! Хавалăм вара
Сѳѳекленчѳ сѳѳеклемѳен-сѳѳеклемѳен.

2015 с.

* * *

Кѣлчечек —

сухату

«Автансър ял» укълчине ушатӓп,
Ушатӓп та кѣретѣп шӓплӓха.
Кѣлтунӓ пек хам тѣллѣн калашатӓп —
Шуйхантарас теместѣп Суклӓха.

Пуѣ тӓрринче хура сунатлӓ пѣлѣт
Те сумӓр, те куѣсуль илсе килет.
Савни, санпа суренине эп ѣлѣк
Аса илсен куѣ хуралса илет.

Ман Тунсӓхӓм, сана епле-ха манӓн, —
Чечек илсе эп килтѣм пѣр ытам.
Эп айӓплӓ пулсан — мана ӓнланӓн,
Сылӓхӓмсемшѣн — каѣару ытам.

Тѣнче йѣрки: пѣр килнѣскер пѣр кайѣ,
Тӓпру сине халь сумӓр уккелет.
Карта синче ларан пѣччен саркайӓк
Те чѣвѣл тет мана, те уккелет.

ӓнлантӓм ӓсӓмпа, чун йышӓнмарѣ
Эс суккӓ тенине сунт тѣнчере.
Мѣнпур савнисенчен савни сӓнарѣ
Ѣмѣрѣпех упранѣ чѣрере.

Сана асилтерен санпа пѣр ятлӓ
Чечек синче сунт чарӓнса тӓрать.
Епле сак пурнӓсра усал хӓватлӓ,
Унран хӓватлӓ Турӓ та хӓрать.

Кётмен ҫёртен ўксе кёл пулнә ҫәлтәр,
Инкек таптанә ҫамрәк Кёлчечек!
Астәвәмра сўнмен ҫурта пек юлтәр,
Астәвәмра — таса чёркёмёл пек.

2015 ҫ.

* * *

*Чечек ҫыҫси —
асәмләх.*

Утаттам эпё Хёвелтухәҫне,
Мёлкем ўксе юлатчё ҫул хыҫне.

Кәнтәрлапа мёлкем пытанчё ман,
ҫын сәмахне халь таптаса утам.

Вай-халлә эпё, калән утаман,
Чечек йәтса пыратәп пёр ытам.

Каҫхи хёвел анса ҫухалсанах
Мёлкем ҫухалё — юлё хыҫсамах.

Анчах кун-ҫул сехечё пёр куккук
Авәтнине эп илтеессём ҫук.

2015 ҫ.

* * *

Тюльпан —

пирвайхи юрату.

Нар питлӗ тюльпан ҫитӗнсе пыракан
Ялти хӗрача пек именчӗк.

Кунта ҫавашла саванса юрлакан
Пӗр мӑшӑр саркайӑк* иленчӗ.

Хӗвел майӗпен-майӗпен анаспа
Ўксен каҫхи шуҫӑм сенкерӗ
Тюльпан ҫеҫкипе пӗркенсе анаслать, —
Ыр каҫ! — ытарми чиперскерӗм.

Хӗвел тухаспа ӗмӗрхи вырӑна
Ўксен ирхи шуҫӑм сенкерӗ
Тюльпан кайӑкран маларах вӑранать, —
Ыр кун! — ытарми чиперскерӗм.

Тухатӑп умри пахчана эп куллен,
Камал кӑмӑл уҫӑлтӑр тетӗп.
Савни умӗнчен иртнӗ евӗр хуллен
Тюльпан умӗнчен эп иртетӗп.

Туятӑп илемлӗх тӗнчи куҫӑмне —
Вӑл халӗ чунра та, умра та.
Пӗрремеш савнийӗм тухать куҫ умне,
Ӑна куҫкӗски пек упратӑп.

Чарса та чараймӑн юртан кун-сула,
Епле иртсе кайрӗ вӑл хӑвӑрт!

---

* Кашни халӑхӑн Мухтав кайӑкӗ пур.

Тухӑҫра — шӑпчӑк, Чӑвашра — саркайӑк.

Кала-ха, тархасшан, тухатмаш, кала —
Аста эс, аста самрак вахат?

Тюльпан пирвайхи юрату пек таса —
Илемлэ, именчэк, черченкэ.
Анчах та мёскершён — парсам каласа —
Хёр ёмерё евёр сунет васкаса
Парнелэх үстернё чечекём?

2015 ç.

* * *

*Астра —
шанчак*

Хура кёр кунё ситрё
Манашка тумёпе.
Хура сёре вёл витрё
Хура сáхманёпе.

Хысал пахча пушанчё,
Ашчик выранта мар.
Малёмётём — ман шанчак
Шанса каймалла мар.

Кёпер сүтсе пáрахнán
Улма аври выртать.
Сил шáхáрать хурахán
Саралнá Хáрварта.

Сўнет чёпкус чечекё
Тёсрен кайса пётсен.
Пёччен этем эп сех-и —
Кёркунё те пёччен.

Хура касра пёр áстрáм
Хунар мёлтлетнё пек
Сад пахчине пёр астра
Хёмлет хёлхемёпе.

Ан тив сив сумáр сүтáр
Калинккене сапса,
Кёрпекленсе юр сүтáр
Пукрав сывхараспа.

Тәм үкрә, сума́р асрә
Лушкерә пәр кана,
Ан паран, хәрлә астра,
Йәпе-сапа куна.

Эс пурпәрех хәвелән
Пәр ванчакә пулса
Ыр туйамсем парнелән
Савни пек йәл кулса.

2015 ç.

* * *

*Клевер —
силлӧ чечек*

Клевер вӓл хӓйне кура
Силлӧ кураӓк та чечек те.
Ахаль мар тӧкӧл тура
Ун тавра савса вӧсет-тӧр.

Хӧрлӧ шӓрчануй ҫиппе
Ҫыхнӓ хулӓн тутӓр евӧр
Ҫуҫхенсе ларать ҫилпе
Ҫаранри тӓртаннӓ клевер.

Калӓн, пӧтӧм уйӧпех,
Пӧчӧк ачасем вяляҫҫӧ,
Калаҫма вӧреннӧ пек
Чӧвӧл-чӧвӧл тукалаҫҫӧ.

Ҫӧнъялтан ҫӧкленсенех
Сар хӧвел — ҫанталӓк ашшӧ
Ытарми пепкисене
Ыталать савса ачашшӓн

2015 ҫ.

* * *

Кикен —

асърханулăх

Пăхмасър сүтсанталака ёнентём,
Пăхмасър илтём унăн парнине.
Ăсчах! Пёлмен эп улаҳри кикен те
Чечек пекех пулма пултарнине.

Çак сёр синче шуйттан чăнах пулас-тăк,
Чăнах пулас-тăк хура юнлă сын,
Ăсчах! Вăл Анабелла — йанăшмастăп.
Е вăл та сарăк чух сын пулнă-ши...

Айăпламастăп халё тин а́на та,
Иртнийё тулса ситнё — тăканать.
Ăсчах! Кикен тытса эп ылханатăп
Унпа тел пулнă саманта кăна.

Йанăшсене вёрентём хак памашкăн,
Анчах умра — сич тёрлё самана.
Ăсчах! Ана тивёслипе чăтмашкăн
Ăсчах тусёмлехне парсам мана.

2015 ç.

* * *

Сирень —

хёреслэ сул

Сирень чечекре,
    сеҕкисем вётё-вётё хёреслэ.
Тен въл хасарсем
    таптаса манса кайнă ҕава
Ҙапла ҕенёрен
    ешерет тёмескеллён-кётеслён?..
Ҙанталăк паян
    ăраснах хёрхенўллё-йёреслэ —
Те Тура йёрет —
    йёпхў чаранмасар ҕавать.

Тёнче въл пасар,
    унта эп улшуҕ, тавансемёр, —
Кичем кунăма
    улаштартам кичем савăпа
Пёр пус пăхара
    тепёр пус пăхарпа илнё евёр.
Пулни-иртнисем
    таткаланă та тутăхнă ёмёр —
Кăвак хуппине
    халь хирсе уҕмалла пек шăпа.

Сенкер кёленче
    теттесем пек йёпеннё сиренён
Ҙеҕкийё тумламăн-тумламăн
    ўкет тăканса

Ача чухнехи
    тёлёксем ялтăранан кёреннён.
Кивелнё карта
    сумёпе тёссёр шăплах ҕуренён
Ҙурет чёрё тунсах
    манашкă тумне тăханса.

2015 ҕ.

* * *

*Чён куç курăкĕ (лютик) —
пёчченлĕх*

Каç пуласпа ял урамне пёр пусăх
Тусан хупланă пек кĕтŷ иртсен
Умра та, хыçалта та тăчă тунсăх —
Сирсе те сирĕлеймĕ мĕн ирччен.

Хўме çумне ўксе чăлханнă тăлăх
Каç шăплăхĕ чуна çўçентерет.
Шур шухăшăм пёчченлĕх хирĕ тăрăх
Аташнă шур лаша пулса çўрет.

Ак çитмĕлтен те иртрĕ сул хисепĕ,
Уксах сехет пек уксахлать чĕре.
Çын асĕнчен тухса ўксессĕн эпĕ
Çут тĕнчере пуранманпа пĕрех.

Сапах хёвел тухассине кĕтетĕп,
Вăранăп эп саркайăк сассипе.
Каçхи сăвва ирпе вĕçлес теетĕп,
Сапла кун пуçлансассăн — спаçипех.

Çеçке çурăлнине туйса илмелĕх
Чёв-сисĕм сивĕçлентĕр чунăмра.
Чёр тунсăх мар, материсёр илемлĕх
Яланлăх юлтăр савăк сăввăмра.

2015 ç.

* * *

*Кевер чечекё —
укёну*

Кевер чулне^{*} куç хыврәм эп, мәнтарән, —
Миçе сул иртрё! — сивё çав-çавах.
Чёре çумне илсен те ашәнмарән,
Чёртсе пымарән чём калаçава.

Хитрелёх умёнче ятуллă парәм, —
Çут уйăх пек хитреччё эс сәнран.
Анчах та эс мана юратаймарән,
Вара эп хам та сивёнтём санран.

Хут вёренсе кăна эп тупрәм канăç
Çак канăçсар та сивё тёнчере.
Кёренленсе анать, ав, хёвеланăç —
Çунса пётсен сунет иккен чёре.

Пёртен пёр пурнăча сая эп ятам,
Асилуре те ансарт каç кăна.
Çёрле тăрса эп шухăша каятăп, —
Мён-ма савман хама савакана?...

2015 ç.

---

^{*} Кевер — бриллиант. Ана ывăçра сехет хушши тытсан та ашәнмасть.

* * *

Мăкăнь —

самантлăх илем

Хёрлĕ мăкăньсем, хёрлĕ мăкăньсем,
Пĕчĕк пахчари пĕчĕк ялавсем.
Кайăк вăрансан пĕр асамлă ир
Мĕншĕн васкаса тăкăнтăр эсир?

Е тăм ўкрĕ-и, е куç ўкрĕ-и,
Е ют çын кунтан шуххăн иртрĕ-и.
Саванса пăхса юлас тенĕ чух
Пĕчĕкех пахчан халь илемĕ çук.

Асилу хумне хускатса куллен
Чўрече карри чўхенет хуллен.
Тунсăх, лĕпĕш пек ашă каçхине
Вĕлкĕшсе анать хулпуççи çине

Çурхи кун калла таврăнас пулсан
Урама тухса кĕтсе илĕттĕм.
Çамрăк вăхăтам таврăнас пулсан
Савнă савнине лартса килĕттĕм.

Шухă шухăшăм, шурă пĕлĕтĕм,
Асилу çинче вăçейсе килсем.
Тутлă телĕкĕм, çутă ĕмĕтĕм
Мăкăнь пахчине çутатса илсем.

2015 ç.

* * *

*Каю курăкĕ –
ўкĕнў*

Кая юлса каю сĕкленнĕ евĕр
Вăранчĕ ўкĕнў чуна тирсе...
Ун чух епле сўреттĕмĕрчĕ евĕк
Пĕр мăшăр рифма пек килĕштерсе.

Ман сăлтăрам! Сан сумапта пулсассан
Тен сутарах килетчĕ сулам ман.
Ман сĕспĕлĕм! Ман пахчара шăтсассан
Тен ашăрах пулатчĕ чунăма.

Пире пĕрле пулмашкан тўр килмерĕ,
Текел карт тухрĕ шелсĕр арасна.
Кам айăплă тесен шăпа чĕнмерĕ, —
Сухатрĕ-тĕр хай тупсамне раскал.

2015 ç.

* * *

*Тюльпан —
кандәсләх.*

Сарә кунән чапә
Сар хәвел ансан,
Хутланса ача пек
Тәләрет тюльпан.

Выляса пәр касә
Ывәннә тәнче
Анаслать пек каңан
Ашә хәвәнче.

Шур уйран пек шурәх
Тәтрепе шурса
Ҙывәрәть мән уләх,
Ҙывәрәть шур сад.

2015 җ.

АСТИВСЕ ИЛМЕЛӖХ

Тӑватӗӗркен

* * *

Чӑваш чӗлхинче ялтӑран пин те пин сӑмахран
чи хитри вӑл — Илем¹.
Ашмарин чӗлхеҫӗ каланӑччӗ, ахӑр, ӑна —
тӑхта, асилем.
Анчах тӗнчери чи илемлӗ те, ӑшӑ та, сиплӗ
сӑмах вӑл — Анне!
Епле ҫу сӗрсе янӑ пек ҫемҫетет вӑл
аманнӑ поэтӑн чунне.

---

¹ Илем — (ӗлӗкхи грек философийӗнчен) — первоматерия.

* * *

Пурне хуҫса пѐрерѐн ан шутла, —
Санран телейлѐ ҫын пинрен ытла.
Ан пашархан, ан кѐвѐҫ те ан саван, —
Санран телейсѐр ҫын та пин ытла.

* * *

Ыр тунине ҫынна эс ан кала,
Ыр камалпа таварса пар калла.
Чѐл ыранне чул чѐркесе парсассан
Ыр ҫын пулса ыватса пар калла.

* * *

Нумай пѣлсен — ҫынран эс ҫўлерех,
Влаҫа ларсан — ҫынран эс ҫўлерех.
Турамаш умѣнче чѣркуҫленсессѣн
Эс пулӑн хӑвӑнтан та ҫўлерех.

* * *

Тѣнче саккунӗ тѣнчере пѣрре —
Ҫӑлтӑрсене тытать вӑл тўпере.
Мѣн-ма — усал картран тухса кайсан тин
Тўре тума тухать Турри — пире?

* * *

Шăпа пире картла выляттарать,
Хай валесет, хайех черет хурать.
Йăлтах курса-пѐлсе тăрать вăл, шульăк —
Кам сѣнтерет, кам выляса ярать.

* * *

Сут тѣнчене килсен шăпа пире
Пѐр шелсѣр пăрахать те тинѣсе
Пăхса тăрать: ишме пѐлменскерсем
Ишсе тухайѣс-ши вѣсем тесе.

* * *

Пала юхмасть ниҳсан та тавалла,
Хум ыватса пырать въл малалла.
Аса-илу анчах ватълнәсемён
Юхать каплам-капламән каялла.

* * *

Ўурхи шавпа юхать шыв авъра,
Улахра мар, чунра йёр хаварать.
Хай саккунне хай пәхәнмасәр Вәхәт
Тәп чаранса тәрәть ҫак савъра.

* * *

Пӑркӑчланса ҫӑкленчӗ вил ҫӑленӗ,
Тусан тухса хупланчӗ утма ҫул.
Атте-анне ӗмӑрлӑхе пилленӗ
Телей ҫех мар, ак сывлӑхӑм та ҫук.

* * *

Чун-чӑрем те манӑн, кӑмӑл та
Ялти ҫурт пек уҫӑ, тупата.
Ҫавӑнпа тен савнӑҫ та, инкек те
Шаккамасӑр кӑнӗ ман пата.

* * *

Ёсетён те таварларах шыва
Аш хыпна пек ёсес килет шавах.
Каллех илтес килет-им, «алкоголик»,
Сан ятупа сёкленё шав-шава?...

* * *

Сак сук тёнчен вёсё-хёрри те сук,
Апла пулсассан ун варри те сук.
Сак пурнасан пусламашё пур, вёсё —
Анчах усси те, тупсамё те сук.

* * *

Тёнче яланлӑх. Улшӑну та уншӑн
Хайне тытса тӑмалӑх мелӗ ҫех.
Тӑрӑслӑхе самантлӑх чапшӑн, мулшӑн
Сутса яракансем те ҫавсемех.

* * *

Аҫа ҫапать чи ҫӗллӗ юмана,
Аҫа ҫапать чи ҫӗллӗ юпана.
Эп сӑрт ҫинче тӑмарӑм-ҫке,
мӑскершӑн
Сасартӑк аҫа ҫапрӗ-ши мана»?!!

* * *

Пурăнăҫа, пуҫа пушмак тивсессĕн
Ирĕксĕрех иккĕленсе виҫен:
Мĕне пĕлтерĕн, тĕрĕслĕхĕм, эсĕ? —
Эп тĕрĕсмарлăх аллинче вилсен.

* * *

Шайлаштару саккунĕ! Ав ҫĕкленĕ
Кĕрхи хĕвел кĕрхи чечексене.
Анчах мĕн-ма инҫе ҫулсен ҫĕклемĕ
Ытла нумай тиенчĕ ман ҫине.

* * *

Эдчел җитсен сәваплә каймалла,
Парәмсене татса хәвармалла.
Усаллине те, ыра тунине те
Хайсен виҗипелех тавәрмалла.

* * *

Телей е хуйәх? Чуххәм пайласа
Иртет иккен кунсуләм тайланса.
Эп вәсене хурса виҗес пулсассән.
Чун тараси те кайё тайәлса.

* * *

Мёншён эсё урӑх сын пулмарӑн
Тесе ыйтёс ватлӑхӑм килсен.
Мёншён эсё хавӑн пек юлмарӑн
Тесе ыйтё Турӑ эс вилсен.

* * *

Лере кайсан сын ёмёлки те сук,
Юрать-ха тетпёр чунё чёрё чух.
Апла мён-ма сурта сунса пётсессён
Сурти те сук, суртин сути те сук?

* * *

Мёншён эсё тёк татнён васкатён каллех —
Калён, пурнәс вёсне тухмалла пек халех.
Маларах, хәвәртрах сивёнет сута сәлтәр,
Эс савна манса кайнә, таван, ахалех.

* * *

Малтан Меркурий тән кёртет пуса,
Унтан Венера саварать пуса.
Марспа Юпитер, Уранпа Сатурн
Тытса пырассё пирён пурнәса.
Мёскршён эпё мар — вәсем хуса?

* * *

Эп вилсен пуç вёсне лартър шурă йăмра,
Ун тымарё мана тёнчене илсе тухтър,
Çил пулса сўрекен чунăма тытса туптър, —
Пуç вёсне чечек мар, лартър шурă йăмра.

* * *

Пуç вёсне чечек мар, лартър шурă йăмра,
Шурă шухăшăмпа кунён-сёрён кашлатър,
Юрласа пёттермен юррама въл юрлатър —
Эп вилсен пуç вёсне лартър шурă йăмра.

* * *

«Тёнче пиртен кулмаллипех кулатъ,
Мён панине йълтах илсе юлатъ»!
Асилёве кәна илсе юласчә,
Анчах йәна та хәварас пулатъ.

* * *

Тен тёрёсех тавать Турри? Пире
Кирлех-ши асилу леш тёнчере...
Е савәнәс, е хуйәх чёпписем
Сәхса ан тәччәр юнлә чөререн.

* * *

Текех ан калӑрсамӑр, тетесем,
Ҫак пурнӑҫ тутине пӗлес тесен
Инкек-синкек астивмелле тесе, —
Тӑварлипе тӑварсӑрне пӗлмешкӗн
Ӑссе ярас-им ҫакӑ тинӗсе...

«КУН-ҶУЛ» КАҶАЛАЌЕНЧЕН

КУН-ЏУЛ УТЀМЁСЕМ

В мире много сил великих,
Но сильнее человека
Нет в природе ничего.

Софокол.

Пирён эрӓчченхи тӓваттӓмеш ёмёрте пурӓннӓ грек философё каланӓ шухӓшпа килёшмесёр тӓма пултараймӓн пирён ытарайми поэтӓмӓр Кёҗстенгин Иванов. Этем чӓнах та, хӓйне тёнче варри, тёнче тёнелё пек курасшӓн. Тёнче тупсӓмё мар, тёнче тусанё җеҗ марши эфир?.. Вёҗсёр-хёрсёр асла тёнче саккунёсене пӓхӓнман вӓй җук. «Natura parendo vincitur — природу покоряют, покоряясь ей», — тенё ёлёкхи латынянсем. Агла тёнчи вӓйлӓрах пиртен.

Җакӓ җутӓ тёнчере, чи тёлёнмелли вӓл шухӓш. Ӓна җыртса пӓхма та җук, тытса пӓхма та җук, ун вёҗевне курма та җук, чарма та җук. Вӓл, шухӓш, виҗесёр уҗлӓха виҗме пултарать, җутӓ хӓвӓртлӓхёпе җеҗ мар тахион хӓвӓртлӓхёнчен те ирттерсе куҗ хупса иличчен таҗта инҗете кайса «киле» таврӓнать. Пёр самантрах унта та кунта та тӓма пултарать, «пур — җук, җук — пур» текен виртуаллӓ лару-тӓрура пурӓнма хал җитерет. Ӓста ун вӓрттӓнлӓхё, тупсӓмё? Ӓна нихҗан та, никам та, нимёнле чёлхепе те ӓнлантарса параймё. Анчах җын ӓстӓнлӓ шухӓшлавё пулмасан — җын мар. Йывӓҗ-курӓк шайёнче җеҗ пурӓнать: шӓтатъ, җсет, хӓратъ, җерет. Мана пёр сӓмах та амантма е сыватма пултарсан, эпё — чёрё, пурӓнатӓп. Сывӓ пултӓр Декарт! Cogito ergo sum!

Шухӓша кайӓкпа танлаштарасҗё. Ку вӓл илёртӓллё, поэзилле сӓнар. Анчах мёнле вичкён кайӓк та каялла, хыҗалалла, кутӓнла вёҗеймест. Шухӓш вара малалла та, каялла та вёҗет. Малалла — ёмёт, каялла — асаилӓ. Хӓшё кирлёрех, хаклӓрах? Иккёшё те.

Паян кун, хальхи самант вара пёлтерёшлёрех.

Шухайш сүлне-йёрне виҫсе паман-ши пире? Ҷамрәк чух ёмёт сивечрех те чарусәр, ватәласпа кёркуннехи пек кун кёскеkse пынаҫем шухайш вәрәмрах, асаилу таҫта та ҫитсе килет. Иртёнсе кайна саманара мён кәна курман пулө. Унта — саванәҫе те, инкек-синкекө те. Хәшө нумайрах? Вёсене виҫес пулсан тараси те хуҫәлса анө.

Уйрәм ҫын шухайшө элчел ҫитсен татәлать. Халәх аставамө ҫеҫ вёсрен вёҫе, ламран лама тәсәлать тетпөр. Ҷапла-ши?

Ман несёлсем, тәхәмсем

Халәхәмәр әҫтан, хәҫан пуҫланса кайнине пөлесшөн кәсәкланатпәр, апла та капла шухайшласа пәхатпәр, төрлө теори шухайшласа кәларатпәр, вёсене археологи, этнографи япалисемпе ҫирөплетме тәрәшатпәр, чөлхемөре төпчесе кәк тымарне хыпашлатпәр. Анчах паян кун та чәваш чәмәртанса пөр халәх пулнине ҫирөплетсе калаймастпәр-ха. Наука ҫирөппөн, анчах вәраххән аталанса пырать, авалләх вара кашни кун, кашни сүл пиртен инҫерех те инҫерех тарса пырать. Апла пулсан халәх хәйөн Пуҫламәшне төрөссипе пөлессе шанма сук. Әҫтан пөлтөр-ха әна вәл ҫынсем хәйсен несёлөсене виҫө-таватә сыпәк таран та пөлмеҫсө пулсан! Кам калама пултарө паян хәйөн мән аслашшө-асламәш әҫта, хәш масарта выртнине? Эпир, вёсен тәсәмөсем, үсентәран пек, вьльәх пек ёрчетпөр, тур панә ёмөре пурәнса ирттеретпөр. Хәмәрән тәхәмсене асран кәлармастпәр, анчах несёлөмөрсене сүл иртнөҫем мансах пыратпәр. Пархатарсәр этемлөх. Вёсене ламран лама асра тытса пырсан халәхәмәрән историне те пөлөттөмөр. Халө вара, вьрәса тухса пына саманара, наци әставамө макалса пына вәхәтра, хәмәра хәмәр вуҫех те сүхататпәр. Чәвашран тухнә атте-анне чөлхине пөлмен ҫын пархатарсәр ҫын ҫеҫ мар, сурма ҫын. Халәх историйө чөлхе-

ре упранса юлнă, чи малтан ăна тĕпчемелле, пĕлмелле. Юнран килекен (код) витĕмĕ сăн-сăпатра сыхланса юлать, «епĕ вырăс, паспортра сырнă» тесе ĕнентерекен сăн-пичĕ «епĕ чăваш» тесе кăшкăрать. Леш тĕнчери несĕлĕмĕрсене тинех ĕнтĕ нимех те кирлĕ мар, вĕсене асра тытни пире, чĕррисене кирлĕ: чун-чĕре те, ăстăн та пушă ан тăтăр пирте.

«Хуратнă кĕмĕл» кĕнекере эпĕ арсын енчен килекен йăх тымарне илсе кăтартнăччĕ. ăна Митта Петĕрĕн ывăлĕ Вингер 1991 çулхи ноябрь уйăхĕ тĕлне хатĕрленĕ, малалли тата тĕпчев сăмахĕсене эпĕ хушнăччĕ.

Исмук (Исма) – араб тата çенĕ перси (Исмаэл) сăмахĕнчен пулса кайнă. Каярахпа тĕрĕксен ачашласа каланине пĕлтерекен **-ук-** татак хутшăннă, вырăсла – **-ов** хушса хунă, вара **Исмук**ов хушамат пулса тăнă. (Бернд Шернер. Арабские и новоперсидские заимствования в чувашском языке. ФРГ, 1977. С. 153). Митта Ваçлейĕн Кун кĕнекинче çапла сырса хуни пур: «... масар çине кайрăмăр. Унта ман асаттесем – Митта тата Исмук». (Митта Ваçлейĕ. Çырнисен пуххи. 2 том. Шупашкар, 2005, с. 399). Пĕр сырăвĕнче Вингер Петрович çапла сырнăччĕ: «Хамăр несĕлсем çинчен сырни эпĕ пĕлнĕ тăрăх санăннипе пĕрех. Урăхла каласан Исмукран маларах кам пулнă пирĕн ăрура – мана халлĕхе паллă мар. Тен ăна эфир пĕлейместпĕр те – ваттисем кайсах пыраççĕ. Исмукпа Митта тĕне кĕнĕ малтанхи чăвашсемех мар пулсан та (тен, Исмукан ашшĕ, е аслашшĕ?) пĕрремĕшĕсен ĕретĕнче пуль...»

Малтанхи Митта Ваçлейĕ манан мĕн асатте пулнă. Вингер Петрович сыруне малалла тăсапăр: «Митта Ваçлейĕ 1908 çулта вилнĕ пулмалла. Василий Егорч çапла каласа паратчĕ: «ăна тĕне кĕртнĕ чух пуп пĕр Митта Ваçлейĕ вилчĕ, тепĕр Митта Ваçлейĕ çуралчĕ, ун ятне хурас, ячĕ ан çухалтăр тенĕ пулать». (В.П. Митта сырăвĕсем ман архивра упранаççĕ. Малалла Вингер сăмахĕсемпе усă курнă). Исмук Элексейĕ çак сăмаха сирĕп-

летсе паратчѣ. А́на ёненес пулсан Исмаэл сулсу́рен араб (тен, тутар?) пулнӓ, чире пула Арапу́сёнче чаранса та́ма лекнѣ те те́пленсех кайнӓ. Те́не ке́нѣ хы́сқан та́лах ара́м патне киле ке́нѣ.

Исмук йӓхёнчен хут вѣреннѣ самаях паллӓ сынсем тухнӓ. Хам пѣлнѣ таран кѣскен кӓна сӓпатласа тухам.

Митта Ва́слейёпе (1859-1908 сс), Митта Гриши (1869-1937 сс.) пѣртӓвансем. Иккѣшѣ те а́сла-та́нлӓ, патвар арсынсем пулнӓ.

Пулас поэта Василий Никитич ятне панӓ. Иккѣшѣ те хѣрѣх та́ххӓрта винѣ. Китай философийёнче «Школа имѣн (минцзя)» вѣренту́ пур. Этем кун-сулѣ вѣсене мѣнле ят панинчен килет имѣш. Мистика? Анчах пирѣн несѣлсем, христиан те́нне йышӓничченхи чу́клевсѣсем, усал ша́пана улталас тесе ачисене кайӓк ячѣсене панӓ: Чѣкес, Курак, Ша́пчӓк, Ша́нкӓрч тата ыт.

Василий Никитичӓн ви́сѣ ыва́л (Мѣтри, Э́нтри, Лява) пулнӓ. Пиллѣкмѣш сыпӓк а́раснах ёрчевлѣ, йышлӓ, анчах Аттелѣх ва́рсинчен 16 арсынран саккӓра́шѣ килеймен.

Мѣтрин ыва́л пулман. Э́нтри (Э́нтѣрьян) ыва́лѣсем: Ма́ксам, Пе́тѣр, Э́веркке, Микулай. Я́кур ыва́лѣсем: Илле, Ва́слей, Пе́тѣр, Иван, Я́кку, Коля. Лява ыва́лѣсем: Э́лександр, Ста́ппан. Э́нтѣрьян, ман асатте, ва́там пу́ллѣ старикчѣ. Пирѣн пата хутран-ситрен килетчѣ. Чѣлѣм туртатчѣ. Вучахри кӓвара ал тупанѣ сине хуратчѣ те вутуссипе чѣлѣмне ма́кӓрлантарса яратчѣ. Исмук йӓхѣсем йӓхран йӓха вѣлле-хурт тытнӓ. Асатте сичѣсакӓр вѣлле тытатчѣ, анчах пире, Э́веркке ачисене, пыл тутантарса па́хнине астума́стап. Те́п кил ху́си асатте мар те́пре ю́лнӓ кѣсѣн ыва́лѣ Микулай тете пулнӓ ахӓр. Пы́тармасӓр каласан, атте та́ванѣсем хы́тӓ сынсем пулнӓ. Те́слѣх? Атте ха́варнӓ ула́м витнѣ су́рт кивелсе сѣрѣшнѣччѣ, а́на па́сса, пѣренисене ула́штарса-сиплесе сѣне́рен ха́партмаллаччѣ. Атте енчи та́вансенчен пѣри те пѣр кун та ту́левсѣр пула́шма пымарѣс. Йысна, анне

йәмәкән упашки, Степан Егорович Лысков, таврари аста платник, вара ниһсан та пиртен пёр пус та илмен.

Петёр тетене курман, вәл вәрәра вилнә.

Максам тетене лайах аставатап. Сұллә те сарлака сан-сурәмлә, кәреҫе сухалләччә.

Эверкке, ман атте, Максам тете пекех сұллә те патвар кәлеткеллә пулнә. «Асунтан пиләк эрнере юлнә эсә, — каласа паратчә анне. — Сәпкаран сәклерә те сана вәрәса тухса кайнә чухне: эп сана текех кураймап әнтә, ывәләм, эсә мана курайман, — тесе сывпулашрә тет.

Лашасене юратнә, вәсене вәл тәтәшах уләштарса тәнә. Пасартан ураһ лаша туянса килсен куклентерсе пуртех илсе кәретчә тет.

— Марье, пәхса ил-ха эс әна. Епле хухәм вәл, сұллә. Куәсем тулли черкке пек, пәрре пәхсах пәлтәм — әслә. Ку сәлтәр сәмкана текех уләштармастап., — каласа паратчә анне. Анчах хәй тепёр пасара тухатчә-тухатчех тет.

Сивәч чәлхеллә те йәкәлтәмәш пулнә ман атте. Хәйән тетәш-шәлләсене пәхәнтарса тәнә. Әнтәрьянән тәватә ывәлә те пёр кунта вәрәса тухса кайнә, пёр батальонра сәпәснә. Икә ывәлә унтан таврәнайман, Максам тетепе Микулай тете атте сәнчен сәмах хускатсан темән каласа пәтерместчәс. Вәсем, ахәртнех, Эверкке мәнле-хәсан вилнине пәлнә.

Аттен Калинин фронтәнчен янә юлашки сыврәвне халә те упратап.

Микула тете вәтам пү-силлә, чее сән-сәпатлә сывнчә. Сәмси курпунтарахчә. Пирән әратнере ман карчәк пек илемли сук, — тетчә вәл. Кәмәл-сипечәпе ләпкәччә. Пирән пата килсен аттине-калушне хывса кәместчә пурте, тирпейсәртерехчә. Анне, тасаләха-тирпейләхе юратаканскер, әна асәрхаттарсах тәратчә.

Тимахвин тәватә ывәлә те вәрәра пулнә. Асли, Илле, унтан килеймен. Вәсенчен **Элексей тете** асра юлнә.

Пёвё-сийёпе ватамччэ, сән-сәпачёпе тутара асилтеретчэ. Ахальтен мар ялта а́на Сабир тетчэс. Вәрҗаран таврәнсан вәл мән виличченех калхусра тимёрҗёре ёсҗлерё. Пирён а́ратнери арҗынсенчен Элекҗей тете чи сивёч чёлхеллэ те шўте а́нланакан җынччэ. Эпё ун тавҗарула́хёнчен телёнеттём. Ун төслёхёсене хам пурнаҗсра вырнаҗуллă уса курни сахал мар пулнă. Акă пёр төслёх.

Арапуҗ пасарне төрлэ ялсенчен пуханатчэ халăх. Шанкартам, Пикшик тутарёсем катан пир пёветмелли төрлэ төслэ краска сутатчэс. Нумайрах пултър тесе хәрәм хушатчэс унта, Хусантан калуш илсе килсе сутă таватчэс. Пёр вырсарникун хёрлэ пумаҗей ашлă тарән калуш туянса патәм Элекҗей тетўне, — каласа паратчэ инке. җёнё калуш та́ханса кўрше каҗнă вәл. Урамалла тухмалли крыльцине җунă пулнă, Элекҗей тете калушне урамах лартса хаварнă. Тухаҗсё те хайхи — калуш җук. Аслă урампа иртекен тутарсемех илсе кайнине чухласа илесҗё. Асатма тухнă кўршё хыпанса ўкет. Элекҗей тете җес ним пәлханмасър тарать. — Юрать-ха илсе кайнă, атту урана тарлаттаратчэ ку пумаҗеллэ калуш, — тенё вәл, камаллән кулса.

җак путише нумай җул иртсен те вырәнлă уса курнаҗчэ эпё пёррехинче. Кёретлөх самани пуҗлансан хашпёр тиексене парти хушмасарах уса пухура сасаласа суйлатчэс. Чаваш писателёсен ертўсин вырәнё пушаннă. Суйлав пуличчен икё кун малтан ман хваттере Георгий Васильевич Краснов халăх писателё пёр «юлташне» (0,5) җаватса килчэ. Унччен вәл правлени председателё пулнă, темиҗе роман авторё, җынна тарават җын. Уҗамлă каласу.

— Атя сана суйлатпър Союз ертўсине. Хветёр Агивера унта ларса җитет. Эсё җентеретёнех. Союзри поэзи секцине а́наҗлă ертсе пыратән, ятлă-сумлă поэт, — терё Георгий Васильевич.

Кётмен эпё ун пек каласăва, председатель пулма

тёлленмен те. Агивера та кўрентерес килмест. Въл тах-
санах хатёрленнѣ ёнтѣ суйлава, юлташѣсемпе ларса
тѣплѣн канашласа та илнѣ пуль. Эпѣ вара никампа та
калаѣсса татълман, ыран мар тепѣр кун — суйлав!

Агивер пѣр сасѣ ытларах пухрѣ. Суйлав хыѣѣѣнхи
сѣмахра ман майлѣ сасѣлакансене те, ѣраснах мана
хирѣѣ пулнисене те тав турѣм та Элекѣей тетен пу-
тишне каласа патѣм.

— Юрать суйламарѣр ѣак яваплѣ вырѣна, ытла тар-
ласа ѣѣлемеллечѣ, — терѣм. Ёѣтешѣмсем ман сѣмаха
кѣмѣллѣн йышѣнчѣѣ.

Чѣнах та Союз председателѣнче доктор диссерта-
цийѣпе ѣѣлеме вѣхѣт юлмаѣтчѣ, писателѣсемпе «ѣѣсе-
тавлашсах» кун кунлаттѣмчѣ ёнтѣ.

Митта Гриши енчен килекен тѣваттѣмѣш пусѣмри
арѣынсем ѣинчен ѣырса хѣварнѣ асаилѣсем ѣукрах. Вин-
гер Петрович ѣыруне вулѣпѣр.

«Якур (Митта Ваѣлей поэтѣн ашшѣ) шѣте юрата-
кан ѣын пулнѣ. Пѣрремѣш хут ѣна часах авлантарман.
Мѣшѣрне Кивѣ Эпѣѣрен кайса килѣшнѣ, анчах Якура
илсе кайман. Пулас арѣмне вѣл пѣрремѣш хут чиркѣ-
ре, венчете тѣрсан курнѣ. Пѣхать те Якур, ун умѣнче
карчѣк тѣра парать, тет. Шанк! йѣванса каять Якур.
Пупѣ те чѣе чѣваш пулнѣ курѣнать. — Ачам, тѣрсам.
Турѣ ѣырнинчен иргеймѣн, — текелесе тѣратать те вен-
чет туса ярать. Якур арѣмѣ нумаях пурѣнайман.

ѣав вѣхѣталла Анаткастри ѣирѣк Йѣкѣначѣ вилсе
кайнѣ та Матѣрнепе ѣинка ятлѣ хѣрне тѣлѣха хѣварнѣ.
Якур унпа тѣл пулса каласнѣ, ѣѣнѣ ѣемье ѣавѣрма
ыйтнѣ. Матѣрне, Якуртан 15 ѣул кѣѣѣнрехскер, пулас
мѣшѣрѣ ытла ватѣ тесе качча тухасшѣнах пулман. ѣапах
та Якур ѣна ѣавѣрма пултарнѣ, итлеттернѣ.

Матѣрне сѣнран чипер те кѣмѣллѣ, ѣѣчен хѣрарѣм
пулнѣ. Ёѣкѣ-ѣикѣре мѣнле те пулсан ѣѣнѣ юрѣ пуѣласан
«Ку Гриша Якур арѣмѣн юрри» тенѣ. Йѣкѣнат хѣрне
ѣинкана ѣемьерен уйѣрса пѣхман. ѣитѣнсе ѣитсен вѣл

Степанов Хветут Мишшине качча тухнă, йышлă та туслă ҫемье ҫавăрнă».

Илья Егорович 1901 ҫулта ҫуралнă. Граждан вăрҫине хутшăннă. Избач, учитель, парти ҫынни, колхоз председателĕ. 1942 ҫулта вăрҫара вилнĕ.

Василий Егорович. Митта Ваҫлейĕ поета пурте пĕлетпĕр.

Ун пирки пирĕн пичетре нумай ҫырнă. Тен, «ытлашшиех те» тейĕҫ хăшĕсем. «Вунҫичĕ ҫул совет лагер-ĕсенче ларса кур-ха» теес килет ман вĕсене. 17 ҫул хушшинче мĕн чухлĕ савă ҫыратчĕ вăл, ҫаваш поэзине самаях пуянлататчĕ. Ун шăллĕсем те хайсен юррине юрласа ёлкĕреймен. Ҫаваш литературинчи чи синкерлĕ ятсем: Ваҫлей, Петĕр, Коля Миттасем. Кая юлса пулин те тĕрĕслĕх ҫĕнтерчĕ тейĕпĕр, анчах мĕскер усси?!

Пурăнăҫа, пуҫа пушмак тивсессĕн,
Ирĕксĕрех иккĕленсе виҫен:
Мёне пĕлтерĕн, тĕрĕслĕхĕм, эсĕ
Эп тĕрĕсмарлăх аллинче вилсен?!

Сапла ҫырнăччĕ эпĕ «Митта» поэмăра.

Петр Егорович — Митта Петĕрĕ ҫинчен сахал пĕлетпĕр эфир. «Ял калаҫать» чылай хулăн кёнекине вулатăн та вăл талантлă прозаик пулнине туйтăн: чёлхи те таса, шухăшĕ те тарăн. Хайне сăмах парăпăр — паллăшăр. Автобиографине Миттасен почеркёпе хай ҫырнă. Ана пĕр улăштармасăр илсе кăтартатăп.

«Я, Митта Петр Егорович, родился в 1910 г. в селе Большие Арабузи Тархановского района Чувашской Авт. ССР в бедной крестьянской семье. В 1919 г. поступил в сельскую школу, где окончил 7 классов. В 1926 г. поступил в Батыревский педтехникум. Не окончил. Ушёл с предпоследнего курса.

С 1929 по 1931 г. работал председателем колхоза «Красный Луч» Тархановского района Чувашской АССР.

Был организатором этого колхоза. Силами коллектива был построен крахмало-паточный завод.

С 1931 по 1932 г. работал секретарем Батыревской районной газеты «Знамя Октября».

С 1932 по 1934 г. находился в рядах РККА.

С 1932 по 1937 г. учился во Всесоюзном коммунистическом с/х университете им. Я. Свердлова.

С 1937 по 1939 г. работал сотрудником литературного отдела областной газеты «Чувашская Коммуна».

С июня 1937 г. являюсь кандидатом в члены Союза Советских писателей СССР. Имею три сборника оригинальных произведений, изданные в Чувашском Госиздательством. В данное время продолжаю работать над повестью о легендарном герое гражданской войны Крепове».

К сему Митта.

5 февраля 1939 года.

Петр Егорович 1939-мэш султан пусласа 1941 сулхи август уйăхеччен Марпосадра вярман техникумёнке чăваш литературин преподавателё пулнă. Унта âна арестленё. Вингер Петрович пёлтернё тăрăх вăл 1944 сулхи январён 27-мэшёнче мар, 1942 султа Сурсёр Уралти Невьянск хулинче лагерьте вилнё.

Мён салтавапа хупнă-ха âна?

1941 сулхи декабрён 6-мэшёнче сырнă Кассаци сыр-ăвёнче Петр Егорович сапла сырать:

«Приговором Верховного Суда Чувашской АССР от 10/XI-1941 г. я присужден по ст. 58-10-1 к 10 годам тюремного заключения с поражением в правах на 5 лет. Приговор суда считаю совершенно неверным, потому что...» Малалла йўтёмёсене илсе кăтартать, вăрса яма ирёк ыйтать.

Марпосадра ёсленё чухне Петр Егорович юлташёсене С. Есенин сăввисене вуласа панă иккен. Ку кёнеке 1940 султа тухнă. Унта çакан пек йёркесем пур:

«Пароходы идут мимо пристани,
Будем рыбок кормить коммунистами» —
Так запели вчера кадеты, эссеры.

Ахаль калаşура Константин Иванов пирки сáмах хускатнá. Юлташёсенчен пёри, Шигильчев текенни, Митта партипе Совет влаşне хирёс калаşнá тесе сырса ярать. Ана эфир РСФСР Верховнай Сучён Постановленийёнчен (1955 ҫул, октябрён 29-мёшэ) пёлтёмёр: «Свидетель Шигильчёв, уличивший Митта, судом не допрашивался».

Ҫав постановленипех Петр Егорович Миттана реабилитациленё. «Делопроизводство прекратить за недоказанностью обвинения» тенё унта. Тёлёнмелле: маларах Митта калаşáвёнче партипе Совет влаşне хирёс шухáш ҫук тесе ҫирёплетнё, анчах ҫав таса мар ёҫе «за недоказанностью» тесе пётернё. Логика текенни ҫук-кипе мар, каласа пётерменни пур ку постановленире.

Нумай чухне эфир «самани ҫапла пулнá ёнтё ун чух» тетпёр те сапáр пулатпáр. Мён чухлё ёмёт, мён чухлё тáвас ёс татáлнá совет тёрминче. Вáтáр пёрти вáйпитти ҫыннán пултарулаҳри таланчё уҫáлса кáна пынá ун чухне, пёр ылханлá ҫын ҫáхавё ун кун-ҫулне татнá.

Митта Петёре СССР писательсен 1-мёш съездчён делегачё пулнá, эпё — СССР писательсен юлашки (IX) съездчён делегачё пулнáччё, унта поэзи секцийён ларáвёнче тухса калаşнáччё. Миттасен пултарулаҳё, вёсен кун-ҫулё, синкерлё шáпине аса илнёччё.

Иван Егорович, литературáри псевдонимё — **Митта Ара**. 1915-мёш ҫулта ҫуралнá. Фельетонсем, шúтлё калавсем ҫырнá. «Капкánра» Иван Мучипе килёштерсе ёсленё. Жюль Вернán «Дети капитана Гранта» хайлавне чáвашла куҫарнá, «Таинственный остров» кёнекине куҫарма пуҫланá. Вáрҫáра аслá лейтенант пулнá. Кавказа хúтёленё чухне йывáр аманнá, 1943 ҫулта госпитальте вилнё.

Яккупа Коля Миттасем — чи сáмрăккисем, чи кёске ёмёрлисем. Якку 6-мёш класс пётерсен каникул вăхăтёнче кёлте турттарнă чух сасартăк чирлесе ўкнё те операци тунă чухне вилсе кайнă. Ку вăл 1931 сұлта пулнă. «Якку сáвасем сырнă, пысăк шанчăк паракан сáмрăк пулнă» — аса илет Вингер Петрович.

Николай Егорович — Митта Коля темшён мана сывăхарах туйăнать. Вăл 1923 сұлта суралнă, тăхър класс пётернё хысқан Шупашкарти театр училищинче вёренин. 1941-42 сұлсенче шартлама хёлле Сиява патёнче, Сър тăрăхёнче траншейсем-укрепленисем тунă сёрте ёслен. 1942 сұлхи ака уйăхёнче върса тухса кайнă, 1943 сұлта хыпарсър сұхалнă. Сáввисене чылай хаçатсемпе журналсенче пичетлен. Герольд Лукоянов пухса хатёрлен «Вёсленмен юрăсем» кёнекере виç-тáваттáшне илсе кáтартнă.

Юлашки сырăвне Николай Митта сáвállа сырнă.

Сакă сырăва упра та

Яланах вула.

Ыталатáп, чуптáватáп, —

Ывáлу Куля — тесе вёслет вăл хай сырăвне.

Пёрремёш Митта Васлейё енчен килекен улттáмёш сыпáкри пállă сынсенчен Санька тетене, Иван тетене асáнмалла. Митта Гриши енчен — Вингера.

Александр Максимович Исмуков, 1923 сұлта декабрён 5-мёшёнче Аслă Арапусёнче суралнă. Чáваш ялхусалáх Аслă шукулне пётерн. Аслă Аттелёх върсинче Александр Максимович капитан взвод командирё пулнă, вăл «Хёрлё Сáлтър», «Аслă върсáн пёрремёш степенълё» орденсене, нумай медальсене тивёсн. Върсáран аманса таврáннă, уксахлани самаях пálláч. Партипе совет тыгáмёнче ёслен. Юлашки вăхáтра «Шурут» калхус председателё пулнă. Санька тете 1995 сұлта вилн.

Александр Максимович йáрás пўллё те илемлё сáн-

питлӗ, йӗрки-аркине пӗлекен ҫынчӗ. Кашни тӑванне вӑрҫӑра паттӑрлӑх кӑтартнӑшӑн панӑ укҫине почтӑпа ярса паратчӗ. Пире те 300 тенкӗ уйӑрса панӑччӗ. Унпа пӗр стакан тӑвар илме пулнӑ. Вӑрҫӑ хыҫҫӑн та пулӑшатчӗ вӑл пире. Астӑватӑп, мана лайӑх вӗреннӗшӗн хӗрлӗ пурҫӑн галстук илсе панӑччӗ, ӑна кӗршӗ хӗрачи вӑрланӑ тесе шутлаттӑм.

Мария Ильинична тесе хисеплетчӗ вӑл ман аннене. Ленин йӑмӑкне ҫапла чӗннӗ. Анне уншӑн савӑнатчӗ. Санька тете «Беломор» туртатчӗ, кӗлне вучах умне тӑкатчӗ. Атӑ ҫинчен тӑхӑннӑ калушне ҫартлашка ҫине хывса хӑваратчӗ. Инке питӗ хитреччӗ, анчах вӗсен ача пулман.

Вингер Петрович Митта, 1932 ҫулта ҫуралнӑ. Кашни учительсен институтӗнче вӗреннӗ, Хусан университетне пӗтернӗ. Пултарулӑх ҫулӗпе кайман, ашшӗн тата тетӗшӗсен синкер шӑпи ан лектӗр тенӗ пуль. Ӑслӑтӑнлӑ, пултарулла ҫынчӗ, чӑвашла та вырӑсла та таса калаҫатчӗ, тутарла пӗлетчӗ. Унӑн «Тӑван Атӑлта» пичетленнӗ «Кавказ ҫулӗпе» очерк майлӑ хайлавне халӗ те астӑватӑп. Сӗтеклӗ чӗлхе, ытлашши нимӗн те ҫук. Ӑна Митта Васлейӗ хӑй редакциленӗ пулас. Ун чухне вӑл журнал редакцийӗнче ӗҫленӗ. «Кавказ» кӑмӑла йӑнӑҫтерсех ҫитеймерӗ. Пӗрле калаҫнине эсӗ шута илсех кайман. Малтанлӑха юрӗ. Малашне тирпейлӗрех тӑвӑпӑр», — ҫырать Василий Егорович 1957 ҫулхи пуш уйӑхӗнче.

Мӗншӗн мана ҫапла ертсе пыракан пулман-ши?..

Вингер Петровичпа эфир Ишлӗ-Шетмӗ шкулӗнче пӗрле ӗҫленӗ. Вӑл — директор, математикапа географы вӗрентетчӗ, эпӗ — физкультурӑпа физика учителӗ. Пӗвӗ-сийӗпе тӗреклӗ те анлӑ тавракурӑмлӑччӗ вӑл.

Ҫуркуннесерен сунара ҫӗреттӗмӗр. Ялтан 12-15 ҫухрӑмра тикӗтстан пӗрчӗ пурччӗ. Шӑматкун каҫ енне кайса выртаттӑмӑр унта, ирхине кӑвак ҫутӑпа вӑрманна тухса каяттӑмӑр тӗрлӗ еннелле. Йытӑ пек ывӑнса килеттӗмӗр

киле, текех каяс сук тетгёмёр. Эрне иртеспе каллех чун йашкама пуслатчё.

— Атя, Коля, вәрман шывё йәтәнса аниччен тепре кайса килер те, текех... — сәмахне каласа пётерместчё Вингер Петрович. Мён таван — сунарса чунё саван пек канәссәр ёнтё вәл. Таватә сул хушши сурерёмёр ухутана, таватә султа иксёмёре пёр карак тытрамәр. Каракё пилёк килона яхан таятчё, какайё хыр тути калатчё.

Асла Арапусёнче пирён тәп килсем пёр-пёринчен инсех мар. Вингер амашё, Атгус аппа, пурәнатчё-ха ун чухне. Ишлё Шетмёрен таван яла тәтәшах суретгёмёр. Астәватәп — пёррехинче, сурхи шыв шавласа юхнә вәхәтра, Сител урлә киле кайма тухнә. Умра пысаках мар анчах таран сырма. Кёпер тавраш сук, сиксе казма шуларамәр. Малтан кутамкасене ывәтрамәр, унтан эпё сиксе касрам. Вингер Петрович йәнәшрах пусрө пулмалла, тапса сикмелли сёр лаптәкё ишёлсе анчө... Шыв юххи май тепёр вунә утамран тин вёсерёнсе тухрө, ана сётёрсе каларнә чух хам та май таранах йёпентём. Шанса пәсәласран Сител лапкине кёрсе вёри эрех ёсрёмёр. Вингер Петрович табак туртмастчё, анчах «сугтине» тёртсех яман. Турра шёкёр — чирлемерёмёр. Самрак пулнә, теветкеллө пулнә.

Шел — эпё Шупашкара кусса кайсан унпа тәтәшах тёл пулман, сыру вёссён сывләхсем сінчен пёлетгёмёр. Ман тетепе килёштеретчёс вёсем. Иван Аверкиевич сула май тәтәшах кёрсе тухатчё ун патне. Каштах сыпатчёс пулмалла.

Иван Аверкиевич Исмуков 1938 султа суралнә. Шкул пётерсен комсомол путёвките Сурсёре кайнә, Малая Перу, Печора, Ухта таврашёсенче чукун сул хывнә, унтанах салтака кайнә, мединструктор пулнә. 1966-мөш султа Хусанти медицина институтне пётерсен таван яла таврәннә. 1966-1969 сулсенче Первомайски больницинче, 1969-1975 сулсенче Турхан больницинче тәп врач пулса ёсленё. 1975 султа ала Первомайскине кусарнә,

унта вӑл 1991 сӑлчченех тӑп врачра вӑй хунӑ. Тӑрлӑ ху-
лара тӑрлӑ хатӑрлев курсӑсенче вӑренсе терапевт, рен-
генолог, хирург ӑсталӑхне алла илнӑ. Мединститутра
сӑр кафедриначе вӑреннӑ, переподготовка текен сруксе-
не ирттерсе майор званине илнӑ.

Патӑрӑел энциклопедийӑн 2-мӑш томӑнче Иван
Аверкиевичӑн ӑсӑ-хӑлӑ сӑнчен тӑплӑнрех сӑрнӑ.

Исмук ӑрачӑ сайралансах пырать. Иван тетен пӑр
ывӑл, Вингерӑн — пӑр ывӑл, манӑн — пӑр ывӑл. Ан-
чах ман мӑнукӑмсем пиллӑк тан. Савӑ савӑнтарать.

Василий Вингерович Митта 1961 сӑлта сӑралнӑ. Мус-
кавра пединститут пӑтернӑ. Наукӑра ӑнӑсӑлӑ ӑслет, гео-
логипе минералогии кандидачӑ.

Николай Николаевич Исмуков 1965 сӑлта сӑралнӑ.
Сӑрпӑри вӑтам школ хыссӑн Чӑваш патшалӑх универ-
ситетне пӑтернӑ, врач. Савӑ сӑркалатчӑ, манӑн хӑш-
пӑр савӑсене вырӑсла кусӑрнӑ, вӑсем «Сӑлри сӑлтӑрсем»
кӑнекере тухнӑ. Чӑлхе туйӑмӑ пур, анчах литературӑри
пултаруӑлахне аталантарман. Ун вырӑнне наука кӑнеки-
сем кӑларать. Васкамасӑр, анчах тӑплӑ ӑслет. Унӑн кӑне-
кисем: «Здоровье без лекарств». Изд-во «Чувашия», 2000;
«Адаптированная йога для всех». М., 2004; «Адаптиро-
ванная йога для всех», Ростов на Дону. Изд-во «Фе-
никс»; Без наркотиков. М., «Грант-Фаир», 2002; В сто-
личных изданиях готовятся к выходу две новые книги
«Сопроводительное лечение онкологических больных»
и «Неформальная наркология».

Ытти сӑршывсенче пичетленнӑ статьясем.

Пурнӑсри чи пысӑк сӑтӑнӑсем: Григорий, Егор,
Макар.

Александр Иванович Исмуков, 1975 сӑлта сӑралнӑ.
Чӑваш патшалӑх университетне пӑтернӑ. Юрист.

Григорий Николаевич Исмуков, 1989 сӑлта сӑралнӑ.
Чӑваш патшалӑх университетӑнче электроэнергетика
факультетне хӑрлӑ дипломпа пӑтернӑ. Савӑнтах аспи-
рантурӑра вӑренет, студентсене вӑрентет.

Егор Николаевич Исмуков, 1994 султа суралнă. Ломоносов ячĕпе хисепленекен Мускав университетĕн механикапа математика факультетĕн студентĕ.

Анне енчен калакан несĕлсем шинчен эфир питĕ сахал пĕлетпĕр. Тен, чăвашсен матриархат тапхăрĕ тахçанах иртсе кайнă. Анчах чăваш чунне Анне ĕмĕртенех сывах пулнă — ку сұтçанталăк саккунĕпе килешÿллĕ.

Эпĕ, сăмахран, хамăн хайлавсенче Анне сăмаха яланах пысăк саспаллирен пуçланă, грамматика йĕркине пăхăнман тесе нixăш редактор та асăрхаттарман.

Анне енчен килекен несĕлсенчен хут пĕлен паллă сынсем сукрах. Кăшт-кашт пĕлнисем те тахçанах вилсе пĕтнĕ. Юрать-ха Анне хай сыва чухне (1992 ç.) каласа панисене кĕскен те пулсан сырса пыма ĕс ситернĕ. Сан аякри тăванусем шинчен пĕлни кама кирлĕ? — тейĕç хайшпĕрисем. Мана кирлĕ вăл, вĕсем умĕнче пуçăма тайса чун каннăçлăхне тивĕçтерме. Çак тĕнчерен кайиччен

Парăмсене татса хăвармалла:
Усаллине те ыра тунине те
Хайсен виçипелех тавăрмалла.

Çук çав — усал тунине те ыра тунине те тивĕçлĕ тавăраймастпăр. Çаванпа пирĕн пурнăçра тĕрĕсмарлăх хуçаланать.

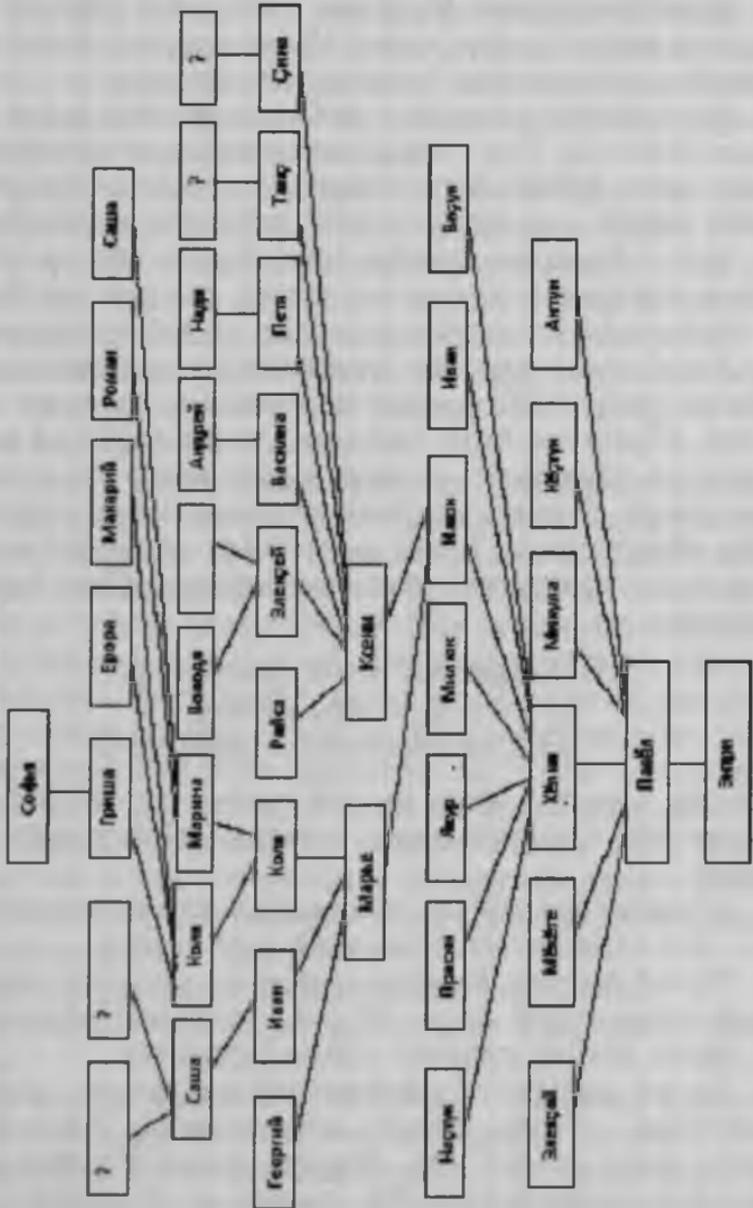
«Лучшее доказательство истинности произошедшего — это слово очевидца» тенĕ аслă Гегель.

Иртнĕ ĕмĕрĕн 30-мĕш сÿлесенче хай чăтса ирттернине каласа пачĕ Анне. 87 сÿла пуснăччĕ вăл ун чухне, çапах ĕстанĕ сивĕччĕ, сăмахĕ сирĕпчĕ.

Энтри ывăлĕн, Павăлăн, ултă ача пулнă, вĕсенчен тăваттăшĕ — ывăл. Манăн мăн кукашин, Хĕлипĕн, — пилĕк ывăл та икĕ хĕр. **Ваççук кукка** Улатărта аслă бухгалтер пулса ĕçленĕ. Вăл темиçе хутлă шутсене хушма-кăларма, хутлама-пайлама ĕс халлĕнех пултарнă. Нимĕçле ĕста пĕлнĕ. Парижра ирттернĕ темĕнле амăрту-

Մի ք տղամարդ *
(Առանց անունի)

* ԱՆՈՒ ԿԱՆՈՒՄ ԿԱՆՈՒՄ 1992 .

ран (конкурсан) ылтән медальпе килнӧ. Ёс сӧтелӧ хушшинчех аш ыратнипе вилсе кайнӧ. Ылтән медальне Хусан музейне паратпӧр тесе илсе кайнӧ та «сухатнӧ». Вацук куккапа пӧртӧван Илле — ман кукаси.

Илья Филиппович Филиппов вӧтам пӧллӧ, сӧтӧ сӧнлӧ тӧреклӧ арсын пулнӧ. Ялта аӧа Хвалля Илли тенӧ. Атӧкра суралнӧ. Тетӧш-шӧллӧсем уйрӧлса тухсан кукаси тӧпре юлнӧ. Семсе кӧмӧллӧ, сӧмаха виӧсе калацакан сын пулнӧ. Хут вӧренмесӧрех сырнӧ, вуланӧ. Вацса кукка пекех шут шӧрцисӧрех хушнӧ-каларнӧ. Тем те пӧлетчӧ — каласа паратчӧ Анне. Сӧлтӧр ячӧсене вырӧсла тата темле чӧлхепе каласа тухатчӧ тет, тепӧр сӧл мӧнле сӧнталӧк пулассине сӧлтӧрсем тӧрӧх пӧлетчӧ тет, вара «кӧрхи» е «сӧрхи», ыраш е тулӧ нумаирах акмаллине калатчӧ тет.

Аста столяр пулнӧ. Чӧваш тулашӧнче пурӧнанакан вырӧссен сӧрчӧсене эрешлемем илсе каятчӧс тет аӧа. Ёс-лесем илнӧ укӧсине пӧчӧк тимӧр арчана питӧрсе илетчӧ те укӧсине «Марье, эс манран тӧнлӧрах, тӧплӧ сӧрем пытарса хур» — тесе паратчӧ тет.

Кукаси иккӧ авланнӧ. Ман кукамай Нятус Тӧрмӧш хӧрӧ пулнӧ. Ача хысцӧн сӧврӧлсем вилнӧ. Вӧл ун чухнем 36-ра пулнӧ. Тепӧр арӧмӧ Анна таса вырӧс пулнӧ тетчӧ Анне. Эпӧ аӧа астӧватӧп: пӧвӧпе капмар та пысӧк куслӧччӧ вӧл, калацуран ирцеллем иклетни палӧратчӧ.

Тӧван кукамай хӧрӧсем: Марье — ман Анне, Ксени — пысӧк аппа, кӧсӧннисем вилсем пынӧ. Ленин декречӧмем хӧрачасемем те ятак сӧрӧ уйӧрса парсан кукаси питӧ савӧннӧ, Ленин «чӧн-чӧн чӧваш, хамӧр тӧван» тенӧ. Ленина хирӧс сӧмах калакан сынна «тӧшман» тенӧ.

Кукасин хуцӧлӧхӧ тӧреклӧ пулнӧ: виӧсӧ кӧлет, виӧсӧ вите, виӧсӧ лаша, виӧсӧ ӧнем, 17-18 сурӧх, аслашшӧнчен юлнӧ шывармань. Ялти хисеппем кукаси пуян пулнӧ, анчах вӧл сынна тытса ӧслеттермен. Пачах урӧхла — ун хӧрӧсем, Марьепем Ксени, кӧркуннесерем Арапусӧнчем тара кӧрӧшсем авӧн сӧпнӧ, кантӧр тылланӧ, тӧла тӧнӧ.

Калхус тӕвакан активистсем карма-ҕаварсем пулнӕ, начар тумланса ҕӱренӕ, хуҕалӕхра выльӕх-чӕрлӕх тытман. Ғурт таврашӕнчи ҕӕр лаптӕкне те тара панӕ, ун укҕипе ханша илнӕ. Кулаксене пӕтернӕ вӕхӕтра кӱрши-сене ухтарса ҕӱреме пуҕласан вӕсенчен шукаль тумланакан та пулман ялта. Умӕнче тарма ханша, какай, юр-вар. Тата мӕн кирлӕ?

Пирӕн тӕрӕхри активистсене лайӕх астуса юлнӕ ял ҕыннисем. Пӕри — Атӕк ҕынни Якур, вӕрӕмскер. Куҕӕсем шӕвӕ уйран тӕслӕ, ҕавӕнпа ӕна куҕран пӕхма асаплӕ пулнӕ. Тепри — Чакаран, хытанка та вӕрӕ куҕлӕ З. Якур. Ертӱҕи — Шӕхачран, ҕурри чӕваш ҕурри ирҕе Архентьев. Вӕл кашни кун пӕру пысӕкӕш йыттипе «ӕҕе» ҕӱренӕ. Уринче ун ялӕвай атӕ (ҕынран тӕпӕлтарса илни ӕнтӕ), хулпуҕҕи урлӕ — сӕран хутаҕ. Питне нихӕҕан та ҕуман, шыв лексен шатра тухса тулнӕ.

Якурсен вӕрӕ-хурах ушкӕнӕ уйӕх хушшинче тӕппипех пӕтернӕ кукаҕин ҕуртне. Малтан сурӕхӕсене пусса ҕинӕ. Вӕсемшӕн кашни кун пӕраҕник, ирхи апата Хвалля Илли патне васканӕ. Пӕр четвӕрт ханша сӕтел ҕинчех ларнӕ. Архентьев йыттинне сӕтел хушшине лартса ҕитернӕ. Чӕх-чӕп таранах ҕисе пӕтерсен ӕнесене таҕта илсе кайнӕ. Кӕлетри тырра, ҕурта, хуралтӕсене сӱтсе хамӕр лашасемпех калхуса турттарса кайнӕ, лашисене кайран какай тума тутарсене сутнӕ. Сӕхман валли сукнана, хушпу-тевет, умҕакки, мӕйҕыххисене тӕпӕлтарса илсе тухса кайнӕ. Кукамай икӕ хӕрӕпе мунчана куҕнӕ.

Кашкӕр чунлӕ ҕынсем паян та пӕтмен, вӕсем милици пулса кайнӕ.

Кукаҕине Шупашкар тӕрминне ӕсатнӕ. Унта вӕл пӕр ӕрнеренех вилнӕ. Йысна, Степан Егорович Лысков, Шупашкара ҕуран утса ҕитсен тӕрме хуралҕисем ӕна «Филиппова паян пытартӕмӕр» тенӕ, унӕн кӕпи-йӕмне кӕтартса. Персе пӕрахиччен тумтирри ан варалантӕр тесе малтан салтӕнтарнӕ иккен.

Мён каламалли — влаҫ ҫапла хушнӑ, самани ҫапла пулнӑ тетпӑр те сапӑр пулатпӑр. Анчах кашни ҫыннӑн ҫынлӑх пулмалла-ҫке. Мӑскӑн ҫын яланах пархатарсӑр, кӑвӑҫ ҫынна кӑве ҫисе ярать.

Митта Ваҫлейӑ те ҫавӑн пек таса мар юхӑма лекнӑ иккен. «Анат Туҫара Геннадий Пласкин шӑллӑне, Германа, шыраса тупрӑм. Халлӑхе вӑсем патӑнче. Тӑлӑнмелле, кунта эпӑ 25 ҫултан тепре таврӑнтӑм: ун чух тустарма, — халӑ хӑна пулма. Пласкинсене, Торговцевсене Йӑпреҫе ӑсатаканни эпӑ пулнӑ ӑнтӑ. Астӑватӑп, виҫӑ ача, амӑшӑпе пӑр лав ҫинче ларса пыраканскерсем... Кӑҫӑнни ун чух тӑваттӑра пулнӑ. Ҫав ачасем Пласкинсем пулнӑ», — ҫапла аса илет Василий Егорович 1956 ҫулхи август уйӑхӑнче хӑй активистра ҫӑренӑ вӑхӑта. Ҫӑр ыртнӑ вӑл Пласкинсем патӑнче, хӑна пулнӑ. Якурсен ушкӑнӑ пек иртӑнсе, ҫынлӑхран тухсах ҫӑремен курӑнать Митта Ваҫлей ушкӑнӑ.

Ҫӑлти Турӑ йӑлтах курса тӑрать тетпӑр. Анчах мӑншӑн вӑл усалсен вӑййине чарма кая юлса анать Ҫӑр ҫине... Тӑраниччен иртӑннӑ хыҫҫӑн хӑйсене тивӑҫлӑ вилӑм тупать Якур ушкӑнӑ: Архентьев текеннине хӑйӑн пӑру пысӑкӑш хура йытти (дог?) тапӑннӑ та пуҫне кӑшласа янӑ. Ахӑртнех вӑл пӑр-икӑ кун ӑҫӑр ыртнӑ килӑнче, хӑйне вӑлересрен хӑраса ҫуртне питӑрсе ҫывӑрнӑ. Йытти выҫӑ пулнӑ. Чакӑри Якур чиркӑве тустарнӑ хыҫҫӑн ҫурт тӑррине юсама хӑпарнӑ та унтан ӑнсӑртран ӑксе вилнӑ. Атӑк Якурӑ кукаҫин арманне ҫуркунне ҫитсен хута яма анӑ та кустӑрми ҫаврӑнса кайнӑ, ӑна хӑстерсе хунӑ. Ҫур кун кӑшкӑрса ыртнӑ унта вӑл, йӑри-тавра пухӑнса тӑнӑ арҫынсем те ним тума пӑлмен.

Ҫак чуна ҫӑҫентерекен пулни-иртнине эпӑ Чӑваш тата Шупашкар митрополитне Варнавӑна каласа патӑм.

— Ун пек тӑслӑхсем нумай пӑлетӑп эпӑ, — лӑпкӑн та шухӑшлӑн пуҫларӑ владыка хӑй сӑмахне. — Вӑсем пурте пӑкле вилӑмпе вилнишӑн тӑлӑнмелли ҫук. Турӑ пурне те курса, пурне те пӑлсе тӑрать.

— Апла пулсан мёншён пёле тәркач усалсене усал ёс тума чармалла мар Унән? Е въл хай тунă тёнчере мён пулса иртнине пăхса тăраканё (пассивное начало) сес-и? Тен, эпё Туррән тупсамне куспа курса, чунпа туйса илейместёп, а́на а́нланса пётерейместёп?

Сак пирён аш-пиллё каласăва «Ялавра» пичетлесе каларнăччё. А́на владыка ашшан йышаннăччё.

Архивсенче нумай шырарам кукашин сулне-йёрне. Нивушлё ништа та сырәнса юлман-ши а́на арестлени, персе вёлерни, а́ста пытарни. Шыва чул пăрахнă пек пач сухалчё въл, тёнчере пуранман пекех ячё-шывё те сук. Пархатарам сак асаилу́ллё хайлав пултър ун умёнче.

Сак биографилле хайлава Анне ячёпе вёслес килет.

А́нне сáмахран каласма пусланă эфир, пурнене ыраттарсан та Анне патне васканă. «Аслă Туррән ёсё пире усал тавасран сыхласси, пирён сылăхсене касарасси» — тенё Г. Гейне. Анне те Турăпа пёр тан пёлтерёше сурет: Нимёнле анне те хай ачине сын япалине тытма, вярлама, улталама вёрентмест, анчах тёрлё сáлтавсене пула усал тусан Анне пире касарать.

Юлашки сывлăшё тухиччен пирёншён тăрашаты въл. Вилсен те канăс сук а́на канăс тупнă тёнчере: телёкёмёре килсех тăраты въл, манса каймасть въл пире — йанаш утáмшан пашарханаты, инкек-синкек килсен пирён хуйаха хай сине илет, а́наслă куншан — саванаты. Инсе сула тухнă чухне те, ёсе кайма тухсан та эпё Турăпа пёрле, Анне пилёхёпе суремелле пултър тесе калатáп. Сак сáмахсем мана сыхласа пырасчё.

А́нне — Мария Ильинична Филиппова-Исмукова 1904 сулхи июнён 30-мёшёнче Атáкра суралнă. Пысак аппапа иккёшё ялта пуян хёрёсем шутланнă. 1929 султанпа вёсен пурнăсчё уппён-теппён саврәнса кайнă. РосГУЛАГ актитвичесёсем — ёслеме юратман сётёк-сатáксем хуса пулса тăрсан ялти ёсчен сынсем сука тухнă. Ун синчен эпё кáштах каласа панăччё.

Анне асла-танла та тирпейлөччө, Сука ертёмөр тесе сынлахран тухман. Ачи-пачисене саплакля пулсан та таса тахантартна. «Чипер арам» кассинчи херарамсене пахантарса таратчө. Те вёсен сылахёсене пёлсе таня ёнтө вёл, те хай сирёп характерля пулна... Самахсене татса калатчө, тутине чамарт хупса суретчө. Пире вёл шелленө те, сав вэхатрах хыта та тытна. Сын япалине тытма хушман. Хёллене вута хатёрлесе хаварайман — калхус лашисем пуша пулман. Йётем синчен улам вёрласа килеттёмөр те ирччен сунтарса пётереттёмөр. Калхус япали никаман та мар, анчах тытсан штраф паратчөс. Ыраш уламө хёрурех сунатчө. Улам витнө суртсем тивсе кайни те пайтах пулна.

Пёррехинче эпө калхус картинчи пөр вөрәм вёрлөке куç хывначчө. Пахчасенче улма каларса пётернөччө ёнтө. Хура кёрхи каç пахча хысёпе сётёрсе ситернөпе пёрехчө апа, вайран кайнипе тёшёрёлсе үкрём те вёрлөкө хама пусса вытрө. Нумайчен «канса» вытрам, йёл илсен аран-аран йараланса тухрам. Васкаса хаварт кана сыпаласа пытарса хугамар. Ирхинепе чёлтөр кана юр суса кайна, путак-шатаксене, вёрлөк йёрне пытарна. Ирех бригадир персе ситрө — вёрлөк шырать. Эсех сётёрсе килнө тет. Тупайманнипе тарыхса мана кёске пушшипе пит урлах лектерчө. Эпө вуниккери ача астан хирөс тарам апа, салтака кайса килнө Сулахай Ванюкне! Эсө висём кун лашапа икө мишук сёлө вёрласа килтөн калхусран, кёршөсем те курна сана, милицине паянах пёлтеретөп терөм. Шав-шава илтсе анне тухрө те Сулахая төртсе каларса ячө картишёнчен. Текех сас-хура пулмарө — тен, чанах та вёрланя вёл калхус тыррине, пырса ухтарсан вара япалисене тупатчөсех. Эпө вёрлөк вёрласа килнине хамар касри сартутля хёрлө пусла хөрача кайса каланя иккен. Павлик Морозов таванө пулман-ши вёл? Анне вара вёрлөк вёрланишөн хыта ятларө, тавсарулла пулнашан мухтарө.

Анне хисеплө сын пулна таврара. Вёрсаччен апа

виҫе яла пёрлештерсе тӑракан ял Совет председателне суйланӑ. Секретарё хут пӗлӗлекен тӑнлӑ ҫынччӗ, эпӗ вара пичете хамран яман — тетчӗ Анне. Ленин грамотине ҫухатнӑшӑн пӑшӑрханатчӗ. Таса та тирпейлӗ, тӑрӑслӑхе куҫран калама пултаракан ҫынччӗ вӑл.

Аттен пӑрремӗш арӑмӑнчен виҫе ача пулнӑ: Василий, Лидия, Илья. Ваҫса тете вуниккӑре чухне сар чирпе вилнӗ. Анне ӑна яланах мухтаса та шеллесе аҫнатчӗ. Илюк тете хитре сӑн-сӑпатлӑ ҫамрӑкчӗ, пысӑк куҫлӑччӗ, куҫ харшисем вӑрӑмччӗ. Анчах вӑл пӗчӗкӗллех картлашка ҫинчен ӑксе пуҫран айӑплӑ пулса юлнӑ. Тумтирри питех пулмасан та таса ҫӑрететчӗ ӑна Анне, кашни эрнере тенӗ пекех мунча хутса кӑртетчӗ. Ҫуркунне шыв-шур вӑхӑтӑнче тухса кайнӑ та ҫухалнӑ. Вӑл ун чухне вунсакар ҫултаччӗ.

Пӑррехинче, 3-4-мӗш класра чухне, тем айӑпа кӑнӗ пулнӑ ӗнтӗ эпӗ шулта. Клавди Каративна мана кӑрентерсе пӑтерчӗ, Илюк тетӑ пек хитре те, анчах ун пекех ухмах терӗ. Эпӗ парта хушшинчен сумкӑна илсе тухрӑм та ҫавашла усал сӑмах каласа тухса кайрӑм. Ҫав кунхинех учительница киле пычӗ. Анне итлесе ларчӗ-ларчӗ те ҫав сӑмаха мӑншӑн каларӑн-ха тесе ыйтрӗ. Эпӗ тӑрӑссипе каласа патӑм. Эсӗ хут вӑреннӗ ҫын, учительница. Ачасене ҫавӑн пек кӑрентерме юрамасть тесе ӑна ҫавӑтса-тӑртсе кӑларса ячӗ. Халӗ репресси вӑхӑчӗ мар, ан хӑра. Тӑрӑс каланӑ — маттур терӗ мана Анне. Эпӗ пур — пӑсӑркке парать-ха тесе хӑранӑччӗ.

Пур енчен те таса пулнӑ манӑн Анне, ҫавӑнпа тӑрӑс сӑмаха куҫран калама хӑраман.

Калхусра ӗҫлекенсем валли кӑнтӑр апачӗ вырӑнне ҫӑкар уйӑрса паратчӗҫ. Анчах килте ларакансене пай лекместчӗ. Эпӗ 4-5-ри ача пулнӑ, Илюк ӗҫлеймен. Ҫӑкарӑсене уйрӑм ҫынсем патӑнче пӑсӑрттернӗ. Пирӑн бригада валли Исмук Ванькки арӑмӗ тата Ендеева Ҫарахви инке пӑсӑрнӗ. Ванкка арӑмӗ пирӑн пая тархасласа ыйтсан та паман. Ҫавӑн хыҫҫӑн Анне Ванькка-

сене Мункун ёретне те чёнме пӑрахнӑ. Ҫарахви вара калхус ҫӑкӑрӗ пурне те ҫитет тесе ҫур килона яхӑн ӑшӑ ҫӑкӑр парса янӑ. Яланах ыр сӑмахпа асӑнатчӗ Анне Ҫарахви инкене.

Эпӗ лайӑх вӗреннишӗн савӑнатчӗ Анне. Урокна тунӑ-и-ха тесе ыйтман. Малалла ӑшта вӗренме каясси-пе интересленнине астумастӑп. Эпӗ вӗреннӗ ҫын пулассине шаннӑ вӑл мана, анчах та мухтанса ҫӳремен.

Анне 1992 ҫулта 87 ҫул тултарсан Первомайски больницинче вилчӗ. Ун чухне Иван Аверкиевич тӗп врач пулса ӗҫлетчӗ. Пӗр палата уйӑрса панӑччӗ. Кӗмӗл кашӑкпа шыв ӗҫтереттӗм, апат анмастчӗ. Анне начарлансах ҫитнӗччӗ. Вилес кун та тӑнлӑччӗ, сестрисем пухӑнса тӑнӑ та ун йӗри-тавра кашнинех ячӗ-хушамачӗпех пӗр йӑнӑшмасӑр каласа тухатчӗ. Икӗ эрнене яхӑн пӑхса пурӑнтӑм Аннене, унтах ҫӗр кашнӑ, йывӑр чирлӗскере мӗнле пӗччен хӑваран пуш палатӑра. Иван арӑмӗ те ман арӑм та пӗр каш та выртмарӗҫ Анне патӗнче. Мӗнле хытӑ чунлӑ ҫынсем пулаҫҫӗ иккен тӗнчере.

Чипер арӑм касси

«Чипер арӑм касси» тесе ят панӑччӗ пирӗн урама. Тивӗслӗ пулнӑ пуль вӑл ӑна. Вӑрҫӑ умӗн ял хӗррине пысӑк ҫемьесенчен уйрӑлса тухнӑ «касна чӗлӗсем» вӑхӑтлӑх ҫенӗ ҫуртсем лартнӑ, вӑй пухсан, йӑл илсен хуралтӑсене ҫавӑрӑпӑр тенӗ пуль ҫамрӑк мӑшӑрсем. Ёлкӗреймен. Вӑйпитти арҫынсем вӑрҫа кайса пӗтнӗ, ҫамрӑк арӑмсем кунӗн-ҫӗрӗн калхусра ӗҫленӗ. «Сусленкӑна» окоп чавма илсе кайнӑ. Ҫӑпата-калуш путмалӑхах кӑпӑш ҫеремчӗ урамра, ун варрипе калхус кӗлечӗсем енчен юхса анакан ҫурхи шыв валли Пӑла патне ҫитиччен пӗчӗк канав чавнӑччӗ. Ӑна кашни кӗркунне тарӑнлатса-тирпейлесех тӑратчӗҫ. Ку ӗҫе каярах пире шанса паратчӗҫ.

Вәрҗә хыҗҗән пирән урама тәтәшах «вёт ура касси» тесе калама пуҗларёс. Ңук, пирән аннесем, вәрҗәран килеймен салтак арәмёсем, ёҗ хуҗнипе, хуйхәпа ватәлнипе мар — вёсем паян та хәйсене кура чипер те стайлә! — вётёр-шакәр ачасем урайне пәрҗә сапнә пек урама харәсах куҗ умне тухнипе җапла калама пуҗларёс пуль. Уяв күнёсенче аннесем ал-ёҗ илсе йәмра сулхәнне тухса ларатчёс. Камән җип арламалла, камән җәм чавмалла, камән чәлха җыхмалла. Тёрё тёрлекен кәна сахалччё. Эпир вара вёсен йёри-тавра чупса выляттәмәр. Хушәран җеҗ аннесем патне пырса «мён те пулсан җимелли пур-и» тесе ыйтаттәмәр. Каярах, җулсем иртнёсем, аннесенчен уйрәм пухәнса «җётёк җәпаталла», «җекёлле» выляттәмәр. Халь ёнтё ун пек вәйәсене манса кайнә, урамёсенче ал лаппи чухлё җерем тупайман. Тепёр тесен, кашни вәхәтән хәйён вәйисем, йәли-йёркисем, кашни саманан — хәйён паттәрёсем.

Пирән пухәнса вялямалли хәнәхнә вырәнсем пурччё. Каҗсерен Куртти арәмён пушә ларакан җурчё умёнче җёрёлле выляттәмәр, кивё пёренесем җинче пухәнса ларса тёрлёрен юмах-халапсем каласа параттәмәр пёрпёрне. Темшён асамра хәрушә халапсем ытларах җыхланса юлнә. Куртти арәмён җурчё кантур пек пысәкччё, хуралтәсене хәма витнеччё, анчах вәл эпир мён аста-вассах пушә ларатчё. Куртине хәйне патша җарёнче офицер пулнәшән советсем таҗта илсе кайса персе вёлернё тетчёс. Арәмё вара, вәрәм та начарскер, яланах хура тумтирпе җуретчё. Эпир унран хәраттәмәр. Кайран вәл җёмёрлене аппәш патне куҗса кайнә. Хәрушә юмахсем каланә чухне эпир пёр-пёрин җумне лапчәнса лараттәмәр, җавә пуш җуртран аяккарах пулма тәрәшаттәмәр. Ачасен тепёр хәнәхнә вырәнё — калхусән тимёрҗё лаҗҗиччё. Кивёччё вәл, маҗчасәр. Аста тимёрҗё Элекҗей тете ёҗ пётерсе киле кайсанах эпир, хур пәхакансем, малтанах чавса хунә шәтәкран кёрсе тимёр-тәмәр пәлхататтәмәр, сунсе ёлкёреймен кәмрака вёркёчпе хёмлен-

тереттёмёр, махорка тѣпѣсене туртаттәмәр. Пѣррехинче ҫапла, кѣтү ансан, ҫав шәтәкран кетёмёр. Тем те пәтрәттәмәр, тустартәмәр ёнтё, вәхәт иртни сисёнмест. Пәхәтпәр та — пирён пуҫ тәрринче ҫын ҫакәнса тәрәть. Юлташсем манран асләрахчё те вәйләрахчё. Тёркёшсе те васкаса шәтәкран туха пуҫларёҫ вёсем. Чи юлашкинчен эплё тухрәм. Ун чухне эпир шухәшласа илме те пёлмен: темле чәтмалла мар пурнәҫ ҫитернё ёнтё ҫавән пек тума эвакуаци майрине. Тимёрҫё ләҫҫинче пёччен тәрса юлсан ҫакән пек тёв турәм: 1) юлташләх ҫук иккен, хәрани ҫынна вьльәх шайне антарәть; 2) вилнё ҫынран хәрамалла мар — утса ҫүрекен, калаҫакан ҫынран асәрханмалла; 3) милици ҫынни — хәрушә ҫын. Кайран мана, 9-10 ҫулхи ачана, милици ҫынни кәшкәрса-хәратса пётерчё. Ҫав майрана сан юлташусем ҫакса хунә тесе мана калхус кёлетне хупса хучё. Ҫук, милици ырә ҫын мар. Вёсем вәтәрмеш ҫулхи активистсен тәванёсем пулнә ахәр. Революци вёҫленнё, анчах революци тәвакан үсёр матроссем пётмен.

Ҫавән хыҫҫән тимёрҫё ләҫси енне никам та ура ярса пусмарё. Элекҫей тете анчах кәнтәрла та, кирлё пулсан, ҫёрле те чәнкки-чанкки тутаратчё унта. Пиртен асләрах Минкке, молотилкәпа хәрах аллине татнәскер, тимёрҫё ләҫси хыҫне кашни каҫ вёре-ҫёлен аннине курәть имёш.

Вәрҫә пётни вунә ҫул та иртнё ёнтё. Аннесем мәшәрёсене кётме пәрахмаҫсё. Пёр-пёр ялтан тыткәнран е лагерьтен килнё тенине илтсен тепёр хут шанчәк ҫураләть вёсен чёринче. Ҫамрәк чух кам хитре пулман! Күршё арәмён упәшки те вәрҫәран килеймен, анчах виҫё ачаллә пысәк капашлә та хитре хәрарәм вәрҫәран телейлё килнё кёрнеклё, пысәк та вәйпитти арҫынна киле кёртнёскере кун пек хыпар сехёрлентернё, хәратнә, чун-чёрине пәлхатнә.

Ҫәкәр-тәварсәр ачаләх иртнё, ҫәкәр-тәварсәр ҫамрәкләх ҫывхарнә.

Ҷимёк кунёччە ун чухне. Аннесем вут хутса, пур-
сукран апат-Ҷимёс пёсгерсе, килти ёсене тирпейлесе
пётерсе урама тухса ларнәччە ёнтё. Хёрсем ваййа тух-
ма хатёрленетчёс. Сиччёмёш класс пәтернё хёрачасем
ваййа юррисене, такмаксене пәхмасәр пёлетчёс. Пир-
тен икё кил урлә пурәнәкан Наштук пёр класра икё
хут ларнәскер, укса шутлама та пёлместчё, анчах пёр
чарәнмасәр сехечё-сехечёпе юрә-такмак калама аста-
ччё. Наштук суләнчи хёрачасем ситённё хёрсем пекех туйя-
натчёс пире. Эпир те, вётё урасем, уявсенчен ниҳсан
та юлман, сара уранах чупаттамәр унта, пёчёк Хырайён-
чи усланкәна.

Кётмен сёртен аслә урамран «пуртлө машина» васка-
масәр пәрәнса кёчё пирён касса. Вәрсә хысқанхи сул-
сенче пирён енче ун пек машина курнә сын сахал
пулнә. Хёрсем тем каласса илчёс те Хырай еннелле
утрёс. Арсын ача-пәчана мён кирлө? — тимёр-тамәр,
лаша, машина пултәр. Акә Куртти арәм сурчё умне
машина ситсе чарәнчё. Эпир часах а́на сырса илтёмёр.
Пәсәкка Коли машина кустәрмин сывләшне аста пусса
епле кәлармаллине а́нлантарать пире. Халиччен маши-
на курманскер а́стан пёлет а́на вәл?.. Пуртлө машинә-
ран таватё-пилёк сын тухрө, темиҗе чёматан кәларчёс
унтан, хыслә тенкелсем, кёнеке йәтрёс пурте. Апар-
тапәр япаласене йәтма эпир те пуләшрәмәр. Пире чи
кәсәклантарақанни велосипед пулчө, ун хуҗи 14-15
сулхи кёске сәнәллә шура кёпе тәхәннә арсын ача.
Вова ятлө иккен вәл. Вова велосипедне картишне те
илсе кёмерё. Ун йәмәкё, пирён сулсенчи хёрача, тет-
ёшне ёс тупсах тәчө, ахартнех, пирён умра хуҗа пек
ёслө кәтартни ун кәмәльне кайрө пулас: а́на саванта
лартмалла, кәна саванта хумалла... Чәпартарах ситсә
кёпе тәхәннә, хай пёрчәкан пек лара-тәра пёлмен-
скер.

Пирён кас хёрачисем сән-пичёпе чипер, пур-сийёпе
йәрәс, анчах куҗёсем кантәр вәрри пек пёчөк, ку хёра-

чин куҗәсем пысак та куҗ харшисем вәрәм. Ман тантәшәмсем түрех куҗ хыврәс ана...

Кам шухәшланә ана җак кунран пуҗласа пирән кас ачисен канәҗсәр пурнәҗ пуҗланассине, вәсен таса та ирәк чунәсенче җенә тәнче вырнаҗассине! Кам ёненнә ана — җак хәрача кашнин чөринче хирти пёртен пёр чечек пек нумайччен-нумайччен асаилу-шухәш сывләшәпе вёлкәшсе тәрассине! Кам пёлме пултарнә ана — ман тантәшсен җамрәк чөрисем иккәленсе те шанса пёр уссәр җунтарса кәлленнине! Шухәшшаман, ёненмен, пёлмен.

— Эпә сирән җенә кұршөр пулатәп. Анисия тесе чөнеҗҗә мана. Кирлә пулсан ятләр, вөрентөр мана, тивәҗлә пулсан — юратәр, — терә Вова амәшә ал-ёҗ туса ларакан аннесене. Хәй майралла тумланнә, туллирех те хитре хәрарәм, куларах каласнә чухне пёр ылтән шәлә җиҗсе илет.

— Ырә җынсемпе мәншән ырә пулас мар, килөр — паллашар, — терә ман анне. — Ку акә Майкки, санран сулахайри кұршү пулать. Ку — Таруҗ кума, пөчөк пахча урлә кұршөр пулать, ку — Кирук арәмә, эпә вара Марье, сире хирәҗ җуртра пурәнатәп. Машина патәнче төршөнекенсем пурте пирән ачасем.

Пирән җенә кұршөсем МТС-а ярса панә директор җемйи пулнә иккен. Директорә те пырса сывләх сунчә, ләпкән каласрә. Аннесем, вөрәннә җынсем умәнче именчөклә, сәпайлә тытма хәнәхнәскерсем, кәскен хәйсен пурнәҗә-нуши җинчен каласрәҗ. Пурин те пёр төллев — җав вёт урасене епле те пулсан ура җине тәратасси, вәсенчен вәрҗаран килеймен ашшөсене тивәҗлә җын тавасси.

җимәк кунәнче кашни җул тенә пекех хәрушла аслати авәтса, аҗа җапса җумәр җаватчә. җавна пөлсе тәрах яш-көрәм вәрман хөррине вәййа тухатчә. Паян та акә, кәнтәрла төлне ытлаван хөвел шәрантарса пәхнә чухне, җил хускалчә, хөвелтухәҗәнчен хура пөлөтсем упа-

ленсе тухрѣс. Малтан вѣсем Хырайне хупърласа илчѣс, асар-писер тавълпа ѣкленсе яла ѣитрѣс. Эпир, ачапчасем, килсене саланса пѣтрѣмѣр. Акъ хѣрсем те, лачкамах йѣпеннѣскерсем, калушѣсене хывса йатса ѣумъртан тараѣсѣ. Инкек-синкек саванъс хыѣнчен пытанса ѣурет теѣсѣ. Ирхине камъл-туйамсем те саванъслъ та илемлѣчѣ. Кантърла иртсен кун пасалать тесен никам та ѣненес ѣукчѣ. Митюк Кѣверкийѣн килѣшнѣ хѣрне Аниссана аѣа ѣапса вѣлернѣ. Шатък чавса ѣърпе хуплани те ѣалайман иккен анъа. ѣул ѣитнѣ йѣкѣтсем аѣа чульне нумайччен шыранъа, анчах тупайман иккен. Анъа тупса аѣстан килнѣ ѣав еннелле ыватса ярайман, апла пулсан килес ѣимѣкре тепѣр инкек килессе кѣтсех тър.

* * *

Ачалъх. Ак аѣста пулнъа въл чи лайах вахът! Ура ѣине ѣне пусман-ха, ним шухъшсър ѣрѣхсе ѣуренѣ эпир — ѣутѣанталък ачисем. Търаниччен ѣакър та ѣисе курман, тумтир те йѣркеллѣ пулман, вут-шанкъа та хѣл каѣма ѣителѣклѣ хатѣрлеймен, пурпѣрех ѣусентъран пек ешернѣ. Ман шутпа, этем тени ѣутѣанталъка мѣн чухлѣ ѣыва-харах ѣаван чухлѣ телейлѣрех. ѣитѣнерехпе кавапуна ѣутѣанталъкран касса яраѣсѣ те татъшах таканма пуѣлатан, пуѣса татък-татък пѣлѣт пек тѣрлѣ-тѣрлѣ шухъш шуса тухать.

Темшѣн эпѣ хамран аслърах юлташампа ѣуреме камълаттам. Пѣртъван тете манран таватъ ѣул аслърах пулсан та унран ниѣта та юлман, хам ѣѣе хамах тунъа. Астататъп: район центрѣнче водопровод шатъкѣ чаваттамър. Кашнине пилѣк метр виѣсе панъа, сарлакъшѣ пѣр метр ѣуръ та, таранъашѣ икѣ метр та вунъа сантиметр. Аслъ юлташсем хайсен каѣалъкне чавса пѣтеретчѣс те кинона каятчѣс. Ман вара план тултарма юлмаллатчѣ. Нурѣк тъама икѣ метр ѣуллѣшне ыват-ха! Вѣсем, вуннъмѣш класс ачисем, тѣреклѣччѣ, эпѣ, улттъмѣш класс ачи,

сўллешёпе вёсемпе танах та анчах вай-халъм нумайла-
ха пымастчё. Тете те, ун тантәшесем те мана пуләшма
шутламастчёс. Вёсен ўсёмёнчи хамәр кас ачисем пурте
лайәх вёренетчёс. Каярахпа вёсем асла пёлу илсе началь-
никсем пулчёс, пёри, Петров Иванё, наука кандидат-
не тухрё. Ман тете вара Иван Аверкиевич Хусанти ме-
дицина институтне пётерсе сирём икё сұл тёп врачра
ёслерё. Сәмах май каласан, эпё те сирём икё сұл декан-
ра вай хутәм. Әс-пус пулмасан, кам сав вәхәт хушши
ёслеме пултартәр! Сын япалине илмен, вәрламан,
сынна усал туман. Ман ўсёмри тантәшсем вара вёренүре
ёлкёрсе пыраймарёс, ватам шул пётереймерёс. Пёри
вёсенчен тёрлё классенче висё сұл ларчё. Эпё вуннамёш
класс пётерсе аттестат илнё сұл вәл сиччёмёшне кусрё.
Апла пулсан та вәл салтака кайса килсен сурт лартрё,
хуралтә савәрчё.

Сутсанталәк пире тан суратать, анчах пурнәсё пур-
не те хай вырәнне тупса парать: пёри ёмёр тәршши-
пех хут вёренет, тепри вәрман касать, виссёмёшё —
милиционер, таваттамёшё — олигарх, урәхла каласан —
вәрә...

Вәхәчё сапла пулнә ёнтё ун чухне: эфир пёчөкёллех
аннесене пуләшнә, калхусра сум сумланә, тырә вырма
сўренё. Пёр кунхине анне ултә чёплё хур илнөччё па-
сартан, вёсене сыхланә чухне аләран кёнеке кайман.
Вырәсла сьрнә «Герои нашего времени» кёнеке
лекнөччё алләма, әна пёр кунтах вуласа тухрәм.

Печорин питё камәла каятчё, ун пек пулма, шух-
әшлама тәрәшаттәм. Бәла вара халё те асамран тух-
масть.

Шкул вёреннё чух тухатнән,
Вут хыптарнән чунәмра
Эп вилсе кайса юратнә,
Бәла мар-и ман умра?

(1 том, с. 69).

Чăвашла ħста куçарнă «Тихий Дон» артак сĕмлĕхне хускататчĕ. Куçараканĕ — Аркадий Малов писатель. Нумай çул иртсен эпĕ унпа çывăх паллашнăччĕ. Сăпайлă та кăмăллă çынччĕ вăл, мана, ман савăсене килĕштеретчĕ.

Художник пулас, сăвă сырас туртăм пысăкчĕ. Анчах ман малашнехи пурнăçа пĕр кĕнеке тĕппипех улаштарчĕ темелле. Пиртен пĕр кил урлă Тимук çемьи пурăнатчĕ. Василий Тимофеевич паллă бухгалтер пулнă пирĕн тăрăхра. Ун ывăлĕ те ашшĕ çулĕпе кайнă. Каярахпа вăл нумай çул хушши Чăвашра финанс министрĕ пулчĕ. Тимуксен мăкламасĕр хăпартнă кĕлетенче темĕн чухлĕ кĕнекеччĕ. Кирук Валерисен картишĕ енчен çав кĕлет пĕренисем хушшинчен çекĕллĕ пăралукпа кĕнеке çине кĕнеке туртса кăлараттăмăрччĕ. Ытларах — бухгалтер кĕнекисем, вĕсем никама та кирлĕ мар. Пĕррехинче хытă хуплашкаллă самаях хулам кĕнеке лекрĕ. «Марксистско-ленинский философский словарь» ятлăччĕ вăл. Āна эпĕ алăран яман, келте турттарнă чухне те илсе çуренĕ. Уйрăмах «пространство, время, вселенная, мироздание» ыйтăвĕсем кăсăклантаратчĕç. Вĕсене куç умне ўкерчĕксемпе кăларма Иван тетен «Астрономи» кĕнекине тытаттăм. Физикапа вĕрентекен Ромашенкина, чăвашла пĕлмен шĕвĕр сăмсаллă пĕчĕк майра çав сăмахсене (категорисене) пире анлантарма тăрăшатчĕ, асапланатчĕ. Тĕрĕссипе каласан, эпĕ, школ ачи, нумайрах пĕлеттĕм унран, хушса калаттăм. Çаваншăн вăл мана кураймастчĕ. Çавна астăватăп: ун хĕрачи пединститута вĕренме кĕнĕ чухне историпе начар ответлерĕ, эпĕ вара комисси членĕсене «ун амăшĕ мана вĕрентнĕ» тесе «лайăх» паллă лартса патăм. «Чулпа перекене сăкăрпа пер», — тенĕ Евангелире. Анчах пурте тĕрĕс-ши унти сăмахсем. Ман пурнăçăмра эпĕ пулăшнă, ыра тунă çынсем яланах мана хирĕç пулнă. Мĕскĕн çынсем — вăрттăн та хăрушă этемсем.

Çапла вара философи словарĕ ман пурнăçа йăлтах урăх çулпа ячĕ: Свердловска, Мускава ситерчĕ, фило-

софи докторё, профессор тўпине сёклерё. Тен, пединститутри чаваш уйрәмне сеш пётермелле пулна?..

Эпир ача чухне санталакё те урэхларахчё. Сулла аша сумар саватчё, серемлё урамра сумар хысқан саруран чупаттамар. Анчах, пустаракана сил хирёс тенё пек, хёл сивё те таманла килетчё. Сил-таман тухса чўречесене, пўрт алакне хупласа хуратчё. Кашкарсем картишних кёретчёс, улам витнё витерен сурахсене тытса каятчёс. Сире — тала пиншак, урара — сáпата. Вутти-шанки сук, аттесем туса хаварна картасенчен вёрлөкөсене сўтсе илеттёмёр. Суркунне — пирён сáланас. Калхус хирне сёрнё улма пустарма каяттамар, пулевойсем пире, синсе урасене, хаваласа ситейместчёс. Улам синчи йыта пек хайсем те пустарса уса курмастчёс сав сёрнё улмана, халаха та хавалатчёс. Сёрнё сёрулми пустаракансенчен сыхлама ятарласа хуралсасем тытатчё ун чухне калхус. Чёлхесёр Ярахви, пулевой тытса кайсан — пётрёмёр. Калхус пире выса вёлермех шутлан ахар. Чакат куракёнчен тинкөле пёсерсе паратчёс аннесем. Епле ас ситереймен-ха калхуссем чакат куракёшён налук хума...

Шкулта хор ушканё йёркелетчёс, сассамарсем пур-и, сук-и — ирёксёр юрлаттаратчёс. Эпир, арсын ачасем, сак йёркесене хавхаланса та хыта саспа юрлаттамар:

Пире парти ўстерет,
Санах шўрпи ситерет.

Ку самахсене никам та мар Исмуков шутласа каларать тесе калатчёс учительсем. Мёншён партине хирёс пыратан эс, асту... — харататчё вёсенчен пёри. «Эпё мар, эсё партине хурлатан» — теттём эп ана. «Унччен-рех эпир курак яшки кана лёркеттёмёр, халь паян вара санах юрса пёсеретпёр ана. Мёншён мухтамалла мар партине!» — анланмана персе кусран пахса калаттам эп ана.

Кашни суркунних 14 сапсан пар кайнине курма анат-

тәмәр Пәла хәррине. Пәррехинче Тимушка тете, шавласа пәр кайнә чухне, Атәк енне сәплах ишсе қаснәччә. Вәл карчәкәпе пахча варринче мунчара пурәнатчә. Карчәкә вара, тирпейлә карчәк, чөләм туртатчә, чөләм пәхәпе шәл сиплетчә, сәпан-юхансенчен тасататчә. Тимушка тете вара вәрсәран аманса килнәскер атә-пушмак, кәсатә юсаса сүретчә ялсем тәрәх, есме ухутаччә, анчах та ләпкәччә, ыра кәмәлләччә. «Коля, Иван», «Иван, Коля» — тесе қана тәрәтчә вәл пире. Ун чухне тем киләштереймен ентә карчәкәпе. Эпир, пәр кайнине курма пынә халәх, Тимушка тетен паттәрләхәнчен питә теләннәччә.

Мән каламали — хамәр та паттәрччә! Пире силтәман та, сурхи шыв та хәрәтман. Нихәсан та чир-чәр ерессе шутламан. Ман юлташәм Петтясен пусма ларман хурәсем Пәла урлә Атәк енне қасса кайнә та вәсене қаялла хәваласа қасмалла. Пәр қайса пәтменччә-ха пусәпех. Петяна айәпа кәрсен витене хупса хурса хәнәтчәс. Тен савәнпа вәл селәп пулса юлнә, шулта та начар вәренәтчә. Шеллеттәм эпә әна. Салтәнтамәр та Атәк енне ишсе қасрәмәр, хурсене хәваласа килтәмәр. Петя ун хысән пачах та аптрамарә, вәл вәри ханша еснә киләнче, хул-сүрәмәсене сәтәрнә. Эпир ку йәркене пәлмен, килте ханша та пулнә пуль-ха, аннене те каламан. Тепәр кунне пыр шысса қайса сывлаймасәр чутах виләттәм. Уколсем хәтарса хәварчәс. Тимушка тете мәнле чирлемен ун чухне? Тепәр куннех вәл пирән патәрта сәп-свежәях ларатчә.

Сурхи шыв чакма пусласан Пәла урлә қасма хуратчәс. Район центрне хәшпәр ял сүннисем сав шанчәкхлах мар қасмапа тӯрәрен сүретчәс. Шыва юкса қайни те пулқаланә. Пәр сулхине хәрарәм почтальон аран-аран сәләнса юлнә, анчах почта сумки юкса қайнә. Хәсачә-сырәвә тарамчә-ха, вәрсәран килеймен аттесемшән паракан пенси укәсине юхтарса қайнә. Эпир вара сулситнә сәмрәксемпе пәрле сыр хәрринчи хәваләх курә-

на пусласан укça шыраттăмăр. Хамăр касри Витали хăва тăрринче вăтам ёмёрсенчи ялав пек вёлкёшсе тăракан 100 тенкёлёх хут укça тупнăччё. Апа вал Анна ятлă аппăшне сурри кётмелле сурри пётмелле панă пулнă. Анна сав укçaпа таваткăл-таваткăл шатăршан тутăр илнё. Каласу анман чухне Витали вара аппăшне «ман укça пулмасан качча та каяймастăнччё» тесе мăкăртататчё.

Шыв-шур вăхăтёнче инкек-синкек пулман мар. Пёр сулхине МТС директорё патне вёсен тёп бухгалтерё Мусалимов ханана пынă пулнă. Вăл кашни кунах Пикшикрен суран суренё ёсе. Мункун эрни ячёпе кўршё-аршăсем те пустарăнна унта.

Аниссе аппа, директор арăмё, усă кăмăллă та тарават хёрарăмччё. Мусалимов хана пулнă хысçан каç пуласпа килне тухса кайнă та сұхалнă. Милиципех шыраттарнă апа Пăр кайса пётменччё-ха пусёпех. Петяна айăпа кёрсен витене хупса хурса хёнетчёс. Тен саванпа вăл селёп пулса юлнă, шукулта та начар вёренетчё. Шеллеттём эпё апа. тупайман. Килтен киле кёрсе кассипех тёпсакайсене ухтарнă, пусасене пакур ярса пăтратнă. Тутарё яштакаскерччё, лăпкăччё, тăлăх арăм шухăшё пулман ун. Тутар арăмё, кăмăллă та сăпайлă хёрарăм, темисе хучен килсе кайнăччё Аниссе аппапа каласма.

Инкек сине синкек. Паллах, Мункун ячёпе ёрет кёртме эрех-сăра чылай хатёрленё ялта. Хăшёсем тёплё пытарма ёлкёрнё, хăшёсем алайёнче, тёпсакайёнче тытнă апа. Пире хирёс кўршё хёрарăмне, икё ачаллăскерне, таватă суллăха тёрмене хупрёс. Упăшки, Пăсăкка Петти, вăрçăран таврăнайман. Мёнле пурăнкаларё-ши икё сурма тăлăх ачисем...

* * *

Таса кантăка алмаз-чулпа чёркеленё пек юлчёс шукул сұлёсем. Вунă сул хушшинче вунё йёр те пулсан юлмаçсё-ске асăмра. Юмахри пек илемлё ўкерчёксем

сукрах унта. Анчах юмах яланхи пекех илемлѣ те ăнăслă вѣсленмелле.

Акă пѣрремѣш класа кайма хатѣрленетпѣр. Пир кѣпе, пир шалавар, сѣнѣ сѣпата. Ашшѣсем вѣрсѣран килнисен Пѣр кайса пѣтменччѣ-ха пусѣпех. Петяна ай-ăпа кѣрсен витене хупса хурса хѣнетчѣс. Тен саванпа вѣл селѣп пулса юлнă, шукулта та начар вѣренетчѣ. Шеллеттѣм эпѣ ăна. пусма кѣпе, пусма шалавар, калуш. Пирѣн касра ултă ача пѣр сѣлтисемччѣ, висѣ арсын ача, висѣ хѣрача. Шакăлтатса каласса пыратпѣр пѣр майра хыссăн кушăрканă сукмакпа. Майри хѣвелчамăш сисе пыратчѣ. Чаранса тăчѣ те пѣшкѣнсе тем шырама пусларѣ — ăнсăртран пѣр тѣшшине ўкернѣ пулас. Пире курсан яшт! тăчѣ те хавăртгăн малалла утса кайрѣ.

Класра 34 ача. Алăк усăлчѣ те леш хѣвелчамăш тѣшшине шыракан майра кѣрсе тăчѣ, доска сине ячѣпе ашшѣ ятне сырса хучѣ, унтан тăрук тем аса илнѣ пек хушаматне сырчѣ. Эпир вулама пѣлменнине аса та илмен ахăр. Малтанах вѣл пире шукулта мѣнле тыгмаллине, парта хушшинче мѣнле лармаллине вѣрентрѣ, пыйтă ересрен сѣссене кѣске кастармаллине астутарчѣ. Сассине хăпартса-хăпартса пычѣ те тем сѣлтавпа пире вѣрсма пусларѣ. Пѣрремѣш урок сѣпла иртрѣ. Анчах мѣншѣн вѣл пирѣн синчен кусне илмесѣр каласрѣ, эпир шавласа ларман, хѣвелчамăш тѣшшине те тупса сисе яман...

Таватă сѣл вѣрентрѣ вѣл пире. Тастан килнѣскер, кас вѣсѣнчи пѣр пѣчѣк сѣрттра пурăнатчѣ вѣл. Упăшкине машинăпа сѣнна таптанăшăн тѣрмене хупнăччѣ. ăнман пурнăсѣшѣн эпир айăплă тейѣн — сăн-пусѣпе те кăмăлѣпе те усалччѣ. Алхаснă та пулѣ эпир, уроксене те хатѣрленсе килмен пулѣ тепѣр чух, уншăн вѣл арсын ачасене сѣх мар хѣрачасене те хытă чăмăрккепие пусларан сѣпатчѣ. Мѣн кăна каласа хăртмастчѣ тата: умах, сан асуну те умах, ханша туса сутать, халиччен те пусма кѣпе-йѣм сѣлесе параймассѣ, т.ыт.те. Юратнă, кăмăлланă ачасем те пулнă ун, капăр тăханса

сўрекенсене юрататчѐ, вѐсене вѐл начар пѐлсен те пиллѐк лартатчѐ, эфир вара ѐна пѐчѐккѐ пулсан та сисеттѐмѐр. Ман чѐлхе «вѐрѐмчѐ» ахѐр, — эпѐ ѐна кушранах «ма сын тѐрѐх «пиллѐк» лартатѐр» теттѐм. Уншѐн мана вѐл вѐчѐ тытса тѐратчѐ.

Лайѐх вѐреннѐшѐн Сѐнѐ сул ячѐпе кѐнеке паратчѐс. Елкѐра канихвет уйѐратчѐс. Пирѐн учительница мана тѐват султа турпас хулѐнѐш пѐр ятлѐ тѐват кѐнеке пачѐ. Те ыглашшипех илсе хунѐ пулнѐ, те манса каятчѐ. Вѐрѐсѐ хысѐѐнхи сулсенче пылак тавраш лекместчѐ пире, Сѐнѐ сул Ёлкине те савѐншѐнах каяс килетчѐ. Кашни ачана Ёлкѐра канихвет уйѐрса паратчѐс. Уйѐраканѐ каллех сав К.А.Кашкинѐчѐ.

Иккѐмѐш класрачѐ эф ун чухне. Ман пата черет ситсен «Исмукова панѐ-ха ѐна» тесе мана сиктерсе хѐварчѐ, сумра тѐракан хамѐр кас хѐрачине сар тутлѐ, хѐрлѐ сўслѐ Лизѐна икѐ пай пачѐ. Питѐ кўрентѐм, киле ситичченех йѐрсе пытам. Паллах, ачасене каласа патѐм, вѐсем вара учительницѐна пѐлтернѐ. Тепѐр темисѐ кунтан вѐл ман парта сине савѐн пекех пѐчѐк минтер евѐр тѐватѐ канихвет хурса хѐварнѐ. Анчах эпѐ ѐна тѐкѐнмерѐм, чернил кѐленчи лартмалли тѐваткал шѐтѐкра саплипех выртса юлчѐ.

Сапах та тѐраниччен сисе куртам-куртамах канихвет. Сѐва тухаттамѐр ѐнтѐ, вѐрену сулѐ те вѐсленсе пыратчѐ. Район центрѐнче пысѐк сельмаг пурчѐ. Унта пѐр вѐхѐтрах сѐкѐр та, краска-крассѐн та, канихветпѐремѐк те сутатчѐс. Сав сул, ревизи пулнѐ хысѐѐн, канихвечѐсене юрѐхсѐра тухнѐ тесе сырма хѐррине чавса пытарнѐ. Пѐр ача ѐна курнѐ та пире ертсе кайрѐ унта. Илемлѐ хутпа чѐркенѐ темисѐ тѐрлѐ шакалатлѐ канихвет чакаласа кѐлартѐмѐр. Пурнѐсра пѐрремѐш хут тѐраниччен чаплѐ канихвет сирѐмѐр сапла. Тепѐр куннех каласа панѐ учительницѐна канихвет пирки, вѐл вара урокне хѐварсах сырма хѐррине чупрѐ. Ертсе пыраканѐ — эпѐ. «Симе юраман ѐна, ахальтен списать ту-

ман, юрать-ха пульницана лекмен, тем курса тәрәр» текелесе пёр сумка шәкалат тултарчә, пире патне те пыртармарё, эпир чирлесрен хәрарё курәнать. Темле станцәна пёлтермелле терё. Эпир вара унран пәрәнсанах тепре тапәнтәмәр сав шәтәка, кәсье тулли шәкалат!

Җакәнпа пётмерё-ха шәкалат мыскари. Тепёр кунне учительница шула килмерё. Ачасемшён — савәнәҗ! Пире вара, тәватә ачана, класран тытса кайрёҗ. Учительница варвиттине кайнә иккен, ун сәмахёпе эпир те чирлеме пултарнә имёш. Шарт та март тунтәмәр эпир: курман, илтмен, симиен, нимён те ыратмасть. Учительница нумай сирё тата пёр сумка тулли килне илсе кайрё терёмёр. Эпё вара мана канихвет симиен юрамасть, сәмсана хёрлө тәс сәпәть, куҗсулө юхәть, савәнпа та сәнө сул хыҗсән парта сине хурса панә пёчөк минтер пек тәватә канихвета та симиерём терём. Ачасем әна сирёплетрёҗ. Учительница вара янтә япалана нумай сисе больницәра хёрөх кун ыртнә терёҗ. Ун хыҗсән эпир ун сине йөрөнсе пәха пуҗларәмәр. Мёншён хёрөх кун тытаҗсө ун пек чирлисене? Карантин хёрөх куна тәсәлат тенине пёлтерет иккен. Савәнтанпах пёлетөп ун пёлтерөшне. Клавди Алексеевнәран Карантина Алексеевна пулса тәчө пирён учительницә. Янәравлә илтөнөт. Экей, ача-пәча чөлхи!

Пиллөкмёш класра манән шул пурнәҗө улшәнчө темелле: пире ял варринчи шула куҗарчөҗ, кашни предметпа уйрәм учитель, классене пёрлештерсе ячөҗ. Чи лайәх улшәнү вара Карантина Алексеевнәран хәтәлни. Йәрәс пүллө те хумлә-хумлә сүҗслө, шенкер куҗлә майра — пирён класснәй. Математика учителө Калерия Александровна. Тәваттәмёш класра та лайәх вөрөнөкөнесе хушшинче пулнә эпө. Пиллөкмёш класран пуҗласа чи пултарулла вөрөнөкөнен пулса тәтәм: Совет председателө, стена хәсәчөн редакторө тата ытти те. Калерия Александровнәпа куҗран вөҗертмөсөр пәхса лараттәм. Юратнә предметсенчен пөри — математика пулса тәчө.

Савă сырма вѣрентетчѣ мана. Акă въл чӑн-чӑн учительница! Каласа-мухтаса пѣтермелле мар. Учителъте ѳсленѣ вӑхӑтра ун пек пулма тӑрӑшаттӑм. Пурнӑс хӑй еккипе пычѣ, таҫта та ҫитме тӑр килчѣ, анчах ӑна нихсан та асран кӑларман, хам савӑсенче ӑна валли вырӑн тупӑннах. Тепѣр алӑ ҫултан шыраса тупрӑм эп ӑна Урмар районенчи Ковали ятлӑ ялта. Ҫавӑн пекех ӑшӑ кӑмӑллӑ, ҫулӑсем пулсан та йӑрӑс. Ырӑ кӑмӑллӑ ҫын ватӑлмасть. Шел, тӑхӑрвунӑ ҫула кӑштах ҫитеймесѣр уйрӑлчѣ въл пиртен. Маншӑн учитель эталонѣ ѳмерлѣхех сӑнчѣ, анчах Калерия Александровнӑн ҫутӑ сӑнарѣ яланлӑхах ман чѣреме юлчѣ.

Ыр тунипе этем въл пархатарлӑ,
Аса илсен тем чул тав тумалли!
Калери Александровна! Кӑварлӑ
Чунра хӑвартӑм вырӑн сан валли.

(«Хуратнӑ кӑмӑл». Шупашкар, 2011, с. 234).

Ҫак йѣркесене те каланӑччѣ эпѣ Арапуҫ шукулѣ 100 ҫул тултарнӑ ятпа пухӑннӑ уявра.

Ҫиччѣмеш класа Хисеп хучѣпе (Похвальная грамота) пѣтертѣм. Ман тантӑшсем вара икѣ-виҫѣ ҫул кая юлса пычѣҫ. Темрен килнѣ ѳнтѣ въл? Вѣсен ашшѣ-амӑшѣсем те пурччѣ, тумтиррийѣсем те ыглаванахчѣ, ҫӑкӑртӑварсӑр, вут-шанкӑсӑр ларман. Пѣрле вылянӑ, кун сиктермесѣр шукула сӑуренѣ. Лайӑх вѣренеке ҫын маншӑн пѣр карт ҫӑлерех тӑнӑ, начар вѣренеке хѣрачасене хитре пулсан та килѣштермен. Пуҫламӑш классенче ялан пиллѣкпе вѣренеке хура тутлӑ хѣрачана кӑмӑллаттӑм. Мѣн тупнӑ-ши вара эпѣ ҫав хѣрача ҫумѣнче?

Юлташӑмсенчен манран пѣр ҫул аслӑрах С. Эдикпе туслӑччѣ. Кѣнеке вулама, ӑкерме юрататчѣ. Астӑватӑп «Робинзон Крузо» картинкӑллӑ кѣнеке пурччѣ ун. Ӑна эфир пѣчѣк лампа ҫутса пѣр кӑҫра кӑмака ҫинче вулса тухнӑччѣ. Куҫсем хупӑнатчѣҫ, анчах ӑна вулса тух-

маллах — пипеткәпа шыв тумлататтәмәр куҗсене. Ҙавах куҗсене вайсәрлатса хәварчә пуль. Эдикпе үнер (художество) училищине вёренме кайрәмәр Нүрә мәк тиенә машинәпа җитрёмөр Шупашкара. Сапләклә шәлаварәм йёп-йёпе. Темле пысак пүлөме матрац хурса пачёҗ. Хулана тухрәмәр, пёрремёш хут шура батон җисе куртәм. Атәл хёрринче шыва кёрекенсем нумайәнччә. Хәҗан Атәлта шыва кёрсе курән? Майкәна труси пек майлаштарса васкаса шыва кёрсе кайрәмәр.

Пысак пүлөмре вуникё-вунпилёк җын ырнаҗтарна. Нумайәшә салтакран килнёскерсем, эфир анчах җичә класс пётёрнә айвансем. Пурте ыраҗсла калаҗатчёҗ. Экзаменга чи хыҗалти парга хушшине лекрёмөр. Графикапа әнәҗлах пулса тухрёҗ үкерчёксем, халә живописьпе тытмалла. Каллех хыҗалти партәра. Сётел җине кәкшәм, сухан, кишёр тата йываҗ җәпала хурса панә. Экзамен тыттаракан арҗын пирён үкерчёксене пырса пәхрә те Эдике таҗта илсе кайрә, мана вара сётел патне җавәтса пычә. «Сухан мар, панулми үкер», — терә вал мана. ыраҗ чёлхипе диктант җыртарчёҗ — «4», литературапа «Песнь о вещем Олеге» савә пәхмасәр вуларәм. Вёҗне җитичченех итлесе ларчёҗ комисси членёсем. Мухтарёҗ — «5»! Кәранташпа үкернине хурламарёҗ, анчах живописьпе сәра туйәмә җукрах терёҗ. Эдике «тепёр җул кил» тенә иккен. Эпә пёччен юлтәм, җав тери тунсәхләччә. Атәл җыранёпе ута-ута йёреттём! Сентябрь вёҗнелле Ҙёрпү районне җёрулми кәларма ячёҗ студентсене. Ҙанталәкә сивёччә, җумәр җусах тәратчә, пылчәк җәрса пёртен пёр мәшәр пушмак ишёлсе анчә. Ҙул май машина тупәнчә те киле тарса килтём. Нимёншён те үкөнместёп, Хисеп грамотине җырупа та пулсан ыйтса илменнишён пәшәрханатәп. Тата сентябрь уйәхёшён панә стипендине каялла илесрен хәранәччә.

Ялти шукула саккәрмёш класа кайрәм. Унта пур предмета та ыраҗсла вёрентетчёҗ. Нимёҗ чёлхине те — ыраҗсла. Шкулти стена хәҗатне пёчченех кәлараттәм. «Хёл-

хем» ятлă журнал йёркелесе янăччĕ, унти «Недружеский шарж» ярăмне пĕтĕм шукулĕпех пĕлетчĕ. Мана уншăн учительсемпе «недружественнай» хĕрачасем кураймасăр тăратчĕ. Пĕррехинче вĕсем пуçарнипе комсомол пухăвĕ ирттерчĕ. «Лайăх вĕренни мăнкăмăллă пулма право памасть. Çынсене йĕкĕлтесе савăсем çырать» — терĕç. Āраснах хамăр кас хĕрачи леш сартутли питлерĕ мана. Лайăх тăханса çуретчĕ вăл, лайăх вĕренетчĕ, анчах çаварĕнчен лайăх мар шăрăш кĕретчĕ. Пухăва малтанах хатĕрленсе ирттернине чухламан эпĕ. Акă физкультурăпа вĕрентекен учитель сăмах илчĕ, мăнкăмăллисем вăрçара та шанчăклă мар терĕ. Ку сăмах мана уртарсах ячĕ. Халь те астăватăп çав пухури юлашки сăмахăма.

— Лиска йыттисем тухса вĕрнине эп шута хумастьп. Хисеплĕрен те хисеплĕ С.Т., эсир тухса каласни чăнах та шухăшлагтарать. Вăрçăран эсир пĕр аманмасăрах килнĕ. Ман атте килеймен. Вăл вăрçара хыпарсăр сухалнă тесе пире, ун пилĕк ачине, пенси пама пăрахрĕç. Эсир чĕрĕ юлнă, тен шанчăклă пулман, тарса килнĕ?.. Халь пенси илсе пурăнатăр.

Чун тăвăнса килнĕрен ытлашши те каларăм пуль. Анчах урăхла явап пама пултарайман эпĕ, вуннăмĕш класс ачи, пурнăç тути-масине пĕлме пуçланăскер. Хама хам хутĕлеме сивĕч сăмахăм пулнă манăн, анчах тепĕр чух ун ахрамĕ калла килсе çапни те пулнă пулĕ.

Темісе султан çав учительпе юлташланса кайрăмăр, сыпкалаттамăр та хушăран. Пĕлмен эпĕ вăл лайăх çын пулнине. Унченхи пăтăрмах каласăва нихăçан та хускатман.

Вуннăмĕш класс пĕтернĕ сул эпĕ клуба та кинона та кайман — экзаменсене хатĕрленнĕ. Сочиненисене пăхмасăр вĕреннĕ, вуннăран пĕри лекессине шаннă ĕнтĕ. Ыттисене шпаргалка çырнă. Чăнах та пăхмасăр вĕренни-сенчен пĕри «Образы молодогвардейцев» лекрĕ. Çитмĕл икĕ ачаран иккĕн çеç «пиллĕк» илчĕç: пĕри Ершова

Галина — Шурут Нурасёнчен, тата — эпё. Иккёмёш экзамен — алгебра. Унпа та сьамалланах «пиллэк» илтём. Тепри — истори. Райком секретарё Макаров ларать сётел хушшинче, ыйтусем парать. Эпё ун ыйтуне те туллин хуравларам пулмалла, мухтарё, — «пиллэк» т.ыт.те. Медаль илеймерём, сьалтавне каярах каласа парьп.

Хёвелтухьас сьулё

Сёнё сьёр усма, чукун сьул тума сьёршыван тёрлё кётессисене кайма йыхравлатчёс сьамраксене. «Едем мы друзья // В дальние края» тесе юрлатчёс вёсем. Вуна класс пётернисем чьлайрахчё комсомол путевикие Сур-сёре, Инсет Хёвелтухьасне каякансенчен. Пирён касран эфир виссёнччё, вёсен хушшинче леш икё-висё сьул пёр классрах ларакансем те. Вёсем пирён пекех сывлэхля та патварччё. Ара, сьёршыва пирён пек «йун тавар» кирлё пулна-ське.

Сав сьулхине (1959 с.) пирён шукултан сьитмёл икё ача вёренсе тухрё. Медальпе пётерекен пулмарё. Анчах ватам вёреннисем те тёрлё асла шукулсене кёрсе пётрёс. Эпё вара, лайх вёреннёскер, тепёр сьулсенче вёренме кёме укса ёслесе илес, тумтир туянас тесе Чита обласёнчи Борзя хулине тухса кайрам. Пирёнпе пёрле эпё пёчёкрёнех камьллана хура тутля хамар ял хёрачи пурччё.

Пире сопкасем хушшинчи бараксене вырнастарчёс. Пичёкепе шыв турттарса килетчёс, эрне хушшинче вал шьаршлансах каятчё. Ялта сьёрулми сьисе ываннаскерсене су нумай ярса пёсёрнё лапша камьала каятчё — тутля та тутя тытатчё вал.

Пёр-ик уйьхранах хул-сурьамсем тёрекленчёс, пит сьамартисем панулми пек илемленчёс. Килпе сьакар тьараничен сьисе курман, шукулта чухне вьарам переменяра буфета сьалаьса черет тьараттамар, кунта вара столовайсенче хура сьакар, горчица, тьавар тьулёвсёрччё. Анчах ёсё те йывьрччё. Тёрлё ёс тьавакансен бригадинче пурте чьавашсемччё.

Пёррехинче сөнө сурт никёсё валли котлован чават-тамар. Вырәнә кивё масар вырәнә пулна иккен. Төрме масарё тетчёс а́на хула сыннисем. Сёрсе ёлкёреймен тупаксем тухатчёс, пуç шаммисене уйрам хураттамар. Турә каçартар ёнтё пире вилнё сынсен канлөхне ху-катнашан.

Хай вәхәтөнче эфир вырнасна бараксенче төрмерен тухна е ссылкана янисем пурәннә. Каярахпа хашпёрисем унта төпленсех кайна. Сопкасен хушшинчи айла́мсенче лагерьсем куранатчёс. Пиртен инсех те мар йыва́сран тунә пысак клуб пурччё. Ноябрь уявё төльне төрмере ларакансем пысак концерт лартрёс. Кашни кётесре, алак умёнче хёрлө пакунла салтаксем таратчёс. Пёр ватам пу́ллө ватам су́лсенчи ЗЭК «Люба-любушка моя» халәх юррине епле хавхаланулла юрланине халё те аста́ватәп. Төлёмелле вайла́ та уça сас! Төрмене лекиччен вәл юраç-артист пулна ахар. «Любушка» вара куç умне тухса тананах туйанчө. Кётмен сёртен сута́ сунсе ларчө. Темисе хутла́ «мат» хысçан сапа́су пусланчө, кёленче чанка́ртатса сёмёрёлнө сас илтөнче. Мёнле хәтә́лса тухмалла?! Кантәкёсем су́ллө — сиксе тухма сук, алакё уça, анчах урам енче сич-сакәр салтак тәраçсө, аллисенче тәхалла́ пиçиххи. Тепёр чухне арәслан пуличчен мулкач пулни лайа́храх — төркешү-кашкарашу ла́планиччен сакай айёнче пытанса ирттертёмөр. Ирхине, ёсе кайна́ чух, юриех клуб умёнчен иртрёмөр, унта мён кәна сапаланса выртмасть! Кәсарукса́р картус, сәран пушмак, салтак пиçиххийё, тенкел урисем, юнланна́ кёпе-йём...

Алла́-утмә́л салтак унталла кунталла утатъ. Клуб чу́речисем сук. Хёрлө пустав сине «Слава КПСС» тесе сырна́ лозунга сурса таткаланә: «Слава» текенни пёр тата́к, «КП» — тепёр тата́кра, виçсёмөш тата́көнче — «СС». Пурте а́нланмалла, «СС»-не вәрамлатса калай-марамар.

Хёле кёриччен бараксене черетён-черетён шалти ремонт тума пусланаччө, унта пурәнакансене вәхәтләха

урăх бараксене кусарчѣс. Хайхи хура тутлă хѣрача пиртен инсе мар сурта лекнѣ. Хитре те синсе питлѣ сарăк вырăспа паллашса кайнăччѣ въл ун чухне. Теплерен пѣрре сав баракра пурăнакан вырăс хѣрѣсем патне кѣркелесе тухаттам. Пѣррехинче, пăхатăп та, леш хура тутли пѣчченех пўлѣмре, каç пулмасăрах салтанса канма выртнă.

— Коля, эпѣ тахсанах пѣлетѣп эсѣ мана юратнине! Эпѣ качча каятăп, санпа пѣрре сывăрса куратăп та текех ман пата килсе ан сўре, — терѣ въл мана сирѣппѣн.

Саван пекех хыттăн ыталаса илчѣ те въл мана хай сумне чăмăртарѣ. Эпѣ вара, айванскер, аран вѣсерѣнтѣм те ун ытамѣнчен тухса тартăм. Ун хысçан вăтанас, намăсланас вырăнне мăнкăмăллă тытма пуçларѣ хайне въл. Пѣр бригадара ѣçлетпѣр пулсан та эпѣ унпа текех каласман. Хѣр-тантăшѣсем каласа панă тăрăх въл леш вырăс сарăкѣпе арлă-арăмлă пурăннă иккен. Каярахпа въл сыпкалама, картла выляма, пирус туртма ханăхнă терѣс. Вырăс ачи качча илмен апа, — терѣс тунă, маттур! Хăсан пăсăлса кайма ѣлкѣрнѣ въл хѣрача — шукулта та ытлааван вѣренетчѣ, унан хѣр-тантăшѣсем те хайсене таса тытнă. Халиччен пурăнса та икѣ хутчен сес курнă эпѣ апа. Пѣррехинче хамăр ялта аслă урамра хирѣс пултăмăр. Въл Борзяран нумай пулмасть таврăннăччѣ пулас.

— Акă тинех тѣл пултăмăр санпа. Ну, Коля, тăраниччен пăхса саван ѣнтѣ мана, — терѣ въл илѣртўллѣн йăл кулса. Эпѣ нимѣн калама пѣлмерѣм. Тепрехинче — Сѣнѣ Шупашкарта. Пѣр пысăк магазинта кăлпасса туйнама вăрăм-вăрăм черетре тăратпăр. Пăхатăп та ман арăм черет пуçне васкарѣ, пѣр пѣчѣк хѣрарăм сумне пырса тăчѣ, тем калаçасçѣ. Эпѣ те унта пырса татăм. Палласа илтѣм — хура тутлă, пăсăк туталлă пѣчѣк хѣрарăм — въл! Турăçам, мѣнле улăштарать иккен пире вăхăт. Сумма-сумман утса сын сине тухмалăх мăшăрам пур, тав Турра — вѣлтлетсе иртрѣ шухăшам.

Пирён барак сүмөнчө, кўршөре пёр сөмье пурән-натчө: хуши, хөрөхсене ситеймен арсын, суртсем тавакан прораб пулса ёслетчө, ахартнех, вэл ссылка шучөпе сул ирттеретчө. Унән мәшәрө темиҫе барака тирпейлесе тарақанниччө. Илемлө те йаваш хөрарәмччө, анчах йөркене, тирпее хытә тытса таратчө. Пөрле пурәнакан ман юлташ чирленөччө те ун патне укол тума пёр медсестра сүретчө, выртса таракан вырән вараланатчө пулмалла. Прораб арәмө юлташән простынөсене суса тирпейлеме пәрахрө.

Пурнәсө сәмәл марччө сав хөрарәмән, ситменнине тата упәшки ёскелетчө, алә сөклетчө, сөсө тытни те пулнә. Ун пек чухне вөсен хөрачи мана чөнсе қаҫатчө. Епле харама пөлмен эпө, вунсиччөри сәмрәк, вәйпитти арсынран! Эпө қаҫсанах вәрсма чарәнатчө, сөсөсине сөтел сине хуратчө. Кәшкәрашнә чухне те усал сәмах каланине астумастәп. Хушамачөпе те сән-пичөпе те еврей сыннине асилтеретчө. Каярахпа мана вәл ирөксөрлесөх чөй ёсөме лартатчө, мәшәрне епле вәйлә юратнине каласа паратчө.

Валя ятләччө вөсен хөрачи. Саккәрмөш класа сүретчө. Ун пек йәрәс пүллө те илемлө хөрача халиччен курман эпө. Ашшөне ләплантарма хәюлләх ситернөшөн вәл мана кәмәлланине туюттәм. Канмалли кунсенче сопкәсем сине уләхаттәмәр эфир унпа, хөрлө-хөрлө шәрччануй чөчөкөсөне пухса парнелөттөм. Чәвашла «чи кирлө» виҫө сәмах калама вөрөнсө ситнөччө, эпө вара әна сәвә сүрса хурав параттәм! Пирөн пүлөмре пурәнакан «ссылный» Яновский вөсөне вырәсла куҫарса паратчө.

Яновский тенөрен. Вәтәр-вәтәр пилөк сүлсенчи төреклө арсынччө. Сәмах ваклама юратмастчө. Пөченччө. Ирөх таратчө те пёр курка шыв ёсөсө ёсө тухса каятчө. Те мухмәр пулнә ёнтө ун, анчах вәл ёс хысҫән ёсөсө килнине эфир курман. Пиҫсө ситнө лайәх сәвәсем сүратчө. Мөн сәлтавпа лекнө вәл төрмене — хәй те каласа пәман, эфир те ыйтман. Манән «Сул сүти» сәвва вәл вы-

рәсла аста кусарначчә. Эпә аһа «Җәлри җәлтәрсем» ятлә чәвашла-вырәсла кәнекене те кәртнәччә. Р. Гамзатован «Суди меня по кодексу любви» кәнекинчи пәр сәвә куҗ тәлне лекрә. Унта җакән пек йәркесем пур:

Не торопи перо, как скакуна,
Чтоб из седла не выпасть ненароком.
Не пей недобродившего вина
И плод незрелый без нужды не трогай.

Ман сәвә вара В. Яновский кусарәвәнче җакән пек илтәнет:

Не заставляй перо быть торопливым,
Пусть выдержкой прославится оно.
Кто тянет руки к незрелым сливам?
Кто пьет недобродившее вино?

Авторәсем те тәлмачәсем те ураһ. Эпә 1959 җулта җыр-на ку сәвә, җав җулхинех кусарна. Тәпрен илсен сәвәсен тәп шухәшә те, танлаштарәвәсем те пәрешкел. Урлә-пирлә шухәшласан та тупсәмне тупаймастәп.

Борзя җанталәкә хәйне евәрлә. Ноябрь уйәхә иртсен те юр чәлтәр-чәлтәр җәҗ җәватә. Сивә җил вара касса вәрет. Стройкәра кунәпе урамра еҗлеттәмәр, кирза атә чул пек хытса ларатчә. Юлташсем ура шәнәть тенине астумастәп, анча эп урасем шәннипе аптәрәттәм.

Декабрь җурринче эпә чәматана җәклерәм те Чита-на васкарәм. Пәхатәп та вокзалта хамәр юлташсем җүреҗсә, вәсем те билет илме черете тәраҗсә. Малтанах калаҗса татәлнә тейән. Җула май Курганра еҗе вырнаҗ-асшәнччә, анчах нихәшән те паспортри прописка штампне илмен. «Выписан» текен штампне тепәр җур җултан җәҗ хатәрлеме әс җитертәм: чәр улма җинче тир-пейлән касса кәлартәм та саспаллисене чернилпа пусса җапрәм. Чән-чән пичетрен ним чухлә те кая мар. Художник маҗтәрләхә питә кирлә пулчә ун чухне. Җапла пәрремәш хут саккуна улталарәм.

Борзя тапхәрә, пётәмешпе илсен, усаллә пулчә маншан: тәнчене тухса куртәм, кил тунсәхне чәтма хәнхәрәм, ултав тути-масине чәтса куртәм, Байкал күллине чәмса тухрәм, вәри юрату чун-чәрене чәтретсе илчә... Пёртен пёр сұхатавәм — паян та чәререн тухман юратавәм. Мёнлерех сырусем сыратчә самрәк хуран пек яштака илемлә савнийәм! «Эпир сұренә сопка синче эсә кәмәлләнә шәрччануй чечексене чуптуса йәретәп, хәвәртаһ каялла кил. Чәтәмсәррән кәтетәп... Е пёр-пёр чаваш хәрә тупса ятән-им?» Нумайччен уп-рарәм ун сыравәсене. Мәнтарән... Тен теләкре сәс пулчә ку телпулу, тен хамах шухәшласа кәларнә хитре юмах пулчә?.. Анчах паян кунччен те унән сәнарә ку с умәнччен каймарә, унән юрри-кулли асран тухмарә.

Теветкеллә утәм

Утса тухнә сул-йәре ку с ывәтса илсесән ташта инсет-ре пёр лаптәк сұтә курәнәтә, вәл — самрәкләх. «Шухә пулнә — шухәшсәр сұренә», анчах шәпах сав вәхәтра салтак утти пек сирәп те хәюллә утәмсем тунә: вәтам шукул пәтернә, университетран әнәслә вәренсе тухнә, кәтмен-сәртен васкаса авланнә, аспирантурәра кушән вәренсе кандидат диссертацине хүтәленә, сав вәхәтрах Фрунзе ячәллә академин сар хатәрлевне сұренә, әсләләх статьясемпе савәсем сұрнә. Сисмерәм те — самрәкләх иртсе кайнә. Мёнле киләшмесәр тәмән Энштейн теорийәпе — пысәк пәлтерәшлә әссем тунә чухне вәхәт хәвәртаһ шәватә, «вәри плита синче ларнә чухне вара сехет йәппи чарәнса ларнәнах туйәнәтә». Анчах «парадокс близнецов» курәмне әненес пулсан ман ватәл-малла мар-сәкә! Тәрәссипе каласан, ман самрәкләхәм нумай сул тәсәлчә. Е тиек әсәнче әслесе сулсем иртнине вырәна хумарәм?.. Пёр әнсәртләх әна хурахла шелсәр татрә те тәрук сәр ишәлсе аннә хысқанхи пек шәпләх пусланчә. Ватләх ситрә. Кәркуннехи пек: кунсем кәскел-

чѣс, шухаш вярмланчѣ. Тепѣр чух тумхалă, тепѣр чух сатма пек тикѣс сул-йѣрпе самрăклăха кайса килетѣп.

Акă эпѣ, сирѣм икѣ сула пуснă вай-питти йѣкѣт, хама хам пысăк тѣллев лартса чърмантарман. Пурнăс мѣнле йѣркеленсе пырать, саван пек йѣрленсе пырать. Утнăсем сул усăлса пырать.

Каникулсенче юлташăмсемпе кинона суренѣ, Пăларан тухма пѣлмен. Манран самаях аслă Николаев Виталипе килѣштереттѣм. Вăл Энгельс хулинче физкультурăпа спорт факультетѣнче вѣренетчѣ, ман пекех савăсем сыратчѣ. Тăршшѣне сикессипе, сѣр метра чупассипе республика чемпионѣччѣ. Ун рекордне тепѣр сирѣм султан тин сѣнетрѣс пулмалла. Виталипе эфир кѣрхи улахсене те суренѣ. Султикасри илемлѣ те пысăк куслă пѣр хѣр кăмăла каятчѣ, каçсерен эпѣ апа асатса яраттăм. Эпѣ килмесѣр тăна вăхăтра хай суресе курман калхусника качча тухрѣ. Тѣрѣс те тунă пуль: вăл манран пѣр сул аслăрахчѣ, манан авланас шухаш та пулман.

Ун чухне эпѣ, Урал университетчѣн студентчѣ, заочнай майпа вѣренне куçса Ишлѣ-Шетмѣ школѣнче учитель пулса ѣслеттѣм. Араснах йѣлтѣрпе чупассипе, ишессипе (баттерфляй), суллѣшне сикессипе, шахматла вялассипе уйрăлса тăраттăм. Спорт мастерѣн кандидачѣ. Пѣр метр та сакăрвунă суллѣш каччă метр та сакăрвунă суллѣшне ял уявѣсенче, амăртусенче сикеттѣм. Сав сулсенче «Фолсбери» меслетне пѣлмен. Тата мѣн кирлѣ ял ачине?! Пѣр ирсе хѣрачине килѣштереттѣм. Вăл манпа вырăсла каласатчѣ, эпѣ — чăвашла.

Пѣррехинче, вырсарникун эфир унпа пасара тухнăччѣ. Ман валли свитер шыратпăр. Кѣтмен-сѣртен мана пѣр пѣчѣк хут татки тыгтарчѣс. Нивушлѣ эпѣ пиллѣкмѣш класранах кăмăлланта хѣрача? Эфир унпа пѣрле пѣр класра вѣреннѣ, хутран-ситрен сыру суретнѣ. Сав ирсе хѣрачипе суренине курнă та вăл, чѣри йăшкаса кайнă ахăр. «Паян каçхине сав выранта, сав сехетре тѣл пулпăр» тенѣ пѣчѣк татак хут сиче.

Янкър таса август каҫё. Эпир тӑракан карлакӑр каҫӑ айӑнче Пӑла васкамасӑр юхать, сыран ҫумӑнчи хӑва мӑлки ҫаплах пӑр вырӑнта тӑрать. Ҫӑлта — тулса ҫитеймен уйӑх. Ҫутӑ та сивӑскер. Уншӑн пулсан — ик айкки те тӑвайкки: мӑн пулать, мӑн килет пирӑн пурнӑҫра — пурпӑрех. Пӑр шухӑш вӑҫсе иртрӑ: элле ку уйӑх «Лӑпкӑ Дон» чухнехи чуна та, чӑрене те ӑшӑтайман ҫутӑ уйӑх? Ман ытамра тӑракан уйӑх сӑн-питлӑ хитре хӑр мар-и вӑл?

Маншӑн, ҫӑмӑлтай каччӑшӑн, тӑнче тикӑс: килӑшсен — килӑшет, килӑшмесен — килӑшмест.

— Сӑмахран, эпӑ сана качча тухма ыйтсан мӑн калӑттӑн? — ыйтрӑм унран. Ним шухӑшласа тӑмасӑр килӑшетӑп терӑ вӑл. — Хӑҫан?

Авланма шутламанччӑ-ҫке эпӑ. Эпӑ ҫирӑм пӑррере ҫех. Ман йӑри-тавра суйламалли хӑрсем пайтах. Анчах ялт! турӑ те пӑр ҫутӑ ҫӑлтӑр ыттисем сӑнсе-сӑнсе пычӑҫ.

Тепӑр ирхине хамӑр ҫывӑх юлташсене илтӑмӑр те Шупашкара тухса кайрӑмӑр, унтан Канаша. Вӑл ун чухне Канаши медицина училищинче вӑренетчӑ. Унта ҫыранма пулать иккен. Юратать-и вӑл мана? — эп ӑна ыйтман, хӑй те каламан. Чӑваш сӑпайлӑхӑ е урӑх сӑлтав? Эпӑ ҫӑренӑ хӑрсем мана юратнӑ пулсан мӑншӑн ун юратмалла мар мана. Ложное роковое сомнение.

Ҫул хӑрринчи курӑк пек пурӑнса ирттертӑм пӑртен-пӑр пурнӑҫа. Мӑн-ма савман хама савакана?.. Ҫул иртнӑҫем сивӑ уйӑх ҫутипе сивӑнсех пытӑм унран. Чӑнах та, ӑшӑтаймарӑ вӑл мана. Мана, поэт чунлӑскере, хӑрарӑм, пек ҫемҫе кӑмӑллӑскере ӑшӑ сӑмах ҫитмен ахӑртнех. Аса-илӑ хуркайӑкӑ пек карталанса вӑҫет.

Кам пӑлет — урӑх хӑрарӑмпа ҫемье тунӑ пулсан темле килетчӑ пурнӑҫӑм...

Хуньӑм, Прокопий Дмитриевич, ӑслӑ та тӑрӑ кӑмӑллӑ ҫынччӑ. Вӑл таврари пӑрремӑш шофер пулнӑ. Вӑрҫӑ витӑр те полуторка машинипе тухнӑ. Вӑтам пӑллӑ те тӑреклӑ ҫан-сурӑмлӑччӑ. Вӑрҫӑ хыҫҫӑн та хӑйӑн хурҫӑ утӑнчен уйрӑлман. Уявсенче кӑшт сыпсан кӑмӑлӑ ҫем-

җелсе каятчы. Вёреннэ җынсене питех те хисеплетчы, ман-па вара әраснах кәмәллән каласатчы. Апла мана хисеплетчы. Ани карчак вара мана юратмастчы. Ман умрах ыгити йәкәтсене-арҗынсене мухтатчы: вёсенчен пәри лесник пулна, тепри — моторист, виҗҗәмешә — кәмәл кашакпа җәтса ямали офицер, врача качча тухмаллачы те ун, еркәнә җахав җырса яна тата... Сасси уҗаччы, үсәрәлсен вара чәлхине чараймастчы, җырма тәршшәпех юрласа килетчы. Пәррехинче пирән патәрта хәнара пулна хыҗҗән җырма хәринелле пыратпәр. җинка ятлә хәрар-әмпа тел пулчы те, каласса уйрәлаймаҗҗә. Юлашкинчен ман ани карчак йәрсех ячы: хәталлә-тәхлачәллә пулаймар-әмәр, сан ывәлу хитререх, пуян та пурнатәр, ухмах Илюк шәлләне патәмәр вәт ялти чи илемлә хәрәме... Ман җине куҗсан тата тем каласа пәтеретчы әнтә хуньам сәтәрсе кайман пулсан. Әҗмесәрех тән-танрахчы те вәл, кәшт әҗсен вара җаварән чаракә җукчы.

Ахальтен мар «теша» пирки әләкрәпех хитре мар хахат сарәлна. Ку — вёсенчен үксе юлман ахәр.

«Ухмах Илюк шәллә» вара лесникрен те, мотористран та, кәмәл кашакран та, кәмпа юратакан вәҗкән Никантәршәк врачран та ирттерчы, профессор тата Халәх поэчы пулчы, хваттерәм асла, кантур пек җурт лартрәм... җавсене әнланса әлкәрчы-ши вәл? Әпә каҗар-масан та Турә каҗартәр әна.

Университет, аспирантура, докторантура

Нацин чи кирлә палли — чәлхе. Чәлхе пәтсен чәваш та пәтет. Малтан эфир вярәсланса кайәпәр, техникапа экономика аталанса пынаҗсемән вярәс чәлхи те хәйән вәй-халне, хевтине җухатә. җак юхәма епле хирәс тәрсан та каялла ишеймән. Ку саккуна пәхәнмах лекет, вәхәтне җәс паләртаймәпәр.

Пирән үсәври ял ачисене пайтах чәрмав күнә вы-

рӑс чӗлхи, анчах вӑл пире ҫынна кӑларнӑ. Паян акӑ
вырӑсла ытлаванах калаҫатӑп ҫеҫ мар, философилле
статьясем те ӑнанмаллах ҫыратӑп. Синергетика ыйтӑвӗ-
сене чӑвашла ҫырнӑ чухне тӑтӑшах «Вырӑсла-чӑвашла,
чӑвашла-вырӑсла словарьсене» пӑхатӑп. Шкулта чухне
пире вырӑсла тӗрӗс ҫырма вӗрентнӗ, калаҫу чӗлхине
хӑнӑхтарман. Ку вӑл йӑнӑш пулнине тӗнчене тухса кай-
сан палӑрчӗ. Кӑвак куҫлӑ савнипе те ирӗккӗн калаҫай-
ман вӗт! Анчах малалла вӗренме шутланӑ ҫамрӑксене
вырӑс грамматикине пӗлни кирлех пулнӑ.

Борзя хыҫҫӑн Свердловск хулинчи университета
кӗме шут тытрӑм. Пӗрремӗш экзамен вырӑс чӗлхипе,
сочинени. Документсене патӑм та аудиторине кӗтӗм,
унта туллиех ҫын. Малти партӑра, экзаменатор сӗтелӗ
патӗнче, пушӑ вырӑн пур. Пӗтрӗм иккен терӗм. Доска
ҫине темиҫе тема ҫырса хунӑ, пӑхатӑп та, куҫ тӗлне
«Образы молодогогвардейцев» тухрӗ. Чӗрем лӑштах кайрӗ.
Чи малтӑн ҫырса пӗтертӗм те савӑнса тухса кайрӑм:
унччен «пиллӗк» паллӑ илнӗскер халь те унран кая
пулмалла мар. Тепӗр икӗ кунран пуртенкке тӑршшӗ
список кӑларса ҫапрӗҫ. Хам хушамат тӗлне ҫитсен шалт
тӗлӗнсе кайрӑм — «2». Пулма пултараймасть! Ун чухне
апелляци мӗн иккенне чухламан та пӗлмен те. Ҫавӑн-
та кай теҫҫӗ ҫумра тӑракансем. Кӗтӗм пӗр пӗлӗме. Тул-
лирех хӗрарӑм тата шура кӗпеллӗ те хура галстуклӑ,
кӗскерех хура сухаллӑ яштака арҫын тӑраҫҫӗ. Ман ху-
шамат списокра 37-мӗшӗ. «Иккӗ» пулма пултараймасть.
Ректор патне каятӑп терӗм.

Манӑн нимӗн ҫухатмалли те ҫук. Иккӗ тӗк иккӗ. Сверд-
ловскинчен Чита урлӑ Борзяна ҫитме кӗскерех. Унта
мана кӗтекен савнийӗм пур, шухӑшлатӑп эпӗ. Ҫавӑнпа
хама хӑюллӑ тытатӑп.

— Эпӗ тӗрӗслесен тата нумайрах йӑнӑш тупатӑп. Апел-
ляци ҫыр, — терӗ арҫынни.

Ку заявлени пулӗ-ха, шутларӑм та ҫырма пуҫларӑм.
Ҫук, ун пек ҫырмалла мар иккен. Вӑл мана каласа ҫыр-

тарчѣ. «Апелляци» сѣмахне хам пѣлмесѣрех тѣрѣс сырнѣ иккен те кѣмѣллѣн пѣхса илчѣ ман сине.

— Акѣ кунта хуреллѣ пѣнчѣсем кирлѣ мар, тет.

— Мѣнле кирлѣ мар, ку деепричасти сѣврѣнѣшѣ, тетѣп.

— Ну, кѣна хѣварѣпѣр. Ак кунта... — малалла тѣсрѣ хура сухал.

— Эпѣ кун пек сѣмахсѣврѣнѣш сырман — тетѣп ѣна. — Пѣтѣм сочиненине пѣхмасѣр пѣлетѣп эпѣ.

— Каласа пар эппин, — ѣненмесѣр, анчах кѣмѣллѣн кулса.

Эпѣ калама пусларѣм. Хѣрарѣм преподаватель те хѣлхине тѣратса итлет. Арсынни ѣнкарса илчѣ пулмалла. Вырѣсла сан хушамату мѣнлеччѣ-ха тет. Исмуков тетѣп.

— Ку сочинени вара Исмаков Н.А. абитуриентѣн. Списокра вѣтѣр сиччѣмѣш номер тетѣн?

Ман документсене тимѣр шкапран тупрѣ те чи малтан аттестат пѣхрѣ. Пѣтѣмпе «пиллѣк» паллѣсем, машиноведенипе — «виссѣ».

— Акѣ, хѣв ѣсне пѣхса ил, — терѣ шѣвѣр сухал. — Астѣвѣму лайѣх, маттур чѣваш. Саламлатѣп, «пиллѣк».

Туллирех хѣрарѣмѣ мана ыталаса илчѣ. Пулѣмрен тухнѣ чух арсынни манран ыйтрѣ-ыитрех: каласа пар-ха, мѣншѣн машиноведенипе «тѣваттѣ та мар — «виссѣ»? Арсын ачасем тимѣр-тѣмѣра юратассѣ-ске.

Шѣвѣр сухалѣн мана итлеме вѣхѣчѣ пур-и, сук-и — эпѣ ѣна тавсѣрайман, сѣула май йѣлтах каласа патѣм.

Пирѣн шулта сѣтелтен кѣшт сѣулерех ДТ-20 трактор пурччѣ. Калхус хирѣнче урок ирттернѣ чухне эпѣ руль умѣнчеччѣ, хысалта пѣр юлташѣм тѣрса пыратчѣ. Трактора хѣвѣртрах уттарѣм пулмалла — вѣл йѣран хушшине ѣксе юлчѣ. Учитель Шутчиков хушаматлѣччѣ. Сѣн-питрен илемлѣ, хѣс пек синсѣ питлѣ сѣмрѣк сѣнччѣ. Вѣскѣнскер, авланманскер, ѣскеleme юрататчѣ. Ун чухне те вѣл урокне пѣрахсах ял лапкине ѣсме кайнѣ пулнѣ.

Эпир ирёке юлнă, алхасатпăр. Эпĕ трактора кĕрлетгерсе пынине Шутчиков курчĕ те урса кайрĕ, темиçе хутлă усал сăмах каласа вăрçрĕ. Хайĕнчен ханша шăрши кĕрет. Юлташăмсем умĕнчех эпĕ ăна «Учителĕн хирте пулсан та усал сăмах калама юрамасть, ăитменнине эсĕ ханша ёçнĕ» терĕм. Шутчиков хĕремесленсе кайрĕ, мана кăкăртан ярса илчĕ. Эп ăна тĕртсе ятăм та школ еннелле утрăм. Никама та каласа паман çак пăтармаха, анчах вăл вĕчĕ тытса тăнă иккен. Акă таварма вăхăт ăитрĕ. Хамăр класри хĕрачасем те тĕлĕннĕччĕ, аттестатсенче пурин те «4» тата «5» паллăсем, Исмуковăн — «3»!

Свердловск университетне ăнăçлă пĕтертĕм. Богдановпа туслăччĕ. Иван Федорович манран аслăрахчĕ, малтан вăл çар училищинче вĕреннĕ. Преподавательсем уçă кăмăллă та нумай пĕлекен ăынсем: Иовчук, Любутин, Руткевич... Аса илес пулсан вăхăт нумая кайĕ.

Вĕрену сұлесенчи вăхăтран тата мĕн илсе кăтартмалла-ши? Ним пытармасăр каласа пани кăсăклăрах. Ватăласпа çамрăк чухнехи сұлăхсене те ăшшăн аса илетĕн.

Ют чĕлхе туйăмĕ парайман мана Турри. Вуннăмĕш класра, юлашки экзамен парсан Атăк пĕвине шыва кĕме кайрăмăр та, «нимĕç» кĕнекине текех кирлĕ пулмĕ тесе, шыва ывăтрăмăр. Шăпа манран кулнă иккен, тата виçĕ хутчен экзамен памалла пулчĕ ăна: университета кĕнĕ чух, кандидат минимумне панă чух тата аспирантура, Ленин стипендине илес тенĕ чухне.

Университет пĕтерсен Çăрпури ялхусалăх техникумĕнче ёçлерĕм. Истори, политэкономии, научнай коммунизм вĕрентрĕм. Çăрпуре тĕпленсе каяс мар тесе аспирантура кайма шутларăм. Чăваш университетĕнче нимĕç чĕлхипе кандидат экзаменне тытма май пур иккен. Сұлталак тăрăшсах вĕрентĕм. Комиссире ларакансем — А. Иванов тата М.Р. Федотов профессор. «Виçĕ» илтĕм.

Аспирантура пĕтерсе килсен эп вĕсемпе туслашса

кайрам. Михаил Романч хай кенекисене саваласа ырсасан маллах паратче, ман сав кенекисене тишкерсе статьясем пичетлетче. Сурсёр иртсен те шанкаравлатче, вери чей есме ченсе илетче. Малтан хаванпа паллаштармалла пулна, эпе вара Володьана калаттам. Пелне-и, пелмен-и — пурпёрах лайах палларан кая лартмастамар, тетче мана вал. Ун чухне эпе ун-кун йёркине пелмен. Мускавра «диамат», «истмат», «философи историйе», «логика» кандидат экзаменесене пурне те «пиллекле» патам. Чавашра ют чөлхене — «вишсе»? Вуня класс петерне чухне те, хале те умра чашкарса сёкленне селен пек — «3».

Мускавра тепёр хут экзамен пама ирек пачес. Тёрле хатёрлев ушканесене сурерём, пурпёрах веренсе-хатёрленсе ситеймерём. Хагат вуланине кусарса каласа памалла, философи кенекине те ырасла кусарса нимёсле каламалла, кулен кунхи каласу... Экзамен тытса тухрам хайхи, пелетеп — ес тухмарё. Коридорпа кафедра пуслэхен ике заместителе иртсе пырассе. Пери — Лев Евгеньевич Серебряков, манан наука енепе ертусе, тепри — И.М. Икан, верену пайен ертуси. Вёсем питё килештерсе ёслетчес, хале те «килештерсе» тапта кайма тухна ёнтё.

— Мён эс питех саванасла мар, халех керсе пелетепёр, — терё Иосиф Михайлович.

Каштах тарсан мана каялла ченсе кертрёс.

— Кафедра пер сасалла пулса Коля Искуова сённо. ырасла лайах пелет, нимёсле — аплах мар, — каласава хутшанче Лев Евгеньевич.

Вёсем эп коридорта таня чухне каласса та илне пулас хайсен хушшинче.

— Мён калар та, эпе хам самахран иртейместеп, «пиллекрен» ытла лартма манан ирек сук, — терё Соломон Альфредович, пит-кусёненче пер перче кула палартмасар.

Вара таватсамар та Иосиф Михалч килештерне вы-

рәна хёрлө эрех ёсме кайрәмәр. Вёсен юратнә вырәнө институтран инҗех те мар паркри вәрәм тенкел пулнә иккен.

Паллах, нимёс чёлхине эпё — «виҗҗёрен» ытла пәлмен. Вырәсла та пёлетёп тесе татсах калаймастәп. Мана юлашки икё җул хушши Ленин стипендине памалла турёс. Кашни уйәхра 100 тенкё вырәнне 120 тенкё! Ассистен шаләвё те ун чухлө пулман җав җулсенче.

Патшаләх җука юлнине сисмерём, анчах диссертацине паләртнә вәхәтран виҗё уйәх маларах хүтёлерём. җав кунтанпа мана стипенди пама пәрахрёс, пёр уйәх отпуск — вара ёсе тухмалла. Эп әна пёлсе пётереймен.

җапла, әнман җынсем те лекнө ман җул җинче, анчах ырә җынсем нумайрах пулнә.

ПОЭЗИ ЧУНА СЫВĂХРАХ
ТА ХАКЛАРАХ

«Чăваш хайне тĕнче варринче курнă»

Чăваш халăх поэчĕ Николай Аверкиевич Исмуков 1942 çулхи пуш уйăхĕн 2-мĕшĕнче Патăрyel районĕнчи Аслă Арапуç (Первомайски) ялĕнче çуралса ўснĕ. Вăл философи наукисен докторĕ: профессор. Чăваш патшалăх премийĕн лауреачĕ. Шупашкарти кооперацĕ институтĕнче ĕçлет.

Василий Кервен: Николай Аверкиевич, эсĕ «Тăван Атăл» журналта тăтăшах тухатăн, кунта пултарулаăху çинчен те чылай çырнă. Çапах та каллех тĕплĕнрех калаçма пĕр пысăк салтав хистерĕ, пирĕн вулавçăсем тĕлпулусенче тўрремĕнех çапла ыйтаççĕ: «Чăваш халăхĕн философийĕ пур-и?» Сансăр пуçне, шел пулин те, çакна тăван чĕлхепе аңлантарса паракан пĕр философа та тупаймарăмăр. Хăшĕсем тата, хайсем чăваш уйрамĕ пĕтернĕ хыççăн философи наукисен кандидачĕ е докторĕ пулса тăнаскерсем, статйисене вырăсла çырса килеççĕ.

Паллах, эсĕ философи тавра калаçнисĕр пуçне ытти ыйтусене те хускатасса кĕтетпĕр.

Чăваш кун-çулĕ, чăваш чĕлхи пирки сыравçăсем яланах пăшăрханаççĕ. Глобализаци авăрĕ çăтса ямĕ-ши пирĕн культурана, чĕлхене?

Николай Исмуков: Пирĕн халăхăн историйĕ тĕрлĕ пăтăрмахсăр пулман, çавах та вăл паян куна тĕрĕс-тĕкелех ситнĕ, хайĕн культурине май килнĕ таран упраса хăварма мехел ситернĕ. Анчах та чун пăшăрханăвĕ лăпланса пурăнма памасть. Пĕр савăра эпĕ çапла каланăччĕ:

Чун юхăмĕ пулса хускалнă сил
Уçса пăхатъ çака çулçисене:
Мĕн каласа ытарлăн çырнă-ши
Чăваш шăпи пирки вĕсем çине;

В. К.: Николай Осипов, филологи әсләләхән кандидаче, «Лаштра йәбра» сәвә пирки уйрәм тишкерү сыр-наҗче («Тәван Атәл», 2014 җ., 2 №), Ринат Харис хайлавәсене пәхса тухна май аһа самаях анләлатрә («Тәван Атәл», 2014 җ. 7 №). Пәр сәвәпах халәхәмәрән чәрәләх хәватне, кун-сульне сәнласа пама пултарнине кәтартрә. Йәбра — чәвашсен символә. Кевәс кәлмәссемпе түрккес тиексем аһа тәпрен касса антарчәс те тураттисене тапта-тапта пытарчәс. Эй, сүтсанталәк ыркәмәлләхә, тәнче тәрәсләхә!

Тапта-тапта пытарна турата
Әс чәрәләх вәйне паратән та
Калләх сәклетән пәләте сити.

Мән кәна курман пуль халәхәмәр истори пәрәнчәкәсенче, сапах та ун пуласләхне шанать тәпчевсә.

Н. И.: Шанәса сүхатмастәп әпә те. Анчах юлашки сүлсенче пирән поэзи йәвашлансах пынине йышәнасах пулать. Эстрада юрри-сәввине шута хумастәп. П. Хусанкай, Я. Ухсай тапхәрә хысәән Ю. Айдаш, Н. Теветкел, Ю. Сементер, П. Афанасьев, В. Энтип вәхәчә иртсе пырать. Кам килә пирән хысәән? Сәмрәксем халь пурләхшәән «сунасәсә», ыраәса тухасәсә, тәванләх пәтсе пырать. Сәвә вулакан сын та сайра. Поэзи кәтертленсе пыни чунләх пәтсе пынине пәлтерет. Ситменнине тата тәван чәлхене вәренес, малалла аталантарас ыраәнне аһа пусарсах пырасәсә. Мәне кирлә пулчә пурне те сырлахтаракан чәваш орфографине пәтрәтса яма? «Ялав» журнала тахәсанах хупрәс. Литература сүләнче «Тәван Атәла» кәтертрәс.

Ыран чәлхем пәтет пулсан әп паянах вилме хәтәр те-нәччә пулас Р. Гамзатов. Чәнах та, тәван чәлхем пәтсе пырать пулсан мәншәән, камшәән сәрмалла? Пурнасәән тәлләвә сүхалать.

Вольтер сәмахне илсе кәтартам: «Тәнчери тәп чәлхесене ултә сүл хушшинче аһа хывма пулать, анчах тәван

чѣлхене мѣн ѣмѣр тѣршѣпех вѣренмелле». Вѣренес вырѣнне юрѣхсѣра кѣларассѣ чѣлхемѣре. Чѣлхе пѣтсен — халѣх пѣтет.

Пирѣн чѣлхемѣр пуян та хевти вышкайсѣр хѣватлѣ. Сѣл шывѣ ирѣклѣ юхтѣр тесен, ѣна ан пѣтрат, ан чѣрмантар. Мѣнле кѣткѣс шухѣшсене те ѣнланмалла, ансат калама пулатъ иккен чѣвашла. «Ялав» журналѣн висѣ номерѣнче чѣваш философийѣ сѣнчен статьясем пичетлесе кѣларнѣччѣ. Хальхи орфографие пѣхѣнас пулсан, мѣнле палѣртмаллаччѣ ман хирѣстѣру (противоположность), ѣстѣн (сознание), астѣвѣм (память) т.ѣт. философи катѣгорийѣсене?

В. К.: Атсѣватѣп сѣв статьясене, унта чѣвашѣн философийѣ пур-и тесе ытуту лартнѣччѣ. Чѣнах та, пур-и вѣл?

Н. И.: Ытти халѣхѣн — французсен, нимѣссен, китѣйсен, яппунсен — философийѣ пур пулсан, мѣншѣн чѣвашсен философийѣ пулмалла мар! Эпир пѣлеймен сѣлтавсене пула тѣнче историйѣнче чѣваш ѣлѣкхи грексем пек, китѣйсем пек сѣруллѣ япаласем хѣварайман. Каярах сѣрѣплѣннѣ сѣрулѣхра та сѣравсѣ-ѣсчахсем пулман чѣвашѣн. Сѣпах та сѣр сѣнчи чи ватѣ халѣхсенчен пѣри шутланаканран тухнѣ хутла пѣлмен е хѣйѣн шухѣшѣсене сѣрса хѣварайман Сократ евѣр ѣсчахсем пулнах. ѣста шырамалла чѣвашѣн философине? Ман шутпа, мифсемпе фольклорта тата хамѣрѣн паянхи ѣстѣвѣмра. Мифсемпе фольклор философи пусламѣшне тѣпчеме май парѣс. Юлашки вѣхѣтра чѣлаях сѣрчѣс ун сѣнчен. Сѣраканѣсем ѣна этнопедагогика шѣйѣнче пѣхса тухма тѣрѣшрѣс. Паянхи ѣстѣвѣм — чи шанчѣклѣ та, чи иксѣмли сѣлкус. Пѣлетпѣр ѣнтѣ, кашни сѣн сѣуралса-сѣтѣнсе-ватѣлса виличчен этемлѣх аталанѣвѣн историне кѣскетсе, лапчѣтса утса тухать — ѣт-пѣ тѣлѣшѣнчен те, ѣс-пус аталанѣвѣ енчен те. Хальхи шѣйри ѣстѣвѣм — нумай-нумай ѣмѣрсем хушши аталанса пынѣ шухѣшкѣмѣл пуламѣ. Философилле шухѣшѣсене диалектика

категорийёсемпе ӑнлантармалла. Илемлӗ те хӑтлӑ сурт тӑвас тесен те лайӑх, сивӗч хатӑр-хетӑр кирлӗ.

В. К.: Санӑн, Николай Аверкиевич, Мускавра «Философия в пространстве национальной культуры» ятлӑ кӗнеке тухнӑччӗ. Унта анлӑш (пространство), вӑхӑт, кушӑм, матери, хирӗстӑру ӑнланӑвӗсене нацилле хӑйнеевӗрлӗх тӗлӗшӗнчен пӑхса тухнӑччӗ. Мӗнле курать-ӑнланать чӑваш, сӑмахран, тӗнчене? Пӑр тӗслӗх илсе кӑтартӑр-ха?

Н. И.: Чӑвашсен тӗнче ӑнланӑвӗ мир тата анлӑш (пространство) пӗлтерӗшӗсемпе тӑр килет. Чӑклевсӗ чӑваш мифӗсенче тӗнче яланах тӑваткӑл. Ун пек ӑнлану китайсен пур. Ытти пур халӑх та тӗнчене саврака курать. Анчах, тӗрӗссипе, тӗнче вӑл тӑваткӑл та мар, саврака та мар. Вӗссӗр-хӗрсӗр тӗнчене мӗнле конфигурации вырнаштарайӑн. Тӑваткӑл — паллӑ йӗркене, тӗплӗхе пӗлтерет, пурнӑсра пурте хӑй вӑхӑтӗнче те хӑй вырӑнӗнче пулса иртмелле. Тӑваткӑл вӑл — тӗв туса палӑртнӑ, малашне мӗн пулассине пӗлсе тӑмалли символ, лӑпкӑлӑх, тӑнӑслӑх, тӗреклӗх, пӑр вырӑнлӑх. Пӗтӗмпех чӑваш кӑмӑл-сипетне, характерне килекен паллӑсем.

Авалхи грек хӑйне пусламӑшсӑр-вӗссӗр тӗнче саккунӗ-йӗркине пӑхӑнса тӗвӗленнӗ пулӑм пек курнӑ. Тинӗсе тухса сӑуре-сӑуре те пулӗ — вӑл тӗнчене сарма тӑрӑшнӑ, япаласен хирӗсле енӗсене пӗлсе усӑ курса ирӗклӗхе талпӑннӑ. Чӑваш вара хӑйне ништа та мар — тӗнче варринче курнӑ, вӑл хӑй — тӗнче тупсӑмӗ иккен. Вӑл мар — тӗнче ун пекрех пулмалла имӗш, тӑнӑслӑ, вырӑнлӑ, вӑхӑтлӑ. Анчах чӑваш хӑйне валли хӑй ӑсӗнче тӑваткӑл, чикӗллӗ, хупӑнчӑк, текех сарма сук тӗнче туса шухӑшне инсете вӗсме чӑрмав та кӑчӗ пуль, ахальтен мар унӑн философийӗ палӑртнӑ табу-картаран тухайман, сӗнӗ шухӑш, сӗнӗ йӑла кӑларма шикленнӗ вӑл. Тӗлӗнмелле сӑк сӑтсанталӑк шайлаштарӑвӗ, ахӑр та махӑр пӑтранан историре чӑваша сыхласа хӑвараканни

шӑп та шай ҫак асамлӑ тӑваткӑл пулнӑ та ӗнтӗ — тӑнаҫлӑх, килӗшӱлӗх, тӗплӗх, хӑй тӗнчине хӑй тытса тӑраслӑх. Каларӑмӑр ӗнтӗ, ҫав вӑхӑтрах тӑваткӑл карта унӑн шухӑшне, философине малалла вӗҫме чӑрмантарнӑ.

В. К.: Эсӗ юлашки вӑхӑтра философипе тепӗр кӗнеке хатӗрлерӗн. Мӗнрен пуҫланса кайнӑ философи ыйтӑвӗсемпе кӑсӑкланасси? Эсӗ — чӑн-чӑн лирик, кӑмӑлтуйӑм хуҫи, ҫав вӑхӑтрах шухӑшлавҫӑ. Ҫак икӗ туртӑм пӗр-пӗрне чӑрмантармаҫҫӗ-и?

Н. И.: Пулас кӗнеке ячӗ «Диалектика синергетики». Турри вӑхӑтне парсан ҫырса пӗтерӗп-ха ӑна ҫывӑх кунсенче. Унччен маларах «Сӑвӑсен пуххин» пиллӗкмӗш томне пичетлесе кӑлармалла. Тӗллевӗсем пур-ха, сывлӑхӑм кӑна пултӑр. Философипе поэзи пӗрлӗхӗ ҫинчен журналта самаях пысӑк статья та пичетлесе кӑларнӑччӗ. Кӗскен калас пулсан, поэзипе философи — кайӑкӑн мӑшӑр ҫуначӗ, вӗсемсӗр вӗҫев ҫук. Шухӑшсӑр сӑвӑ — чӱпӗк, чунсӑр сӑвӑ — кантӑр шӑмми. Чӑн-чӑн поэт — яланах философ, анчах философ яланах поэт мар. Икӗ ӗмӗр панӑ пулсан, пӗрне философии парӑттӑм, тепӗрне — поэзие. Икӗ ӗмӗр тытаканӗ ҫук, авӑ ватлӑхӑм та ҫитсе пырат, вара аса-илӱре пурӑнма пуҫлатпӑр.

Ачалӑх. Ак ӑҫта пулнӑ вӑл чи лайӑх вӑхӑт! Ура ҫине ӗне пусман-ха — ним шухӑшсӑр ӗрӗхсе ҫӱренӗ эфир, ҫутҫанталӑк ачисем. Тӑраниччен ҫӑкӑр та ҫисе курман, тумтирӗ те тумтир пулман, пурпӗрех ӱсентӑран пек ешернӗ.

Художник пулас, сӑвӑ ҫырас туртӑм пысӑкчӗ. Анчах ман малашнехи пурнӑҫа пӗр кӗнеке тӗппипех улӑштарса ячӗ темелле. Пиртен пӗр-ик ҫурт урлӑ Тимуксем пурӑнатчӗҫ. Василий Тимофевич вӗреннӗ ҫынччӗ, паллӑ бухгалтерччӗ пирӗн тӑрӑхра. Ун ывӑлӗ те ашшӗ ҫулӗпех кайнӑ, каярахпа вӑл нумай ҫул хушши Чӑвашра финанс министрӗ пулчӗ. Тимуксен мӑкламасӑр хӑпартнӑ кӗлетӗнче темӗн чул кӗнекеччӗ. Кирук Валерисен картишӗ енчен ҫав кӗлет пӗренисем хушшинчен ҫекӗллӗ

пӑралукпа кӑнеке ҫине кӑнеке туртса кӑлараттӑмӑрчӑ. Ытларах — бухгалтер кӑнекисем, вӑсем никама та кирлӗ мар. Пӑррехинче самаях хулӑн кӑнеке лекрӗ. «Философский словарь» ятлӑчӑ вӑл. Ӑна эп алӑран яман, кӑлте турттарнӑ чухне те илсе ҫӑренӗ. Вселенная, мироздание, пространство, время, первоматерия ыйтӑвӑсем кӑсӑклантаратчӑ уйрӑмах, вӑсене лайӑхрах ӑнланма астрономи кӑнекине тытаттӑм... Ҫапла вара философи словарь мана Свердловска, Мукава ҫитерчӑ, доктор-профессор тӑпине хӑпартрӗ.

В. К.: Хальхаҫҫӑн сӑвӑ вулакан та сайра терӑн. Телевизор, интернет пирӑн вӑхӑта нумай илет, культурӑн ирӗклӗ ҫулне ҫав пӑлет пулас.

Н. И.: Ку терӑсех ӗнтӗ. Чӑваш халӑхӑн культурин шайӗ йӑшсах пырать. Район чиновникӑсем те наукапа искусствана шыв пӑрӑхӑн шӑтӑкӑпе арпаштараҫҫӗ те. Анекдот майлӑ чӑнах пулнӑ япалана каласа парам-ха. Пӑррехинче Патӑрьел депутатӑсем мана район шайӑнчи хисеплӗ ят парас ыйту хускатнӑ. Унччен колхозра партком секретарӗ пулнӑ депутат «контраргумент» тӑратнӑ: «Исмуков ялсене газ кӑртнӗ ҫӑре те, Патӑрьелӑнче шыв пӑрӑхӗ шӑтӑкне чавас ӗҫе те хутшӑнман».

В. К.: Кашни ҫын хӑй пултарулаӑхне кура ӗҫлет.

Н. А.: Мӑн тӑвӑн — тавракурӑмлӑхӗ ҫав шайра ӗнтӗ. Республика пуҫлӑхӗ Михаил Игнатьев вара философири тата поэзири пултарулаӑха хакласа ӗмӑрлӑх пособи парса тама йышӑну турӗ.

В. К.: Чӑваш ҫӑршывӗ пултарулла талантсемпе пуян. Анчах пӑр енче художниксем нумайрах, тепӑр енче композиторсем. Акӑ, сӑмахран, Елчӑк тӑрӑхӑнче математиксем-техниксем ҫуралнӑ, Пӑлаен тӑрӑхӑнчен паллӑ поэт-прозаиксем тухнӑ. Мӑнрен килет-ши ҫакӑ?

Н. И.: Ун пирки эпӗ те шухӑшламан мар, анчах ҫӑлтӑвне тупса терӑс хуравлама йывӑртаррах. Ҫутҫанталӑк пурне те пӑр тан, пӑр пек праваллӑ ҫуратать, ырӑ кӑмӑлне шеллемест, пур ачана та тараватлӑн йышӑ-

нать. Ситёнсе пынăсем вĕсем ас-тăнĕпе те, пў-сийĕпе те, пултарулахĕпе те арасна палăраççĕ. Çав уйрăмлăхсем чи малтан юнран («гентическая наследственность» тенинчен) килеççĕ пулмалла. Мёнле семье ре ситённи-не те шута илмелле. Тавралах уйрăмлăхĕ те пултарулах пичетне çапса хăварать пулмалла (географический детерминизм). Пăла тăрăхне эпĕ поэтсен сăпкийĕ тесе танлаштараттам. Каласа та тухас çук вĕсен ячĕсене! Н.Л. Гумилев (палла историк) шучĕпе, наци, халах хайевĕрлĕхĕ космосран килет. Тĕслĕхрен, нимĕç çĕрĕ сине XVIII-XIX ĕмĕрсенче космос философа пăхна курăнать, çаванпа унта тĕнчипе палла философсем сурална: И. Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах т. ыт. те.

Поэт пуласси юнран килет, паллах, сүтсанталакран та. Сумри асла поэтсен витемĕ те курăнать.

В. К.: «Хуратна кĕмĕл» кĕнекере эсĕ асу енчен килекен йăх тымарне илсе кăтартнăчĕ. Сичĕ-сакăр сыпăк таран пĕлекен сын халах культурин шайне кăтартать. Пиртен чылайăшĕ вара ман асатте-асаннесем аста канлĕх тупнине те пĕлместпĕр. Арабсем, сăмахран, ман аслашшĕсен ячĕсене те хушса чĕнеççĕ пĕр-пĕрне.

Н. А.: Кĕнекере, чăнах та. несĕлсен тымарне илсе кăтартнăчĕ, анчах вал ёçре ман пайти сахалтарах. Апа Вингер Петрович Митта (Митта Петĕрĕн ывăлĕ) тата Алексей Тимофеевич Исмуков (Элексей тете) пухса хатĕрленĕ.

Исмук — араб тата сĕнĕ перси чĕлхисенчи (Исмаэль) сăмахран пулса кайна. (Бернд Шернер. Арабские новоперсидские заимствования в чувашском языке. 1977. 153 с.). Митта Ваçлейĕ «Кун кĕнекинче» çапла сырса хуни пур: «...масар сине кайрăмăр. Унта ман ман асаттесем — Митта тата Исмуков». (Митта Ваçлейĕ. Сырнисен пуххи. 2 том. Шупашкар: 2005. 393 с.).

В. К.: Шкул сүлĕсенче араснах мĕн асра юлна? Саванмалли те, хурланмалли те пулна пулĕ...

Н. И.: Эпир ача чухне җанталәкә те урәхларахчә. Җулла әшә җумәр җаватчә, җеремлә урамра җумәр хыҗ-җән җаруран чупаттамәр. Хәлле хәрәх «кратас» таран сивәччә, җил-таман тухса чүречесене, пүрт алакне хупласа хуратчә. Кашкарсем картишних кәретчәс, улам витнә витерен сурәхсене тытса каятчәс. Җире — тала пиншак, ура — җапата.

Пәрремеш учительница сәнә-пуҗәпе те камәләпе те усалччә. Алхаснә та пулә эпир, уроксене те хатәрленсе килмен пулә тепәр чух. Уншән вәл арсын ачасене җәс мар, хәрчасене те хытә күрентеретчә. Мән кәна каласа хәртмастчә тата.

Пилләкмеш класра манән шул пурнаҗә тәпрен улшәнчә темелле. Класс ертүҗи — йәрәс пүллә те хумлә-хумлә җүҗлә, шенкер куҗла майра. Калерия Александровна Исаева! Математика учителә. Таваттамеш класра та лайах вәренекенсен шутәнче пулнә эпә. Пилләкмеш класран пуҗласа вара тата ытларах паләртәм. Совет председателә, стена хаҗачән редаткорә т.ыт.те. Калерия Александровнәна куҗран вәҗертмесәр пәхса лараттам. Юратнә предметсенчен пәри — математика. Сәвә җырма вәрентетчә мана вәл. Акә вәл чән-чән учительница. Каласамухтаса пәтермелле мар. Пурнаҗ хай еккипе пычә, таҗта та җитме тәл килчә, анчах әна нихҗан та асран кәларман, хам сәвәсенче ун валли вырән тупаттамах:

Ыр тунипе этем вәл пархатарлә,
Аса илсен тем чул тав тумалли.
Калерия Александровна! Кәварлә
Чунра хәвартәм вырән сан валли.

Тепәр аллә җултан шыраса тупрам эп әна Урмар районәнчи Кавал ятлә ялта. Җавән пекех әшә камәллә, җуләсем пулсан та йәрәс. Шел, тәхәрвунә җула каштах җитеймесәр уйрәлчә вәл пиртен. Анчах Калерия Александровнән җутә сәнарә, учитель эталонә ман чәрере яланләхах юлчә.

Мён калам тата шул вӑхӑтӗнчи пурнӑҫӑм ҫинчен?

Ҫичӗмӗш класа «Хисеп хучӗпе» пӗтерсен, Шупашкарти художество училищине вӑренме кӗтӗм. Халь ӗнтӗ пусма кӗпепе, анчах тем пысӑкӑш саплӑклӑ шӑлаварпа. Питӗ кичем пулнӑран пӑр-ик уйӑх вӑренсен каялла тарса килтӗм. Ӱкерес туртӑм халь те пӗтмен-ха.

Вӑтам пӗлӱ илнӗ хыҫҫӑн комсомол путевикипе Чита облаҫне ӗслеме кайрӑм. Борзя хули ҫывӑхӗнче ссылкан янӑ ҫынсем нумайчӗ, вӗсемпе пӑрлех ҫурт хӑпартаттӑмӑрчӗ, ҫапӑҫни-туни сайра пулнӑ. Борзя тапхӑрӗ, пӗтӗмӗшле илсен, усӑллӑ пулчӗ маншӑн, тӗнчене тухса куртӑм, кил тунсӑхне ҫӑтма хӑнӑхрӑм.

В. К.: Халь мӗнле тӗллевсемпе пурӑнатӑн?

Н. И.: Каларӑм ӗнтӗ, ҫитес вӑхӑтра кӗнекесем кӑларасшӑн. Эпӗ ертсе пынипе халлӗхе 4 доктор тухнӑ, наука кандидачӗ иккӗн. Вӗсен йышӗ хушӑнассах шанатӑп. Пурнӑҫ малаллах.

В. К.: Ҫакна ыйтмасӑр чун ҫӑтмасть. А.С. Пушкин пултарулахне тапхӑрсем ҫине пайласа вӑрентеҫӗ. Унӑн сӑввисенче пӗтӗм пурнӑҫӗ, кӑмӑл-туйӑмӗ тухса тӑрать. Хӑш-пӑри тата ӗмӗр тӑрӑшшӗпех юрату ҫинчен ҫырат — юратӑвӗ туйӑнмасть те. Санӑн хайлавусене тапхӑрсене пайласан, сӑпатлӑх (личность) курӑнма пултарассӑн туйӑнать-и?

Н. И.: Кӑна тӱрех хуравлама та кансӑр.

В. К.: Кун-сулу, кӑмӑл-туйӑму куҫ умне тухса тӑнине вулакансем тӗлпулусенче мана пӑрре мар пӗлтернӗ.

Н. И.: Чӑнах та пулсан — савӑнасси ҫеҫ юлать...

Василий КЕРВЕН калаҫнӑ.

«Хыпар», 2016, 1 №.

ГЛОБАЛИЗАЦИ ЮХАМЁ СҮРХИ ШЫВ ПЕК ЛАППАШПЕ ЮХАТЬ

*Глобализаци юхамё сурхи шыв пек сырансёр-мёнсёр
лаппашпе юхать, хамар чёлхене, анне чёлхине упраса
хаваракан пёртен-пёр вай — чаваш сыравси*

— Сирён шухайша — хальхи саманара мён лайах-
хи, мён начарри пур?

— «Ёлэк саплаччё те паян ак урахла» темелёх саманисем улшанна вэхатра пуранса курна эпё. Совет самани е капитализм лайахрах — виссе пахас пулсан чун тараси те кайё тайалса. Лайаххи те, начарри те пур. Таван сёршывпа, хай утса тухна кун-сулпа, ашшё-амашшёпе вёрсёнанакан сын. — пархатарсёр. Совет власёпе мёншён камалсёр пулмалла манан: чаваша автономитуса паня вал, наци культурине аталанма нумай пулланна. Паянхи пек тўлевлё вёренес пулсан эпё асла пелу те илейместём. Пачах урахла — пире стипенди парса вёрентнё. Ёс выранё пирки шухайшлан та. Чирлеставас пулсан — тўлевсёр больница пулна. Хирсенче лаптакё-лаптакёпе сумкурак ахарман. Паллах, иртнё кун ватарых, саванпа хисеплёрех, ят-сумларых. Ун чухне шывё те тутларых, канихвечё те пылакрах пулна тецсё ватасем. Хёрсем кана саван пекех самрак та хитре.

Халё те начар мар пурнас: сакар-тавар сителёклё, тумтир — таханса пётерме сук. Самани тек тарсан патшалыха тав тумалах пур. Ситменлөхсем те сук мар паллах. Вёсене курмасёр тама пултараймастпяр. Акя, самахран, пёр тёслөх: сынна улталасси, халыха саратасси пётём сёршывёпех йалана кёчё. Именесси, намасланасси пётрё. Вярласси — куллен кунхи ёс пек. Асла школ ректорёнчен пусласа кёпёрнаттар таранах — кукар алалла. Вёсем чи таса та чысла сын пулмалла-ске, вёсенчен вёренсе пымалла хура халыхан. Мёнле пысак та пёлтерёшлё ёс тавассё-ши министрсемпе депутат-

сем уйахне 2 миллион тенкё таран шалу илмешкён? Вёсен арәмёсем тата килте ларсах упашкисенчен нумайрах илессё. Пуҫа вырнаҫман төрөсмарлаһ. Вәрламасаһ пуйма ҫук — ку ёмөртөн пыракан сәмах. Халь экономикара олигархсем хуҫаланаҫсё. Вәрра тухнә олигархсен төрмере лармалла.

— Газ кёртнё хыҫҫаһ ял халәхён пурнәҫё самаях ҫамайманчё, ҫапах татса пaman ыйту та ҫук мар.

— Ялта ҫуралса үснө ман пусәмри ҫынсем вут-шанкә тертне лайах пелессё. Ку телөшөнчен халё ялта пурәнма — рехет. Ҫурчөсем кантур пек, килсерен машина, ҫулё ҫатма пек тикёс, ёсмелли-ҫимелли лавккара ҫителөклө. Тата мён кирлө?! Апла пулин те ял пурнәҫне питех әмсанмалли ҫук. Халәх пахча ёсөпе пурәнать. Ёҫ вырәнө ҫук, ҫамраксем ют хуласене тухса каяҫсё, ялта хупәннә ҫуртсем йышлансах пыраҫсё, пуянсем килөштереймессё, пурләхшән ҫапәҫаҫсё. «Коммунизм ялавө» хаҫатра эпө Патарьел районёнчи Первомайски ял халәхён ёсө-хелө ҫинчен самаях пысәк статья кәларнәччө. «Мёнле пурәнатән, Первомайски?» ятләччө вәл. Вунә-вунпилөк ҫул иртсен те нуши ҫаплах юлнә. Ёлөк Первомайски районө пулнә тәрәхра пилөк пин ытла ҫын пурәнать. Мён тавән — ҫут ҫанталәк саккунөпе этемён чирлес-вилес йәли пур. Шәл ыратсан та пирөнтен телейсөһ ҫын ҫук. Первомайскинче те пөһ фельдшер пункчө ҫөҫ, унта пөһ врач ҫөҫ ёҫлет. Тәрук чирлесе үксен, әнсәртран ача-пәча сусәрлансан? Сәмахран, Ишлө Шетмөрен Патарьелне ҫитме 35 ҫухрәм! Хәнана кәштах кая юлса ҫитсен те юрать, анчах чирлө ҫыннән вәхәтра ҫитмелле.

Совет вәхәтөнче кашни ялта тенө пекех медпункт пурччө. Аслә Арапуҫөнче вара больница ҫурчө кивө пулсан та унта пур төрлө врач та ёҫлетчө. Ялти хөһарәмсене әраснах йывәр лекет. Вёсен выльәх-чөрлөхне те, ачипәчине те пәхмалла, ҫав вәхәтрах ҫамрак чухнехи илемлөхне те ҫухатмалла мар.

— Чăваш хĕрарăмĕн идеалне, чи лайăх тĕслĕхне мĕнре куратăр эсир? Унчченхи пе танлаштарсан паянхи хĕрарăмсем мĕнпе уйрăлса тăраççĕ?

— Чăваш хĕрарăмĕн илемĕ — вăл ёçчен, сăпайлă, тўсĕмлĕ пулни. Пирĕн аннесем те мĕнле йывăр вăхăтра та, саванăçлă самантра та вĕсене çухатман.

— Халĕ вара?

— Халĕ саманине кура вĕсем те улшăнса пыраççĕ. Хăюллăрах та, тепĕр чухне урам-сурам чĕлхеллĕрех. Ирĕклĕ рынок, пасар йăли-йĕрки улăштарать вĕсене. Ёске ерекен те сахал мар. Пирĕн аннесем Мăнкун ёретĕнче те кĕленче пек таса пулнă. Тирпейлĕ çан-çурăмлă, йăрăс та стайлăччĕ вĕсем. Мăнтăр хырамлă хĕрарăмсене курман. Халĕ вара унашкаллисем сцена çине тухма та именмеççĕ. Калама çук илемлĕ тĕрĕллĕ тумтир те, тевет-тухья çакса тухни те хăтарас çук вĕсене. Паллах, пурте пĕр пек хитре пулаймăпăр, анчах тепĕр хут калатăп: чăваш хĕрарăмне ёçченлĕх, сăпайлăх, чунлăх, тўсĕмлĕх илемлетсе тăраççĕ.

— Пушă вăхăтра курса саванма ЮТВ телеканал пур. Эсир эстрада çăлтăрĕсене пăхатăр-и?

— Питĕ кирлĕ, лайăх телеканал. Эстрада хăйнеевĕрлĕ ыйтусем ыйтать, çăлтăрĕсем те хăйне майлă. Вĕсем хайсемех сăввине сыраççĕ, хайсемех кĕввине хываççĕ, хайсемех юрлаççĕ, çав вăхăтрах ташлаççĕ тата! Нумаях пулмасть пĕр çăлтăрне телевизорпа кăтартрĕç: сăмахĕсем те, кĕвви те кăмăла кайрĕç. Вĕсене вăл хăех çырнă тесе палăтрĕç:

Çырури сăмахсем
Чĕрене чĕркеленĕ,
«Юратман эп сана,
Юратмасăр çўренĕ».
Астăватăп, ун чух
Çĕмĕрт шур сĕçкереччĕ.
Пĕтĕм çут тĕнчере
Иккĕн сĕç, иккĕн сĕçчĕ.

— Ара, ку савва эпё 1960 султах сырнӓччӓ-сӓе! Пичете те юрӓхлӓ пулнӓ вӓл. Ӓна эпё пӓр поэт кӓнекинче курнӓччӓ-ха, халӓ тата тепӓр «автор» тупӓнчӓ. Эпӓ ӓна нима тӓман сӓвӓ тесе шухӓшланӓччӓ! Савӓнтӓм — ман сӓвӓсем вӓрламалӓх та пур иккен.

— *Тен, юрӓссен сӓвӓсsemпе тачӓ сыхӓнса ёсле-мелле?*

— Каларӓм ёнтӓ: эстрада хӓй йӓрки-аркине ыйтать. Халӓ пирӓн юрӓ жанрӓнче Асламас, Лукин, Хирбю шайӓнчи композиторсем сук. Эстрадӓна урӓх шайлисем кирлӓ. Хусанкай, Митта, Ухсай сӓввисемпе юрӓ сыракан пулманпа пӓрех. Давыдов-Анатри сӓввисем вара юрра хывма шӓп юрӓхлӓ пулнӓ. «Ачапча валли тесе ачапчалла сырмалла мар», — тенӓ пирӓн Митта. Эстрада валли тесе пули-пулми сӓвӓ-юрӓпа сын сине тухмалла мар. Пирӓнтен анлӓрах тавракурӓмлӓ, пирӓнтен вичкӓн куслӓрах куракан-илтекенсем пур Чӓвашра — вӓсене хисеплес пулать.

— *Юлашки вӓхӓтра чӓваш кӓнеки сутӓнмасть тес-сӓ. Тен, пирӓн писательсем халӓха кирлӓ лайӓх хайлавсем сыраймассӓ?*

— Сӓлтавӓ нумай, тӓплӓн ӓнлантарас пулсан пирӓн каласу нумая кайӓ. Пӓрремӓш сӓлтавӓ, паллах, кӓнекесен пахалӓхӓ чакса пынипе сыхӓннӓ тейӓ хӓшӓ-пӓри. Тӓрӓсси те пур унта. Анчах ку пулӓм пирӓн пурнӓс улшӓнса пынинчен килет: вырӓсланатпӓр, пире телекурав-Интернет тыткӓна илет, Чӓваш кӓнеке издательстви чӓваш кӓнекисене уксалла кӓларма пусларӓ. Ку саманара рекламӓпа та анлӓн усӓ курмалла. Глобализаци юхӓмӓ сурхи шыв пек сырансӓр-мӓнсӓр лаппӓшпе юхать. Хамӓр чӓлхене, анне чӓлхине упраса хӓваракан пӓртен-пӓр вӓй — чӓваш сыравсисем. Халь тата эфир Рацсӓй нацийӓ пулса тӓтӓмӓр. Ӓста васкатӓн, власц?

Н. ГЕОРГИЕВА каласнӓ,
«Хыпар», 2016, раштав, 16

ПОЭЗИ СЫВАХРАХ ТА ХАКЛАРАХ

Чăваш халăх поэтне, философи наукисен докторне Николай Исмукова «Хыпар» тĕпелне чĕнтĕмĕр, литературăпа искусство ыйтăвĕсене хускатрăмăр. Вăл — Чăваш Республикин Патшалăх премийĕн лауреачĕ, ЧР искусствăсен тава тивĕçлĕ деятелĕ, РФ профессии вĕрентĕвĕн хисеплĕ ĕçченĕ. Вăл нумай пулмасть пилĕк томлă савăсен пухине хатĕрлерĕ, тăваттăшĕ кун çути курнă ĕнтĕ. Наци культури, философии категорийĕ, синергетика ыйтăвĕсемпе пилĕк монографи пичетлесе кăларнă. Ана тăван Патăрьел районĕн Хисеплĕ гражданинĕн ятне панипе саламлатпăр, ырлăх-сывлăх та ситĕнĕсем сунатпăр!

— *Аван-и, Николай Аверкиевич. Çăва тухнăранна та курман сана. Мĕнле пурăнатăн, мĕн ĕçлетĕн?*

— Аванах пурăнатăп темелле. Мухтанмалли нимех те çук паллах. Ėмĕтсенчен нумайрах — асаилĕсем. Ėлĕкхине тăтăшах аса илме пуçласан çын ватăлас енне каять теççĕ. Чăнахах та иккен. «Пурнăç қаçалăкĕ» самай пысăк хайлав сыратăп. Те юрăхлă япала пулĕ ĕнтĕ вăл. «Диалектика синергетики» кĕнекене сырса пĕтереймерĕм-ха, қапах та мĕн пуррине Мурскаври пĕр журнал пичетлеме килĕшни савантарать. Умри вăхăт кĕскелнĕсем ĕç нумайланса пырать. Харăсах темиçе ĕç пуçласа хуни те чăрмантарать пуль.

— *«Пурнăç қаçалăкĕ» хайлавна хăвăн кун-сулна тĕпе хурса сырнă пуль-ха. Мĕнле асăнмалăх йĕр хăвартăн пек пурнăсунта?*

— Этемĕн тĕнчере қапата йĕрри те пулсан хăвармалла хай хыççăн. Утса тухнă сул-йĕр такăрах пулман маннăн, ыглаван пынă сĕртех сулăнкăна қапни те пулнă. Вара қапла тĕв турăм: шăпа тени куштан хуça пек хай тĕллĕн сурекен вай иккен. Вăл пире картла выляттарать, картне валесекенĕ те хайех. Анман кунсене аса илес килмест. Анăçлă та саванăстапса тăракан вăхăта

сырса кӱартсан — мухтанать тейӕс. Пӕлтерӕшлӕ, асӕнмалӕх тенӕрен... Митгалла каласан: «Пин юррӕмран пӕри анчах юлайтӕр». Ҙавӕнпа Ҙырлахар.

— *Ҙав диалектика синергетики мӕн Ҙинчен? Пӕр-икӕ сӕмахпа каласа параймӕн-и?*

— Кӱткӕс япалана ансат ӕнлантарма Ҙамӕлах мар паллах. Кӕскен: вӕҘӕ-хӕррисӕр тӕнчен варри те, тупсӕмӕ те Ҙук. Унӕн уйрӕм яपालисем пӕр-пӕрне витӕм кӱрсе е аталанса пыраҘҕӕ, е арканаҘҕӕ.

Пӕр системӕрах ӕна йӕркелесе пыракан туртӕм пур, Ҙав вӕхӕтрах унта — йӕркесӕрлӕх вӕйӕ те. Йӕркелӕхпе (порядок) йӕркесӕрлӕх (хаос) пӕр шайра пулнӕ чухне система хӕйӕн пӕлтерӕшне, хӕйне хӕй тытса пыраслӕхне Ҙухатмасть. Ӕна диссипативла самант теҘҕӕ. Тӕнче (Вселенная) сарӕлса пынӕ чух вӕхӕт «иртнӕ — хальхи — пулас» Ҙулпа куҘса пырать, тӕнче пӕрӕннӕҘемӕн вӕхӕт пуласлӕхран хальхи витӕр иртнине куҘать. Ҙак улшӕну «релятивная теория расширяющейся вселенной» принципӕсемпе килӕшуллӕ. Тӕнчере пулса иртекен улшӕну-сем (йӕркеленуӕ е аркану) пурте диалектика саккунӕсене пӕхӕнаҘҕӕ. Юлашки вӕхӕтра тӕпчевӕҘсем диалектикӕна синергетикӕпа (теория самоорганизации) ылмаштарма пӕхрӕҘ, ӕлӕк-авалтан Ҙирӕппленсе Ҙитнӕ диалектикӕна пӕрахӕҘса кӕларасшӕн пулчӕҘ. Ӕпӕ вара асӕннӕ кӕнекере синергетика питӕ пӕлтерӕшлӕ те кирлӕ теори, анчах вӕл диалектикӕн пӕр курӕмӕ ҘеҘ тесе сӕлтавлатӕп.

— *Николай Аверкиевич, пӕр-икӕ Ҙул каялла санӕн «Философия в пространстве национальной культуры» кӕнекуӕне Патшалах премине илме тӕратнӕйчӕ. Мана унта чӕваш философийӕ Ҙинчен калани килӕшнӕчӕ. Мӕнне вӕҘленчӕ Ҙав ӕҘ?*

— Темшӕн комисси председателӕ философи ӕсне тишкерме-хаклама философи мӕн иккенне тахҘанах манса кайнӕ ял хуҘалӕх докторне шанса панӕ. УҘҘи-хуппи пулмарӕ.

— Ан пашархан, сырни-пичетленни сухалмасть. Поэт хисепе те, философ шайе те сителёклё сан. Сапах та хайне маларах хуратан?

Пашархану туйамё ваталаспа макалать. Мана, совет саманинче поэтсене хисепе хуня вяхатра уснескере, поэзи сывахрах та хакларах. Философи — ас-тан, шухайшлав вёсевё, поэзи вара — чун, камал-сипет. Поэт хай пер уйрам тенче. Философ текеннисем нумай халь Чавашра, поэт — сахал.

— Чавашра хальхи вяхатра мисе философ?

— Шутласа та тухас сук. Философ тенине эпе урахлах аяланатан. Кандидат е доктор хутне илни асчах тенине пелтермест. Чаваш патшалых университетенче кандидат тата доктор диссертацине хутелемелли ятарла Канаш чылай вяхат еслере. Ана чан-чан философ Э.З. Феизов профессор ертсе пыче. Ытла та уса камаллачче вал — никама та «отказ» паван. Пулас ученайсенчен нумайаше нихасан та Мускав е ытти пысак хулар асла шукулсен каритуренче утса курман. Урам урла чупса кас та «защитана» елкёр сес. Физкультурниксем, ветеринарсем, мусаксасем философи докторесем пулса таче. Вахаче саплачче ун чухне — уса рынок, сутуилу, укса-тенке... Халь сав Канаш хупанна, ВАКпа (Аттестаци асла комиссийе) алла-аллан сыхану сук, хутелекенсем те сук. Сапла суплесе хавартамар философи культурин урамне.

— Эсе ертсе пынипе тавата сын доктор, ике сын кандидат диссертацийесене хутелене. Халь аста вёсем?

— Паллах, эпе чухлакан-пелекен ыйтусемпе хатерлене вёсем диссертаци есесене. Каярахпа самаях хулан монографисем пичетлесе каларче. Т.Я. Сильвестрова профессор, самахран, Чаваш Республикин Патшалых премине тивесре. Т.Н. Евграфова доцент «Чавашсен тенчекураме тата вёсен философи культури аталанни» темине малалла тасать, Мускав, Санкт-Петербург асла шулесенчи ятарла журналсенче пичетленет. Пурте

явапла ыра́нта та́рашаҗҗе. Вёсен ёҗе-хелё анса пына́шан саваната́п.

— *Пурна́сунта хаван ёҗупе ка́малла́ пулна́-и? Хала́х поэ́чен биографине пёлли те ка́сакла́ пуле́чче вулакан-семше́н.*

— А. Блок «у поэтов биографии нет, а есть судьба» тенё. Тен, те́ресех калана́? Җын биографине ша́па җырса пырать аха́ртнех. Чи лайа́х та җыла́хса́р ва́хат җурма ыҗа́ та пир ке́пе-йёмле́ ачала́х пуле́ тетёп. Җичё класс пе́терсен Шупашкарти у́нер училищине ве́ренме ке́нечче́. Мухтав грамотипе, сапла́кля́ ша́лаварпа! Җамра́кля́х та начар мар иртне́ манан. Вунна́ хыҗҗан Китайпа Монголи чиккинчи́ Борзяра ка́штах ёҗслерём. Ун хыҗҗан Асла́ Чемен тата Ишле́ Шетме́ шукулёсенче, Җёрпу́ри ял хуҗала́х техникуме́нче физкультура, историпе политэконо́ми, коммунизм наукине ве́рентне́. Җав ва́хатрах Свердловскра физкультура техникуме́нче тата университетра ве́рентём. Аста́вам тени те́лёммелле япала ва́л: шукулёсенче ве́рентне́ ачасен яче́-хушаматне халё те аста́вата́п, каяраххисене — апла мар. Ишес ене́пе (батерфляй), йёлте́рпе чупассипе, җу́ллёшне сикессипе, шахматла ыляссипе спорт мастерён кандида́чёсен докуменчёсене халё те тирпейле́ упрата́п. Җут җантала́к пиртен ча́ннипех те ма́шкәлать иккен — паян ака́ метр та сака́рвунна́ мар, пе́р метр җу́ллёшне те сиксе ка́сас җук. Мускавра ку́сан майпа аспиранту́ра тата докторанту́ра ве́рентём. Наука статйисем, са́ва́семпе поэма́сем җырта́м, ке́некесем ка́ларта́м. Ва́т җаван пек пулна́ ман утса тухна́ җул-йёр.

Хаман ёҗпе ка́малла́ пулна́-и? Темле каламалла. Җул а́стала уҗалса пына́ — җав енелле утна́. Утна́семён вара җуле́ уҗалсах пына́. Паян та эпе́ хаваслансах каята́п ёҗе, ёҗрен те хаваслансах килетёп киле. Җака́ мар-и ку́лен кунхи теле́й? Ёҗтешёмсем лайа́х, студенчёсем йёркелле́ — тата ме́н кирле́? Ахальтен мар җирём җул ытла деканра ёҗслерём. Хамар институт ректорне В.В. Андреев

профессора тав туса та пётерес сук. Сынна хисеплеме пёлет, саванпа а́на хайне те хисеплессё. Ун пек ректор-па ёслес килет.

— *Коопераци институтё́нче э́пё те вукултá сул ыт-ла ёслерём, студентсене чáваш чёлхи, этика, право-слави культури вёрентрём. Сав сулсене паян та ыра́па аса илетёп. Ун чухне э́пир «Парáс» ятлá литература ушкáнё йёркеленёччё, сáвáсен кёнеки кáлараттáмáр. Чáваш чёлхи аудиторине усрáмáр. Шел, чáваш чёлхи вёрентме пáрахрёс...*

— Сапла. Чáваш чёлхине ыра́са тухнá чáваш ачи-сем те, ирсе, тутар, мари ачисем те хаваслансах вёре-нетчёс. Вёрену́ программисене Мускав кашни сулах улаш-тарса тáрать. Тем пáтратасчё. Чиновниксем те ёслем пекки тáвасчё е юриех сáтáр тáвасчё. Пáтраннá шывра пысáк пулá тытма пулать. Философи программине пáтратса ячёс, сехечёсене те кёскетрёс. Халё сёршыва шухáшлама пёлекен сын кирлё мар тейён. Хáшё-пёри хура халáха манкрута кáларасшáн. Радио, телевизор, áпáр-тапáр хаçатсем ывáнма пёлмесёр унта самолет ўк-ни, кунта машинáсем сáпáнни, пёри вилни, иккёшё вилейменни... синчен иртен пусласа каçчен пёлтересчё. Америкáра сил-тáвáл иртсе кáйнá, Гондурасра хир сысни сáвáрланá. Французсем тавар хаκланса пынá вáхáтра ёс укçине чакарнине хирёс демонстрацие тухнá... Э́пир вара ЖКХ халáха сáратнине пёлетáркач нимён те тáваймастпáр. Хамáра хамáр хуça тетпёр.

— *Поэзи, чёлхе ыйтáвё патнех таврáнар-ха.*

— Чáнах-та, чáваш чёлхи, хальхи поэзи шáпи юлаш-ки вáхáтра мана хытá шухáшлаттарать.

Чáваш орфографийё пирки хáсантанпа тапáсатпáр ёнтё. Пустарáнса калаçатпáр, хаçат журналта сивёччён сыратпáр. Ёсё вара чáхáмланá лаша пек ыра́нтан та тапранмасть. «Тёкёл тура, утмáл турат, ар сури, шáмат кун, сáх сáхса кёл тáватпáр, хёр упрас, хёр арам» тесе сырса халáха култаратпáр. Чёлхе техёмне поэт-писатель

чухлэ кам туйтър? Вёсен сáмахэ те витмест «шултра ученáйсене». Халь тата айккинче тáракан комисси (айкомисси) йёркеленэ иккен, ертсе пыраканэ каллех «шултрисенчен». Чáваш чёлхине сáтър тума Америкá-ран ярса паман çав çынсене. Шёкё ерсен вáйпитти юман та хáрать. Пирён несёлсем ёмёрсен пáтравлá авá-рёнче сыхласа хáварнá, темиçe пин çул якатса çитернэ тáван чёлхемёре никама та пáсма парас марччэ.

Çурхи шывпа пур тасамарлáх
Юкса áсантър авáра.
Сана, чёкеç чёлхиллэ халáх,
Савса мухтатáп сáвáра.

Кёрхи каçра çуралнá çáлтър
Çиçсе хáпарнán çуталса
Чáваш чёлхи яланлáх юлтър,
Яланлáх, ёмёрлэх, таса!

Таса чёлхепе темёнле кáткáс пулáма та тóррён, уçáм-лáн áнлантарма пулать. Синергетика, философи катего-рийёсене тёпченэ чухне те «тёнчекурáм, пёрпётёмлэх, хáйнеевёрлэх, астáвáм, хирёçтáру» тата ытти çавán пек хутлá сáмаха пёрле çырни вырánлá.

Темиçe çул каялла издательствáна «Хуратнá кёмёл» сáвáсен кёнеки хатёрлесе панáччэ. Орфографин çенэ правилисене пáхánман терёç. Хам принципран чакмарáм. Апла пулсан çенэ орфографие пáхánмасан та пултарат-пáр. Анчáксем вёрччёр, тёви малаллах уттър. В. Алексин калашле — «хáтланччáрах».

— *Уқсалла пулсан, хáв каланá пек кáларма пулать-ха кёнекóне. Издательство планёпе — ирёксёрех çенэ орфо-графие пáхánма тивет. Хальхасçáн эстрада çёкленсе кáйрэ. Юрáçёсем кёввине те, сáввине те хáйсемех сырасçё.*

— Паллах, «çáлтърсем» эстрадана юратакансем вал-ли юрласçё. Çавánпа вёсенчен ытлашши ыйтма кирлэ мар. Нумай чухне юрá сáмахёсем айванрах пулса тухасçё.

Лайах юрăссем те пур. Акă, сăмахран, А. Уляндина сассине илтсенех кăмăл уçăлса каять. Ана никампа та танлаштарма çук. Вăл — хай, Уляндина. А. Васильев юрисем те, вĕсем пĕр евĕрлĕрех пулсан та, халăх кăмăлне каяççĕ. Хайне сăпайлă тытат, хуçкаланмасăр-ейкеленмесĕр юрлать.

— *Философире сан вĕренекенсем пур терĕр. Поэзире пур-и вĕсем?*

— Поэзире манран вĕренсе пыракансем пуррине пĕлместĕп. Анчах ман савăсене кăмăллакан сахал мар. Кăçал Акатуй-Сабантуйра пулма тўр килчĕ. Паллакансем пырса ал тытаççĕ, ман савăсене аса илеççĕ. Пысăк уçланкă çĕртмепе çавăнать, сывлăшĕ кăкăр ачи сывлăшĕ пек таса. Сцена çинче ёçре палăрнисене чыслаççĕ, инçех мар хĕрсем вайă юрри юрлаççĕ... Чан-чан Эллада! Акă аста вăл поэзи! Çавăн пек чаплă уява йĕркелесе-тытса пынăшăн район ертўçисене Р.В. Селивановпа М.В. Петрова пырса тав турăм.

Василий КЕРВЕН калаçнă.
«Хыпар», 2016, утă, 29.

ÇУЛ ТУРРИ УМĔНЧЕ ÇУРАЛНĂ ШУХĂШСЕМ

Çул Турри умĕнче пуç тайсан
çул уçăлать

(Халăх сăмахлăхĕ)

— *Çын кашни кун хай çулне суйлать. Çуралнă кун пушших те. 60 çулта 60 тĕрлĕ çул уçăлать пулĕ?*

— Çулне хăшне суйласси, чăнах та, хамăртан сахал килет пулĕ. Турри мĕн сырнă, çапла пурăнса ирттермелле, çавна курмаллах ёнтĕ теççĕ-и-ха ун чухне... Малтанах физкультура учителĕнче ёçлерĕм. Патăрьел районĕнчи Аслă Чемен, Ишлĕ Шетмĕ шкулĕсенче ёç-

ленине халё те ашшан аса илетёп. Митта Ваҫлейё калашле — ҫамрақ пулна, шухашсар ҫүренё, такәрлатна ҫав ялсен урамне.

Икё пурнаҫ панә пулсан пёрне савә ҫырса ирттернё пулаттәм, тепёрне тёнчен пётёмёшле ыйтавёсене хуравласа кёнекесем ҫырнә пулаттәм. Анчах мён ҫисе-тумланса пурәнмалла? Укҫа-тенкё кирлё. Ирёксёрех вара тиек ёҫёнче кунәмсене ирттермелле. Ҫитменнине, гонорар-тавраш та тўлемесҫё. Ҫапах та мён пултарнә таран поэзипе философи пахчинче тәрәшнә.

— *Савәллә, шухашла ҫул маякёсем кәтартса паракан инҫет ҫути патне утнә чухне мёлле йёр хәвартан пек? Ывәнса та ҫитрён пулё, ҫул хёрринче ларса канас шухаш ҫук-и?*

— Пёр кёнекемре виҫё пайран тәракан пёр савә пурччё ман. Акә ун тёп шухашё. Ҫамрақ чухне эпё шур чечексене те ҫула май ҫех татнә. Чапё те, хисепё те, — пётёмпех малта тесе ёненнё. Вәтәрта — вәхәтпа пёр тан пынә, ҫурт хәпартнә чухне никёсе ҫирём пилёк пус хунә, ҫумра — ҫирём пилёкшер тус-юлташ пулна. Ватләхра — вәхәтран кая юлса пыратәп, ҫынсем пасара каяҫҫё, эпё вара пасартан таврәнәтәп. Лавё пушә: чапё те хисепё те ҫук.

Мён туса ёлкёрнё? Ывәләмпа хёрём пур, тәватә мәнук. Ҫурт хәпартнә, йывәҫ лартнә. Савә кёнекисем кәларнә, наука ёҫёсем ҫырнә. Вёсенчен әраснах 2001 ҫулта Мускавра тухнә «Национальное измерение культуры (философско-методологический аспект)» кёнекене паләртасшән. Унта эпё ҫаваш философийён категорийёсене тёпченё, нацилле философи пур тесе ёнентернё. Малашне те ал усса ларасшән мар, «Национальная картина мира в неклассической философии» тата «Юлашки юрату е Аттила вилёмё» кёнекесем кәларасшән. Эп иртнё ҫул ҫинче ҫапата йёрри ҫеҫ ан юлтәр тетёп.

Анчах вәхәчё ытла хәвәрт шавать-ҫке ҫул хёрринче, ахаль ларса юлма ҫук.

Сул хёрринчи сешкен тәрса юласчә
Сиксе-сиксе иртен кунәмсенчен.
Кив саввәмсем патне ман тавранасчә,
Куккукәм, сан сунатусем синче.

Сапла, кун иртет те сёр иртет, кун-сулама ката-ката
илет. Акә ёнтә 60 сул йәпшәнса ситрә.

Эп Вәхата шурә пелёт тесе ёненеттём,
Пуç тәрринчен шуса иртрә те кайё тееттём.
Ах, шурә пелётём — шур кәвакарчән вәсевә
Шух пуçама шуратса иртрән те иртрән вәсе-вәс.

— *Нумай курнә, нумай түснә. Сул синче такәнса
ўкесси те пулать. Пурәннин усси мёнре пек. Тупсәмне
тупрән-и?*

— Чәнах та, сәмәл килмерә пурнәсә. Атте вәрсәра
вилнә. Ултта кайсан аннепе пёрле тырә вырнә, сум
сумланә. Тәраниччен сәкәр та сисе курман. Ара, соци-
ализм тунә-ске, лагерь тунә, негрсене пуләшнә. Партипе
совет саманине мёншён тав тумалла-ха манән? Коллек-
тивизаци вәхәтәнче кукасине вёлернәшён-и е репрес-
си йёркипе Миттасене пётернәшён... «Ахәрсамана» ятлә
савәлла трагеди пичетленсе тухнә тухманах Сахья Ярму-
жевнапа Кёверки Ситәрәв сута пама та хатёрленнәччә.
Вёсем ман сул сине арман чулө пәрахрәс, эпә такәнса
ўкрём. Сынсиенсем савна әнланса илеймерәс: эпә сав чул
синче әс сивәчләнне хайрарәм... Тав Сул Туррине —
пётрә вёсен власә. Синкерлә вәхәтра мана поэзи сәлса
пынә, унта эп хўтлән шыратәп.

Аннесём пилә умәнче шәпах
Хура юпа пулса тәрать шәпа.
Сиксе кәсма пултараймарәм, — сук,
Савра кайса эп тупаймарәм сул,

Сапах та сухатмарәм шанәса, —
Тәванәмсем, ўпкем ан тәвәрах:

Усал шапа паман саванһа
Шыратап халь чун савна савара.

Чатса-түссе курна ҫын ҫеҫ телей мён иккенне пёлме пултарё теҫҫё. Анчах:

Ҫак пурнаҫ тутине пёлес тесен,
Инкек-синкек ас тивмелле тесе
Текех ан каларсамар, тетесем:
Таварлипе таварсарне пёлмешкён
Ёҫсе ярас-им ҫакә тинёсе?..

Пурнаҫ тупсамё — ку ёмёрхи ыйту. Ҫапах ҫак пурнаҫ хакне каларас тесен, мёнле пурансан лайахрах-ши?

Анне каланийё килет асама:
Хитре виҫё кунлаҳ та, лайаҳ — яланлаҳ.
Хитре пулаймарам, пулайрам-ши лайаҳ
Вилсен тавансем лайахпа асанма.

— *Тата мён ыйтна пулаттайн Ҫул Турринчен пуҫа тайса?*

— Ҫул Турринчен тата 30-35 ҫул ыйтна пулаттам. Анне ҫулне ҫитесчё. Унччен вара тепёр 10-15 кёнеке каларасчё. Усси пултәр ҫакә пурнаҫран. Каллах анне юррийё аса килет.

Ёмёр иртет, ҫутә кун юлать,
Сарә хёвел тайалса юлать.
Эпё ваталса та вилсе ыртсан,
Ку тёнчене кун мар — чун юлать.

Анчах, епле пулсан та, малаллах пахатпәр. Китай асчахёсем каларёш, чун ҫутипе ҫул тытса пырасчё.

Утмәл ҫулта утамана тухар-и —
Утмаҫулта ҫул уҫалать кәна!
Ыталанса кётсе илме тухар-и
Тухатлә Тухаҫран килес куна.

Пёр аллуна кăпăкланан сăра тыт,
Тыт тепёр аллуна таса эрех.
Тавси, тăванăмсем, ёссе паратăп
Мён каласа юлсассăн та пѐрех.

— *Хамран вара ман сăпла хушса хурас килет:*

Писатель ёсё — ёмѐрлѐх, пѐлетпѐр,
Асчах сăмахё — арчари укса.
Сўрер-и, Николай Аверкич, тепѐр
Сур ёмѐр ытларах пуса ухса.

Сарри Мишиши тѐл пулса каласнă.
«Хыпар», 2002, пуш, 2

ШУРĂ СĂВĂ ПОЭЗИЕ ЙЎНЕТЕТ

*Н.А. Исмуков — философи наукисен докторё, профес-
сор, ЧР искусствăсен тавативёслё ёсченё, ЧР Патшалăх
премийён лауреачё. Николай Аверкиевич — паян пирён хă-
на, унна Л. Бахмисова поэт каласнă.*

— *Николай Аверкиевич, калăр-ха, тархасшăн, эсир
хăш тăрăхра суралнă?*

— Сăварни сатми пек тикёс вырăнта вырнаснă Па-
тăрьел районёнчи Аслă Арапус ялѐнче. Урам икё айк-
кипе аркалă кѐпеллѐ инкесене аса илтерсе йăмрасем
ешерессё. Пирён кас умѐнчен пилѐкне авса Пăла юхса
иртет. Пѐчѐк пахчаран кăвак куслă вѐтѐ чечексем пѐчѐк
хѐрачасем пек вăтанса пăхассё. Тăван тавралăха савса
сăвă сурмах килнѐ пулѐ эпѐ сута тѐнчене.

— *Пѐрремѐш йѐркесем мѐнле сырăнчѐс?*

— Сăвă сурма тата ўкерме виссѐмѐш класрах пус-
ланă. Пиллѐкмѐшѐнче математика вѐрентекенё Калерия
Александровна стена хасачё кăларнă сѐре явăстаратчѐ,
хăй те сăвă сыратчѐ. Паян вăл Урмар районёнчи Кавал-

та пурăнать. Халѣ те ҫыхăну тытатпăр. Нумаях пулмасть сăвăлла ҫыру ҫырса ячѣ пирѣн пата. Ырă кăмăлла та пултарулла вѣрентекен пулнăран, сăвă ҫырма хавхалантарнăран хисеплетѣп а̀на.

Вун тăваттă тултарсан пѣр пѣчѣк сăвă Первомайски районѣн хаҫатѣнче пичетленсе тухрѣ. Асăннă район Патăрьел районѣпе пѣрлешсен сăвăсене пичетлеме пăрахрѣҫ. Салтавне каярах, виҫѣ-тăватă кѣнеке авторѣ пулсан ҫеҫ пѣлтѣм: «Авангард» хаҫатăн тѣп редакторѣ, хамăр ял ҫынни Николай Фомин чарса тăнă иккен, шукул ачи ун пек лайăх сăвăсем ҫыраймасть тенѣ имѣш. Турă қаҫартăр ѣнтѣ а̀на. Тен, вăлах мана тимлѣрех пулма вѣрентнѣ. Унсăран ҫўллѣ шая ҫѣкленейместѣмчѣ-и тен.

— *Мѣнле поэт сире ҫывăх тата мѣнпе?*

— Чăваш поэчѣсене илес пулсан, мана, паллах, Митта Ваҫлейѣ ҫывăхрах. Ун сăввисенче — чăтăмлăх, хѣрўлѣх — митталăх чуна пырса тивет. Поэзи тѣнчинче ҫак палăрăмсем пулмаллах. Митта ҫинчен эпѣ уйрăм сăвăсемсѣр пуҫне поэма та ҫырнăчѣ. К. Иванов, П. Хусанкай, Я. Ухсай витѣмне те туятăп сăввăмсенче.

— *Шкул хыҫҫăн аҫта вѣреннѣ?*

— Свердловски (халь Екатеринбург) патшалăх университетѣнче пѣлў пухнă. Шкулта, техникумра, институтра ѣҫленѣ. Мускавра аспирантура, каярахпа докторантура пѣтернѣ. Философи наукасен докторѣн ятне илнѣ. Хальхи вăхăтра Шупашкарти коопера̀ции институтѣнче деканра тата философи кафед̀рин пуҫлăхѣнче ѣҫлетѣп.

— *Поэт чунѣ сисѣмлѣ, туйăмлă терѣмѣр. Ҫапах татемле ахър самана авăрне лексен те эсир ҫынлăха ҫухатманни мѣнрен килет?*

— Темѣн те курнă ку пурнăҫра. Ҫăкăр-тăварсăр ларни те пулнă, ҫапах асфальта шăтарса тухнă черчен кура̀к пек ҫўлеллех ҫѣкленнѣ. Тўсѣмлѣх, сăпайлăх, чунлăх, ҫынлăх яланах хама вăйлăрах туйма пулăшнă.

— *Тѣнче литерату̀ри, философи наукине тѣпчени*

мёнле витём кўрет? Мён вай поэзи? Савъ сырма мён хавхалантарать?

— Философипе поэзи — саркайăкăн мăшăр сунатти пек. Тен, савăнпах та кашни поэт хайне май философ та. Тарăн та аслă шухăша ирĕклĕн вĕстерме поэзин сăмăл сунаттисем кирлĕ. Шухăшĕ сес мар, вĕсевĕ те илемлĕ, илĕртүүлĕ пулмалла. Ёлĕкхи асчахсем поэзипе философии уйăрман та. Аслăлăх есĕсене савăлла сырса панă. Каярах вара вĕсене хирĕç-тăру шайĕнче шутланă. Хальхи вăхăтра философилле поэзи хисепре. Сапах та кашни пули-пулми саввах философилле тесе калас марчĕ. Хай вăхăтĕнче эпĕ «Поэзи тата философи: вĕсен пĕр пеклĕхĕ, уйрăмлăхĕ» ятлă статья та сырса кăларнăчĕ.

Сав вăхăтрах чăваш поэзийĕпе проза ытти нумай халăхăн хайлавĕсемпе танлаштарсан самаях сўллĕ шайра пулнине палăртмалла. Кунта эпĕ Айхи поэзийĕ пирки сăмах пуçармастăп, вай уйрăм каласу. Мана классика кăсăклантарать, верлибр (шурă савă) е прозăллă савă поэзи е йўнетет.

— **Н. Теветкелĕн «Киремет» савăлла трагединче киремет — усал вай. «Ахăрсамана» трагедире сирĕн те Киремет сăнарĕ усал вай, сапах вай ыра вай пулма пултартать-и?**

— Чăваш халăхĕн мифологийĕнче Киремет ыра та, усал та пулма пултартать. «Ахăрсамана» савăлла трагедири Киремет вайне сакăн пек анлантарса панă пулаттăм: вай этем сўлăхĕсене хай сине илет, кашни хура аса сапмассерен Киремет йывăсси кукар-макарланса, армак-чармакланса пĕчĕкленсе пырать. Этемлĕх ёлĕк-авалтанах — пĕр танлăх, таванлăх, телейпе анăсу, ырлăх-сывлăх патнелле туртăннă. Анчах сак кăмăл-сипетлĕх туртăмĕпе политиксем хайсене кирлĕ пек усă курнă. Илер-ха, сăмахран, коммунистсене. Вĕсем сак чĕнўсене пасарта сĕлĕк савăракансем пек кăшкăрнă, анчах есĕсене сўнлăха хирĕç туса пынă: граждан вăрси,

коллективизаци т.ыт.те — пётёмпех сынлаха таптакан,
сынна вёлермелли хатёр пулнă.

Аса сиџем сапса Киремет йываџсине курпунлатса
ватса пётернѐ пек коммунизм чѐнѐвѐсене коммунист-
сем хайсемех сунтарса пычѐс, этем вѐсене ёненми пулчѐ.

— *Тавтапус, Николай Аверкиевич, манпа калаџма
вăхăт тупнăшăн.*

Николай Исмуковăн састаш (рифма) тума пѐлмен
хайлавџсен ятне сырнă саввине илсе кăтартни вырăнлă
тесе шутлатăп.

Епле шайлашуллă иккен сунталанлак!
Кашни ачине килѐшүүлѐх сунать:
Сынна парнелет вăл аста икѐ алă,
Вѐсѐ кайăка — мăшăр сивѐч сунат.

Ах лайăх Лукреций ятне лартнă палăк!
Шур мрамор сывлать самрăк грек аллинче.
Ак кайкăр вѐсет сын пăхса саванмалăх
Шур мамăк пекех сывлăш хумѐ синче.

Анчах, — калăр-ха, тарăхас-и, шеллес-и? —
Шур савă хѐсет те хѐсет ман чуна:
Чапа шутсăрах хапсăнан савăс, эсѐ
Элле шеллеместѐн чăлах ачуна?!

«Самрăксен хаџачѐ». 2004.03.19.

МАЛАШЛĂХА ШАНАН ЧĔРЕМĔР...

*Самани кашни кунах улшăнса тăрать. Пурнăсăн тѐп
ыйтăвѐсем сѐс яланлăхах. «Ялав» тѐпелѐнче паян пирѐн
хăнамăр, педагогика наукисен кандидачѐ, университетри
ют чѐлхе кафедрин пуслăхѐ Владимир Александрович Ива-
нов доцент. Экономикăпа политика, чăваш шăпи, кун-*

сулĕ сĕнчен пусланĕ каласĕва философи наукисен кандидатĕ Николай Исмуков ертсе пырать.

Н. ИСМУКОВ. *Владимир Александрович, Эсир республика суверенитетĕ, чăваш чĕлхин статусĕ пирки сахал мар сыртĕр хаçат-журналсенче, радиона та каласĕрĕр. Усси пур пек-и?*

В. ИВАНОВ. Эпĕ сĕнанĕ тĕрĕх, пире суверенитет парасшĕн та мар, хамĕр та ĕна илесшĕнех мар пулас. Сĕнетĕ вырĕнне Киветĕ, малалла каяс вырĕнне каялла чакса пыни вара — куç умĕнчех. «Суверен», «фрай унан-бенгих» «ирĕклĕ, пĕхĕнман» тенине пĕлтерет. Кама ĕнен-терме пулат паян пирĕн халĕх ирĕклĕх, пĕхĕнманлĕх сулĕпе пырать тесе? Социализмран капитализма куçса пынине прогресс теме истори хушмасть. Мускав мĕн каланине Шупашкар сĕтсе явмасĕрах йышĕнать. Пасар экономики чăваш халĕхĕшĕн пĕртен пĕр сĕланĕс пулнине чи малтан Мускавра пĕлесĕ. Унта пугчистсем пулсан, мĕншĕн вара вĕсем Шупашкарта, кашни районра, ялта, фермĕра пулмалла мар! Чăваш Аслă Канашĕн депутатĕсем ним икĕленмесĕрех пĕлесĕ ĕна — пулнĕ!

Н. ИСМУКОВ. *Чи хĕрушĕ пугчистсене Чăвашра шырамалла тенине те илтнĕчĕ эпĕ. Сапла пурĕннĕ ĕнтĕ эфир ĕмĕрĕнех: Мускавра сĕс каснĕ пулсан, Чăвашра пуç каснĕ. Халĕ те савах. Ара, карьера тумалла-ске, сĕмсе пукан туртса илмелле, вара тупĕка выртичченех унта ларса ирттермелле. «Мĕн тунĕ эс 19-мĕш августра?» Сак йĕту тенкел сĕнчен сапса антармалли чи шанчĕклĕ меслет пулчĕ сав вĕхĕтра.*

В. ИВАНОВ. Каларĕ тесе калĕр акĕ: паян Центрта пĕр-пĕр сĕнĕ парти йĕркелесен, ыран ĕна Шупашкарта тăвасĕ. Чăваш депутатĕсем вара «юрать, халех!» тесе чаплă салтак пек аллисене кĕсĕрук айне тытасĕ. Швейцари историкĕ Капеллер эпир хамĕрĕн историе епле сырни сĕнчен каланĕ сĕмахне лайĕх астуса юлнĕ эпĕ: сырасĕ, сырасĕ те «вырĕссене сахал мухтамарĕм-

ши» тесе чаранса тӑраççӗ, тет. Пӑханса пурӑнма хӑнӑхнӑ эфир. Чӑваша паян кун та «Эфир суверенлӑ пулсан — пурӑнаймаçтӑр» тесе ӗнентересçӗ. Эфир вара ӗненме хатӑр.

Н. ИСМУКОВ. *Килӗшмелле Сирӗн сӑмахӑрта. Анчах ӑна малалла хиврелесе кайсан — Г.Н. Волков педагог-академик шухӑшӗ патне килсе тухрӑм. «Тепӑр тесен, Чутай чӑвашӗсем пек пулар. Чутайне пӗлсен — усал вырӑс та шӑпланать — кӑна илтни пӑр хӑрӑх çул ытла», — тет автор («Хыпар», 1991 ç., раштав уйӑхӗн 4-мӗш кунӗ).*

Г. Волковӑн «Эпӗ президент пулсан...» статийи, пӗтӗмӗшпе илсен, чӑваш халӑхӗн шӑпи-кунçулӗ пирки чуна ыраттарса çырнӑскер. Анчах хамӑр йӑваш пулнӑшӑн, хамӑр вӑйсӑрлӑхшӑн мӗншӗн вырӑса тапӑнмалла?! Çитменнине тата аякран, Мускавран, йӑваш та чее чӑваш хапха хыçӗнчен йыттинче вӗслетсе тӑнӑ пек, пӑрнепе тӗллесе кӑтартни килӗшӗмлӗ япала мар. Астӑвӑр-ха, хӑй вӑхӑтӗнче Геннадий Никандровича чӑвашсемех «çисе яма» пуçламанччӗ-и, Мускава çитсе ўксен, ӑна вырӑссемех хӗтте илменччӗ-и? Кӑреннӗ кӑрӑ кӑршӗ аллипе кӑвар туртасшӑн теес килмест ман, çапах та пархатарсӑрлӑх паттӑрлӑх туйӑмӗ мар.

В. ИВАНОВ. Академик çавӑнпа ӗнтӗ вӑл академик: хӑйне хӑшпӑр чӑвашсем темӗн чухлӗ сиен тунӑ пулсан та, Геннадий Никандрович тӑван халӑхне ӗмӑрне те тиркес çук, унӑн тӑп тӗллевӗ — чӑваша усал ятпа тӗнче умӗнче намӑслантарас марри. Пур гуманистсем те çапла пулнӑ. Чӑнах та, ӑна Шупашкартан кӑларса яракан чӑвашсем пулнӑ. Ман кунта пӑр тӗслӗх илсе кӑтартас килет. Лаокоона хӗнесçӗ, унӑн шӑм-шакӗ ыратать, анчах куçӗсенче хаярлӑх çук, хӑй çиллес мар. Вӑйлӑ çынна улӑштарма йывӑр...

Н. ИСМУКОВ. *Юрӗ, ӗçтешӗм, ун пирки каласрӑмӑр. Эпӗ Сире хӑвӑрӑн вӑрентекенӗре ялан сума суннӗшӗн хисеплетӗп. Çыннӑн çавӑн пек пулмалла та.*

Владимир Александрович, Эсир хăвăра консерватор тесе калас сук, паллах. Сапах та Сирĕн истори чăнлăхне парăнни пурах. Юлашки вăхăтра Маркса та, Ленина та хисепрен кăларчĕс сĕнĕ хуçасем, демократсем (?). Акă, Шупашкарти Ленин музейне те хупса хучĕс. Самана улшăннă май шухăш-кăмăлăр улшăнмарĕ-и Сирĕн?

В. ИВАНОВ. Эпĕ хам куçпа курнине сесĕ ёненетĕп. Германире, К.Маркс суралнă хулар, «Коммунистсен манифестне» сыраканăн музейĕ пур. Унта В.И. Ленин валли те вырăн тупнă. Тирпейлĕ, хăтлă. Хисеплĕ. Унти Коммунистсен партине, Гитлер вăхăтне шута илмесен, никам та хупни пулман. Мозель шывĕ тăрăх эпĕ пăрахутпа ярăннă. Вĕсем совет туристсене ханалама пĕр пичке сăра илсе килни те асрах. Ирĕккĕн, хăрамасăр, никама пăханмасăр суренĕ. Германи компартийĕн значокĕпе паян та саванатăп. Эпĕ пурнăсра пĕр япăх коммунистпа та тĕл пулман, саванпа вĕсенчен пĕрре те хăрамастăп.

Нимĕссем хăйсене парăнтарнă французсен сарне хисеплесе палăк лартнă Кельн хулинче. Ун чухнехи Демократилле Германире «Нимĕс историйĕн музейĕнче» Гитлер саманине халалланă уйрăм — суртăн пĕр хучĕпех. Сапла вăл цивилизациллĕ сĕршывра: историе тиркемеçсĕ, апа упраçсĕ. Пире вара ялан такам сапăстарать. Тен, хуçасене сапăсакан халăха пăхантарма сăмăлтаррах? Историе ун пек тĕслĕхсем пайтах — сапăсчăр, пĕтерчĕр пĕрне пĕри, вайĕсем чакчăр вĕсен...

В.И. Ленин музейĕ пирки. Ман шутпа, Ленин музейне хупакансем апа уçакансемех пулчĕс. Уçмалла мар пулнă сав вырăнта тем пысăкăш музей. Мĕн тăван, карьеристсен йăли сапла: вĕсем орден панă чухне те тĕрĕс, персе пăрахнă чухне те — малта.

Н. ИСМУКОВ. *Тĕрĕс ёнтĕ, историе хисеплемелле, сынсен тискер ёçĕсем те, лайăх енĕсем те куç умĕнче пулччăр. Эсир, Владимир Александрович, пĕр путсĕр ком-*

муниста та тёл пулман тетёр. Тёл пулма тёр кил-мен пуль. Шухайласа пәхәр-ха. Марксизм-ленинизм тилхепине тытса пыракансем партком, райком, обком т.ыт.те секретарёсем пулнй. Çав вёрентёвён экономикари никёсё — пёрлешүүлё пурлāх, хусалāх. Пасар йāли-йёрки тёнчипех сёнтерме пусларё те çав номенклатура-партократи сыннисем арендаторсем, кооператорсем, уйрām хуçасем, урāхла каласан, капитализмāн вырāнти харпйрлāх тёрекёсем пулса тāчёс. Тёслёх-и? Шупашкарти Московскипе Ленински райкомёсен пёрремёш секретарёсем Федотовна Дмитренко... Хула Совет ёставкомён пуслāхё тата мён хāтланать! Пёрне хуçса шутласа мён вāхāта ирттермелли — сёршывё — партие сутнисем Горбачев таранах! Христоса, апла пулсан ун вёрентёвне те, чи малтан Иуда сутнй, И.Я. Яковлева — хāйён вёренекенёсем, партие — ВПШ пётернисем... Тен, вёсем партин сёлти эшелонён тасамарлāхне шалтан, ашчикрен, пиртен лайāхрах пёлнё? Апла пулсан, мёншён вёсем халичченех ун укситенкипе реххетленсе пурāннй? Аста вёсен чун тасалāхё, пурнāс принциплāхё? Африкāра сёлевёс пысāкāш пёр тискер чёрчун пур. Вāл ватāлнāсем начарланса мар, йёрён-кесёр самāрланса вилет...

Эпё пур коммуниста та пёр аршāнна, ылтāн аршāнна, виçмен пулāттāм. Сахъянова пек активист-коммунистсем ман кукаçине вёлернё. Курайманлāх вилём-рен сёлёрех.

Пурнāсāн та вёсё пур. Анчах шанчāк юлашкинчен вилет. Эсир вара, Владимир Александрович, пессимист ахār, çак самана йёркеленесе, пурнāс юсанасса шанмастār-и?

В. ИВАНОВ. Шанатāп. 1991 сұлхипе танлаштарсан, эфир тепёр темисё сұлтан аванрах пурāнма пуслāпār. Пире халё чи аялти шая антарса лартаçсё, каярахпа пёрер картлашкан сёлелле хāпартма пуслаçсё, пирён каллех алā сұпса «урра» кāшкārмалла пулать. 1985-87-

мёш сұлсен шайне часах ситеймёпёр, сав вәхәтри пек пуян магазинсене, йўнә таварсене халә телёкре сеш курма пулө. Сапла вәл «шокотерапи» меслечё: малтан пурнәса, сёршыва, культуранә сәнететпёр тесе астарас-сё, кайран — пётерессё. Мён каләпәр ёнтё: 1917-мёш сұл хысқан пуянсем хәйсен пурләхне нумай сұхатнә. Пирён пек чухән халәх сынна тухнә, аслә пелү илнә доцентсем-профессорсем, поэт-писательсем пулса тәнә, ют сёршывсене кайса килме пусланә. Чавашсем вара Республика тунә, сөнә хуласем хәпартнә, темисе театр, университет — каласа та пётерес сук. Чаваш космоса ситиччен вёсрө. Истори вәл — иртнә чәнләх. Әна, иртнә вәхәта, тиркекенсен йышө сахал мар халь. Төрөссипе каласан, ёсхаләхө әна тиркемест, паянхи пуянсем сеш татах та пуяс тесе халәха пәтратассө. Сак пәтәрмахра ёнтө вёсем миллионерсем пулассө. Иртөхнө сөрме пуянсем пур чух чухәнсем пулассөх. 1991 сұлхи пурнәса стабилизацилени сав пуянсене те власа юра-такансене кирлө.

Н. ИСМУКОВ. *Халь пёр шухәшлә сынсен каласәв-не-интервьюне кәсәклансах вуламассө. Тем пек хирөс-лес килет вуланмалла пултәр тесе — анчах чәнләха хирөс әстан кайән! Пёр япала сеш шухәшлаттарчө мана: 1917-мёш сұл. Кунта та эпө әна пёр төслө сеш курасшән мар. Төрөс, янтти синче пурәнакан дворян-помещиксене пётермелле (вёлерсе мар, паллах) пулнә. Тепёр тесен, революционерх пётетчөс-ха вёсем атави-заци йөркипе. Анчах кунөн-сөрөн «ёслесе пуйнә» сынсене мөншөн пётермелле пулнә 17-мёш сұл авторөсен?! Акә, 17-мёш сұла тепёр май савәрса хутәмәр та 91-мёш сұл пулса тәчө: сав революционерх кёресе тытма пёлмен сынсемех влас илчөс, хуса пулчөс, инфляци туса халәха саратрөс, вәхәт ситсен, сурсёр иртсен, пәхәнманнисене пөрерөн-пөрерөн тытса та кайөс-и-ха ак... Ситө. Ку — вәрәма каякан каласу. Манән Сире, чөлхесе, чөлхе ый-тәвөпөх каластарас килет. Пёлтөр Эсир университетри*

Йышайну комиссине ертсе пынă, тен, чѣлхе ыйтăвѣне сѣнѣ шухайсем суралчѣс? Авă, хаçатра сырса кăтартнă тăрăх, паланă чăвашсем те (Бельцов, Семенов, Шурчанов, Краснов...) ЧССР вице-президентне чăвашла калаçтарашнă мар. Сăмахран, РСФСР вице-президентне ырăсла пѣлмен сыйна суйланă пулсан?

В. ИВАНОВ. Сук япала çинчен нумай калаçаççѣ. Унсăрăн вăл пур тесе ѳненерейместѣн-çке! Паянхи чухлѣ «демократи» сăмаха нихăçан та хѣсѣрлемен.

Чѣлхе пирки те çавнах каламалла. Аслă Канаш заводсенче чѣлхе саккунне пурнăçлаттарашнă. Аван. Мѣншѣн вара Аслă Канаш хай пурнăçламасть ана? Ма хай ырăсла сес пѣлет? Германире нимѣс халăхне француз чѣлхипе ертсе пынине курнă-и эсир? Цивилизаци çинчен ѳмѣтленекенсене манăн чи малтан çапла калас килет: эсир демократи, халăхлăх, ирѣклѣх çинчен калаçма пит маттур, анчах хăвăра сăкăр ситерекен халăх чѣлхине, чăваш чѣлхине хисеплеме пѣлместѣр. Парламента «товарищи депутаты, епле илемлѣ чувашский язык звучать тăвать» тесе ертсе пыни пирѣн чѣлхерен мăшкăллани. Влаçа лариччен пурте «плюрализма», «советсене, «инакомыслие», «многопартийнăçа», «оппозицие», «референдума» юратаççѣ, влаçа алла илсен вара демократи сине сураççѣ. Юлашки 5-6 сул хушшинче пирѣн пурнăç йѣркесѣрленчѣ, чуханланчѣ, Сѣршывăмăр арканчѣ, культура палăкѣсем сирпѣнчѣс. Ку айăпа кам сине тийѣс-ши ертсе пыракансем? Паллах, леш тѣнчерисем сине. «Хыпар» хаçатăн ноябрѣн 11-мѣшѣнче (1991 ç.) тухнă номерне пăхса илер-ха: 1917 султан пуçласа 1991 сула ситиччен пирѣн Сăршыв арканса пынă тесе ѳнентересшѣн пире аслайсем. Ытла ухмах ырăнне хураççѣ-çке халăха!

Н. ИСМУКОВ. *Пирѣн калаçу пичетленсе тухиччен Чăвашнă пѣрремѣш президенчѣн шăппине те татса парѣс. Пулѣ-и вăл, сук-и, — анчах мѣн улăштарайѣ-ши вăл тѣнчи те сурхи шыв пек сырансăр юхнă чух, пѣтѣм суй-çапа сăртсем сине пăрахса хăварнă чух?*

В. ИВАНОВ. Эпир яланах ыттисем хысқан утнă. Тутарсемпе вырăссем, сáмахран, хайсен президентне хăсан суйланине те манса кайнă пуль. Чăваш пуслăхесем вара президент суйлама ирĕк парĕс-и пире тесе Мускавалла пăхаççĕ. Мана тата акă мĕн тĕлĕнтерет: чăвашсене Мускавпа тĕнче проблемисене татса парас кĕрешĕве хутшăнтарма питĕ те çамăл. Ку — халăх вайне сапалать. Маларах хайсен ыйтăвĕсене татса пама тăрăшмалла-çке вĕсен... Çакă пĕрлештермелле чăвашсене. Пĕрлĕхсĕр, килĕшÿсĕр — сĕнтерейместпĕр. Малашне тĕрĕс сÿлпа каясса шанас килет. Вара 1985 сÿл пусланнă пăтăрмахран тухма та çамăлтаррах пулĕ: чăваш ёçлеме юратать, унăн сĕрĕ-шивĕ пуян, ёçлесе тунă пуянлăхне сес çай халăхне валесме вĕренмелле. Эпир халичченех чи лайăх сÿртсене, хваттерсене, çамăл машинăсене, ёç вырăнĕсене аякран килекенсене панипе килĕшсе пурăннă.

Н. ИСМУКОВ. Мĕнех, шанчăкисем телейлĕ тенĕ. Анчах президент пулсан та, çак пăтăрмахран ситес вăхăтрах тухаймапăр. Каялла чаксан та, малалла кайсан та. Приватизаци хăтарĕ тетпĕр. Чăвашра, уйрăмах ялсенче, ўсĕ-ши çак çимĕс? Акăлчансем те, çав уйрăм хусалăх хусисем, хăтланса пăхнă йна пурнăçа кĕртме. Патшалăх предприятийĕсен 1/4 пайне приватизаци тума та 7 (!) сÿл кирлĕ пулнă Тэтчера.

Тĕлĕнетĕн эпĕ хамăр халăхран: президента ачапча шайĕнчи сынна та суйлама хатĕр, номенклатуран сÿлти картлашки синче ларнăскере те. Ситменнине тата вĕсенчен пĕри те: «Эпĕ влаçра ларса курнă-ха, халь ыттисем ёçлесе пăхчăр» е «ман тавракурăм ансăртаррах, ёсе республикăна, халăха пĕлекен сын пултăрчĕ пирĕн президент» текенни сÿк.

Аслă-тĕслĕ сынсем те тĕплĕн шухăшласа каласмас-сĕ тепĕр чух. Каллех Г. Волкован асаннă статийи патне таврăнасшăн эпĕ. «Чĕрĕк ёмĕр каялла демократилĕх кăшт та пулин пулнă пулсан, паллах, паян пирĕн пулас Президентсен шутĕнче чи малтанах Петĕр Хусанкай

пулнă пулĕччĕ. ...Халăх шансан, ёненсен, — тен, ашшĕ пилне-пехилне, ашшĕн ёмĕтне тўрре кăларĕ», — тет писательсен Союзĕн членĕ поэт Ывăлĕ пирки. Ёсĕ кунта пĕр предложенире п у л глаголтан ултă сăмах тунинче мар (тавтологи!). «Халăх шансан, ёненсен» тени те ырайла. Пирĕн халăха ёнентерме йывăрах мар. Ашшĕн мĕнле ёмĕтне тўрре кăлармалла-ши ывăлĕн? Акă ман умра аслă поэтан тĕнче поэзийĕнче халиччен пулман таса кевеер чулĕ пек «Тилли юррисем» хăварнă П. Хусанкайĕн 1948 тата 1952 сўлсенче тухнă кĕнекисем.

«Малашлăха шанан чĕремĕр
Сунса ёслетĕр Ждановла», —

сырать поэт Ленина, Сталина, Жданова т.ыт. халалланă нумай-нумай сăввисенчен пĕринче (14 стр.). «Чĕре юрри» кĕнекинче пĕрре виçсĕмĕш пайĕ (84 страница таран!) «этемлĕх шанчăкне», «Сĕрĕн телейне» ёненсе сырнă хайлавсем. «Ирĕк тăван халăх Ячĕпе мухтам-и Халăхсен юратнă Аслă Ашшĕне», тенĕ чухне Митта мĕн шухайшласа ларнă-ши сивĕ Таловкăра Сталин çинчен?

«Халь йăрансăр тулă хумханать:
Мухтав аслă Сталина!» (3 стр.)

«Хĕл кунĕсем иртрĕç те сур кунĕ çитрĕ. Тавах уншăн партие» текен анектода асилтерет сакă. Ёнтĕ, юрĕха ку. Сырлахуллă пулар: самани сапла пулнă пуль, самани мĕскĕнленме хушнă пуль. Путчистсене шыраса тупмасăрах, Президента лармасăрах, чăваш литератури çинчен лайăх статья сырсах ашшĕн пилне-пехилне тытса пыма пулать-çке. Е ашшĕ ывăлне Президент пулма сырса хăварнă-ши?..

Пур официаллă хаçатсенче те демократи сĕнтерчĕ тесе сырассĕ, хавасланаççĕ, Эсир савăнатăр-и уншăн?

В. ИВАНОВ. Демократи çинчен, чăнах та, нумай калаçаççĕ. Анчах, паçăрах каларăмăр, сук япала çинчен нумай калаçаççĕ. Ман алăра, акă, кăранташ. Вăл «пур,

пур!» тесе темле те сълтавласа кăшкăрашмастăп-çке эпĕ. Чăнлăха танлаштарса тупаççĕ. 5-6 çул каялла эсир пĕр уйăх шалăвĕпе мĕн илме пултарнă? Паян çав укça кĕтĕр-кетĕр пушмак та илме çитмест. Çакă-и демократи çĕнтерни? 5-6 çул каялла эпир çамрăксене автобусра, университетра киревсĕр сăмах каланăшăн ятлаттăмăр, паян вара вĕсем хамăра тытса хĕнеменшĕн савăнатпăр. Çакă-и демократи çĕнтерни? Ёçре пире, шăпа кăларса, пĕрер мăшăр чăлха, кĕске йĕм, пирус параççĕ. Пĕтĕм университет савăнать вара. Пирĕн пек савăнма пĕлекен халăх та çук пулĕ. Çакă-и демократи çĕнтерни?

Калаçăва вĕçленĕ май хама мухтаса илем-ха. Эпĕ Эсир шутланă пек, иккĕленекен çын та мар, ыран тĕнче пĕтет тесе пурăнакан пессимист та мар. Эпĕ — чăнлăх картинчен тухман реалист.

Н. ИСМУКОВ. *Çапла. Лару-тăрăва тĕрĕс аңлансан сес саманана кирлĕ çул-йĕрпе яма пулать. Тавах, Владимир Александрович, çак тĕлпулушăн. Чăнлăх карти сурăх карти мар. Сирĕн сăмахăрсем вулакана шухăшлаттарĕç тетĕп.*

«Ялав». 2001, 4 №.

ПАРХАТАРĂМ ÇАКĂ ПУЛТĂР

Нимле те мар çанталăк пуличчен
Мĕнле çанталăк пулнă халиччен
Çавăн пекех хивре вăл тăтăр-и,
Çавăн пекех хитре вăл тăтăр-и, —
Мехел çитсе чĕлхеçĕм çитиччен
Юрлас юрăмсенче вăл юлтăр-и.

Çапла сырнăччĕ эпĕ Леонид Яковлевич Тянгова парнеленĕ халал кĕнекинче. Чăнах та, икĕ ĕмĕр хушшинче, саманисем улшăннă вăхăтра, пурăнса куртăмăр.

Вӑрҫӑ тата вӑрҫӑ хыҫҫӑнхи выҫҫӑварлӑ вӑхӑта ҫӑтса ирт-тертӗмӗр. Паллах, хитре кунсем те пулман мар пирӗн пурнӑҫра. Антив хивре пултӑр самани, ҫил-тӑвӑллӑ, йӗпе-сапаллӑ пултӑр ҫанталӑкӗ, анчах пурнас кунсем васкаса ан сӗнчӗр. Кам маларах, кам каярах каять ҫак тӗнчерен, ҫапах ӑна хӑварасах пулать. Ыр-ҫынсен асӗнче ыра ятпах юласчӗ тесе ҫех шухӑшлатӑн. Пархатарӑмӑр ҫавӑ пултӑр.

Леонид Яковлевича пӗлмен ҫын та ҫук пулӗ. Эпӗ унпа кооператив институтӗнче куҫа-куҫӑн паллашнӑччӗ. Вӑл — проректор, эпӗ — кафедра пуҫлӑхӗ. Сӑпайлӑ та ҫынна хисеплесе калаҫакан ҫын. Сӑнӑкерчӗк ҫап-тартӑмӑр. Эпир пӗр-пӗрне тахҫанах пӗлнӗ иккен. Леонид Яковлевич ун чухне обком секретарӗ, эпӗ ирӗклӗ ҫыравҫӑ пулнӑ. «Молодой коммунист» хаҫатра пичетленнӗ «Метель» ятлӑ сӑвва пӑхмасӑр каласа пачӗ. Чӑвашларан ӑна А. Смолин питӗ ӑнӑҫлӑ куҫарнӑччӗ. «Чӑвашла еплерех янӑрать-ха вӑл», — терӗ вӑл мана куҫран пӑхса. Эпӗ хамӑн сӑвӑсене пуҫласа вӗҫне ҫитичченех пӗлместӗп. Ҫак намӑсран мана вӑл хӑтарчӗ — тӗрех чӑвашла калама пуҫларӗ:

Арпашать ҫут тӗнче: умӑмра те тӑшман,
Те ҫӑлма тухакан хурӑнташ-хунтӑш ман...
Саккӑрла явӑнса ҫаврӑнать ҫил-тӑман,
Вӑй та ҫук, май та ҫук ӑна хирӗҫ тӑма.

Урам урлӑ йӗркен ыртса тухнӑ кӗртсем —
Картишне кӗреймен вилнӗ шурӑ хурсем.
... Тен, ҫапла ир енне майӗпен вӑй пӗтсен,
Ӱкӗп те нихӑҫан та тӑраймӑп, туссем.

Саккӑрла явӑнса ҫаврӑнан самана
Унчченхи ҫул ҫине кӑларать-ши мана?
Шурӑ-шурӑ кӗртсем, вилнӗ шурӑ хурсем —
Сӑвӑма кӗреймен шурӑ шухӑшӑмсем...

Поэзи техёмне чухлакан сын иккен, — шухашларам эпё, — апла хай те савасем ҫырнах ёнтё. Тен, тёнче тёрёсмарлахне те чатса курна? Ахальтен мар аса илсе юлна вал ҫак савва.

Нумай ҫул хушши пёрле ёҫлерёмёр Леонид Яковлевичпа, пёр-пёрне лайах пёлсе ҫитрёмёр. Таса чунла та асла ҫынпа каласма та камаллаччё.

Студентсем апа чаннипех те хисеплетчёс. Каярахпа мана, кафедра пушлахё пулна май, хутран-ситрен уна лекцисене итлеме лекетчё. Анла тавракурамлаччё вал, каткас ыйтусене ансат чёлхепе анлантарса паратчё. Уйрамах социологипе политологи ыйтавёсене хальхи саманапа ҫыхантарса каласа пани камала каятчё. Студентсен зачеткисенче «виҫё» палла курнине астумастап. Ҫирёп ыйтна, анчах пелу виҫине те шеллемен. «Виҫёпе» «таватта» хушшинче иккёленетён пулсан, «таватта» лартмалла, — тетчё Леонид Яковлевич доцент.

Рассейри коопераци университетчё тытамёнче пирён институт чи асли те, чи пысакки. Эпё аставасса, мана шанса пана факультетра кана виҫё пин ҫура ытла студент шутланатчё. Эпир «Студенческий вестник» хаҫат пусласа яраканнисем пултамар. Эпё — тёп редактор, Леонид Яковлевичпа Василий Кервен доцентсем — ман заместительсем. Хаҫачё пусаках мар пулсан та ёҫё явапла та нумайччё. Кёнеке калапласин, журнал хатёрлесин, хаҫат пустарассин — хайсен йёрки-виҫи. Пытармасар каласан, Леонид Яковлевич чан-чан хаҫатҫа пек пур ёҫне те пелетчё, макетёнчен пусласа вёҫне ҫитиченех тирпейлесе ҫитеретчё. Студентсем те, преподавательсем те каҫса кайса вулатчёс апа. Вуламасар! — пёрер-пёрер лаптakraх, пысаках мар фотоукерчёксенче институт пурнаҫё куранса таратчё.

Леонид Яковлевичан юлташёсем нумайччё. Ку вал унчен пысак ыранта ёҫленичен ҫёс килмен. Ҫынни хай ҫаван пек уҫа камалла пулнинчен килнё ёнтё вал. Уяв ячёпе е ҫурална кун ячёпе шанкаравласа та пул-

сан саламлатчѐ. Юлгашѐсене пулѧшасси, сынна ырѧ тѧвасси унѧн чун сипечѐ пулнѧ. Пѐр тѐслѧх кѧна илсе кѧтартам. Пѐр сѧлхине эпѧ «Тѧватйѐркен» кѧнеке кѧларнѧччѐ. «Ку кѧнеке Патшалѧх премине тивѐслѧ», — терѧ вѧл ѧна вуласа тухсан. Кѧмѧл сѧкленнѧ вѧхѧтра — килѧшрѧм. Тепѐр кунне ирхине шѧнкѧрав сасси вѧратрѧ мана. Кам ирхине ирех шѧнкѧравлать тетѧп, ѧнерхи каласѧва манса кайнѧ ѧнтѧ эпѧ. Документсем памалли сав-сав числара срукѧ тухать иккен. Кун хыссѧн кун иртет. Эпѧ вара кашни ирхине сѧмах паратѧп. Йѧли ман савѧн пек — ѧсѧ юлашки куна хѧварасси. Леонид Яковлевичран аван мар тесех документсене хатѧрлеме пусларѧм. Пурте хатѧр ѧнтѧ, вѧсене кирлѧ сѧре ситер-мелли сѧс юлнѧ, ырана хѧварсан — кая юлатѧп. «Ман Советсен сурчѧ еннелле каймалли пур, атя сѧл май кайса парар», — терѧ вѧл мана шахвѧртса. Преми пама йышѧннине пѧлсен эпѧ савѧнтѧм-ши е Леонид Яковлевич манран ытларах савѧнчѧ-ши?..

Пурнан пурнѧс инкек-синкексѧр, сѧхатусѧр пулмасть. Пурѧннѧ пулсан пирѧн тусѧмѧр кѧсѧл 75 сѧл тултаратчѧ. Мѧнпе, мѧнле ырѧ сѧмахпа асѧнам сумлѧ юлгашѧма. Лидия Федоровна пире мѧшѧрѧмпа иксѧмѧре килсе курма чѧнчѧ. Висѧ пѧлѧмлѧ хваттерѧнче халь пѧчченех пурѧнать. Юрать-ха чун йѧпатмѧш хѧрѧсем, мѧнукѧсем Мускавран, Санкт-Петербургран тѧтѧшах килсе сѧурессѧ. Пѧр пѧлѧмѧнче мѧшѧрѧн сѧнѧкерчѧкѧсем, авторѧсем парнеленѧ кѧнекисене уйѧрса хунѧ. Ю. Айдаш «Атнер» кѧнеки сине 1999 сѧлта сѧпла сѧрса хуни пур: «Ентешѧме, тѧван халѧх пѧрлѧхѧшѧн, чысѧшѧн кунсерен ырми-канми тѧрѧшакан хисеплѧ сынна, ырѧ кѧмѧллѧ тусѧма ѧнѧсу та сирѧп сывлѧх сунса, чунтан сума суса». Айдаш сѧмах ваклама юратман, ѧна сѧл сине вѧсѧтерекен сѧн марччѧ. Ун сѧмахѧпе чѧннипех те килѧшмелле.

Ирѧксѧрех пѧр паллѧ юлгашѧн шѧпи аса килчѧ. Вѧл вилсен тепѧр сур сѧлтан вѧл пурѧннѧ хваттере кѧрсе тухма тѧл килнѧччѧ. Пурте пур, унчченхи пекех таса

та сута пүлёмсем. Юлташан сәнүкерчөкә анчах сук, шкап тулли кёнекесемччә, халь кёнекисем те сук, шкапә те сук. Элле эп вилсен те ман япаласене сәпла кәларса пәрахәс — шутларам эпә. Лидия Федоровна вара мәшәрне асран кәлармасть. Пурте выранта, тирпейлә. Акә ун япалисем, кёнекисем, сулла сәрәпа үкернә сәнүкерчөкәсем. Пёр төрке сыру илсе килсе пачә. Вёсене Леонид Яковлевич сәмрәк чух сырнә. Кашни сыру вёсәнче е вырәсла е чәвашла шәрса пек почеркпа йёркеленә сәвә. «Каç выртсан та ир тәрсан та асәмран тухмасть савнә мәшәрәм. Семье сынниччә вәл, ләпкә, сәпайлә, тирпейлә, пурин умәнче те хайне тытма пәлетчә. Нихәсан та ёссәрларман. Каçхине сурсёрччен ларатчә, ирхине паян мәнмән тумаллине планласа хуратчә. Пёр-икә сул маларах Иванькинәра сурт лартнәччә — саванса юлаймарә», — каласа парать Лидия Федоровна. Түсейменнипе куçсулә пәчәртанса тухрә, юлташам ятне-сумне упранәшан ала тытса тав турәм.

Эпә сак калава пусланә чухнех шухәшлани түрре тухрә: хай вәхәтне, чун хавалне поэзине панә пулсан, Леонид Яковлевичран лайәх сәвәс пулатчә. Ахальтен мар вәл литературәпа искусство сыннисене шутсәр хи-сеплетчә.

Николай ИСМУКОВ, философи
әсләләхән докторә, профессор.

«Таван Атәл». 2015, 1 №.

ПЭЗИЯ ДОЛЖНА НЕСТИ ДОБРО А КРИТИКА ДОЛЖНА СЛУЖИТЬ ПОЭЗИИ

Добро и Зло. Они не априорны, а порождены нами, людьми. Борьба между ними непрекращаема. И поле брани находится не где-то в уползающих от нас пространственно-временных координатах, а в наших

сердцах, поэтому и приобретения, и потери — наши: личные, одновременно и общие.

Перестройка, которую мы многозначительно называем своего рода революцией, спрессовывая события, сокращает время, а значит, усиливает эту борьбу двух начал человеческого бытия — Добра и Зла. Но именно в этом, образно говоря, движении ночи к утру, как многократно доказала история, возрастает опасность глобальных человеческих и духовных потерь. Сколько несправедливостей было допущено за годы предперестроечные, какого огромного размера выжженной пустоты оставлено в человеческой душе репрессиями и тихим, как всепоглощающее тухлое озеро, застоем. Она, эта пустота, чем-то схожа с той, которая оставлена сгоревшими под лавой Везувия ребенком и его верным стражем Сывлусом. Ну и что же, что мы имеем теперь скорченные гипсовые фигуры от этой трагедии? — они же не живые! Но и нельзя оставлять эти пустоты бездушными. Иначе их незамедлительно займёт дьявол. Чем мы можем восполнить наши утра-ты? Ответ однозначен: «Добром, Справедливостью, и только ими. Надо спешить жить» — это сказано слишком аморфно, — а надо спешить делать добро. Но, как ни парадоксально, люди стали злее, завистливее, а некоторые не прочь использовать гласность для распространения лжи, демократию — для провокации. И на этом перекрестке сил потери несут всегда люди доверчивые и искренние. На каком повороте истории мы потеряли Сăпайлăх, Тараватлăх, Ытарлăх, исконно присущие нации нашей? Я глубоко убежден, что литература и искусство, и только они, в состоянии вернуть эти и другие позитивные качества нашему народу. Это похоже, не идеализм, но другого более эффективного пути я не вижу. Что касается поэзии, то ее место и роль в нашей жизни особая. Только, поэзия, а не сенсационный информативный материал,

который захлестнул газетно-журнальные полосы, может вдохнуть жизнь в пустоты человеческого духа. Если публицистика может вскрыть рану, то поэзия, как Ахиллесово копьё, не только ранит, но и очищает, лечит ее. Только она, поэзия добра в состоянии вернуть веру в человека, осветить перспективы развития нашего общества, дать душевное равновесие упавшему, ибо она, т.е. поэзия, по меткому выражению Шлегеля «дышит-то только добром и содержит в себе лишь избыток добра». Не зря же люди для приобретения константа души, где-то подсознательно чувствуя психотерапевтическую ее функцию, обращались к поэзии, начинали писать стихи в старости или даже в лагерях. Это и есть своего рода компенсация, ответ на отсутствие добра и справедливости в самой реалии. Возьмите любого значительного поэта: по-настоящему хорошие стихи им сложены в условиях отсутствия справедливости — социальной и личной. А чем можно объяснить повальную тягу читателей к таким произведениям? Той же причиной, ибо поэзия есть воспроизведение общества в личности. Что таить? — в последнее время постепенно стало исчезать сознательное отношение к Отечеству, а крушение веры в святость избранного пути, надежды и есть конец мира. Для меня лично п о э з и я и Абсолют, перед чем я предельно откровенен и могу исповедоваться, и средство достижения этого Абсолюта.

Люди, в чьих руках до недавнего времени были сосредоточены идеологические рычаги, пытались управлять творчеством (и на сегодня у нас 18 млн. управленцев) исключительно так называемым социальным заказом причем сама категория «социальный заказ» ими понималась односторонне, метафизически, да к тому же искаженнополитических позиций. Правда, охота сотрудничать с властями у поэтов выбита еще в 1937 годы, но довление вышеназванной политики над

творчеством еще более отдаляло их друг от друга. Что значит управлять творчеством — не пускать дальше намеченных сусловцами демаркационных линий? Управлять творчеством — это значит создать нормальные условия жизни и творчества для писателей. А что касается политики, то именно они, наши писатели, ежечасно и навечно преданы Родине и своему народу. А политические взгляды, да будет известно, — определяются постулатами. Свобода творчества, кем-то управляемая, перестает быть свободой. Поэзия есть высшее выражение свободы, но она в самой своей сути внутренне консервативна в том смысле, что вечно беременна Добром. Потому она не может стать иррациональной силой, и по той же причине она не нуждается в жесткой регламентации ни стороны властей, ни со стороны критики.

Сегодня мы торопимся понять минувшее, но не торопимся вернуть очертания «потерявшегося» будущего. Есть опасность, что именно эти «ножницы» могут вызвать на землю чуваш какую-либо пришлицу-Сахьянову. Да разве мы жили когда-нибудь без Христа, Иуды и Палата? Зло обладает способностью самоорганизоваться, а Добро — нет, и нам сегодня необходимо мобилизовать силы с тем, чтобы иметь Его в чистом виде, без примесей зла, в своем абсолюте.

«Молодой коммунист» (от 2 марта с.г.) опубликовал статью уважаемого мною критика, который отстаивает величие уважаемого мною поэта Г. Айги. «Да, поэзия его радикально отличается от того, что обычно публикуется под видом стихов (подчеркнуто мною) в наших журналах. И если в чувашском проявлении она в определенной степени учитывает уровень потенциального читательского понимания, то в русскоязычном выражении она предельно герметична, самоценна, это своего рода зашифрованная запись попыток

восхождения души поэта к Абсолюту». Что верно, то верно: стихи последних лет Г. Айги действительно радикально отличаются от стихов чувашских (да и только ли чувашских!) поэтов, но никто не собирается «отменить» поэта. Истинный поэт не подвластен ни уничтожающей критике, ни безудержной хвале. Я позволил себе усомниться в абсолютной монополии критика на истину: что имеется ввиду под публикациями «под видом стихов»? Проза в стихах, верлибр? Творчество всех поэтов, представленных на страницах наших журналов? А подборка стихов самого Г. Айги, увидевших свет в «Тăван Атăл», за которую он удостоен премии журнала за 1988 год? Если и это оценивать по предложенной шкале «под видом», то, выходит, критик слегка нарушил логику мышления. Но не ставится ли здесь цель нарушить логику самого хода объективного развития цельной и единой чувашской поэзии? Боюсь что это так. Чем ниже опускаешь на уровень посредственности «других», чем величественнее будет выглядеть кумир критика, которым он занят чуть ли с рождения.

Оставлять право называться поэзией только лишь за творениями Г. Айги значит не только противопоставлять Г. Айги современной чувашской поэзии, но и отрицать последнюю. Коли в сути поэзии мы видим добро, так этично ли дробить его на части. Пусть на поле милой нашему сердцу поэзии будут и Н. Тевекел и Г. Айги, В. Эндип и П. Афанасьев, Ю. Айдаш и Ю. Семендер, В. Тимаков и... Кому по душе шур чечек, а кому — сар чечек, Тем и красен луг что там много разных цветов, а вот лишних — нет. Что уж поделаешь, — ударило молнией вершину нашей поэзии и не стало Митта, Хузангая, Ухсая, но есть крепкие и здоровые ветви ее. И очень кстати сейчас слова Ю. Семендера «о Родина, храни своих поэтов». Действительно, должны же мы, наконец, научиться беречь

поэтов, а не начинать стричь их, как стригут лип на городских улицах, чтобы все они выглядели под одно круглое лицо. На естественном многообразии и держится природа. Я понимаю критика: от чрезмерного увеличения вещи теряют свои реальные очертания.

Думается, что нам сегодня нужна не разрушающая, а объективная с креном доброго слова критика. Это мое субъективное, исходящее от меня, но никак не субъективистское мнение, ибо высказанное мною слово не только совпадает с мнением большинства писателей. Да это прописная истина, что критика, существующая не в себе, а для нас, уже в своей возможности имеет мобилизующую энергию. Мне представляется, что сегодня нам требуется не истина в последней инстанции, сказанная устами критика, не гегелевский Абсолют вообще как таковой, по достижении которого дух перестает развиваться, а абсолют Добра, как постоянная величина, к которому бесконечно можно двигаться и «в чувашском проявлении» и «в русскоязычном выражении». И критику, как говорится, чаще следовало бы открывать врата неба, а не ада, если у него есть ключи от тех и от других.

Надо признать, что сегодняшняя чувашская поэзия не только неоднородна, но и разноуровневая по качеству. На страницах не только наших журналов, но и отдельных изданий наряду с хорошей пробой стихами встречается откровенный примитив, которого действительно можно отнести к разряду «под видом стихов». Но как они появляются на свет? Все мотивы и обстоятельства перечислить трудно. Но окольные пути, конечно же, проторены не между дорожно-транспортными работниками. Слабые произведения скомпрометируют нашу литературу. Не этим ли, отчасти, объясняется наметившаяся тенденция отхода читателей от чувашской литературы. Секция поэзии номинально считается как бы пропускной сеткой для ру-

копией авторов по пути в издательство. Но так ли это на самом деле?

Немало посредственных стихов публикуют и наши республиканские газеты. Нет должного контакта между их отделами литературы искусства и профессиональными творческими секциями Союза писателей. Участие в работе наших секций ответственных лиц названных отделов совершенно необходимо, как необходима помощь со стороны писателей. Представлять того или иного автора на страницах газет по рекомендации секции поэзии, например, не только целесообразно, но и обоюдновыигрышно.

Всем известно, что секция поэзии является творческой лабораторией, где мы учимся мастерству слова друг у друга, в горячих дискуссиях оттачиваем свое перо. Но все ли проявляем должную активность в ее работе? Хотя становление поэта процесс и стихийный, но учится у мастеров сокращает путь самообретения.

Николай ИСМУКОВ, председатель секции поэзии Союза писателей Чувашии.

«Молодой коммунист», 1988. 07.04

ЦЕННОСТИ ЗРЕЮТ ДОЛГО

Начинать слово с намёком, издавека — это восточный приём подхода к сути вещей. Так почему не следовать нам этой мудрой и привлекательной традиции. Тем более мы — дети, рождённые на стыке Запада и Востока, мышления и образа.

Мифы я сравнил бы с детством человечества. В эту пору его мышление было ближе к Эйнштейну, чем Ньютону. Искусство — это юность с её неогляд-

ностью и осознанным стремлением в будущее. А философия же — это мудрость почтенного возраста человека, которого прежде всего занимают вопросы смысла жизни и тайны Вселенной, но в его сознании броуновски метается и фантазия незамутнённого детства, и былая аполлоновская грация юности, которую он хочет удержать приятными воспоминаниями, и теперь ему тепло, как под старым одеялом, и даже юношеские грехи теперь он вспоминает с удовольствием...

Энвера Зиатдиновича впервые я увидел на сцене Первомайского Дома культуры в пору моей юности. Статный, красивый, с большими чёрными глазами, в чёрном костюме. Он тогда демонстрировал опыты гипноза. До него мы никогда не видели это чудо психологического воздействия на поведение людей. Уверен, что именно эта сила гипноза до сих пор обворожительно-позитивно действует на меня. И вот с 1976 года, когда я пришёл на возглавляемую им кафедру, поддерживаю добрейшие отношения с этим высокочтимым учёным.

Время не властно над философом. Энвер Зиатдинович и сегодня такой же добрый, по-своему статный, добродушный и с искоркой великолепного юмора. Лишь седые волосы несколько выдают его возраст. Может быть, здесь к месту привести рубаи, где я выразил сожаление о непостоянстве Времени:

Облаком белым мне время казалось когда-то, —
Вот проплывёт и исчезнет в краю голубом
Ах, моё облако — белый мой голубь крылатый.
Буйной моей головы ты коснулось пером.

«Ибо всё приходит в срок», — так говорил Заратустра. Все ценности зреют долго. Энвер Зиатдинович стал доктором философских наук уже в зрелом возрасте, и потому он стоит недосыгаемо, высоко. Сегодня он из-

вестный в стране и первый по значению в Поволжском регионе философ. О том, какой он вклад внёс как председатель Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций и как научный консультант и руководитель множества диссертационных работ в философскую культуру, будет сказано, видимо, другими авторами. А я хотел бы остановиться хотя бы кратко на его личном вкладе в развитие философской мысли.

В недавнем прошлом мы с ним на страницах газет и журналов проводили диалог под рубрикой «Над чем работают и о чём спорят философы». Я был поражен его кругозором и знанием современной мировой философии. Мне интересно было с ним беседовать о космологическом антропном принципе в его философской интерпретации, о проекции человеческих качеств в космос, о неэнергетической ограниченности в квантовой механике, о сложнейшей системе межкатегориального аппарата диалектики, призванной покрыть познавательной сеткой проваливающее пространство между пиками противоположностей, о проблеме национального в философии и т.д.

Но самое главное, что меня интересовало тогда, это психофизическая проблема, т.е. проблема единства души и тела, мозга и психики, представляющих собой две взаимоисключающие реальности. Каким же образом нематериальная душа соединена с материальным телом, если между ними нет никаких точек соприкосновения?

Данная проблема до сих пор входит в число мировых проблем, и её разгадкой занимались в той или иной степени все великие философы, начиная с античных времён. Она константна и возвратна. Отрадно то, что автор набрался смелости взяться за эту проблему и представить оригинальное решение, которое изложено им в фундаментальной монографии «Философский анализ психофизической проблемы» и

которое получило высокую оценку научной общественности философского центра страны.

Психика, какой бы ни казалась она сложной и сверхчувствительной, по своей кодовой структуре приравнивается к обычным формам отражения. Идеальность не является помехой для включения психики в цепь причинных связей материального мира, ибо её реальность порождается лишь ситуацией смягчения образа и его материального объекта. Совсем иначе выглядит психика в другой системе наблюдения. Любое изображение, в том числе и психическое, реально в той мере, в какой оно воплощено в структуре, кодирующей его содержание. Именно в качестве кодовой структуры информации и выступает психика как реальный фактор организации поведенческих актов. Для философской трактовки данного концепта автор широко использовал потенциал методологий, «работающих» на стыке таких наук, как психология, нейрофизиология, физика, теория относительности, квантовая механика, которые до сих пор не были задействованы в изучении психофизической проблемы.

Человек остается философом, пока ставит перед собой вопросы о смысле жизни и строения мироздания, и каждый крупный философ в этом вопросе имеет свою точку зрения. Французский философ Э. Вэйль совершенно справедливо заметил по этому поводу: «Люди забудут философию, не будут философствовать, если поверят, что они постигли этот смысл жизни и тайны Вселенной или станут сомневаться в том, что они существуют». К счастью никто из смертных еще не постиг этого смысла, но уверен в том, что этот смысл существует. И, на самом деле, нет в нашей жизни более глобальной, значительной, непреходящей проблемы, чем проблема разгадки тайны Вселенной и места человека в ней. И в этих вопросах Э.З. Феизов имеет свою позицию.

Современность требует выработки нового философского видения мира. Это означает, во-первых, что необходимо выбрать привилегированную «систему отсчета», с позиций которой должен описываться мир. Если философия определяется как отношение человека к миру, то выбор падает на эгоцентрическую систему отсчета. Философ должен представить структуру и динамику мира так, как его видит и понимает человек. Теперь не только философы, но и физики описывают сценарии расширяющейся Вселенной с учетом присутствия человека-наблюдателя. Такой антропный принцип в космологии продиктован объективными потребностями познавательного процесса.

Познающий человек не только отражает и понимает мир, но и обратно проецирует свое представление на внешний мир. Это неравнозначно субъективизму. В отношении человека к миру существует «объективный срез». Человек воспринимает мир не только с позиций той или иной теорий, но и через призму своих переживаний. Надежды и страх смерти породили легенды и теории о всемирном потопе, тепловой смерти Вселенной. Проблемы бессмертия и отношение человека к конечности своего существования являются вовсе не случайными. Они достойны специального философского исследования.

Отношение человека к миру не сводится к понятиям и переживаниям. Есть еще один аспект, может быть, даже более важный. Это — проекция воли личности на Вселенную. Речь должна идти о создании третьей формы реальности, представляющей собой продукт объективации сознания и воли человека. В сфере всех трёх аспектов отношения к миру входит также и отношение человека к самому себе и к себе подобным.

В этих позициях профессора Э.З. Феизова я нахожу новые веяния в области философии прежде всего в концептуальном аспекте. Можно было бы продолжить

изложение его взглядов на те или иные животрепещущие вопросы человечества. Но излагать его концепции «непопулярными» категориями популярно довольно сложно. И потому я хотел бы завершить слово, начатое по восточной традиции издаелека, стихами, посвящёнными моему дорогому профессору. Пусть они будут к этой краткой статье, как божественное вино из благородного винограда.

Над тёмным лесом долго, не стихая,
Кукушечка заладила отсчет:
То ль прожитые дни мои считает,
То ль дням моим грядущим счет ведет?

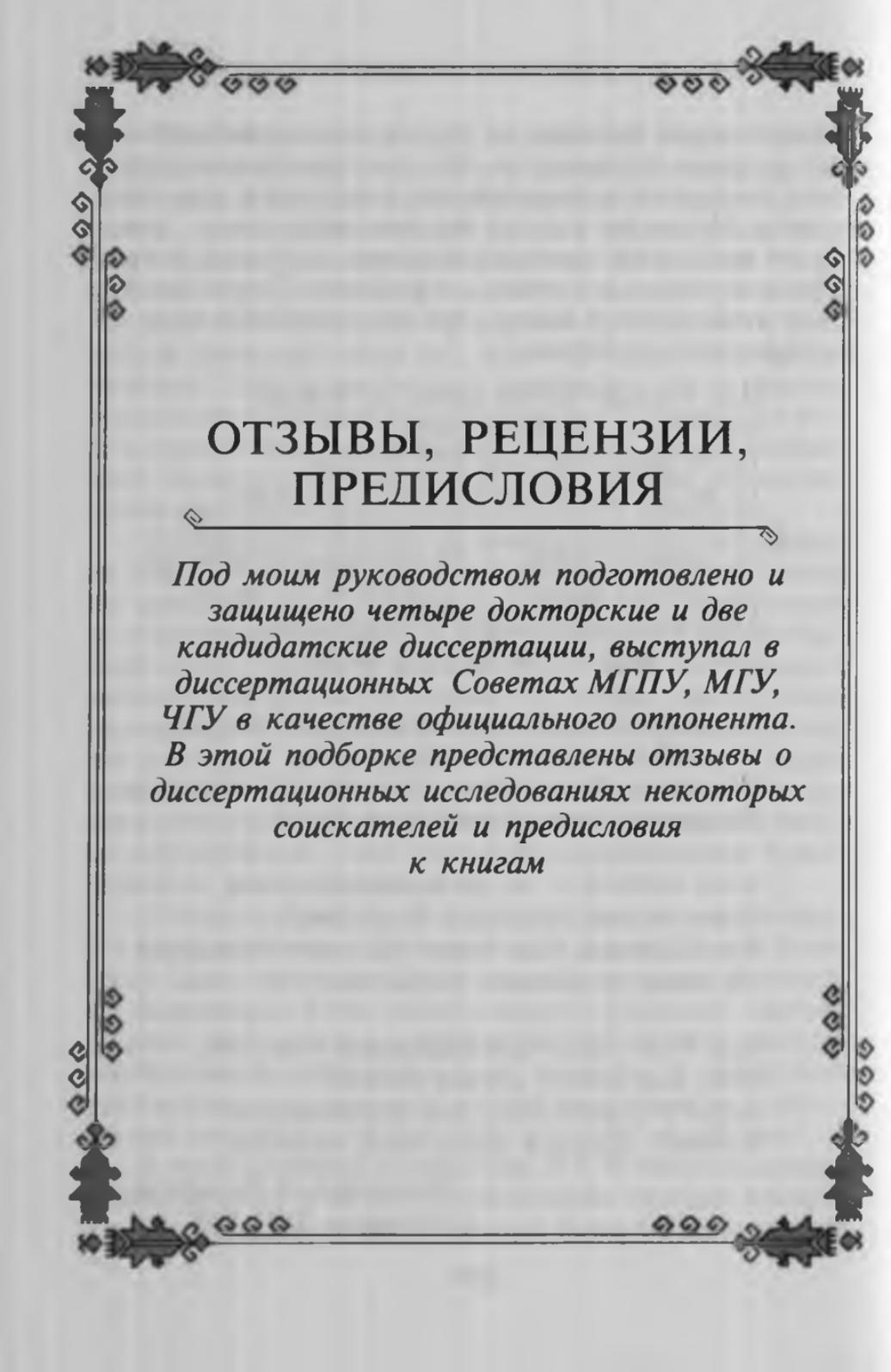
Ах, птичья грусть — ты слишком легковесна.
Ах, птичья радость — слишком ты чиста...
А время-смерч судьёю бессловесным
Сметёт меня — не будет и следа.

Остаться б стебельком хоть придорожным
От дней своих несущихся, лихих.
Вернуться бы к стихам, что дышат прошлым,
На крылышках, кукушка, на твоих.

Хочу считать — но не хватает пальцев,
Кому сулишь, кукушка благодать?
Что сбудется, что — нет, ведь все скитальцу
Не может и цыганка нагадать.

Как будто сон, приснившийся под утро
Или, как песня, спетая на сон? —
Вдруг пёрышко кукушки перламутром
Блеснёт, кружась вдоль леса, невесом...

*Аристотель из Шыгыртан.
Чебоксары, ЧГУ. 2008.*

ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ, ПРЕДИСЛОВИЯ

*Под моим руководством подготовлено и
защищено четыре докторские и две
кандидатские диссертации, выступал в
диссертационных Советах МГПУ, МГУ,
ЧГУ в качестве официального оппонента.
В этой подборке представлены отзывы о
диссертационных исследованиях некоторых
соискателей и предисловия
к книгам*

О Т З Ы В

о диссертации В.И. Ильина «Методологические и теоретические проблемы управления и эмпирические приемы их реализации»

Каждая проблема философского размышления в конечном итоге должна привести к поискам всеобщего в бесконечном разнообразии вещей. Именно на уровне философии формируются фундаментальные основания и универсалии культуры. В этом отношении постановка проблемы взаимоотношений руководителя учреждения и подчиненных ему сотрудников представляется вполне философской. В этом сомнения не должно быть. Логически оправданным является также акцент на взаимодействие руководителя с подчиненными в производственной деятельности, где диссертант, обладающий большим опытом работы с руководителями среднего звена и работниками своего предприятия, имеет большие возможности выдать соответствующие практические рекомендации.

Проблема управления была актуальна всегда. Методы, приемы, формы, подходы управления появились благодаря потребностям внутренней организации человеческого общества еще на заре цивилизации. Уже в риторике древних греков и римлян мы находим немало интересных приемов воздействия ораторов на публику. Эти приемы применительно к различным сторонам жизни общества разрабатываются сегодня в философии, логике, педагогике, психологии, социологии, что прослежено диссертантом в их исторической последовательности и с привлечением большого количества высказываний мыслителей и практических работников.

Диссертант совершенно справедливо замечает необходимость более активного включения субъективного

фактора, руководителя в процесс управления в особенности в условиях современной российской действительности, когда ослаблены региональные, межотраслевые производственные связи, недостаточно плотно налажены контакты между родственными предприятиями.

В самом деле, мы, следуя марксистской концепции исторического процесса, возвели в ранг догмы слова Энгельса о том, что общество развивается по объективным, независящим от него законам, но через сознательную деятельность людей, государств и других социальных систем, преследующих свои чаще всего несовпадающие друг с другом цели, но в конечном счете составляющие одну параллелограмму сил, которая и называется исторической закономерностью. Ведь общество, в первую очередь, должно быть саморегулирующейся системой. Следовательно, акцент должен быть сделан на перспективно нацеленную сторону вопроса, где велика роль саморегуляции, субъективного фактора, а не на стихийное развитие его глобальных перемен. Глубоко прав был Плеханов, когда писал, что люди делают свою историю вовсе не за тем, чтобы шествовать по заранее начертанному пути прогресса, и не потому, что должны повиноваться законам какой-то отвлеченной эволюции. Они делают ее, стремясь удовлетворить свои потребности.

В этом смысле нельзя не согласиться с автором диссертационного исследования, который считает, что современный уровень развития общества необходимо требует вмешательства руководства любого уровня в процесс управления, что естественный ход в развитие общества должен быть дополнен и усилен регулятивным моментом.

Управление, по мнению автора, это взаимосвязь, главным образом, руководителя учреждения, предприятия и подчиненных ему сотрудников и т.д., которая (эта связь) должна вывести на определенный резуль-

тат. Качество и количество этого результата, конечно, зависит от эмпирических форм и приемов управления, от личности руководителя, его авторитета, стиля руководства, и, самое главное, от того, насколько рационально налажен контакт руководителя с коллективом организации. Все эти названные факторы выделены диссертантом в отдельные параграфы и расположены они логически последовательно с учетом их значимости.

В чем заключается конечная цель управления производственным коллективом? Суть лежит на поверхности взгляда — это повышение эффективности, производительности труда, получение прибыли по возрастающей шкале. Т. е. за единицу времени путем интенсификации труда, используя рычаги управления производить больше и качественнее продукции, чем в прошлых циклах производства. Эта же концепция Тэйлора, которая в той или иной степени и форме работала всегда, в том числе и при социализме, и от которой государство, руководители отраслей и отдельных звеньев производства объективно не в состоянии отказаться.

Однако диссертант, не отрицая тэйлоровский принцип, на уровень активной значимости ставит принцип человеческих отношений между руководителем и подчиненными, где не на последний план, несмотря на развитый прагматизм работников в переходный период, выводит моральные стимулы.

Но нечто подобное уже было в истории. Строить человеческие отношения между руководителем и рабочими, между самими производителями пытался профессор — психолог Гарвардской высшей школы деловой квалификации Элтон Мэйо, и не лишне будет здесь это вспомнить. Он подобрал 17 молодых работниц из завода электронного оборудования, где собирали телефонные реле. Опыты продолжались 5 лет. В группе меняли продолжительность рабочего дня, освещения, отопления, перерывы, временами выдавали бесплат-

ное питание и т.д. Над ними не было ни старшего, ни мастера. Но «невидимое» руководство ставило их в пример перед коллективом всего завода. После 2,5 лет производительность труда выросла на 40%. И вдруг сразу отменили все поблажки, и тут произошло чудо: выработка продолжала расти еще в течение последних 2,5 года. Моральный стимул оказался сильнее материального!

Опыт Мэйо стал изучаться в университетах, распространяться по другим отраслям производства, появились теоретические обоснования такого успеха. Но, в конечном счете, производительность труда упала до прежнего уровня под требованиями производственных коллективов повысить заработную плату. Каков вывод? — необходимо объективно оценивать моральные и материальные потребности работников, без чего не может быть безостановочного развития производства. Диссертант справедливо считает, что только гармоничное сочетание материальных и моральных стимулов при одновременном совершенствовании производительных сил, можно добиться производственных успехов.

Для выработки у подчиненных внутренней мотивации на долгосрочный, интенсивный и высококачественный труд, необходимо организовать, создать систему, которая работала бы безотказно в любых условиях социальной среды. Такова, по моему представлению, позиция диссертанта. Эта система, то есть организация, учреждение, куда включаются и сами руководители, управляющие, конечно, должна быть в меру открытой (чтобы получить информацию из вне и обмениваться материальными ресурсами), и в меру закрытой (чтобы сохранить свою содержательную идентичность). Только при достижении такой меры коллектив может работать и при временном отсутствии руководителя. Например, запущено метро как система, и оно везет по

эскалатору всех: и здоровых, красивых, и калек, и косоглазых и т.д.

Несомненный интерес представляют положения и выводы II главы диссертации, где автор проявил себя большим знатоком проблемы личности руководителя (параграф 1), психологии руководителя и подчиненных (параграф 2) и теоретической философии, которые непосредственно выходят на практику хозяйствования в виде четких рекомендаций. Например, на стр. 68-69 автор в рамках проблемы ответственности замечает, что, кроме выполнения своих должностных обязанностей, регламентированных юридическими нормами, руководитель обязан — справедливо распределять материальные блага, — создавать необходимые условия для труда, отдыха и повышения квалификации подчиненных; — требовать обязательного выполнения задания, соблюдения дисциплины и законности; — обеспечить гласность и объективность в оценке служебной деятельности подчиненных; — быть всегда вежливым, тактичным и бескорыстным в общении, уважать честь и достоинства подчиненных, и т.д.

Далее автор конкретизирует эти общие выводы на примерах поведения руководителей разного стиля управления: демократического и авторитарного (стр. 105) и достаточно полно раскрывает их специфику, что очень важно знать руководителям всех уровней управления.

Одним из главных достоинств диссертации считаю, что ее автор, обладая высокой философской культурой, сумел органически связать теорию с практикой управления, и выполнена она самостоятельно, вложив в нее максимум творчества и ответственности.

В порядке предложения, в целях дальнейшего совершенствования работы, я бы указал следующие моменты:

— Ссылки на первоисточники и использованную

литературу должны быть оформлены в соответствии с существующими требованиями.

— Оставляет желать лучшего стиль изложения. Встречаются повторы, например, «закон диалектики гласит» — (нефилософский язык.)

— Новизну работы следовало бы сформулировать четче, по пунктам.

— «Заключению» придать законченный вид: усилить его выводами исследования.

— Выделить методологию исследования отдельным абзацем. По содержанию диссертации ею скорее всего выступает общая теория организации. Частная теория организации и управления, чтобы использовать ее с высокой степенью вероятности, должна быть основана на знании принципов действия всеобщих законов организации структурных систем. Тем более, последняя достаточно полно разработана Берталанди (общая теория систем), Богдановым (тектология как всеобщая организационная наука), Катарбиньским (праксиология), Винером, Хакеном и др.

Эти замечания и предложения не являются претензией на единственно правильный вариант решения проблем. Указанные недочеты и недоработки не умаляют значение проделанной работы. Цель исследования, поставленная диссертантом, достигнута, задачи выполнены.

Содержание автореферата отражает основные положения диссертации. Работа соответствует специальности 09.00.11 — социальная философия и отвечает требованиям ВАК, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Диссертация представляет законченное самостоятельное исследование, а ее автор Ильин Валерий Ильич заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата философских наук.

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию доктора философских наук,
профессора Э.З. Феизова «Философия»
(научное издание). Йошкар-Ола, 2011.

За последние годы в России изданы достаточно много солидных и не очень солидных учебников по философии для студентов высших учебных заведений. И это оправдано, ибо нужно было освободиться от прежних канонов и тотальной идеологизированности философии и формировать учебник, удовлетворяющий современным запросам развития философского мышления. В этом плане представленная монография Э.З. Феизова «Философия» (научное издание) выгодно отличается от всех имеющихся на сегодня учебников и научных изданий. В данной монографии прежде всего обращает внимание оригинальное построение ее структуры, куда как кроме разделов онтологии, сознания и гносеологии, требуемых ГОСТом, включены темы, граничащие с концепциями современного естествознания, где особое место отведено философскому осмыслению проблем космологии. Следует также отметить, что изложенный в монографии теоретический материал не есть отрицание диалектического материализма, но проблемы, традиционно выносимые в программы вузов, даны в новом концептуальном видении, что вызывает живой интерес студентов и преподавателей.

Э.З. Феизов — один из ведущих философов в области теории познания в России. В монографии большой интерес представляют разделы, посвященные проблемам философской теории психической причинности.

Психофизическая проблема есть проблема единства души и тела, мозга и психики, представляющих собой взаимоисключающие реальности. Нельзя не согласиться

с автором монографии, где утверждается, что психика, какой бы ни казалась она сложной и сверхчувствительной, по своей кодовой структуре приравнивается к обычным формам отражения. Идеальность не является помехой для включения психики в цепь причинных связей материального мира, ибо её реальность порождается лишь ситуацией относительности. Совсем иначе выглядит психика в другой системе наблюдения. Любое изображение, в том числе и психическое, реально в той мере, в какой оно воплощено в структуре, кодирующей его содержание. Именно в качестве кодовой структуры информации и выступает психика как реальный фактор организации поведенческих актов. Для философской трактовки данного концепта автор широко использовал потенциал методологий, «работающих» на стыке таких наук, как психология, нейрофизиология, физика, теория относительности, квантовая механика, которые до сих пор не были задействованы в изучение психофизической проблемы.

Человек остаётся философом, пока ставит перед собой вопросы о смысле жизни и строения мироздания, и каждый крупный философ в этом вопросе имеет свою точку зрения. Французский философ Э. Вэйль совершенно справедливо заметил по этому поводу: «люди забудут философию, не будут философствовать, если поверят, что они достигли этот смысл жизни и тайны Вселенной или станут сомневаться в том, что они существуют». К счастью никто из смертных ещё не постиг этого смысла, и уверен в том, что этот смысл существует. И, на самом деле, нет в нашей жизни более глобальной, значительной, непреходящей проблемы, чем проблема разгадки тайны Вселенной и места человека в ней. И в этих вопросах Э.З. Феизов имеет свою позицию.

Современность требует выработки нового философского видения мира. Это означает, во-первых, что

необходимо выбрать привилегированную «систему отсчёта», с позиций которой должен описываться мир. Если философия определяется как отношение человека к миру, то выбор падает на эгоцентрическую систему отсчёта. Философ должен представить структуру и динамику мира так, как его видит и понимает человек. Теперь не только философы, но и физики описывают сценарии расширяющейся Вселенной с учётом присутствия человека-наблюдателя. Такой антропный принцип в космологии продиктован объективными потребностями познавательного процесса.

Познающий человек не только отражает и понимает мир, но и обратно проецирует своё представление на внешний мир. Это неравнозначно субъективизму. В отношении человека к миру существует «объективный срез». Человек воспринимает мир не только с позиций той или иной теории, но и через призму своих переживаний. Надежды и страх смерти породили легенды и теории о всемирном потопе, тепловой смерти Вселенной. Проблемы бессмертия и отношение человека к конечности своего существования являются вовсе не случайными. Они достойны специального философского исследования.

Отношение человека к миру не сводится к понятиям и переживаниям. Есть ещё один аспект, может быть, даже более важный. Это — проекция воли, личности на Вселенную. Речь должна идти о создании третьей формы реальности, представляющей собой продукт объективации сознания и воли человека. В сферу всех трёх аспектов отношения к миру входит также и отношение человека к самому себе и к себе подобным.

Одним из достоинств монографии является умение автора излагать сложнейшие вопросы философии доступным, популярным языком. Иллюстрации, составленные самим автором и извлеченные из других науч-

ных изданий, зримо конкретизируют поставленные в книге проблемы и составляют неотъемлемую ее часть.

Считаю, что представленную монографию Э.З. Фелизова «Философия» можно предложить в качестве учебника для студентов нефилософских факультетов.

*Н.А. ИСМУКОВ, доктор
философских наук, профессор*

ОТЗЫВ

о диссертации Н.Н. Гаврилова
«Экстраполяция категорий общего и особенного
на проблему социокультурного развития
марийского народа»

И в прошлой истории страны, и в современной российской действительности национальная проблема была и остается самой сложной и всегда актуальной, поскольку она непосредственно и ежевременно затрагивает наши экономические, политические, социокультурные интересы и тонкие сосуды национальных чувств. Национальный вопрос не может быть разрешен в абсолюте никогда, пока мы живем в полиэтническом государстве, хотя об этом со всей решимостью было заявлено в бытность СССР и была поставлена стратегическая цель превратить все нации и народности Союза в единую интернациональную общность — «советский народ». Но задача преодоления возникающих конфликтных ситуаций между народами и сохранения их целостности не снята и сегодня, когда в составе РФ остались в основном лишь так называемые «малые народы», такие, как мари, мордва, чуваша, башкиры, татары и т. др. Национальный вопрос — спящий вулкан, который может проснуться в любое время, и потому мы должны быть всегда готовы к

нему, или же, по возможности, предупредить его извержение.

Диссертационное исследование Н.Н. Гаврилова «Экстраполяция категорий общего и особенного на проблему социокультурного развития марийского народа» в этом плане остро актуально и в теоретическом, и в практическом смысле: найти вектор прогрессивно-однонаправленного общего в национальных отношениях и одновременно сохранить самоидентичность наций и народностей, населяющих современную Россию, т.е. то особенное в этносоциальной сфере, которое отличает одну нацию от других. Где мера открытости к общему и закрытости в особенном? Именно эта сложнейшая проблема рассматривается автором диссертационного исследования на конкретном примере экономического, политического и культурного развития марийского народа. И, забегая вперед, надо сказать, что диссертация настолько богата конкретным материалом, что выводы сами напрашиваются на уровень «само собой разумеющегося», самоочевидности, что доказывает практическую фундаментальность и теоретическую состоятельность представленного исследования.

Наиболее адекватным методом исследования проблем наций и национальных отношений выступают категории единичного, особенного и общего. Однако диссертант не ограничивается лишь названными категориями. Как методологическую основу анализа проблемы он широко использует конкретно-исторический принцип, и это вполне оправдано, поскольку объект исследования в его становлении и развитии требует поэтапного исторического подхода. И особо важно подчеркнуть, что автор не просто экстраполирует разработанную уже философами методологию диалектики единичного, особенного и общего, теорию нации и конкретноисторического принципа на проблему со-

циокультурного развития марийского народа, но и пропускает ее сквозь строй других категорий, как «целое и части», «целостность», «отдельное», «абстрактное и конкретное», и, далее, соотнеся их между собой создаст богатый и довольно совершенный инструментарий познания закономерностей и особенностей развития наций и национальных отношений. Он позволяет обнаружить «расстройство» равновесия частей в целостности, указать пути приведения их в систему, ведущих к новому порядку развития.

Считаю, что посвящение целой главы диссертации разработке методологии исследования не только оправданным, но и логически необходимым, ибо чем сложнее предмет, каким является национальная проблема, тем совершеннее должен быть инструмент исследования. Кроме того именно здесь диссертант показал себя как специалист, обладающий высокой философской культурой, а практики и знания проблем наций вообще, и, в частности, народа мари у него не занимать.

Диссертант всесторонне, скорпуплезно, анализируя все периоды истории развития марийского народа, выявляет то общее, которое объединяет народы, и вычленяет то особенное, которое присуще только мари в сферах ее экономики, социальной структуры, государственности, материальной и духовной культуры. Этому посвящена вторая глава диссертации. Оно состоит из четырех параграфов. Логическая последовательность их расположения сама по себе говорит о том, что автор четко владеет проблемой структуры социальной философии, ее категориями и принципами. В каждой сфере жизнедеятельности марийского народа, начиная экономической (§ 1), социальной (§ 2), государственной (§ 3), духовной (§ 4), он проводит операцию экспликации с целью выявления этносных особенностей родного народа. Диссертант совершенно справедливо отмечает, что общие экономические осно-

вы народов России ни в коей мере не могут снимать самоидентичность мари в культурной сфере. В отличие от тех аналогичных, но уже устаревших по своим мировоззренческим позициям работ, с которыми мне пришлось сталкиваться в ходе подготовки данного отзыва, представленная диссертация отличается своей многоплановостью, современным взглядом на происходящие ныне процессы в социальной структуре наций и в национальных отношениях, неразрывным единством теории и практики. Автором поднят огромный пласт имеющейся исторической и современной литературы, статистических и оперативных данных из истории развития марийского, чувашского, мордовского и других соседних народов, а также представляющий целевой интерес фактический материал родственных мари финно-угорских национальных меньшинств, многие из которых для нас являются совершенно неизвестными.

Философия есть константная, всевременная идеология общества, но не в плане экономических и политических интересов классов, а в плане определения места человека и роли общества в мире. В этом отношении особо хочется отметить объективность идеологической платформы автора. Разделяя историю становления марийского народа как нации на отдельные периоды по формационному принципу и не умаляя ни один из этапов ее этносоциокультурной эволюции, не выступая приверженцем того или иного социально-экономического строя, он сохраняет объективный, истинно философский к ним подход: для него единственным критерием оценки названных исторических эпох является наличие или отсутствие в них прогрессивных национально-специфических и общечеловеческих ценностей. И этот аксиологический срез диссертант последовательно проводит на основе фактического материала развития марийской нации на протяжении всего диссертационного исследования.

Экстраполировать взаимосвязь категорий единичное, особенное и общее на некоторые сферы жизнедеятельности нации не так уже просто, как, например, в сферах политики и государственности. По ряду обстоятельств, конечно, здесь больше интернационально-общих черт, нежели национально-специфических. Другое дело, если одна нация размещена на территории одного государства. Кстати, Фихте, Кант, да и великий Гегель считали такое государство идеальным, против их концепции я бы не посмел выступать.

Тем не менее Николай Никандрович находит и в этом социальном феномене особенности национально-государственного устройства мари (с. 87-в функциональном наполнении института президентской власти; в количественном и этническом составе, пропорции депутатов, избираемых по одномандатным и республиканскому избирательным округам; с. 88-в распределении полномочий и характер отношений между Президентом к Государственным Собранием; с. 89 — в порядках формирования республиканской Прокуратуры и т. д.).

Однако больше всего национально особенных моментов, которые наиболее ярко представляют «лицо» нации — в ее духовной культуре. Диссертант, прослеживая историю культурного прогресса марийского народа, особо останавливается на противоречивой ситуации конца 80-х и начала 90-х гг. XX века и на современном его состоянии. Нельзя не согласиться с выводами автора о том, что в конце 80-х начала 90-х гг. несмотря на кризис экономики, политики, духовности, охвативший распадающегося СССР, в Марийской республике в ряде сегментов духовной сферы наметилась тенденция прогрессивного развития духовной культуры. Это касается прежде всего приобщения лиц марийской национальности к изучению родного языка, истории, традиций и обычаев, которое при всех формальных

подходах все же имело положительную динамику в плане достижения гражданами-мари глубокого понимания этнокультурных основ марийской национальности (с. 106). Современный этап духовного развития народа мари, характеризующийся симптомами культурного ренессанса, демонстрирует богатый и во многом еще не раскрытый потенциал сущностных сил марийского этноса (с. 106).

Необходимым условием дальнейшего этнокультурного развития марийского народа является расширение и углубление экономических, политических и культурных связей с близкими по языку, обычаям и традициям, особенностям психического склада этносами. В этом плане диссертант не мог оставить в стороне проблему сотрудничества с финно-угорскими народами России и Зарубежья, которых прежде всего объединяет чувства их принадлежности к одной языковой группе и связи в области культуры, литературы, искусства и сотрудничество в сфере гуманитарных наук.

Согласно социально-философской теории наций, малые народы в полиэтносном государстве могут сохранить свою самоидентичность и развиваться благодаря наличию собственной территории и государственности, юридически закрепляющих правовой статус малого народа, системы хозяйствования, обеспечивающей материальные потребности этноса, единого языка и культуры, национальной идеологии (но не националистической), сплачивающей этническую общность и др. Учитывая эти и другие требования, диссертант в своей работе отмечает положительные моменты и негативы, которые имели место в разные периоды истории малочисленных народов финно-угорской языковой группы, населяющих современную Россию.

Экспансия на малые народы, если не силовая, так духовная со стороны более многочисленных и лидирующих имела место всегда. Каков выход? Автор пред-

лагает единственно правильный путь выживания этих народов — это расширение и углубление связей между ними во всех областях жизни, с одной стороны, а с другой — дальнейшее укрепление единства финно-угорского мира с марийской нацией. Николай Никандрович прекрасно, детально владеет современной ситуацией международного сотрудничества марийского народа с другими финно-угорскими народами, поскольку он находится в гуще этих событий и является одним из деятельных организаторов их консолидации, и потому его рекомендации относительно взаимодействия не только с финно-угорами России, но и Зарубежья научно обоснованы и реально выполнимы.

Несколько замечаний в виде предложений для дальнейшей работы:

— не допускать разночтения концептуального содержания категорий «отдельное», «единичное», «особенное», «общее», «целое» и «целостность»;

— цифровой, статистический, фактический материал для теоретической в целом работе избыточен.

Подытоживая вышесказанное, необходимо подчеркнуть, что поставленные в диссертации задачи решены в полном объеме, исследование осуществлено на высоком методологическом и научно-теоретическом уровнях. Диссертационная работа представляет собой самостоятельное и логически завершённое научное исследование. Основные положения диссертации представлены в публикациях автора. Автореферат полностью отражает содержание диссертационной работы.

17.06.2009.

ОТЗЫВ

о диссертации П.Н. Светлова
«Традиции как проявление исторической
преемственности»

Прошлое имеет больше авторитета, чем настоящее. А традиции — это прежде всего идущие из прошлого ценности, дошедшие до нас в отшлифованном веками виде и направленные в наше будущее. Здесь и выступает преемственность как непрерывный процесс передачи норм общежития из поколения в поколение. И ни одна из норм аксиологических моментов не должен быть потерян на этом длинном историческом пути, если народ хочет сохранить свою самоидентичность. Актуальность избранной проблемы скорее всего диктуется именно этим глубоко экзистенциальным фактором.

Traditio — слово латинское, что означает передача, преемственность. Оно есть исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, порядки, правила поведения. Диссертант назвал свою работу «Традиции как проявление исторической преемственности». С этимологической позиции на первый взгляд как будто получается тавтология. Но автор нашёл совершенно справедливое интерпретирование традиции и преемственности, где традиции выступают в статическом в определённых пространственно-временных рамках состоянии процесса, а преемственность — как динамику, непрерывность сообразно истории движения. Данный взгляд, выраженный диссертантом выигрышно отличается от тех точек зрения, которые представлены в историческом экскурсе работы.

Первая глава диссертации посвящена определению места и значения традиции в системе духовной культуры. Автор сформулировал параграфы данной главы

научно выдержанно и логически последовательно. В начале диссертант проводит достаточно обстоятельный экскурс в историю становления категории традиции этноса, затем переходит к раскрытию содержания традиции как явления духовно-практического отражения. С названными задачами диссертант справился достаточно успешно, и пересказывать изложенное не представляется необходимым. Но мне хотелось бы обратить внимание на узловые моменты, которые акцентированно представлены автором. На проблему развития категории традиции автор смотрит глазами не философа-историка, а историка-философа. С одной стороны такой подход оправдан, ибо традиции в подавляющем большинстве своем идут из глубины веков, а новые традиции становятся достоянием истории, которой принадлежит также и настоящее. С другой стороны, акцентировать внимание на предмет исторической науки так же логично, либо объект исследования необходимо требует применения метода конкретно-исторического подхода, который и выделен в работе как один из главных принципов исследования традиции этноса. В порядке предложения можно рекомендовать диссертанту, что в данной главе по логике постановки вопросов должны были найти отражение те или иные взгляды, позиции тех авторов, которые были названы в части «Степени разработанности проблемы».

«Традиции в системе духовной культуры» — глава диссертации. Автор в текстовой части работы стремился определить место и историческое предназначение традиции в обществе в целом. Не лучше ли было сначала очертить пространство духовной культуры, что облегчило бы поиск места и роли традиции вообще и этносной традиции в частности.

Достаточно насыщено и содержательна глава вторая диссертации. Автор здесь высказывает свою точку зрения, определяет свои позиции к поставленной про-

блеме. Интересна постановка вопроса сочетания стабильности и вариантности этнических традиций в культуре вообще, в том числе и материальной. Диссертант совершенно справедливо отмечает, что в эпоху всеобщей урбанизации сохранить традиции чрезвычайно сложно, и спасти лицо этноса, его самоидентичность может только генная, заложенная в некотором кодовом образе картина мира в её поливариантности, принадлежащей истории нации. И только в этом плане можно говорить о стихийном процессе сохранения традиций следующими поколениями. Смысл преемственности традиций заключается прежде всего в отливке, воспроизводстве и передаче обкатанных, проверенных, надёжных форм деятельности и, причём, необязательно осознанным путём.

В этой деятельности лучшим селектором и систематизатором является жизнь сама по себе, возрастные особенности общества в целом и индивида в частности. Несмотря на давно укоренившееся мнение, становление, да и рождение традиций, изначально было связано с творческой потенцией человека и общества. Сказанное не перечёркивает того, что в становлении традиций весьма существенна роль объективных условий. И поэтому, как полагает автор, в этом процессе одинаково значимы и субъективные и объективные начала.

Обращает на себя внимание, где диссертант подчёркивает, что компоненты традиции закрепляются в фольклоре. Эта весьма ценная мысль развёрнуто и обстоятельно представлена им во втором параграфе последней главы исследования.

Фольклор в течение столетий был единственным средством, с помощью которого народ мог сохранить в своей памяти, передавать из поколения в поколение всё знаменательное, что случилось в его истории. Отсюда и характерная черта фольклора — его историзм,

насыщенность фактами и событиями, имевшими место в действительности. По фольклору мы можем восстановить и образ жизни народа в те или другие периоды его истории, и то, как менялись представления народа об окружающем мире, о добре и зле, — иными словами, его философию, его этику... Устное народное творчество являлось и единственным видом художественного слова. Оно воспитывало эстетический вкус народа, создав сокровищницу разнообразных по своим жанрам произведений.

И здесь уместно было бы для конкретики опираться на традиции какого-либо народа, к примеру, чуваш. Однако автор несколько по иному представляет свою проблему. Он отошел от надоедливых, обыденных примеров, кочующих из диссертации в диссертации, и выдает свое исследование в рамках лишь строгой философии.

Диссертант совершенно справедливо подчеркивает концептуальную разницу между традицией и преемственностью. Но сравнение их в аспекте объема смысла, несмотря на многочисленные ссылки на авторитетов выглядит не совсем убедительно. Общество берёт из прошлого не все традиционные элементы, а только те, которые соответствуют идеалам и потребностям приходящему ему на смену новому общественному строю. Это общеизвестно.

Несмотря на достаточный высокий философский уровень диссертационного исследования, в нем имеются и некоторые недоработки.

Актуальность темы диссертации обоснована недостаточно полно. Это я объясняю тем, что для автора она, видимо, лежит на поверхности взгляда, на феноменальном уровне. Однако столь важная проблема как роль традиции в сохранении самоидентичности этносов в современной российской этносоциальной действительности, требует всесторонней, основательной

философской окантовки именно в части Введения, а не в пространстве всей работы, хотя и такой подход методологически вполне мог быть оправдан.

Автор достаточно основательно изучил имеющуюся литературу по проблеме диссертации, поднял целый пласт зарубежных и отечественных исследований. Однако слишком частая ссылка на первоисточники по малозначительным проблемам аморфизирует, смазывает стратегически важную идею темы.

Отмеченные недочеты не влияют на общую положительную оценку кандидатской диссертации П.Н. Светлова, которая по своей актуальности, степени обоснованности основных положений, практической значимости полностью соответствуют требованиям, предъявляемым ВАК к кандидатским диссертациям.

Логическая последовательность, достаточно продуманная философская основа, исследование философских, исторических и социально-психологических категорий в их совместимом единстве даёт основание утверждать, что диссертация написана достаточно зрелым исследователем.

Основные положения работы представлены в публикациях автора. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации.

Все это позволяет сделать вывод, что автор диссертационного исследования «Традиции как проявление исторической преемственности» Светлов Петр Николаевич заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 социальная философия.

28.05.2011.

ОТЗЫВ

о диссертации Г.С. Федорова
«Диалектика взаимоотношения политической
и частной морали»

Не только на уровне обыденного сознания, но и в научно-философской литературе превалирует мнение, что политика и мораль изначально находились в состоянии несовместимости, противоречия. Еще китайские легисты говорили о том, что названные феномены «не смешивались никогда — как масло и вода», а Макиавелли довел эту мысль до логического конца. Так ли это на самом деле?

Г.С. Федоров в своем диссертационном исследовании, удачно и адресно используя диалектику как методологию исследования, приходит к выводу, что политическая и частная мораль одновременно и противоречивы и совместимы, и гетереномны и конгруэнтны. Но больше всего он акцентирует внимание на момент их конгруэнтности, нежели на их различие и противоречие, что, по мнению диссертанта, должно обеспечивать самый приемлемый, эволюционный, без катаклизмов, без скачков и кровавой революции путь развития человеческого общества.

Именно этим гуманным стремлением руководствовался Г.С. Федоров при выборе проблемы своего диссертационного исследования. К этому подтолкнуло его и тот факт, что в современной российской действительности моральные ценности отодвигаются на периферию духовности, что политическая мораль пронизана болезнью нарастающего прагматизма. Погоня за материальным благополучием любой ценой, стремление к личному обогащению вслед за властной политической структурой распространилось на все слои общества. Именно эти изменения заставили автора, как учено-

го-политика, взяты за столь непреходящую и востребованную временем проблему.

Как известно, формально мораль есть совокупность приоритетных, повелительных всеобщих нормативных положений, некоторый стандарт жизнедеятельности людей, и начинается она там, где ценностная оценка происходит исключительно на основе самообязывания. Вот здесь-то и выступает проблема формирования нравственной потребности, будь она представлена будет в политической, правовой, эстетической, да и философской направленности.

Что в наших поступках нравственно или безнравственно? Они, конечно, дихотомически противоположны, но как поставить между ними демаркационную границу, где размещается мера? Если за нравственное принять «белое», то безнравственные — это «черное». Но между «белым» и «черным» лежит целый спектр цвета. Представляется, что таким извечным мерилom наших поступков является совесть, которая должна присутствовать в сознании как «простолюдия», обычных граждан, так и в сознании политических деятелей властной структуры. Состояние относительной конгруэнтности политики и морали, политической и частной морали может быть достигнуто только на основе совести — внутреннего регулятора поведения личности. А в отношении политиков, видимо, достаточно будет ограничиться словами, что весовщик, который держит в своих руках весы, не чувствует собственного веса... Совесть, с одной стороны, выявляя различия противоположностей, разводит «белое» и «черное» по дуэльным сторонам, с другой, снимая с них агрессивность, определяет пространство праксиологической деятельности людей.

Раскрывая истоки и концептуальное содержание политической и частной морали, диссертант отмечает, что феномен частной морали складывается и функционирует в основном на уровне обыденного сознания,

общественной психологии и эмпирических знаний, в то время как мораль политическая разрабатывается на теоретическом уровне и предлагается в ипостаси господствующей идеологии. Политическая мораль претендует на роль диктата, лидера над всей общественной моралью, загоняет ее в одно русло, которое должно отвечать прежде всего интересам государства и власти.

В диссертации фактически исследуется проблема диалектики политической и частной морали: каково их соотношение, как они взаимодействуют друг с другом, какова степень их взаимообусловленности в ту или иную историческую эпоху, насколько они конгруэнтны и могут прогнозировать дальнейшее развитие этого феномена. К решению этих задач автор подходит с двух сторон: аксеологической и праксиологической. Нравственная оценка политики происходит не в абстрактных символах, а в конкретно-исторической действительности. Аксиологичность политики и морали связана с пониманием личностью их полезности, утилитарности.

В диссертационном исследовании автором проведен обстоятельный анализ имеющейся зарубежной и отечественной литературы с античных времен до сегодняшнего дня, где прослежено изменение социокультурного контекста морали вообще, политической и частной ее сферы в частности, что конспективно определяет тот идеал, который должен быть в отношениях частной и политической морали. Сравнивая меру соотношений частной и политической морали в различные исторические эпохи, автор отмечает, что последняя традиционно выполняла регулятивную функцию отношений между властью и гражданским обществом внутри страны, а также между государствами, а частная мораль обеспечивала относительную независимость личности от внешней среды, политико-правовых факторов и мыслится она как сфера самоопределения личности. А с конца XIX в., начиная с Постмодернизма, который породил

структурно и функционально (диверсифицированное) смешанное (спутанное) общество с радикального изменившимся институтом семьи, семейного воспитания, апелляции к индивиду, к чувству личного достоинства, совести оказались малоэффективными.

В работе предлагается выделить три параметра взаимосвязи политической и частной морали: конгруэнтность, гетерономию и утилитаризм. Каждая из этих разновидностей взаимосвязей имело место в истории развития человеческого общества и оказывали позитивное или же негативное воздействие на духовно-практическую деятельность людей.

Оценивая в целом накопленные моральные ценности современной российской действительности, автор обращает внимание на те негативные мотивы, которые должны быть преодолены в ходе построения демократически-правового государства. Демократия осталась творчеством единиц. Вместо партийного плюрализма в настоящий момент действует финансово-государственный олигархизм, вместо рыночной конкуренции — мафиозно-государственный карпоративизм, вместо мониторингового хозяйства — бартерно-валютная экономика, вместо правового государства — фискально полицейский произвол. Высказывание достаточно смелое и резкое, но справедливое. Вместе с тем в работе указывается должное состояние конгруэнтности частной и политической морали, которое достижимо при условии сохранения и развития таких политико-этических ценностей, как социальная справедливость, свобода, ответственность, благо, добро, совесть и т.д.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что за дальнейшее исследование данной проблемы взялся государственный деятель, политик российского уровня, который, находясь в структуре власти, на практике усвоил основные принципы политической и частной морали, и ему, обобщая историю и современность, под силу вывести век-

тор их взаимодействия. И здесь, как подтверждение сказанному, уместно было бы привести слова одного из ярких мыслителей XVIII в. Антуана де Ривароля. «Известно, — писал он, — что движение других планет с Земли кажется неправильным и хаотичным. Дабы в полной мере оценить упорядоченность мироздания, следует мысленно перенестись на Солнце. По той же причине частное лицо судит о государстве, в котором живет, куда более ошибочно, ежели тот, кто входит в правительство». И в этом плане нелишне добавить слова великого грека Платона, что во главе государства должен стоять философ, которому в большей степени, чем остальным, известна мера частной и политической, государственной морали. И потому совершенно логично, что для объективной оценки исторической ситуации в области политической и частной морали автор выбрал одну, единственно безупречную из всех привилегированных точек отсчета, а, именно, философскую.

Как известно, предела совершенства нет. В порядке предложения я бы хотел посоветовать автору усилить ту часть работы, где исследуется проблема соотношения диалектики частной морали, политики и права. Диссертация лишь выиграла бы в конкретике, если автор как можно шире привлекал труды не только отечественных и зарубежных авторов, но и достаточно весомые исследования членов нашего Диссертационного совета.

В заключении следует отметить, что поставленные автором цели и задачи исследования решены на высоком научно-теоретическом уровне и с аргументированной полнотой. Диссертация представляет собой содержательный, в научном плане интересный труд, который свидетельствует о достаточно высокой философской культуре Г.С. Федорова.

14.06.2010

ОТЗЫВ

о диссертации А.Е. Решетовой
«Здравый смысл в контексте философского
знания»

Здравый смысл. Нет важнее в нашей повседневной жизни этого порока, который ведет нас по единственно верному пути и не дает свернуть в пропасть человеческой трагедии. Несмотря на нередкую глупость правителей, он оберегает нас ежечасно, ежевременно, предупреждая от нелепых поступков. В истории человечества не было ни одного научного открытия, в основе которого не была бы надежность здравого смысла, именно он открывает нам двери в пространство теоретического мышления. И эта открытость, самоочевидность, всевременность, непреходящесть проблемы необходимо требует не только философского обобщения, но и определения места и роли здравого смысла в философском знании. Мы все еще традиционно понимаем и принимаем феномен здравого смысла как нечто не заслуживающего внимания объект исследования. Серьезных, фундаментальных трудов на уровне современной строгой философии крайне недостаточно.

Оценивая с названных позиций диссертационное исследование Решетовой А.Е., следует сказать, оно есть серьезная попытка преодоления того пробела в общем ряду философских исследований, которая образовалась в отечественной специальной литературе, и заострить внимание философской общественности на проблеме всеременно пульсирующего в нашей жизни здравого смысла. Хочется заметить, что и стройное логическое построение структуры диссертации также продиктовано прежде всего здравым смыслом.

В первой главе диссертационного исследования автор прослеживает эволюцию становления понятия

здорового смысла, затем, соотнеся здравый смысл с обыденным сознанием, вычленяет его в отдельную категорию и определяет демаркационные (когнитивные) границы логики здравого смысла, его гносеологическую состоятельность.

Проводя исторический экскурс по источниковедческой базе, диссертант достаточно полно освещает взгляды Аристотеля, Прайса, Купера (впоследствии графа Шафтсбери), Гольбаха, Канта, Клода Бюфье и др. Интересна жизненная позиция Гегеля. Для него лишенный здравого смысла человек, перестает быть человеком, в чем мы убеждаемся его переменчивым отношениям к Гельдерлингу. «Каждый из философов идет дальше здравого смысла, ибо то, что обыкновенно называют здоровым человеческим смыслом не есть философия нечасто гораздо менее здрав, чем последняя». Нельзя не согласиться с Великим. Диссертант особое внимание уделяет концепции Томаса Рида, представителя шотландской школы, фактически основоположника философии здравого смысла. Автор совершенно справедливо заметил, что Т. Рид первым из философов ввел мир повседневности в сферу философского дискурса. В анализе имеющейся литературы по данной проблеме ценно то, что автор на основе критически-конструктивного подхода определяет свое, авторское, отношение к ним и дает свою дефиницию здравого смысла (с. 51).

Особенно продуктивен второй параграф первой главы, где проводится операция соотношения здравого смысла и обыденного сознания как части и целого.

Как отмечает диссертант, во многих фундаментальных исследованиях здравый смысл проходит как обыденное сознание. Он проявляется в этом ракурсе как непосредственно-практическое мышление, которое выполняет функцию ближайшего ориентира индивида в окружающем мире и социальной действительности. В этой модификации здравый смысл предстает как нор-

мы и правила поведения, рецептов практической деятельности, традиций, обычаев. На стр. 84 автор дает свое видение этой проблемы, выясняет феномен здравого смысла из того, что он является гносеологическим образованием, относящимся в основном к обыденному уровню сознания, и он имеет различные модификации в зависимости от его проявления в тех или иных формах общественного сознания: политической, правовой, нравственной, эстетической и т.д. Мне представляется, что здравый смысл присутствует не только во всех формах, но и на всех уровнях общественного сознания.

Диссертант достаточно аргументировано выступает против отождествления здравого смысла с обыденным сознанием и подчеркивает качественную характеристику обыденного сознания, его стихийно-эмпирическую природу, которая позволяет отличать его от научного уровня сознания. А здравый смысл в деференте обыденного сознания выступает как его ядро, организационное начало, как радио-айсберг в безбрежном океане обыденного сознания.

Однако нельзя не согласиться и с утверждением автора в отношении неправомерности наделения здравым смыслом все обыденное сознание (с. 97), ибо здравый смысл представляет собой неформальный критерий рациональности обыденного мышления, познания. Действия, оценки, которые противостоят нереальному, неразумному, и тем компонентам общественной психологии, которые находятся на «глубинных, темных, неосознаваемых» (Фрейд) слоях психики.

В диссертационной работе несомненный интерес представляет проблема соотношения здравого смысла с народной мудростью, которая в нашей философской литературе еще не проработана на уровне концептуализации. В этом плане автору хочется пожелать продолжить исследование столь знакомой на первый взгляд, но сложной и не изученной темы на конкрет-

ных примерах духовной культуры народов, ибо народная мудрость является тем ключевым звеном, где обыденное сознание достигает той вершины обобщения, за которой следует переход к теоретическому уровню общественного сознания. В мудрости народной — предельная емкость, многослойность и вес каждого слова, экономия каждой мысли, точность и значительность деталей и неслучайность каждой детали в стихийном сплетении здравого мышления. Здравый смысл находит свою рациональность именно в народной мудрости, которая в свою очередь дает духовную пищу специализированным формам общественного сознания, и, прежде всего, философии.

Хотя человечество живет здравым смыслом, оно устремлено на познание мира вещей и социальных отношений на уровне науки, теории. Если здравый смысл ограничивается в основном внешней видимостью вещей, зафиксированных в абстрактных определениях, то научно-теоретическое познание воспроизводит внутреннюю суть этих вещей во всей его целостности посредством научных понятий. На этом пути барьерной преградой стоит консерватизм здравого смысла, канонизация некоторых его обобщений, которая преодолевается дальнейшим развитием науки и практики. Диссертант проиллюстрировал этот процесс конкретными примерами из истории развития естественнонаучных дисциплин, такими, как физика высоких энергий и делимость элементарных частиц, (против которой, кстати, выступал Менделеев), квантовой механики, теории относительности Эйнштейна и т.д. И автор совершенно справедливо заключает, что «отторжение здравым смыслом новых открытий и теорий коренятся в том, что здравый смысл считает непосредственный опыт, из которого он черпает содержание своим представлениям, завершенным, в то время как этот опыт, в основном, неизбежно ограничен» (с. 117). Однако,

как мне представляется, эта историческая ограниченность снимается самим же здравым смыслом. Между «вещью в себе» и «вещью для нас» нет никакой разницы. Разница есть лишь между познанным и еще не познанным. Я применил здесь слова одного из ярчайших представителей марксистской философии, концепции которой достаточно широко привлекаются в диссертации. Это своего рода дань исторической правде и исторической справедливости.

Значение теоретического мышления в познании мира велико, но абсолютизировать его, поднимать на недосыгаемый пьедестал почета, как отмечает автор — неправомерно. Ибо мы строим свою жизнь с начала до конца здравым смыслом. Даже перейти улицу, наполненную мчащимися машинами, без здравого смысла мы не в состоянии.

Во втором и третьем параграфах второй главы диссертации автор рассматривает здравый смысл в контексте общих принципов философии и раскрывает содержание здравого смысла с точки зрения аксиологического прагматизма.

Истоки философского знания как особой формы научного знания сформировались еще в античной древности. Размышления людей о мироздании, жизни и смерти, смысле жизни, истине и справедливости с точки зрения здравого смысла легли в основу первых философских построений.

Диссертант, полемизируя с авторами солидных и популярных изданий в отношении противопоставления философии и здравого смысла (Генрих Волков) совершенно справедливо отмечает, что и противопоставление, и отождествление этих двух феноменов не могут быть оправданы. Философия становилась не в борьбе с обыденным сознанием, здравым смыслом, а на их плечах. И потому роль и место здравого смысла в философии и философском обосновании необходимо рас-

крывать в позитивном плане, а не в плане отрицания его значения и непреходящей ценности. Именно посредством здравого смысла разрабатываются первые критерии определения аксиологического ценза разрабатываемых проблем и осуществляется отбор социально значимых фактов, на основе обобщения которых складываются опережающие, антиципирующие принципы отражения действительности.

Выполненная диссертационная работа представляет собой самостоятельное и завершенное исследование. Логическая последовательность, достаточно четко продуманная философская основа, использование философских, социально-психологических категорий в той мере, которой требовалось, позволяет заключить, что диссертация написана философски зрелым исследователем.

Отмечая достаточно высокую философскую культуру автора, следует отметить, что в диссертационном исследовании имеются некоторые недочеты, недоработки, которые в ходе дальнейшей разработки проблемы могут быть устранены без особого напряжения.

Назову некоторые из них. Автор основательно изучил имеющуюся литературу по проблеме диссертации, поднял целый пласт исследований зарубежных и отечественных авторов. Она не ограничивается лишь изложением их позиций, а определяет свое, четкое авторское отношение к ним. Однако слишком частая ссылка на первоисточники по малозначительным вопросам смазывает стратегически важную идею темы, проводимой автором через всю диссертацию. Имеются повторы в изложении материала и некоторые не совсем научные обороты речи.

Однако отмеченные недоработки не влияют на общую положительную оценку диссертации А.В. Решетовой которая по своей актуальности, степени обоснованности основных положений, практической значимости

полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК к кандидатским диссертациям.

Основные положения работы представлены в публикациях автора. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации.

Все это позволяет сделать вывод, что автор диссертационного исследования «Здравый смысл в контексте обоснования философского знания» Решетова Анастасия Евгеньевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 — социальная философия.

19.06.2008

ОТЗЫВ

о диссертации Г.Д. Петровой
«Народная мудрость (социально-философский анализ) на основе чувашского этноса»

Прежде чем перейти к анализу диссертационного исследования Галины Дмитриевны Петровой, разрешите сделать некоторое отступление, которое, как мне представляется, будет иметь положительное значение в оценке работы и историческим оправданием поставленной проблемы.

Мы являемся свидетелями того, что время концептуальной колонизации философской мысли пошла на убыль. Метапредметная направленность философии почувствовала свою ущербность вне использования эмпирического материала. Аналитическая философия, являющаяся характерной особенностью европейской философской мысли, с приближением к идеалу объективного научного исследования рано или поздно приведет к оторванности самой философии от жизни, от своих корней. Видеть лишь движение сока, и не видеть

дерева, его веток и листьев, шелестящихся под малейшим дуновением эпохального ветра, эта абстрактно-всеобщая теория выхолащивает душу философии.

В плане сказанного диссертационное исследование Г.Д. Петровой является одной из попыток преодоления этой разорванности и опытом поворота в сторону к абстрактно-конкретной теории развития. Умение философии осмысливать «низменный духовно-эмпирический материал» (Гегель) каким является народная мудрость в структуре обыденного сознания, является одним из достоинств диссертанта.

Мы переживаем переломную эпоху мировых порядков, идет напряженный поиск оптимального варианта будущего, переоценка ценностей. Коренные изменения не могли не коснуться вопросов этносоциального бытия. Каждый народ, нация ищет свое место экзистенции в мире и социальном пространстве. Как, каким путем сохранить свою идентичность, подняться над обстоятельствами нынешней российской действительности? Как преодолеть последствия советско-партийной политики тотальной интернационализации всех сторон жизни и деятельности наций и народностей, которая привела бы их к трагической перспективе быть полностью ассимилированными?

Не этими ли историческими потребностями вызван нарастающий интерес ученых к проблемам национальной философии, находящейся на разных уровнях этажах бытия? Активное обращение к материалам духовной культуры тюркоязычных народов при исследовании довольно широкого круга философских проблем — это не признак перехода к мелкотемье и не дань сиеминутной моде, а требование переживаемого времени. Этноцентризм, понимаемый как сосредоточенность на собственных ценностях, дает культуре данного народа чувство самоценности, устойчивости, способствует выработке защитных механизмов суще-

ствования этносов. Не неразработанностью проблемы народной мудрости, не вовлечением в научный оборот внелитературных ее памятников — это дело дочерней актуальности, — а вышеперечисленными национально-историческими требованиями вызвано данное исследование, где диссертант решает не локально временную, а историческую задачу. Представленная диссертация как бы «сшита» с требованиями современности, она есть идеологически-культурное его оправдание. Диссертант решила не менее важную задачу: она как бы извлекла, эксплицировала из глубинных недр национальной культуры национально-специфические ценности в виде народной мудрости.

Понятие «народная мудрость» в философской литературе на категориальном уровне еще не разработано. Оно широко используется лишь в этнографических, литературно-критических трудах. А на сегодня «народная мудрость» в нашем сознании существует аморфно, размыто, неопределенно. Многие авторы солидных трудов по проблемам общественного сознания ее место определяют в сфере обыденного сознания. Как говорил Гегель, мы знаем что есть Дьявол и где он сидит, но никто не видел его каков он.

«Народная мудрость» не совпадает ни с моралью, ни с философией, ни с религией, и ни с какими другими формами общественного сознания», — совершенно справедливо замечает диссертант. Но одновременно здесь все переплетено, синкретично. Оно есть философское «озарение», которое необходимо ежевременно при решении важных политических, правовых и т.д. житейских вопросов. Образно говоря, народная мудрость пронизывает все формы общественного сознания, всю человеческую жизнедеятельность от умывания лица до величайших высот человеческого духа.

На основе изучения большого количества научных исследований, где так или иначе затрагивается про-

блема народной мудрости, соотнеся ее с обыденным сознанием как часть с целым, вычленив ее из глубинного пласта структурных компонентов последнего, сравнивая ее с общечеловеческим как единичного с общим, со здравым смыслом, с фольклором, автор дает следующее, на мой взгляд, единственно верное и лаконичное определение: «Народная мудрость — это особый род синтеза повседневного опыта и здравого смысла, эмпирического и всеобщего, образовавшегося на основе обыденного сознания» (стр. 35 диссертации). Это онтологическое определение. А в гносеологическом плане она есть отражение и духовно-практическое освоение мира и социального пространства. В отличие от специализированного, теоретического уровня общественного сознания народная мудрость как компонент обыденного сознания ориентирована на освоение мира по ценностно-практическим меркам. Как оценивающее знание она всегда направлена на обобщение и потому выступает как результат обобщения. Вот здесь-то и открывается автору возможность объявить ее как рационализированную верхушку обыденного сознания. И тем самым она предстает перед нами связывающим массивом между двумя уровнями общественного сознания как единого, целостного духовного образования. Я бы назвал эту рационализированную верхушку айсбергом народной философии. Именно народная философия дает нам варианты мира, в то время как строгая философия стремится к единственной его константу.

Хотя мы с вами сотни раз повторяем, что народная мудрость функционирует в основном в лоне обыденного сознания, но логика построения и содержания всей первой главы диссертации интуитивно и доказательно приводит нас к мысли, что народная мудрость это и есть философия самой жизни, где осуществляется единство теории и общественной практики. С та-

ким ходом мысли диссертанта мы объективно вынуждены согласиться.

Вторая глава диссертации посвящена проблемам народной мудрости как неспециализированной форме практически-духовного освоения мира на примере национальной самобытности чувашского народа, где автор анализирует различные составляющие народной мудрости чувашского этноса, такие как мифология, обряды, национальный быт, народные средства воспитания и обучения, приметы, устный календарь, народную медицину.

Конкретными примерами, афористично лаконичными изречениями, обладающими внутренней эвристикой и особым национальным колоритом, диссертант дает аксиологическое обоснование места чувашского народа в современном национальном мире, регулирует поведение субъекта в существующих нормативных контекстах. Несомненной заслугой автора является умение систематизировать и обобщать духовное наследие чувашского этноса, показать его значимость для укрепления и развития национального самосознания в современных условиях интенсивных межэтнических интеграций. Это и есть показатель уровня философской культуры диссертанта.

Диссертационное исследование выгодно отличается источниковой базой. Автор изучил и конструктивно-критически осмыслил кроме специальной социально-философской литературы и внелитературный материал на чувашском языке, что позволило диссертанту впервые вовлечь некоторые фрагменты народной мудрости.

Практические результаты исследования Г.Д. Петровой нацелены на всемерное развитие этнокультурной самобытности чувашского народа, на сохранение его исторического наследия в рамках единого национального пространства. Без исторической памяти народа

нет его будущего. Обращение к прошлому, к истокам собственной национальной культуры, изучение, использование народной мудрости в нашей повседневной жизни помогает нам самоутвердиться как единая национальная общность, осознавать свое место в многонациональной России.

В целом диссертация Г.Д. Петровой оставляет впечатление законченной, цельной научной работы. Материал, изложенный в ней, имеет определенную научную значимость. Работа написана простым и доходчивым языком и представляет собой самостоятельное монографическое исследование.

Публикации и автореферат отражают основное содержание диссертации.

Вместе с тем следует отметить в работе и некоторые недоработки.

В первой главе диссертации, на мой взгляд, допущена перенасыщенность ссылок на имеющуюся околотемной философской литературы, что заслоняет самостоятельную точку зрения и позицию автора к конкретной проблеме народной мудрости.

Вторая глава написана столь прекрасным языком и имеет достаточно большую философскую нагрузку, что создается впечатление, что это отдельная от первой главы работа. Мне представляется, что этой разорванности можно было бы избежать, если бы автор над каждым значимым изречением народной мудрости позволила бы себе немного пофилософствовать.

Впрочем, по высказанным соображениям оппонента диссертант имеет право оставаться на своих позициях по принципу народной мудрости «ут юртать те, сул юлать» («Конь плетется рысью, а дорога остается»).

Диссертация, представленная на защиту Петровой Галиной Дмитриевной, соответствует требованиям, установленным «Положением и порядком присужде-

ния научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присвоения научным работникам ученых званий» ВАК Российской Федерации, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 — социальная философия.

ОТЗЫВ

о диссертации О.И. Петровой
«Природа музыкального образа»

Ознакомившись с данной работой, я пришел к выводу, что с «философией музыкального образа» в состоянии справиться не специалист с музыкальным образованием, а человек с философским мышлением, но подвластнее всего этот тончайший пласт искусства специалисту музыки, владеющему философской культурой, на что претендует соискатель. Жильсон, Хайдеггер, Ницше, Шопенгауэр да и наш А.Ф. Лосев не были музыкантами, но были талантливыми слушателями и толкователями смысла музыкальных произведений и природы музыкального образа.

Кризис духовности современного российского общества, экспансия американской культуры, «замусоренность» пространства музыки низкопробными отечественными произведениями, доминирование в них телеологической развлекательности, и, как следствие всего этого, отход на второй план классических музыкальных ценностей, не могло не сказаться на нынешнее состояние музыкальной культуры. В то время как роль музыки чрезвычайно велика в формировании духовности общества, на что мы традиционно обращаем крайне недостаточное внимание. Музыка не только аксиологична в эстетическом плане, но и ценна в эпи-

стемологическом аспекте. Она позволяет проникнуть и конституировать те экзистенциальные сферы реальности, которые находятся «вне компетенции» рационального познания.

Актуальность поставленной проблемы, вызванные главным образом названными нами двумя неразрывными причинами, и заставили диссертанта взяться за столь серьезную и важную проблему, с которой она, забегая вперед, скажем, справилась достаточно успешно.

Как известно, объект исследования диктует подходы, приемы, методы и даже логику процесса познания. Но музыка не имеет своего предметного содержания. В этом случае сделанный автором акцент в методологии исследования на герменевтически-феноменологический аспект вполне оправдан. Диссертант совершенно справедливо считает, что герменевтика есть тот универсальный язык, который позволяет по новому понимать и интерпретировать музыкальные произведения, при этом широко использует принципы аналитики Хайдеггера, объяснения и понимания Поля Рикера, концепцию предубеждения Гадамера.

Нужно отметить, что в последние годы герменевтика стала принципом философского подхода к действительности, она не только истолковывает текст, но и способствует вживанию ее во внутренний мир автора, воспроизведению его творческой мысли. Выделяя эпистемологическую сторону герменевтики Поль Рикер, например, рассматривает ее в единстве семантического, рефлексивного и экзистенциального подходов. Автор сама того не замечая, почти неосознанно по всей диссертации проводит принцип герменевтического круга, т.е. движение познания по распространяющимся кругам: от целого к части, от части к целому, что углубляет понимание смысла части, т.е. музыкального образа. Этим, видимо, объясняется некоторый вольный подход диссертанта к логике исследования

природы музыкального образа, когда методология выносится на последний параграф последней главы работы.

Особо следует отметить ту часть диссертационного исследования, где представлена степень научной разработанности проблемы природы музыкального образа. Автор не только проанализировал имеющуюся литературу по становлению классической европейской музыки от пифагорейцев до наших времен, но и выразил свое отношение к их взглядам в критически-конструктивном плане. Классическая музыка не просто позволила человека европейской культуры познавать свой внутренний мир, она, прежде всего послужила основой формирования экзистенциального мира, поскольку способ самопереживания в античное время, в средние века, в эпоху Ренессанса заметно отличаются от современного. Музыка в этом отношении конституировала структуру постепенного развертывания наших аффектов, глубинных чувств, а также осознание их как возникающие по внутренним, а не по внешним причинам. Музыка, таким образом, стала в данном случае одним из определяющих факторов формирования европейской культуры.

Диссертант в самом начале своего исследования эксплицирует понятия о «природе музыки» и «музыкального образа», как бы обосновывая название диссертации.

Само понятие «музыкальный образ» автор интерпретирует как единство репрезентации и презентации, а «природу музыки» выявляет в ходе сопоставления ее с простым шумом, простым звучанием. В последнем отсутствует стройность структуры, расчленяющей звуковой поток на отдельные «сегменты». Однако на странице 27 работы автор делает вывод, что вопрос о природе музыки и вопрос о музыкальном образе — это по сути дела, две формулировки одного и того же

вопроса. Нет ли здесь противоречия, разночтения? Репрезентация есть нечто отсутствующее в данном месте и в данный момент, а презентация — это демонстрация наличного. Следовательно, музыкальный образ, т.е. то, что оставлено, запечатлено в сознании автора или слушателя в момент ее исполнения, пребывает в идеальной реальности. В идеальной реальности она существует и после прекращения-исполнения, когда все еще продолжает звенеть в нас, а иногда неотступно, до надоедливости, весь день. Поэтому вряд ли можно безоговорочно принять утверждение Жильсона, что музыка существует лишь в момент ее исполнения. Можно согласиться с тем, что музыка дискретна в своей актуальной реальности, но музыкальный образ пребывает лишь в своей двойной виртуальности.

Музыка не обладает никаким предметным содержанием. Музыкальный звук, распределение по интервалам, гаммы, тон, ритм, такт, темы, формы и виды композиции — все это творческое изобретение композитора. Но музыка вызывает образ чего-то событийно-материального на стыке чувственного и рационального. Значит она, как и все виды искусства, представляет собой третью форму реальности. Но с точностью наоборот: идеальное вызывает образ репрезентативно-событийного, и потому, по словам Пастернака, музыкой можно вывести даже «глубокий обморок сирени». Видимо, здесь нужно отметить то, как создается и понимается композитором музыка, и как она воспринимается слушателем. Полной идентичности в содержании наличного здесь не может быть. Композитор отталкивается от вещественного мира и внутренней потребности творчества и создает соответствующий своему внутреннему состоянию образ, мир переживаний, а слушатель (реципиент) идет от образа к вещественности корректируя его в своем опыте переживаний. Вот вам картина из древнегреческого творения «Кефарат

и пастух». Пастух великолепно играет на свирели о любви, и все вокруг оживает. Пират, на совести которого много грехов, невольно останавливается: музыка, просачиваясь в его разбойничью душу, заставляет забыть все на свете, на веждах его остается стоять лишь стройная фигура девушки с прекрасным личиком, которую он оставил в пору своей юности. А в глазах Кефарата-царя, претендующего на лучшего в стране музыканта, туманно представляется казнь пастуха. Таким образом, одна и та же музыка может вызвать совершенно разные образы и переживания. / На берегу застрял отчаянный пират: / К чертям и шторм, что завтра разразиться, / Напевом пастуха бы насладиться. / Забыть свои грехи морской разбойник рад / А в грезах — лучшая из встреченных девчат/

Несмотря на принятие принципа герменевтического круга в качестве методологии исследования, Оксана Ивановна по праву автора оставила без внимания процедуру сопоставления музыкального образа с другими жанрами искусства, с другими двумя сестрами искусства (Гоголь): поэзией и живописью, что было бы весьма логично и интересно.

Из всех видов искусства музыка в высшей степени субъективна и свободна, ибо она не стеснена, не детерминирована особенностями объекта в силу того, что она не имеет конкретных аналогов в действительности. Композитор настолько свободен в отборе звуков из хаоса, что ему остается лишь талантливо расположить их в канву гармонии. Мне иногда представляется, что музыка вообще не нуждается в герменевтическом объяснении, она есть невыразимое внутреннее состояние души, и не должна быть утяжелена и песенными словами, ибо никакие слова с полной идентичностью и по содержанию, и по форме не ложатся на гармонию звуков. Музыка обладает способностью выразить состояние души без посторонней помощи, как живо-

пись обходится лишь своими ресурсами, не прибегая к словесному объяснению.

Заслуживает внимания поднятая в диссертации проблема временной структуры музыкального образа.

Музыкальный образ рождается прежде всего во временном измерении. Однако не следует рассматривать время как нечто внеположное этому образу и существующее независимо от него, наоборот, именно музыкальный опыт позволяет приблизиться к интуитивному пониманию времени, иначе говоря, позволяет постичь качественное время Бергсона. В этом смысле, не время позволяет понять музыку, а наоборот, музыка раскрывает для нас суть времени. Это, однако, не означает, что само музыкальное время тождественно чистой длительности. В действительности, ему присущи не только качественные, но и количественные (точнее, структурные) атрибуты. Музыкальное время сильно интеллектуализировано, оно представляет собой не только «порыв», но и игру, разворачивающуюся между чистой длительностью и надстраиваемыми над ней структурами: благодаря таким элементам музыки, как мелодия, ритм, темп, размер и др. чистая длительность (качественное время) оказывается интеллектуально освоенной и, в определенном смысле, преодоленной. Музыка являет нам образ времени, а не его чистое отражение, этот образ, по сути, вводит во временное измерение экзистенциальные смыслы, делающие его временем человеческого бытия.

Музыкальный образ включает в себя не только настоящий момент, но и прошедшее и предстоящее время, а также отношения между этими не дискретными, а плавно перетекающими друг в друга моментами. Таким образом, музыкальный образ разворачивается так же, как само переживание жизни, включающая в себя момент рефлексии, находящейся различные моменты в непрерывном течение времени и конструирующей

поверх этого течения некую смысловую музыкальную структуру. Время музыкального произведения, так же как и время жизни, получает, таким образом, дополнительное смысловое измерение. Это свидетельствует о двойственности музыкального образа, который одновременно доносит до нас и раскрывает перед нами иррациональную «длительность» и конституирует некие дополнительные связи и структуры, позволяющие осознать смысл этой длительности и интеллектуализировать ее. Экзистенциальное наполнение музыкального образа, стало быть, основывается прежде всего на способе его переживания и рецепции, предлагающем, во-первых, погрузиться в непосредственный временной поток непосредственного существования, а во вторых, отрефлексировать его в том или ином смысловом регистре.

Второй параграф второй главы посвящены проблеме экзистенциального наполнения музыкального образа. Автор совершенно справедливо констатирует, что музыкальный образ теряет смысл без его экзистенциального наполнения. Но обязательно ли в нем должен изображаться человек с его переживаниями? Ответ, видимо, должен быть положительным.

Даже изображая природное бытие, музыка репрезентирует его как бы пропущенным через наше внутреннее переживание. Для музыки в первую очередь важен скрытый за природными явлениями динамизм непосредственно связанный с пульсацией нашей жизни, эмоциями и страстями, а не с внешними картинками. Изображая природу музыка, в действительности, показывает не то, что отделяет ее от нас, делая чем-то объективным и отчужденным, а наоборот, «рисует» то общее, что имеется между нашим внутренним состоянием и окружающей природой. Поэтому, слушая музыку, мы постигаем как бы оборотную сторону природных явлений, которая не противоположна нашей

субъективной точке зрения, а наоборот, включена в саму эту точку зрения. Поэтому-то музыка и способна породить в нас определенные ассоциации, которые являются в этом случае нерепрезентируемой реальностью. Итак, музыка экзистенциальна по той простой причине, что она позволяет не расчленять субъект и объект, познавая их в неразложимой целостности, которая характеризует феноменологически первичное жизненное переживание. Музыкальный образ поэтому обладает реальной способностью схватывать и передавать жизненное переживание в его первичности и изначальности, что практически недоступно ни одному другому виду искусств.

Подытоживая все сказанное, можно заключить, что диссертант справилась с поставленными задачами. Представленное диссертационное исследование является целостной, самостоятельно выполненной работой. Однако работа не лишена и некоторых недоработок. В ходе анализа диссертационного исследования я уже указывал варианты их решения.

В дополнение можно отметить следующие замечания и предложения.

Текст диссертации перенасыщен различными иностранными терминами из лексикона Ницше, Бергсона, Ингардена, Шопенгауэра и других, без которых можно было обойтись безущербно при изложении своей позиции по общетеоретическим вопросам.

Оставлены без должного внимания русская классическая музыка начиная с ее основоположника М.И. Глинки, а также Мусоргского, Римский-Корсакова, Рахманинова и современных ее представителей Свиридова, Шостаковича, Альфреда Шнитке, Софьи Губайдуллину. Просится в этот ряд и наш А. Васильев, в произведениях которого до реальности четко выражена через национальное переживание экзистенция эпохи.

Отмеченные недоработки не влияют на общую

положительную оценку диссертационного исследования О.И. Петровой, которая по своей актуальности, степени обоснованности основных положений и значимости новизны полностью соответствует требованиям, предъявленным ВАК к кандидатским диссертациям.

02.04.2007.

УДОВОЛЬСТВИЕ СЛЕДУЕТ ВОСПОЛНЯТЬ ЕЖЕДНЕВНО

Само название «Путешествия во времени и в пространстве» я воспринял как философское исследование или же, по крайней мере, как фантастику. Однако, с первой же страницы убедился в том, что речь идет не о кантовском априорном пространстве и времени, а об их субъективной форме чувственного созерцания природных и социальных явлений, что заставило меня погрузиться в сферу эмпирического опыта. Поскольку во всем практическом опыте присутствует философский смысл, но только в его абстрактно-конкретном выражении, то можно полностью оправдать привлекательное название путевых очерков.

Будучи профессиональным писателем, был немало удивлен литературному искусству Любови Чопенко, которая увлекательно, лаконично, без единого повтора излагает увиденное, прочувственно подавая содержание. Для всего этого надобно иметь широкий пространственно-временной кругозор, и поэтому мое мнение таково: эта первая литературная проба пера перспективная, масштабная и мастерски оформленная.

В мои планы не входит пересказ содержания книги. Хочу лишь остановиться на некоторых из «Путе-

шествий» и отметить то свежее, что произвело на меня неизгладимое впечатление.

Первый же очерк «Путешествия» под названием «У каждого она своя...» захватил меня всецело. Горнолыжный спорт. Польша. Вот новичок подбирает себе оборудование (необыкновенно тяжелые ботинки, лыжи по росту и т.д.) и под страховкой инструктора делает первые шаги. Однако вскоре «бывший новичок» – это вполне состоявшийся горнолыжник и «Поляна Шишошкова» становится для него однообразно скучной.

Мне ни разу не доводилось кататься на горных лыжах. Сомневаюсь в том, что одолел бы самый простой спуск, хотя я «родился на лыжах» и имел звание кандидата в мастера спорта. Но автор настолько достоверно описывает свои чувства о преодолении неуверенности в себе, что кажется, будто я тоже спускаюсь с высоких Татр, и, главное, у меня все получается. Да, лучшей рекламы психологического воздействия на туриста, чем данный очерк, и быть не может.

Так и хочется продолжить чтение последующих повествований, следуя принципу упомянутого И. Канта о том, что мы должны запастись продовольствием, но не удовольствием: «их следует восполнять ежедневно».

Восполнять удовольствия Любовь Чопенко отправляется в южно-марийскую тайгу, к нашим соседям марийцам. «Кленовая гора» — известный многим санаторий. Казалось бы, что нового можно увидеть в марийских лесах? И выразить все это еще красивей, чем то, что есть на самом деле? Но в этом и заключается профессия художника.

Мне представляется, что своеобразие марийской среды, так живо описанное автором (Зеленый ключ с минеральной водой, «Кипящая площадь» со множеством родников, великолепные озера со «странными» названиями), влияют на формирование физиологичес-

кого и духовного склада марийцев, с которыми мне приходилось дружить довольно долго. Внешне открытые, иногда искренние, они, в то же самое время, скрытные, как и те озера, которые так ярко описаны в «Путешествиях».

То ли от того, что марийская тайга ближе к родному дому, чем, например, Венеция с ее сыростью и плесенью?! То ли еще по какой-то причине, но мне кажется, что прекрасные слова великого Гете о Венеции больше подходят к характеристике нашей страны, которая есть «мечта, сотканная из воздуха, воды, земли и неба». Так, что же еще нужно художнику, чтобы оказаться в состоянии нирваны?

Пространство открывается идущему. С особым очарованием и любознательностью подаются обычаи и традиции итальянцев, испанцев, их кухня и другие особенности жизни и быта. Здесь и Венеция с ее древней историей, архитектурной красотой и многообразием. Испания со своим прошлым величием уже не претендующая на мировое господство, ибо все народы имеют свои времена и сроки, и прочие подробности. Восхитительно легко автор описывает в своих очерках прошлое и настоящее этих народов. И в памяти сразу всплывают узнаваемые картины всемирной и отечественной истории, со вкусом поданные Любовью Семеновной. Ее интерес к этому предмету ощущается постоянно. Но автор не злоупотребляет своим знанием, уходит от академического языка и непринужденно погружает читателя в суть описываемых событий. Можно даже сказать, что делает это с помощью поэтического слога, несмотря на то, что не считает себя «большим любителем поэзии». Да, именно поэтический дух проявляется во всех без исключения очерках. И поэтому с удовольствием, на одном дыхании я прочитал их как тематический цикл стихов.

Хотелось бы читать и дальше, например — от-

дельной книгой можно было бы изложить биографию рода Свердловых-Чопенко в более широком пространственно-временном формате. Для этого, Любовь Семеновна, у вас есть литературно-художественные навыки, широкий кругозор и умение чувствовать дискретность пространства и времени.

*Предисловие к книге Чопенко Л.С.
«Путешествие во времени и
в пространстве». Чебоксары, 2015.*

СЛОВО НАПУТСТВИЯ

Время течет безостановочно и непрерывно. Его нрав не подвластен даже богам. Это мы сами, люди, делим его на отдельные вехи по значительным событиям. Вот и наш родной университет отмечает своё 100-летие. Эту поистине славную юбилейную дату литературно-творческая молодежь российской кооперации встречает изданием поэтического сборника под звонким названием «Серебро слов». Глубоко благодарны авторы своей альма-матер, что искренне выражено в стихах-посвящениях.

Представленные авторами творения, естественно, не все на уровне совершенства, но плохих стихов нет, как не бывает некрасивых цветов на лугах. Самое главное — они написаны от души: чистота помыслов и свет добра проходит через весь сборник. Именно в этом я вижу смысл «Серебра слов».

Поэзия присутствует в каждом из нас изначально. В молодости ею увлекаются многие, но немногим суждено оставаться верным ей на всю жизнь. Когда законы строгого мышления перестают действовать, когда дело касается лепета сердца и шепота фантазии и «перо просится к бумаге», в человеке рождается поэт.

Тернист и долог путь мастера. Но необязательно стремиться стать знаменитым, писать нужно до надежности просто и только тогда «строчки рифмуются ритмами сердца» (Ю. Леванов) и слово приобретает другое звучание. Рамки напутственного слова не позволяют остановиться, пусть даже бегло, на творчестве каждого из авторов сборника. Они этого заслуживают. Скажу только — не торопите лёгкий бег Пегаса, мои дорогие сердцу коллеги по перу.

Не заставляй перо быть торопливым,
Пусть выдержкой прославится оно.
Кто тянет руки к несозревшим сливам?
Кто пьет недобродившее вино?

Ты будь как тот охотник беспокойный,
Что пропадает сутками в лесу,
Стремясь добыть не зайца в чаще хвойной,
А черносеребристую лису!

*Николай ИСМУКОВ, доктор
философских наук, профессор,
народный поэт Чувашии.
«Серебро слов», М. РУК, 2012*

РОДНАЯ ДАЛЬ

Время диктует свое: двуязычие стало нормой нашей жизни. Очередной сборник стихов Юрия Леванова составлен на русском и чувашском языках. И каждый из этих языков по своему прекрасен и неповторим, и мы в полной мере можем выразить на них свои чувства и раздумья о пережитых днях, о грядущем будущем.

Конечно же, идентичного перевода не может быть — это аксиома. Но мы постарались максимально

приблизиться к оригиналу и в содержательном, и формотворческом смыслах. И нам это, как мне представляется, в целом удалось. Кроме того, в иных созвучиях непременно находишь тонкости и изящества выражений родного языка. Переводческая деятельность оттачивает не только мастерство стихосложения, но и обогащает культуру художника. Известно, что человек может выразить только то, что наличествует в его душе. Небытие не может быть отражено и высказано никак. Поэзия Юрия Леванова есть поэзия поколения послевоенного времени. Пережитое не безмолвно. Оно непременно должно аукнуться эхом сердце поэта и воплотиться в стихи.

Картины одна за другой
Сменяются в памяти детства.
Написаны жизнью, войной,
Рифмуются ритмами сердца.

(«Дни далекого детства», с. 18).

Дети войны быстро взрослели и стремление самовыражению каким-либо образом было их естественным состоянием в любом измерении.

В стихах Ю. Леванова всегда присутствует ощущение дали полета и преданности родному краю. Что впереди — не знаем, а дороги всегда возвращают нас домой. А по пути — наши приобретения и потери:

Мы повзрослели
И поумнели.
Может и где-то
Что-то нашли.

Но есть и потери,
Как не хотели.
Только от них
Никуда не уйти.

А мудрость у жизни
Довольно проста:
Дороги идут,
Бегут лишь года

(«Дороги и годы», с. 59).

В сборнике «Родная даль» достаточное место занимают стихи о природе, которая служит поэту наглядным эталоном естественности и полноты. Мир не может выразить себя, но он породил поэта, призванного представлять его красоту в любое время года. Именно в этом плане художник выступает самосознанием мира. Предметы и явления втягиваются в орбиту наших переживаний и страсти и субъективируются до мифологического гилозоизма.

Ищу на небе звезду,
Где будет моя душа.
Но никого не прошу,
Это землян судьба.

Свою звезду я найду
Во Вселенной она одна!
Миллиарды звезд обойду,
Мне поможет Земля.

(«Вечный полет», с. 95).

Или же:

По земле волна пробегает,
Неразлучны берег с водой.
Мудро природа решает,
В беспокойстве ищет покой.

(«Шум прибоя», с. 113).

Оживотворяются и одухотворяются не только вещи, но и все мироздание. Но описать природу краше, чем она есть на самом деле, едва ли возможно. Талантливо прочитывать ее и пересказать на языке поэзии — назначение поэта.

Ю. Леванов везде ищет гармонию, непротиворечивость между природой и человеком. В его стихах нет оппозиции Земли и Неба, земное и небесное сплетено в человеке, где непременно должно быть доброе начало. Природа продолжает жить, творить добро и вдохновение.

Таким образом, главным лейтмотивом поэтического творчества Ю. Леванова выступает восприятие природы — человека — добра в их единой целостности, и соответственно, мы инстинктивно чувствуем в них некое соответствие между звуком, ритмами и смыслом. Это и является тем критерием, который отличает поэзию Ю. Леванова от остального поэтического мира.

И чтобы творить дальше автору нужно оставаться невозмутимо спокойным, что, конечно, редко кому удается. Ни в каком виде искусства нет столько открытости души, сколько в поэзии. Безоглядная открытость — вот выигрышный и одновременно проигрышный, ущербный момент экзистенции поэта как личности. С одной стороны, поэзия состоятельна лишь тогда, когда в ней выражены твои радости, печали, желания, помыслы до остатка. С другой стороны, выдавая самое сокровенное на суд читателей, поэт становится беззащитным, уязвимым как одинокая береза посреди поля, открытая всем ветрам. Жертвуя собой, своим «Я», ты совершаешь своего рода подвиг, подвиг ради поэзии. Выговориться, сбросить тяжесть недосказанных в прошлом ошибок, не совершенных дел, неудовлетворенных желаний, стряхнуть с себя пыль дорог и пойти дальше, к новым испытаниям — таков наитивный путь к новым свершениям, к новым приобретениям и Великой потере.

Я вошел в пространство,
Тесно стало мне
И присел устало
С думой о судьбе.

Почему так мало
Мне судьба дала.
Видно виноватым
Сделала меня.

За ошибки, знаю,
Надобно платить.
Я готов к расчету,
Но хочу пожить.

Я обязан, знаю,
Что-то изменить.
Хочется на волю
По-другому жить.

(«Желание», с. 67).

Вышедшая в свет книга, где присутствует частичка твоей души, начинает жить уже без тебя. От завистливой хулы и чрезмерной похвалы, одинаково неприемлемыми тобой, она должна защищаться сама. Вот здесь-то и наступает ответственность художника, и потому он никогда не может оставаться спокойным и равнодушным к судьбе своего детища.

Где-то запорошило
Нет покоя мне.
Может быть, заброшено
Что-то на душе.

Как найти хорошего
На большой земле.
Может быть, запрошено
По большой цене...

(«Где-то запорошило», с. 93).

Непомерно высокие требования к себе, сомнения и надежда найти меру соизмерности между всесиль-

ной природой и собственного бытия «Я» — таковы творческие искания Юрия Леванова.

Сборник стихов «Родная даль», представленный на двух языках, автор посвятил своим детям, родившимся и выросшим на чувашской земле, впитавшим в-оз-дух культуры чуваш и многонациональной России.

*Предисловие к книге Ю. Леванова
«Родная даль». («Тăван инçет»).*
Чебоксары, 2011.

СВЕРЯЯ ВРЕМЯ

Юрий Леванов, мой близкий друг по духу и по перу, автор семи поэтических сборников, подготовил в год своего юбилея очередную книгу стихов. Порой, оказывается, знакомство и дружба с поэтом не менее важны, чтобы выразить своё отношение к его творчеству.

Что волнует Юрия Леванова в этой жизни? Ответ можно найти в высказывании И. Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звёздное небо надо мной и моральный закон во мне... Первое начинается с того места, которое я занимаю во внешнем чувственно воспринимаемом мире... Второе начинается с моего «Я», с моей личности, и представляет меня в мире...». Уже названия циклов, логично выстроенных в книге, говорят о предметах мысли и переживаниях поэта, а каждый стих выдаёт, конкретизирует их сквозь призму субъективного созерцания «Я».

Есть такая сфера знаний — герменевтика: умение читать, расшифровывать, осмысливать тексты, воспроизводить вложенный смысл в его современном, субъективном толковании. Но я бы хотел остановить

время творения, когда поэт вкладывал свои переживания и смысл в строчки, ибо поэзия есть состояние души, рифмованное в такт «биением сердца».

Вселенная бесконечна в пространстве и во времени. Наша земля лишь деревушка на окраине Млечного пути, а мы — песчинки её. Миллиарды и миллиарды звёзд на небе. Нам кажется, что они вечны, но и они, как и все материальные тела в мире, конечны: одни гаснут, другие зажигаются — всему своё время. Где та единственная звезда, которая будет мерцать над моей головой.

Ищу на небе звезду,
Где будет моя душа.

(«Вечный полёт»).

Наша жизнь, наше поведение регулируется требованиями, законами Неба. И только с возрастом начинаем понимать это, отходим от грубой материалистической и эволюционистической концепции.

Многие известные ученые, среди которых я мог бы назвать десятки величайших умов, в том числе естествоиспытателей, возвращаются к идее Создателя, который придал миру упорядоченность, иерархичность и осмысленность, дал природе Свои законы. И согласно этим законам, по воле Творца, мы появляемся на свет и живем, глядя на звёздное небо и руководствуясь Божьей моралью. Бог, свет, добро. Эти понятия в стихах Юрия Леванова встречаются довольно часто, к месту, ко времени и красиво.

... О, Господи! Благослови
Начать новый день и дело...
Я в радости и любви
Прошу у Тебя вдохновения.
О, Господи! Благослови.
Земные мои творения.

(«Благослови»).

Данный цикл стихов Юрий Леванов заканчивает словами: «На всё воля Божья» — воля Божья на добро, свет и тепло. Да будет так, а не по-иному!

Поэзия, как известно, несет в себе не только эстетическую, но и эмоциональную нагрузку. Один из разделов сборника стихов называется: «Семья — это свято». Уважение к своему роду у каждого поколения должно быть внутренней потребностью. Историческая пустота ведет к одиночеству, она не прибавляет жизненной энергии человеку. Родители — живой пример детям. Юрий Петрович с большой любовью посвящает свои стихотворения детям и внукам и для каждого из них находит теплые слова. Истинно счастлив тот, кто по истечении полувека совместной жизни сумел сберечь любовь и тепло семейного очага и «по жизни любоваться ею».

... Как быстротечны эти годы -
Я рад: любовь мы сберегли...
Минуют, милая, невзгоды,
Побереги чуть-чуть себя.
И сохраним мы наши годы
Во здравии семью любя.

(«Признание»).

Не могу не привести еще одну строфу, посвященную своей негасимой звездочке — любимой жене.

... Я ищу, родная, нежные слова.
Что нам непогода, ты моя звезда.
Свет мой негасимый, звёздочка моя,
В этом мире вечно будем ты и я.

(«Звездочка моя»).

Радость наполняет душу за моего друга-поэта, который полон любви спустя столько лет и счастлив.

Вот уже более 70 лет назад как прогремела Великая отечественная война.

Софья — правнучка.
Юной художнице 2 годика

Григорий с женой Татьяной и с дочкой

Егора — студент
механико-математического
факультета МГУ

Коля и Маша с Макарием

Семья Бочковых: Сергей, Саша, Роман, Марина

Голубки — Мария и Николай Исмуковы

Мария Прокопьевна Исмукова частая гостя Бельдиани (Турция)

Мать, Мария Ильинична
Исмукова

Отец, Аверкий Андрианович
Исмуков. Погиб на войне
в 1942 г.

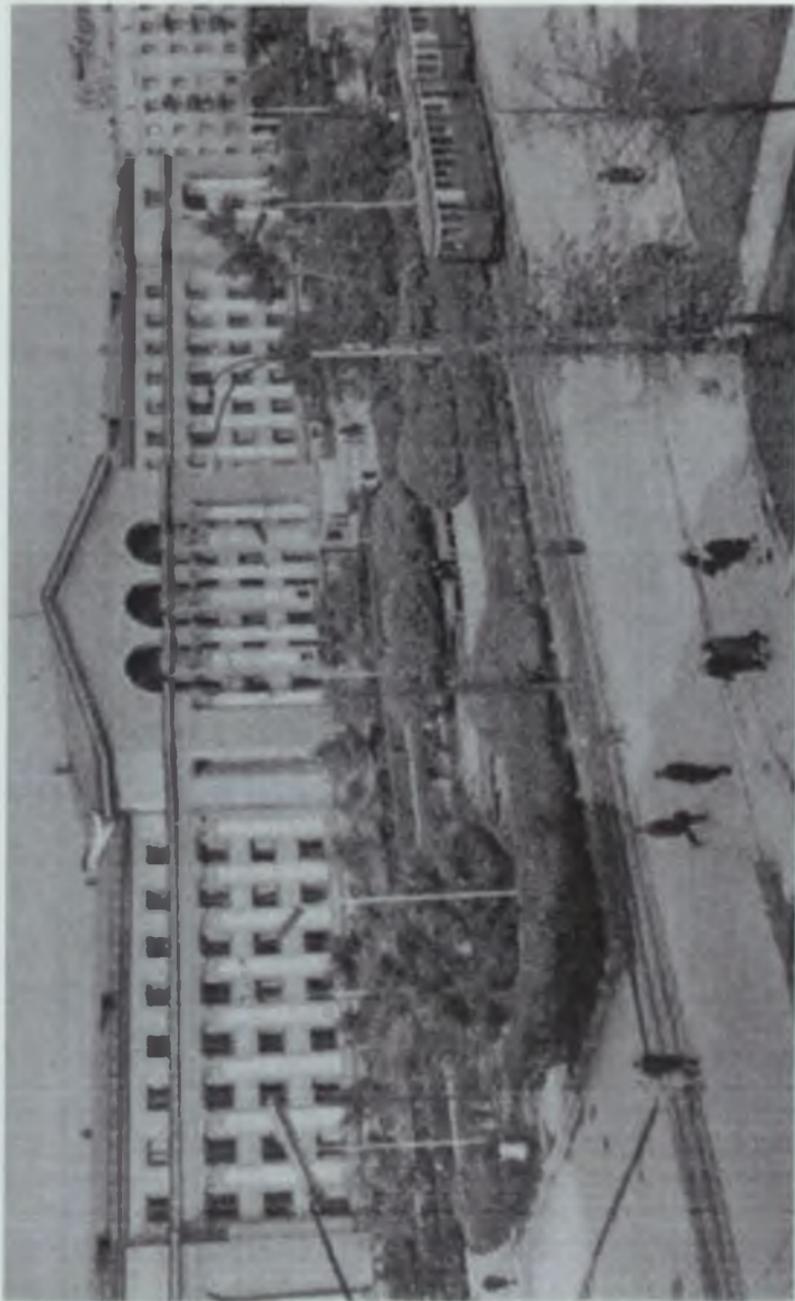
Близкие родственники на Акатуе. 1992 г.

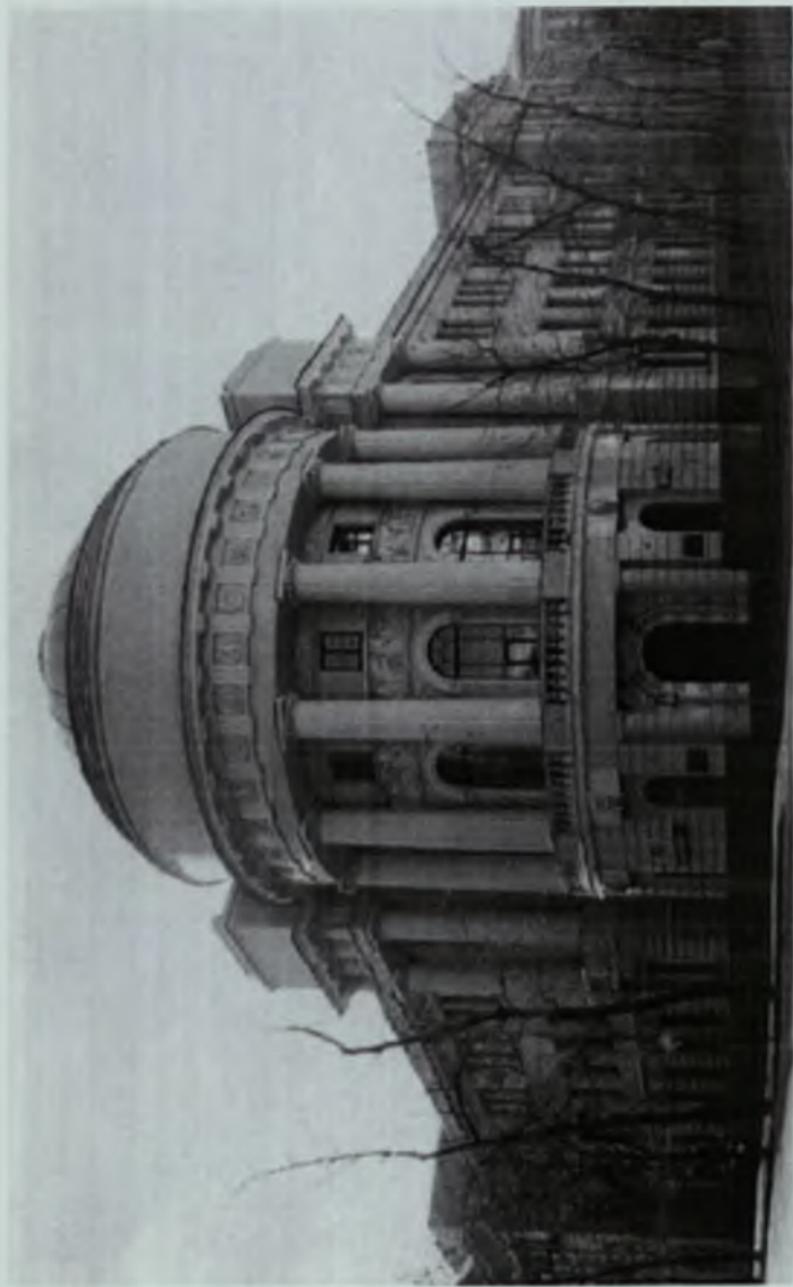
Дом, где родился будущий Народный поэт Чувашии
(Рисунок автора, 1954 г.)

Дом, где трудится и отдыхает профессор Н.А. Исмуков

Уральский госуниверситет им. А.М. Горького — альма-матер
студента Исмукова Николая

Московский госпедуниверситет им. В. И. Ленина, где учился в целевой аспирантуре и докторантуре будущий доктор философии Н.А. Исмуков

Родной институт ЧКИ РУК

Выпускники Первомайской средней школы. 1959 г.
Среди них будущие супруги Мария Тапирова и Николай Исмуков

Калерия Александровна
Исаева – наша любимая
учительница

Николай Аверкиевич более
22 лет работал деканом
факультетат ЧКИ РУК

Иван Аверкиевич более
22 лет работал главным
врачом

Снимок в кабинете проректора Л.Я. Тянгова — моего надежного и искреннего друга. 1994 г.

Вечер поэзии в библиотеке им. Василия Митты. Среди гостей Сильва Васильевна Митта с супругой. 2001 г.

Президент Чувашской Республики профессор Н.В. Федоров, ректор
Чебоксарского кооперативного института РУК профессор В.В. Андреев, декан ЧКИ РУК
профессор Н.А. Исмуков

Портрет будущей суженой. 1960 г. (Карандаш)

Мы — дети войны, выросли быстро. Но в памяти нашей прошлое, которое сложилось в стихи.

... Написаны жизнью, войной,
Рифмуются ритмами сердца.

(«Дни далекого детства»).

У каждого свое детство: я жил безвыездно в деревне, далеко от фронта, голодное, холодное колхозное детство, а Юрию Леванову досталась судьба с эвакуацией, переездами. Ему пришлось спастись от фашистского самолета, видеть колонны немецких военнопленных. Мы, дети войны, до сих пор живем воспоминаниями о военных и послевоенных годах и озабочены тем, «лишь бы не было войны».

... Годы прошли, пришла седина.
Детям и внукам мирного дня.

(«Дети войны»).

Чем старше историческая память, тем она авторитетней. Но до конца жизни мы остаемся в неоплатном долгу перед родителями. Хотя бы доброй памятью и стихами пытаемся вернуть невозвратное.

... Спите спокойно,
Осенней порой
Вас листья укроют
В наряд золотой.

Спите спокойно,
Суровой зимой
Снежный покров
Охраняет покой.

Спите спокойно,
Весенний мотив

Зеленой травкою
Ласкает, он тих.

Спите спокойно,
Летом цветы
В вечной молитве
Небесно чисты...

(«Родительский сон»).

Настолько близки сердцу моему эти строки, что я не удержался перевести их на чувашский язык и опубликовать в альманахе «Родная Волга».

«Природа-матушка мудра», — пишет автор. Но и природа сама себя не может выразить никак. Мудрость ее в высшей степени совершенства проявилась в том, что она породила поэта, чтобы воспеть ее необыкновенную красоту.

Что я заметил в поэзии Юрия Леванова — так это мотивы света, солнца, добра, наполняющие жизнь человека в любом настроении духа, в любое время года:

Природа продолжает жить,
Творить добро и вдохновенье.

(«Волшебство»).

Не осознавая психотерапевтическое воздействие стихов, все более и более хочется их читать по нескольку раз, возвращаясь уже к сказанным мыслям. Не надо напрягаться, чтобы понять затаенную суть стиха, все просто и доступно уму и сердцу, как журчание весеннего ручейка в бликах солнца, свободно, куда откроется путь.

Добром и светом
Приходит весна.
Птичьим приветом
Наполнит леса...

Верба раскрыла
Почку пушистую.
На год подарила
Свежесть лучистую...

(«Свежесть лучистая»).

Поэзии Юрия Леванова характерна словесно выраженная нерасторжимая связь Вселенной, природы с жизнью и судьбой человека. Каждый стих выходит на проблему экзистенциальной философии. Вера, надежда, любовь, тревоги, страдания, боль, радость, счастье — эти и другие неразрывные переживания и есть философия жизни.

Отпусти себя
Из далекого прошлого.
На встречу с тобой
Перемены пришли...

В былое ушли
Коллеги, мечты.
Изменило нас время,
Не уйти от судьбы.

(«Перемены»).

Экзистенциализм традиционно толкуют в духе пессимизма. Здесь есть изрядная доля правды. Жизнь закономерно угасает. Это приводит человека к мысли о конечности материального тела, но мы надеемся на бесконечность, бессмертие души.

Медленно,
Я медленно угасну.
Догорит
Зажжённая свеча.

Не увижу,
Как на небосводе,

Замерцает
Новая звезда.

(«Образ»).

Здесь уместно было бы привести строки стихотворения известного русского поэта Юлии Друниной, произведения которой наполнены нежностью и теплом, болью и достоинством.

Стихи умирают, как люди, —
Кто знает, когда череда?
Когда тебя Время осудит
Навеки уйти в Никуда?
Стихи умирают, и точка —
Ты был, и тебя уже нет...
Но если осталась
Хоть строчка,
Тогда ты бессмертен, поэт!

Экзистенциальная поэзия не есть пессимистический настрой человеческого духа. Жить в прошлом или в ожидании Великой потери — это Ничто, которое не имеет даже тени. Смысл жизни — сама жизнь, а потому лишь настоящее является объектом созерцания, смысла моего «Я», моего разума.

... Живу настоящим,
Радуюсь я
Каждой минуте,
Как капле дождя...

(«Бегущие дни»).

Кем-то из известных поэтов было сказано, что состоявшейся книгой считается, если в ней имеется хотя бы одно удачное, оригинальное стихотворение.

Цикл «Счастья много не бывает» нисколько не уступает остальным разделам по своему совершенству, привлекая к себе свежестью утреннего дня, грустью

вечерней, любовью юношеской поры со страданиями и сомнениями.

Ты где-то очень далеко,
И я пытаюсь взглядом
Вернуть судьбу, но не дано.
...Со мной тебя нет рядом.

(«Прости»).

Большинство художников слова начинают «пробу пера» с простых, элементарных вещей. Взрослея, они задумываются о жизни, о превратностях судьбы, т. е. они идут от простого к сложному и по содержанию, и по форме. Чеканность мысли и исповедальная преданность чувств, как два крыла птицы, без которых нет полета, явились к Юрию Леванову одновременно. Богатый жизненный опыт, данный Всевышним дар поэта и требовательность к своему творчеству, ответственность перед читателем — эти и другие составляющие выступают основополагающими условиями для формирования философской поэзии. И дай Бог сохранить здоровье и вдохновение продолжить свою левановскую поэзию.

*Предисловие к книге Юрия Леванова
«Сверяя время». Чебоксары, 2015.*

АНТРОПНЫЙ
КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ
ПРИНЦИП И СИНЕРГЕТИКА

АНТРОПНЫЙ КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЗИЧЕСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Мы цель создания, смысл его отменный,
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира – перстень драгоценный,
А мы в том перстне – вправленный алмаз.

Омар Хайям

За последние десятилетия наука достигла невероятных вершин, что оказалась на пороге очередной естественнонаучной революции, чему способствовал интенсивный процесс дифференциации отдельных областей исследования, который в свою очередь потребовал конкретно-избирательной интеграции и философского обобщения. Всесильная наука! Сегодня мы имеем возможность говорить с Оксфордом с колхозного поля и, не задумываясь, без удивления, принимать это благо как должное. А компьютерная техника может выдать нам все величайшие открытия от «Платона до протона». Но есть в мире непреходящие, вечные проблемы, которые всегда оставались в центре внимания человечества и которые вряд ли будут разрешены в перспективе: это 1) проблемы бесконечного и структуры Вселенной; 2) возникновения жизни и разума, идеального; 3) функциональной асимметрии человеческого мозга и др., которые, может быть, не столь актуальны в прагматическом («здесь и сейчас») плане для нашей скоротечной жизни, балансирующей на «лезвии бритвы» (У. Оккам). Истории философии и естествознания известно множество попыток объяснения названных проблем, но подход к ним с позиции Антропного Космологического Принципа (АКП) остаётся наиболее привилегированным.

Идея о единстве человека и Космоса имеет давнюю историю. Сначала она была представлена гипотезой об изначально всеобщей космической цивилизации автохтонного происхождения. А Циолковский выдвинул «преобразовательный вариант», т.е. идею о включении земной цивилизации в процесс развития Вселенной. Теперь же мы оптимистически уверены в том, что жизни и сознанию присуща тенденция беспредельной вселенской экспансии. В самом деле, если появление человека вызвано глобальной или локальной эволюцией, где он до поры до времени оказался лишь в роли пассива, то в дальнейшем мы небезосновательно стали говорить не только о доминирующей зависимости человека от Космоса и в этом смысле об их единстве, но и об активном вмешательстве социогенного фактора на эволюцию Вселенной.

В каких пределах (пространственных и временных, пространственно-временных) действует АКП, вечен ли этот процесс или он дискретное явление? Путаница в ответе на данные вопросы происходит от того, что Вселенную исследователи понимают в самых различных содержательных смыслах. В современной философской и космологической литературе её представляют в нескольких значениях: 1) Вселенная (первоначально она означала заселённую, обжитую часть Земли. Древнегреческое «ойкумена» в переводе на церковно-славянский означает область мира, освоенная человеком) как наблюдаемое множество Галактик; 2) как система Галактик (наша Галактика — это грандиозное скопление звёзд, называемое «Млечный Путь») или Метагалактика; 3) как физико-теоретическая модель целостных свойств астрономической Вселенной; 4) как всё многообразие физических условий и процессов, совместимых с фундаментальными физическими теориями или «мегамир»; 5) как неисчерпаемое многообра-

зие «всех материальных объектов или материальный мир в целом» (Кармин А.С.). Причем в космологических теориях Вселенная исследователями обычно понимается не в смысле философской категории, а как метрически измеряемая величина. А в астрономической энциклопедии для детей даётся следующее её определение: «Вселенная — это безграничный и постоянно изменяющийся мир, включающий в себя и огромную область, доступную современным наблюдениям». Проще не скажешь. Таким образом, одни исследователи пространство АКП ограничивают рамками Вселенной, понимаемой как Галактика или Метагалактика, другие же её принимают как бесконечный в пространстве и во времени материальный мир. В обоих случаях Вселенная интерпретируется с точки зрения классической физики. Но в любом варианте её нельзя мыслить без категорий конечного и бесконечного. Всё, что имеется вокруг нас, относительно автономно, конечно, очерчено рамками пространства и времени. Это было понятно ещё нашим далёким предкам на уровне обыденного сознания. И потому можно предположить, что понятие конечного было исходным для формирования понятия бесконечного. Резонно было поставить вопрос: каждый определённый предмет автономен, но он в какой-то мере непосредственно или опосредованно связан с другими предметами и явлениями и зависит от них, и эта зависимость в метрическом плане бесконечна. Следовательно, снимается граница, рамки пространства и времени. Таким образом, идея конечного порождает идею бесконечного и она формируется на базе конечного путём отрицания пространственных форм его бытия. К такой интерпретации бесконечного придерживались мыслители давних времён как Анаксимандр, Анаксагор, Зенон Элейский, Аристотель, Кант, Гегель и др., в учении которых явно прослеживается идея

единства метрического, математического и философского аспектов рассмотрения Вселенной.

Если за Вселенную принимать не весь материальный мир, а лишь как часть его, Галактику или Метагалактику, то мы должны признать её конечность, замкнутость (в некотором смысле фридмановский мир) и она должна быть доступна в перспективе эмпирическим путём. Но, поскольку Вселенная выступает как материальный мир в целом, то, нужно полагать, что в пользу АКП работает бесконечно неисчерпаемое многообразие всех материальных объектов. Представляется наиболее привилегированной следующая позиция: бесконечный мир допускает пребывание космических систем лишь в относительной замкнутости и автономности, они связаны с другими метагалактиками через какие-то каналы, может быть, через «чёрные дыры», сверхплотные материи.

Единство мира предполагает, что космические системы из-за своей однородности более открыты, чем замкнуты, что является условием для обмена веществом, энергией, информацией, вследствие чего происходят процессы деструкции и структурирования систем. Можно предположить, что глобальные изменения такого рода подготовили одно единственное условие для возникновения жизни и разума. Так или иначе, несмотря на все отвергнутые геоцентрические и гелиоцентрические концепции, несмотря на то, что Вселенная изотропна в любой точке мира и «наше положение ничем не выделено в пространстве» (Коперник) и наша Галактика не занимает никакого привилегированного местоположения, и даже Солнечная система не центр этой Галактики, а лишь «деревенька» на её периферии, АКП вновь возвращает нас к исходной амбиции, что человек по случайным или телеологическим течениям обстоятельств стал центром Вселенной, ибо нет большей концентрации духовной энергии, чем разум,

который теперь уже выступает не только наблюдателем-экспериментатором, но и преобразователем мироздания.

С открытием Общей теории относительности (ОТО) постановка проблемы пространственной и временной конечности и бесконечности Вселенной изменилась: появилась релятивистская космологическая концепция. В основе данной концепции видят фридмановскую теорию расширяющейся Вселенной, которая предполагает два варианта космологического описания мира: 1) «Открытая» модель, пространством которой имеет постоянную для каждого момента времени отрицательную кривизну. Оно бесконечно и расширение его с момента «взрыва» продолжается неограниченно; 2) «Закрытая» модель, пространство которой обладает положительной кривизной и является замкнутым и конечным, его расширение со временем сменяется сжатием. Таким образом мировое пространство по данной концепции может быть и конечным, и бесконечным. А в отношении времени в обоих случаях оно конечно в направлении к прошлому, т.к. существует особая точка четырёхмерного пространства — времени, соответствующая моменту начала расширения Вселенной. В открытой модели время бесконечно в направлении к будущему, а в закрытой — оно конечно и в направлении к будущему, что связано с моментом окончания сжатия. (См.: Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Теория поля. М., 1967). Из всего сказанного следует, что с позиции релятивистской космологии проблема конечного и бесконечного однозначно не может быть решена. Бесконечность материального мира скорее всего нужно понимать в смысле философской категории как неисчерпаемое многообразие пространственно-временных форм материи и их взаимопревращений, где находят себе место и время в своих метрических измерениях.

Общепризнано, что Вселенная в любой точке пространства не только изотропна и однородна, но и возраст самых старых звёзд или галактики, обнаруженных астрономами, одинаков с возрастом Земли (П. Девис, Дж. Силк). В современной же астрономии считается, что возраст Земли составляет примерно 4,6 млрд лет, Солнца — 5 млрд лет, Вселенной — 15 млрд лет. Не противоречит ли это АКП и теории самоорганизации систем, которая не исключает роли внешнего фактора? Если Вселенная изотропна и однородна, то она есть стационарно закрытая система, которая оставляет за собой лишь принцип линейного развития и исключает неравновесность и состояние флуктуации. К тому же, если Галактика и Земля одинакового возраста, то нельзя объяснить «движимость», однонаправленность энергии и информации в сторону последней, в результате чего создалась единственная в своём роде константа для возникновения жизни и разума. В таком случае нужно признать, что появление человека изначально было запрограммировано на уровне физических законов. Эта версия близка к телеологической интерпретации АКП. Допустимо, что в какой-то начальный период именно анизотропность и неоднородность Вселенной явились причиной Большого взрыва. Признание абсолютной изотропности, одинаковости свойств космических объектов по всем параметрам, и их однородности на бесконечно вечные времена снимает вопрос о неизбежном начале сжатия по истечении определённого времени. Становление и фиксация состояния «острия бритвы» шли в основном в рамках Вселенной как Галактики. Не этим ли объясняется весьма смелая гипотеза о равном количестве звёзд, подобных Солнцу, в нашей Галактике и аксонов и дендритов в коре головного мозга человека? Но в этот процесс в разной степени активности был вовлечён весь материальный мир, а малейшее отклонение физи-

ческих параметров от их фактических значений привело бы к расстройству ЛКП и к исчезновению мозга и разума. Данная точка зрения может быть основана на принципах симметрии, но при отсутствии всеобщего закона сохранения систем, что необходимо «вытаскивает» вопрос о пространственно-временном интервале работы АКП. Вечно ли действие АКП? Или он имел место в прошлом и завершил свою историческую миссию, или же именно он поддерживает константу жизни и вечен во времени? Вероятнее всего АКП, как и все космические процессы, под вмешательством внешних факторов, например, комет, или с истощением своих внутренних информационно-энергетических ресурсов будет рассеян во Вселенной. Именно на этом базируется теория катастроф (Гельхер Ф.), в которой следует различить катастрофизм как философскую концепцию, редуцирующую биологические и социальные закономерности жизни на Земле к случайностям космических катаклизмов, и конкретные научные представления, учитывающие резкие, радикальные изменения в ходе эволюции Вселенной и влияние космических явлений на жизнь Земли.

Создаётся впечатление, что АКП начал действовать только после того, как образовалась Земля. Конечно же Земля это та «золотая середина» в Солнечной системе, которая наиболее позитивно подходит для зарождения жизни, именно здесь появились необходимые условия (диапазоны температур, влажности, давлений, уровня радиации, термодинамическое неравновесие, вызванного близостью Земли к источнику негэнтропии, т.е. Солнцу и т.д.) для её поддержания и развития. Эти условия стрелой времени сконцентрированы именно в таких наборах и такой космической ситуации, а не в других, и привели именно к такой биолого-антропоморфной системе, какие создались на Земле, а не к иной форме жизни. В безбрежном

океане Вселенной, где наличествует бесчисленное множество других наборов ситуаций, вполне вероятно существование космических тел, на которых возможно возникновение жизни небиологическим (абиогенным) путём. Следовательно, допустимо, что АКП представляет собой неавтохтонное и неодноразовое явление.

Стабильное существование космических объектов, и жизни в частности, основано на механизме самоорганизации. Упорядочивание, организация целостной структуры происходит кроме как за счёт внутреннего согласованного взаимодействия её компонентов и за счёт непременно двустороннего (принятие и отдача) сообщения со средой. Это одно из оснований синергетики. Следовательно, нужно полагать, что не только в прошлом, но и в настоящем жизнь как результат и процесс поддерживается активностью АКП, которая сохраняет константные характеристики, условия, сосредотачивая в одном фокусе открытость, удалённость её от точки термодинамического равновесия, и неравновесность.

Поэтому считать самоорганизацию делом только самой системы было бы ошибочным. Но в каждой из названных характеристик, равно как и между самими параметральными направлениями своя мера состояния и отношений.

Открытость позволяет системе находиться в колебательной (пространственной) и скоростной (временной) ритмике среды, которую можно назвать пространственно-временной симметрией. Именно эта ПВ-симметрия определяет и регулирует предел открытости системы в каждый момент ситуации. При плюсовой (избыточной, излишней) открытости система становится уязвимой: экспансивное влияние, вторжение со стороны других образований среды может разрушить её структуру. Но и отрицательная открытость т.е. тенденция к

замкнутости, герметичности негативно сказывается на развитие системы: поступление информации, вещества и энергии извне уменьшается, вследствие чего размывается, притупляется система, теряется динамичность системы. Здесь должен работать закон разнообразия.

Весьма важным уточнением АКП является допущение, что сочетание космологических, физических и химических факторов шло жёстко детерминированным, закономерным путём. Такая точка зрения существенно сузила сферу случайных факторов в возникновении жизни и разума. «Представление об узости пределов возможных изменений фундаментальных констант и ряда глобальных свойств Вселенной, при которых, по-видимому, в ней могли возникнуть условия для форм жизни, напоминающих земные, а в конечном счёте для возникновения антропоморфных цивилизаций, — пишет В.В. Казютинский, — то не следует ли отсюда вывод: в нашей Вселенной возможно существование исключительно антропоморфных цивилизаций? (Казютинский В.В. Мировоззренческие и методологические аспекты антропологического (антропного) принципа в космосе. М., 1982, с. 36). Против идей случайности выступает также известный астроном и философ И.С. Шкловский, утверждающий, что мы одиноки если не во всей Вселенной, то во всяком случае в нашей Галактике или даже в Местной системе Галактик» (Шкловский И.С. «О возможной уникальности разумной жизни во Вселенной», С. 92-93). Снятие роли случайности в организации систем по названным догадкам не совсем корректно с позиции философии. В любом процессе необходимость и случайность не только сосуществуют, но и выступают в мере взаимодополнительности. Закономерность рождается на стыке множества случайностей. Допустимо, исходное АКП как неупорядоченность, хаос было основано на факторе

случайностей, который допускал возможность развития по многим направлениям, но который в конечном счёте вывел процесс на целенаправленный пространственно-временной вектор организации систем.

*Вестник Российского университета
кооперации, Чебоксары, 2008. №1.*

ДИАЛЕКТИКА СИНЕРГЕТИКИ

Чем дальше, тем быстрее развивается общество. Познание не только должно следовать за изменениями мира, но и опережать их. Антиципирование перспективы — одно из главных назначений научной мысли. Методы и приемы познания диктуются спецификой самого предмета исследования. И чем совершеннее инструмент познания, тем успешнее продвигается наука в глубь вещей, к сути происходящего.

За последние, исторические по значимости, годы появились и широко применяются на практике научных изысканий такие теории и концепции, как общая теория эволюции, общая теория систем, синергетика, теория многомерности мира и др. Также нашла свое признание гомогетероника, концептуальные положения которой совместно с синергетикой используются при анализе структуры и эволюции природных, социальных и научных систем. Эти и другие общенаучные подходы расширили прежнее привычное мировидение, сформировали представление о том, что мир разнообразен не только в своих бесконечных проявлениях но и в своих фундаментальных основах. Неоднородность систем не всегда производная от первоединого, от более глубокой сущности первоматерии. Из одной только буквы нельзя составлять трагедии и комедии. Но эти же перечисленные нами успехи меж-

---

дисциплинарии оттеснили материалистическую диалектику на периферию логико-гносеологических исследований. Более того, она оказалась в фокусе вульгарной критики со стороны мелкотемников. Поистине «за деревьями перестали видеть лес».

«Диамат рассыпался как изветшавший и безжизненный дом», — написано в одном из энциклопедических словарей и объявлено о кончине диалектики, от которой якобы отвернулись с презрением [1, с. 165]. Категоричность уже признак отсутствия диалектического мышления. Авторы подобных позиций скорее всего сводят извечную категорию «диалектика» к идеологизированному до остатка марксистколенинскому диамату, где и на самом деле абсолютизируется фаза противоречия в отношениях противоположностей, принципиальная дихомотия мира и др. Но основное назначение диалектики — видеть мир, общество таковыми, каковы они есть в действительности, снять непримиримость, агрессивность мнений методом триады и привести мир и человека к состоянию гармоничного эволюционного развития. Надо помнить, что марксистская философия — это лишь один из этапов, одна из форм развития философской культуры, которая оставила глубочайший след в истории человечества. И ни одна из исторических форм развития человеческого духа не имела столько влияния на общественную практику, как марксистская философия. При его оценке крайне важно применение таких принципов диалектики, как принцип объективности и принцип конкретно-исторического подхода.

Диалектика и философия в сущности одно и то же. Тревога за судьбу «царицы наук» чувствуется в кругу известных отечественных философов. «Если философия творчески истощается, вырождается, вытесняется на периферию культурной жизни, постепенно изгоняется из образования и просвещения, перестает быть

лидером в общественном сознании и уступает место журналистам, звездам шоу-бизнеса и др., значит, время этой культуры закончилось», — пишет В.М. Межуев, один из ведущих философов-культурологов [2, с. 23]. С одной лишь мыслью автора хотелось бы не согласиться. Философия творчески не истощается, не вырождается, она имеет свою внутреннюю логику развития. А о препятствиях, целенаправленно создаваемых, нужно сказать, что, может быть, и в самом деле надобно некоторое сопротивление, «ставить палки в колеса», чтобы движение состоялось. Напряженный поиск выхода из духовного кризиса определился на неклассической форме мышления. Если марксистская философия является в основном своеобразным отражением жестко детерминированной стороны бытия, то новое мышление связано с анализом неравновесных состояний открытых систем, нелинейности, второстепенной роли случайности в самоорганизационных процессах и т. д. Альтернативное видение мира не должно претендовать на универсальность. «Мы являемся свидетелями исторического события — рождения новой, нетрадиционной философии, обладающей новым предназначением», — пишет Х.Э. Мариноян на страницах ведущего журнала «Философские науки» [3, с. 8]. Становление «новой, нетрадиционной философии» не снимает непреходяще-традиционное ее предназначение. Тем более автор немного позже перечисляет те же самые, с античных времен идущие социально-гносеологические функции философии. Классическая и неклассическая формы мышления не исключают друг друга. Причем далеко не все возможности классической диалектики исчерпаны.

Точка зрения некоторых авторов о «логичности и правомерности вообще не проводить демаркации между философскими понятиями — категориями и общенаучными понятиями» [4, с. 38] представляется нелогич-

ной и непропорциональной. Диалектика по отношению к общенаучным теориям и концепциям выступает родовым началом теории познания, и ни одно из их положений не только не противоречит духу диалектики, но и гармонично вписывается в ее требования. Общенаучные категории, как и категории частных наук, призваны конкретизировать и обогащать диалектику, вскрывать ее возможности, но они не обладают признаком всеобщности и потому не могут выступать в статусе философских категорий, хотя и отражают фундаментальные свойства бытия. В то же время результаты и задачи общенаучных исследований требуют совершенствования гносеологических возможностей материалистической диалектики, в частности разработки ее межкатегориального аппарата. Примером такой попытки может послужить придание статуса философской категории понятию «особенное» [5].

Устоявшиеся в философии универсалии, в особенности соотносительные категории диалектики, такие как единичное и общее, причина и следствие, необходимость и случайность, содержание и форма, сущность и явление, возможность и действительность, целое и части, в своих связях не только отражают неоднородность материального мира и его единство, но и формируют соответствующую модель мира в сознании человека. Развивающийся мир может быть схвачен только развивающимся познанием. «...Именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод общения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для перехода от одной области исследования к другой» [6, с. 367].

Не в целях реабилитации диалектики как методологии познания — она в этом и не нуждается, а в целях дальнейшего расширения и углубления ее потен-

циальных возможностей предпримем попытку соотнести ее с основными положениями синергетики и гомогетероники.

Как известно, понятие «синергетика» (от греч. *synergetinos* — совместный, кооперативный, согласованно действующий) введено в научный оборот Г. Хакеном при изучении им квантовых процессов в лазерных системах. Поведение элементов системы при определенных внутренних и внешних условиях порождает новое качество. Хаотичное колебание атомов лазера по мере достижения критического уровня внешнего воздействия (β) становится упорядоченным и образует лазерный луч. Немногим раньше основные положения синергетики были сформулированы Э. Шрёдингером в книге «Что такое жизнь с точки зрения физики?», где он выделяет три условия для самоорганизации системы: открытость, неравновесность и критический порог [7]. Термин «самоорганизующаяся система» можно встретить в работах У. Р. Эшби в эти же годы [8, с. 324]. Значительный вклад в разработку принципов и оснований синергетики внесли И. Пригожин, И. Стангерс, Г. Николис и др. По мере экстраполяции феномена синергетики на социально-экономические и культурные сферы сформировалось новое мировидение, но она не стала от этого философской категорией. Ныне за синергетикой прочно закрепилось определение «теория самоорганизации». Заметим, что мир в целом самоорганизационен, но части его, хотя и пребывают в относительной автономности, непосредственно или опосредованно связаны друг с другом, так или иначе испытывают взаимное влияние. Причем упорядочивающаяся система, взаимодействуя с окружающей средой, подчиняет ее в том направлении, которое необходимо ей для достижения порога диссипативности. Этот процесс сопровождается одновременно и разрушающим, и организующим началом среды.

Система, если она самодостаточна, в каком-то пространственно-временном интервале не самоорганизуется. Понятие «самоорганизация» в отношении данной системы теряет свой смысл. Состояние сосуществования хаоса и порядка как единства противоположных направлений движения сохраняет систему в самоидентичности. Еще Ф. Энгельс в «Диалектике природы» заметил, что «возможность относительного покоя тел является существенным условием дифференцирования материи и тем самым существенным условием жизни», именно диссипативное состояние систем позволяет человеку ориентироваться в мире вещей. Именно этот момент эволюционного процесса требует не менее внимательного отношения теоретиков и толкователей проблемы синергетики.

В литературе стало общепринятым использование понятий «система» и «организация» как взаимозаменяемых. Л. Берталанфи в общей теории систем организацию определяет как «совокупность элементов, находящихся во взаимодействии» [9, с. 24). Система (греч. *systems*) есть целое, составленное из частей. Эти два понятия в этимологии схожи, и поэтому применение их в популярных текстах как синонимов вполне оправданно. Однако некоторые термины имеют свойство изменения в смыслах, отхода от первоначального значения. В словаре С.И. Ожегова «организация» — это в первую очередь глагольная форма слова, означающая действие, процесс. Уточнение смысла данного термина необходимо для соотнесения его с самоорганизацией.

Организация есть то, что ведет к упорядоченности элементов досистемного состояния, к состоянию целостной структуры под воздействием сторонней силы внешней среды. А самоорганизация, по Эшби, представляет собой «переход от системы с независимыми частями к системе с зависимыми частями». В данном

случае кооперирование элементов (подсистем) происходит в основном благодаря их внутренней энергии, но нельзя сбросить со счета и момент включенности в данный процесс определенной стороны среды. И. Пригожин, развивая эту мысль, отмечает, что самоорганизация возможна лишь в неравновесных системах, где они с равной точки отсчета являются одновременно и принимающей, и отдающей информацию сторонами. Переход материи от предбиологических к биологическим системам можно объяснить также лишь самоорганизацией, решающей предпосылкой которой является наличие каталитических функций в сочетании с различными механизмами обратной связи, придающих системе способность к автокаталитическому росту. Таким образом, отличие самоорганизации от организации заключается в том, что она происходит в открытых системах прежде всего за счет внутренне согласованного кооперативного движения ее компонентов. Под организацией нужно понимать то же самое явление, но проистекающее под доминирующим воздействием внешних факторов.

То обстоятельство, что принципы синергетики стали активно применяться в исследованиях социокультурных явлений, позволило свободно толковать ее смысл, и потому нам следует «вернуть их домой». «Слово “синергетика” означает науку о сотрудничестве, кооперации» (10, с. 25)]. Труд — это параметриальная характеристика человека, общества. Нет необходимости «уточнять» классическое определение синергетики, данное Г. Хакеном, который этим термином обозначает кооперативный, целостный эффект взаимодействия большого числа подсистем в открытых системах [11, с. 15). *Cooperatio* (лат.) переводят как сотрудничество и указывают, что оно выражает определенную форму труда. В основе данной дефиниции лежит сотрудничество, т. е. совместный труд, и оно имеет от-

ношение лишь к социально организованной форме материи. Определение синергетики как науки о сотрудничестве суживает, обедняет ее смысл. Этимология слова «кооперация» интерпретирована неточно. «Со» — это первая составная часть сложных слов, что означает «вместе», а «*operatio*» — действие. Следовательно, кооперация — это содействие, т. е. совокупность согласованных действий элементов организующих систем, которая имеет место не только в социальной среде, но и на всех уровнях организации материи. Следовательно, кооперация есть общенаучная категория. По авторскому праву нами пересмотрена точка зрения, изложенная в статье «Кооперация как философская категория» [12].

Центральной проблемой синергетики является проблема поиска ответа на вопросы: в каких условиях и как неупорядоченные структуры становятся упорядоченными, и наоборот; как может быть достигнут своеобразный синтез порядка и хаоса в данной системе? Этот поиск проявляется в двух противоположных направлениях: стремление к максимально неупорядоченному состоянию в изолированных от внешней среды системах; стремление к упорядоченности в открытых системах. В этом бесконечном процессе смены порядка и хаоса и наоборот некоторые философы дают предпочтение доминированию хаоса над порядком, что подводит к выводу о нестабильности современного мира. Но есть другое, противоположное этому мнение, идущее из космологии древних греков, что становление космоса от хаоса есть нескончаемый процесс и что движение направлено лишь в сторону мирового порядка. Эта концепция по-современному называется моделью «большого взрыва» или эволюционирующей Вселенной.

Одним из основных свойств диссипативной системы является открытость, что обеспечивает условие ее

обмена с внешней средой (веществом, энергией и информацией). На уровне живой материи системы принципиально не замкнуты. Э. Шрёдингер писал, что средство, при помощи которого организм поддерживает себя постоянно на достаточно низком уровне энтропии, в действительности состоит в непрерывном извлечении упорядоченности из окружающей среды [7]. А в неживой природе информационная причинность отсутствует. Открытость позволяет системе находиться в колебательной (пространственной) и скоростной (временной) ритмике среды, которую можно назвать пространственно-временной (ПВ) симметрией. Именно эта ПВ-симметрия определяет и регулирует предел открытости системы в каждый момент ситуации. При плюсовой (избыточно; излишней) открытости система становится уязвимой. Экспансия со стороны других образований среды может разрушить ее структуру. Но и отрицательная открытость (замкнутость, герметичность) негативно сказывается на развитии системы: поступление вещества и энергии или информации извне уменьшается, вследствие чего система при тупляется и теряется ее эластичность, динамичность. Процесс деструкция, самороспуска замедляется лишь присутствием определенной порции внутрискрутурной свободной энергии, константно направленной против равновесия. Определить меру открытости и замкнутости системы на все времена и на все случаи невозможно. Следует заметить, что в отношении вопроса об открытости и замкнутости нужно помнить об их относительности. В мире нет абсолютно открытых и замкнутых систем. Следовательно, логично было бы ввести понятие степени или меры диссипации, дозировки энтропии и неэнтропии в процессах организации и дезорганизации систем. Для каждой системы в каждой конкретной ситуации она определяется фактором их синхронизма. Однако концептуальное реше-

ние проблемы, ее теоретическая установка необходимы, что, на наш взгляд, позволяет решить ее в пределах смысла автономности системы. Автономность часто отождествляют с закрытостью и противопоставляют ее открытости.

Утвердилось мнение, что устойчивость и равновесность есть тупиковая ситуация эволюционного процесса. Ведь именно неустойчивость и неравновесность наращивают неоднородность предметов и явлений, открывают множественность путей развития, освобождая их от жесткой предопределенности. И мы интуитивно желаем недопущения стагнации, застоя, если это касается общественных явлений, не вписывающихся в круг наших позитивных интересов. Но дело заключается в том, что мир не может пребывать в состоянии лишь свободы или необходимости. Принимать за фундаментальную характеристику эволюционных процессов устойчивость или только неустойчивость было бы неверно.

Следующим свойством диссипативной системы является нелинейность, когда нарушается пропорциональность воздействия извне на состояние системы: незначительные колебания среды могут вызвать коренные изменения в структуре системы, а масштабное вторжение всех трех факторов среды оставляет систему в прежней структуре и сути. Как это ни парадоксально, жизнь и смерть системы прежде всего зависят от хаоса, наличествующего в самой системе. В первом случае амплитуда колебания среды заполняет проваливающее пространство хаоса системы, которая, в крайнем случае, инволюционируется, но сохраняет свое собственное содержание, самоидентичность. Во втором случае колебание внешней среды, вступая в резонанс с флуктуационным поведением хаоса системы, разрушает существующий порядок диссипативности.

Мир в целом представляет собой самоорганизи-

рующийся и саморегулирующийся универсум. Здесь нет фактора, воздействующего на него извне, а есть только отношение сущностей, порождающее негэнтропию как малых, так и масштабных систем. Разумеется, здесь действует и дезорганизирующая величина, которая в физике называется энтропией. Процессы самоорганизации не зависят от величины локальных систем, и они не равносложны: чем выше на эволюционной лестнице находится система, тем сложнее протекают в ней процессы самоорганизации. Во вселенском масштабе хаос и порядок равновесны и равнозначимы, а в период расширения Вселенной тенденция самоорганизации является направляющей и она преобладает над стремлением к хаосу.

Что является внутренним источником самоорганизации системы, каков механизм становления ее целостной структуры, в каком направлении движется данная система, совокупность систем, наконец, мир в целом? Эти главные вопросы бытия — «почему?», «как?», «куда?» — ставятся человечеством с давних времен. Объяснить совместимость таких проти-воположных состояний и тенденций, как хаос и порядок, части и целое, неустойчивость и устойчивость, случайность и необходимость, дезорганизация и организация и др., которыми оперирует синергетика, без диалектики как методологии познания не представляется возможным. Процесс образования новых структур, перехода хаоса к состоянию упорядоченности, достижения степени порога диссипативности также происходит в соответствии с законами взаимного перехода количественных и качественных изменений и отрицания отрицаний. В ходе последовательного развертывания соотносительных категорий диалектики вырисовываются и «созвездия» вариантных возможностей самоорганизации систем.

Литература:

1. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995.
2. *Межуев В.М.* Культурная функция философии // *Философские науки*. 2008. № 1. С. 10-24.
3. *Мариносян Х.Э.* Размышления о главном // *Философские науки*. 2008. № 1. С. 5-9.
4. *Общая теория неоднородности и синергетика об организации систем: моногр. / под общ. ред. Н.М. Солодухо. По матер. междунар. (СНГ) семинара. Казань: Изд-во КГТУ, 2006. 183 с.*
5. *Исмуков Н.А.* Национальная культура в пространстве философии. М.: Прометей, 2012.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 20. М.: Изд-во полит, литературы, 1974.
7. *Шрёдингер Э.* Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: РИМИС, 2009. 176 с.
8. *Эйбс У.Р.* Принципы самоорганизации. М.. 1966.
9. *Bertalanffy L. von.* Das biologische Weltbild. Bern, 1949.
10. *Морозов В.В.* Синергетика как наука: цели, принципы, понятия // *Общая теория неоднородности и синергетика об организации систем: моногр. По матер, междунар. (СНГ) семинара. Казань: Изд-во КГТУ. 2006. 183 с.*
11. *Хакен Г.* Синергетика. М.: Мир, 1989.
12. *Исмуков Н.А.* Кооперация как философская категория // *Философия потребительской кооперации: социальный аспект. Чебоксары, 2006. С. 4-13.*

*Научно-технические ведомости.
Санкт-Петербургский государственный университет. 2016, 2(244).*

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ

I.

В философии нет проблем менее или более значимых. Однако жизнь актуализирует их поочередно, выдвигает на первый план ту или иную проблему. В последнее время одной из таких тем стала тема самоорганизации не только на предбиологическом уровне, но и в социальной сфере действительности. Но на пути теории самоорганизации, начало которой было положено еще И. Пригожиным (принципы линейной термодинамики) и Г. Хакеном (принципы и основания синергетики) достаточно много неразрешенных трудностей. Например, до сих пор еще ни теоретически, ни практически не преодолена «пропасть» между неживой и живой формами организации материи, не определены и не вскрыты критерии и механизмы перехода систем в новое качественное состояние. Мы лишь виртуально перескочили эту «яму», и за неимением других более достоверных подходов, гипотетически убеждены в научности, правильности того, что биологические системы создаются в процессе долгой химической эволюции при соответственно благоприятных условиях (концепция академика Опарина), что в сущности не противоречит телеологической концепции развития мира, одной из разновидностей которой выступает антропный принцип, утверждающий, что на стыке бесконечных случайных новообразовательных и деструктивных моментов выдается одна константа — жизнь. В дальнейшем, но уже на уровне научной практики, американец Утсон и англичанин Крик выяснили биологическое значение молекул дезоксирибонуклеиновой кисло-

---

ты, где записана наследственность, а французы Жакоб и Моно раскрыли сложные генные системы в клетках бактерии.

При определении механизма эволюции можно лишь предположить, что в его фундаменте лежит принцип асимметрии противоположностей, служащей как бы внутренней пружиной активности элементарных систем. Таким образом, нельзя сбросить со счетов известное положение о том, что наличие внутренних неравновесных противоположностей, вызывающее асимметрию противоречий в системе является источником перехода ее на качественно новую ступень организации. Но требует особого усердия в исследовании проблемы самоорганизации вскрытие роли второго принципа динамического уравнивания, определяющего направленность процессов развития систем, а также роли энтропийных (второе начало термодинамики) и антиэнтропийных процессов в становлении качественно новых систем.

II.

Проблема самоорганизации на уровне социально-го не менее сложна, чем процессы структурирования в предбиологической среде. Но она, кроме того, важнее для нас, ибо ежевременно выходит на наши интересы во всех его аспектах. Ныне происходящие процессы в мире, и, в особенности в России, еще более актуализировали вопросы самоорганизации общества, гармонизации отношений между его структурными компонентами.

Развал советской системы, смена формаций и возникновение капиталистических форм организации экономических и политических структур с признаками невиданно жесткого прагматизма перевернули критерии прежних ценностей, вызвали на долгое время ду-

ховный кризис в определенных властно-имущественных слоях российского общества, пагубно отразились на нравственно-этической сфере культуры.

Говоря об обществе как о самоорганизующейся системе необходимо выделить такие его преимущества как управление и самоуправление. Управление предполагает воздействие субъективного фактора (государство, те или иные органы в рамках отраслей, территорий и т.д.) на объект, подсистему, (общество в целом, его основные сферы, отрасли народного хозяйства, комплексы, регионы и т.д.), извне с целью достижения локальных или масштабных перспективных систем.

Не в кибернетическом, а в социальном аспекте, самоуправление есть налаженная связь между компонентами системы, которая поддерживает ее целостность. Состояние самоуправления ограничивает активное вмешательство субъективного фактора. Как ни парадоксально, но повышение степени управляемости ведет к естественной (если не стихийной) саморегуляции системы.

Абстрагируясь от Вселенских процессов, общество в своей автономности и целостности есть самоуправляемая система, где осознанные субъектно-объектные отношения составляют ее базисную основу. Разумное — действительно. Но общество как часть мироздания подчиняется его законам, и потому управление и самоуправление должны строиться в соответствии с существующими условиями среды. И только при таком случае стабилизируются обмен информацией, веществом и энергией между структурными элементами самой системы с одной стороны, с другой — между средой и системой, что в конечном счете сохраняют самоидентичность последней.

В социальном управлении нарастающими темпами повышается роль информации, которая выполняет коммуникативные, научно-познавательные, агитаци-

онно-пропагандистские, морально-этические и другие функции. Информация, способствуя решить глобальные проблемы, сама превратилась в глобальную проблему. К информации предъявляются требования достоверности, оперативности и отлаженности, от рациональной организованности которых зависит прогресс общества. В последние годы проблема интенсификации информационного взаимодействия основных сфер общественной жизни, государств, национальных образований, различных социальных групп, индивидов выходят на первый план.

Обмен информацией между компонентами социальной системы, упорядочивание ее для дальнейшего получения новой информации является основным условием прогнозирования перспектив системы и эффективного управления ею. Способность адаптироваться к изменившимся условиям, преодолеть энтропийные моменты в соответствии с новыми обстоятельствами среды во многом зависит от достоверной и адекватно построенной информации.

Информация как средство глобальной человеческой коммуникации связала мир в единую систему, функционирующую в режиме реального времени. Общественная ценность информации стала неоценимой.

III.

Самоорганизация и нравственная потребность

Социальная самоорганизация как естественно-исторический процесс заставляет непрерывного пересмотра многих положений этической науки, которые необходимо сказываются на практической деятельности, начиная от поступков отдельного человека в бытовой сфере и кончая политическими решениями на самом высоком уровне. И принимать решение на всех уров-

нях на основе действующих правовых и морально-этических норм — гарант самоорганизации общества. Нормативные акты права приняты также на основе морали, и потому они должны быть максимально приближены к ее основам. Именно этот фактор сохраняет стабильность общества как самоорганизующуюся систему.

О нравственно-этических проблемах написано достаточно много. Но в философской литературе крайне недостаточно разработана проблема нравственной потребности. Воспитание у людей нравственной потребности самая важная, самая сложная сторона существования общества. Социальная самоорганизация как естественный процесс, без зажима со стороны власти, управленцев и давления снизу, может функционировать только при условии наличия у всех членов общества нравственной потребности.

Как известно, главная социальная функция морали — это преодоление противоречий между личностями и обществом, между личностями. В какую сторону доминирования: рост независимости индивида от социального целого, или тотального подчинения общественным интересам естественных потребностей человека? Как бы мы ни хотели подчиниться социальным нравственным нормам, и как бы ни стремились к независимости от существующих и действующих моральных требований, мы объективно вынуждены жить по законам и нормам общества. Это противоречие может быть преодолено лишь с осознанием нравственной необходимости, и выработкой разумного стереотипа нравственных потребностей.

Нравственная потребность — это осознанная нравственная необходимость, которая возникает на стыке социальной деятельности и индивидуального поведения. Ставя вопрос о нравственной необходимости (читай: необходимые нормы, нужные государству), нельзя ограничивать относительную свободу выбора каждой

личностью той или иной линии поведения, позволяющую, с одной стороны «компенсировать» неоднозначность нравственных ситуаций, а с другой — учесть индивидуальные интересы, цели, убеждения и личные качества индивидов.

Социальная и индивидуальная нравственная потребность должны идти в общем русле, они органически взаимосвязаны. Эта связь глубоко диалектична и противоречива. Она выражает общественную сущность индивидуального сознания и реализацию ее в активности самосознания. Еще Гегель уловил эту связь: «Я нахожусь в нравственной субстанции благодаря тому, что правильное для меня есть в себе и для себя, и таким образом эта субстанция есть сущность самосознания: а это последнее есть ее действительность и наличное бытие, ее самостоятельность и воля».

Условно можно сравнивать нравственность (добро) и безнравственность (зло) соответственно как белое и черное. Те явления, где больше белого, мы относим к нравственным, и наоборот. Абсолютная белизна — это нравственный идеал, абсолютная чернота — зло. Но это приведет к выводу, что несоответствующее нравственному идеалу есть безнравственное, а несоответствующее злу — нравственное. Следовательно, нет ни нравственного, ни безнравственного. Это — софизм. Преодолеть эту «яму» возможно с введением в научный оборот понятия «должное или допустимое поведение». Как между белым и черным лежит огромный спектр оттенков, так и между нравственностью и безнравственностью простирается «нравственно допустимое поведение», которое диктуется объективными условиями бытия человека вообще и ситуацией данного времени, места и уровнем общественного сознания.

Таким образом, нравственно допустимые поступки, это те же поступки, которые не выступают идеалом нравственности, но являются наиболее нравственным

в тех или иных конкретных условиях, устанавливает предел, границу, за которой начинается безнравственное.

Но есть понятие «ложное нравственное», которое относится к высшей степени безнравственности, поскольку безнравственное осознанно подается как нравственное и вдальбливается в сознание собеседника или населения целой страны.

В повседневной жизни для оценки социальных фактов обычно используется дихотомическая система отсчета «нравственное — безнравственное». Еще древнегреческие философы утверждали, что палка бывает прямая или кривая. Но в действительности оценка носит условный характер. Условность не в смысле субъективности, т.е. отсутствия в ней объективного содержания, а в смысле, если так можно выразить, «степени, количества» нравственности и безнравственности. Поэтому мы и используем при оценке поведения субъекта выражения: «он совершил неэтичный поступок» или «он совершил безнравственный поступок», подчеркивая тем самым отличие в значимости этих нарушений общих правил морали.

Человек изначально одинаковой степенью открыт добру и злу. Нет человека, поведение которого за всю жизнь было бы направлено или только к добру, или только к злу. Совесть — вот что стоит между добром и злом, между нравственностью и безнравственностью. Понимание совести, теоретизирование ее смысла — это еще не доказательство наличия совести. Бытие совести — это прежде всего действующая совесть, которая призвана вправить соотношение между добром и злом в сторону добра, нравственности.

*Вестник Российского университета
кооперации. Чебоксары, 2009, № 3.*

ФИЛОСОФИЯ ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ

(*нравственный аспект*)

Само название темы звучит несколько непривычно, если не сказать искусственно, поскольку строгая философия стоит высоко, на пике абстрактного мышления, а потребкооперация предельно приближена к нашей обыденной практике.

Но, как известно, для философии нет закрытых тем. Она имеет отношение к любому предмету или явлению действительности. Именно на уровне философии формируются фундаментальные основания и универсалии культуры и ее отдельные сегменты.

С целью обосновать неразрывное единство потребкооперации и философии я постараюсь по-иному подойти к проблеме.

Первое, на что я хочу обратить ваше внимание, это то, что в современном ее состоянии потребкооперация функционально шире, чем ее этимология: ныне она включает в себя не только распределение и потребление, но и сбыт и производство материальных благ, что в совокупности представляет не что иное, как общественное бытие. А это уже в соотношении с общественным сознанием выступает основным вопросом в социальной философии.

Второе. Нравственное сознание считается одной из форм общественного сознания. Исследование специфики проявления которого в различных сферах человеческой деятельности является одной из важнейших задач философии.

Третье, а это я считаю принципиально важным, что потребкооперация является лишь частным случаем кооперации вообще. А частная теория организации, чтобы использовать ее высокой степенью вероятности,

должна быть основана на знании принципов действия всеобщих законов организации структурных систем. Следовательно, понятие «кооперации» нужно поднять на уровень всеобщности и придать ей статус философской категории. Такая попытка мною была предпринята в Академическом издании.

К исследованию проблемы потребкооперации в теоретическом плане эффективнее подойти не с конкретики, а с тектологии как всеобщей организационной науки, ибо она является состоявшейся как аксиома. С этих же позиций мне представляется оправданным начать изучение поставленной проблемы с нравственности вообще как категории социальной философии. Тем более в последнее время мы много стали говорить о нравственных основах потребкооперации, что, естественно крайне необходимо в условиях рыночной экономики, однако оставлять без внимания глубинную, теоретическую суть этого социального явления более чем ущербно.

II.

Современная российская действительность и капитализация основных средств производства заставляют пересмотреть ранее существовавшую систему ценностей, корректировать не только государственные, межнациональные, но и межличностные отношения. История выправляет свою линию поведения. В ходе возрождения и становления частной формы собственности идет процесс индивидуализации личности. До некоторого критического момента времени этот процесс выступает как положительное явление, ибо прежняя, коммунистическая идеология в течение более ста лет вдалбливала в сознание граждан принцип приоритета общего над частным, общественного над индивидуальным. Жизнь отдельного человека перед глобальны-

ми задачами и историческими событиями абсолютно пренебрегалась. Она не имела экзистенциальной ценности. «Цель оправдывает средства» — этот старый макиавеллистский лозунг оказался универсальным на все времена: наиболее масштабно, демагогически цинично он практиковался в период так называемого строительства коммунизма. Нравственно все то что служит делу коммунизма (Ленин). Один из авторитетов ЦКК Шкирятов по-большевистски открыто выразил нравственные основы отношений между членами партии: «каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем в нашем движении, то это не от доноительства, а от недоноительства». Лжеморализованная политика социализации совести, нравственности, нивелировка индивидуальности до состояния первобытной аморфности погубила миллионы жизней, начиная с Павлика Морозова — этого несчастного дитя «светлого будущего» (нам, слава Богу, не дано было знать до какого монстра-большевика он бы вырос) до трагического 37-го года. Какими доводами оправдать расстрелы 42-х миллионов людей за годы репрессии? Но такова уж нравственная природа политиков, что они не могут обойтись без доведенной до совершенства демагогии: думать одно, писать другое, делать третье. Теперь уже трехликий Янус. В литературе часто употребляются выражения «догоняющая совесть», «угрызение совести», т.е. за содеянный безнравственный поступок человек делает добро в какой-либо другой сфере деятельности.

Даже Иуда, этот самый известный в мире доноситель, под давлением «догоняющей совести» купил за 30 серебрянников земельный участок для кладбища нищих и бомжей. А вот Мария Сахьянова, под руководством которой только за 1937 год посажено в тюрьму 2900 человек и расстреляно 445 представителей интеллигенции Чувашии, даже не покаялась. Почему я

привел эти примеры? Да потому, что история должна учить нас избежать безнравственных массовых поступков.

Нельзя оправдать эти преступления ни незнанием закономерностей развития общества, ни благими намерениями, как это пишет С.Л. Франк в своем знаменитом «Крушение кумиров»: «Если окинуть общим взором всю жизнь человечества, то приходится усмотреть парадоксальный, но воочию явственный факт: все горе и зло, царящие на земле, все потоки пролитой крови и слез, все бедствия, унижения, страдания, по меньшей мере на 99% суть результаты воли к осуществлению добра, фанатичной веры в какие-либо священные принципы, которые надлежит немедленно насадить на земле, и воли к беспощадному истреблению зла» (Соч., — М., 1990. — С. 128). На обыденном языке это звучит: «хотелось лучше, но получилось как всегда». Помощь нищему всегда оборачивается неблагодарностью.

Может быть и политика монетизации нынешнего правительства России проводится из благих намерений. Но улучшить финансово-экономическое положение страны за счет пенсионеров, ветеранов труда и войны — это, по моему глубокому убеждению, безнравственно, ибо на них стояла страна, чьей благой сегодня весьма успешно пользуются чиновники от власти, авторы данной реформы. В древней Спарте стариков и старушек ввиду их экономической ненужности было принято сбрасывать со скалы. Вот какой откат в глубину истории совершило наше государство, депутаты Госдумы, за которых голосовала в первую очередь самая активная часть населения — пенсионеры с надеждой на нравственную взаимность. Нравственность всеобщна: она одинаково должна пониматься и властью, и населением, и должна быть одинаковой степенью потребна на любых поворотах истории.

III.

Для оценки поведения и поступков людей обычно применяется дихотомическая система отсчета: нравственное и безнравственное. По этой схеме выходит следующая антидилемма: что небезнравственно, то нравственно, и, наоборот, ненравственное есть безнравственность. Но здесь, видимо, социальный факт оценивается с точки зрения идеально нравственного и завершенным, состоявшимся, сложившимся злом. Однако в реальной жизни не существует нравственного идеала, к нему можно только бесконечно приближаться. Человек изначально одинаковой степенью открыт добру и злу. Нет человека, поведение которого во всех отношениях было направлено только к добру или только к злу. Совесть — вот что стоит между добром и злом, между нравственностью и безнравственностью. Понимание совести, теоретизирование ее смысла как регулирующего начала поведения человека еще не доказательство наличия совести. Бытие совести — это прежде всего действующая совесть, которая призвана «вправить» соотношение между добром и злом в сторону добра, нравственности. Как между белым и черным лежит целый спектр оттенков, так и между нравственностью и безнравственностью простирается нравственно должное, характеризующейся «степенью и количеством» добра, и, которое диктуется объективными условиями бытия человека вообще и сложившейся ситуацией данного времени, места, а также и уровнем общественного сознания. Таким образом, введение в научный оборот понятия «нравственно допустимое» способствует преодолению «ямы» между абсолютной т.е. идеалом нравственности и ее антиподом — злом. Оно, не является ни тем, ни другим, но устанавливает границу, за которой начинается безнравственное.

Нравственность пронизывает все без исключения сферы человеческих отношений. Но это не говорит о том, что мы свой каждый шаг сначала должны мерить ее рамками, а после только поступать так или иначе. Жизнь в таком случае превратилась бы в некий стандарт и исключила бы всякое творчество. Нравственные нормы, выработанные всей человеческой историей, вносятся в нас малых лет («Что такое хорошо, что такое плохо») и действуют почти автоматически, неосознанно.

Основой, базой нравственности является материально-экономическая сфера, отношения людей к собственности, которая направляет, «вправляет» этику духовной деятельности общества, в том числе политику, право. Уродливый характер капитализации основных средств производства в форме приватизации есть показатель явного разрушения духовности определенных слоев населения. Из всех ныне действующих и функционирующих производственно-потребительских предприятий и организаций потребительская кооперация является самой нравственной потому, что она одна имеет социальную совесть. По своей внутренней сути, смысла и назначения — это организация социальной защиты прежде всего села, которая сегодня, когда страна потеряла продовольственную независимость, находится в труднейшем положении. Социальная ориентированность потребкооперации проявляется в создании новых рабочих мест, развитии новых форм малого бизнеса и борьбы с бедностью. В свою очередь потребкооперация востребована населением России, что лишний раз доказывает наличие ее нравственности на должном уровне.

Перед потребкооперацией сегодня стоят две на первый взгляд взаимоисключающие, а на самом деле взаимодополняющие задачи: она должна модернизироваться, развиваться, приспособливаться к условиям

нынешних социально-экономических перемен. Но она должна и сохранить свою суть, самоидентичность, гармонизировать свою деятельность в пространстве российского законодательства, разрабатывать стандарты поведения, основанные на корпоративной порядочности и совести, учитывая при этом целеполагающий вектор: благополучие потребителя.

Потребительская кооперация достаточно самостоятельная организация. Но она и как открытая система, где действует один из принципов нелинейного развития, чтобы сохранить себя должна реагировать на внешние влияния обратно пропорционально: то есть, на глобальные изменения социальной среды, экономики и политики должна реагировать в меньшей степени. Собственные нравственные традиции потребкооперации и являются в этом процессе сдерживающим фактором.

Но это не говорит о том, что мы можем успешно развиваться без взаимодействия и перенятая опыта других, в особенности Западных промышленных и профессиональных ассоциаций, которые сегодня активно заняты разработкой своих этических кодексов. Около половины европейских фирм и свыше 90 % из двух тысяч американских кампаний имеют «Этические кодексы деятельности» для своих работников. Были приложены усилия для установления общего этического кодекса. У фирм есть и программы «этического образования» для преподавания менеджерам важнейших вопросов нравственного плана и помощи им в поисках правильных ответов. Этический кодекс потребкооперации в этом плане нуждается в дальнейшем теоретическом обосновании.

Будущая деловая элита общества находится сегодня в студенческих аудиториях. Знакомство и привитие нашим студентам общечеловеческих нравственных ценностей, принципов нравственных основ потребкооперации сегодня не только важно, но и необходимо. От

этого во многом зависит духовно-нравственное возрождение российского общества. Особенно важно это для студентов товароведного факультета, будущим коммерсантам, которые после окончания вуза в основном идут в сферу предпринимательства. Из 45 пятикурсников-выпускников уже успешно совмещают учебу с работой в сфере предпринимательства, малого бизнеса, а 5 человек являются руководителями фирм. Ныне, когда сознанию молодежи бытует своего рода дилемма: либо быть богатым, либо — честным, причем в нашей материалистически ориентированной жизни выбор обычно делается в пользу первого, крайне важно формировать у студентов нравственное сознание. Научить их на практике делового общения соединить бизнес и нравственность, найти параметры соответствия государственных законов с нормами морали, формировать чувство меры между ними и поступать в соответствии с требованиями «допустимой нравственности» — вот наша повседневная задача в учебно-воспитательном процессе. Именно в целях совершенствования этой работы была выдвинута данная проблема на пленарное заседание научной конференции профессорско-преподавательского состава института.

*Вестник Российского университета
кооперации. Чебоксары, 20.07. № 3.*

КООПЕРАЦИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Для философии нет запретных тем. Она имеет отношение к любому предмету или явлению действительности. Однако каждая проблема философского размышления в конечном итоге должна привести к поискам всеобщего в бесконечном разнообразии ве-

шей. Именно на уровне философии формируются фундаментальные основания и универсалии культуры. Получение предельно широкого понятия как результата праксиологической деятельности не является конечным и самоцелью. Философия обладает возвратным свойством: ее категории приложимы ко всем формам и сферам действительности, приобретая тем самым соответствующую конкретность. Безостановочный процесс от единичного к общему, от абстрактно-всеобщего к конкретно-всеобщему и наоборот — такова эволюция становления философских категорий.

Как и любая сфера человеческого знания философия имеет тенденцию необходимого развития: расширяется пространство ее исследования, изменяются, совершенствуются ее категории как инструменты познания, некоторые понятия выходят из употребления, появляются новые и т.д. В исторический период от Аристотеля до Гегеля мыслители тесно связывали свое творчество с разработкой категориального аппарата философии. Они смело прививали категории в мыслительный процесс, многие из которых впоследствии стали как аксиомы. Аристотель, например, активно развивал такие понятия как сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие, материалистически полагая, что они есть отражение и обобщение объективной реальности. Кант объектом своего внимания избрал количество, качество, отношение, модальность, рассматривая их лишь как формы рассудка, существующие независимо от бытия, как априории. Гениальный Гегель на основе принципа единства логического и исторического привел их в систему. Во взаимопереходах форм бытия (качество, количество, мера), сущности (основание, явление, действительность), понятия (субъект, объект, идея) он не только гениально угадал, но и рационализировал диалектику самой действительности.

Проблемами категорий и их систематизацией активно занимаются также современные отечественные философы.

Необходимость дальнейшего совершенствования категориального аппарата философии, определения и обогащения их познавательных возможностей будет существовать всегда, пока существует общество.

В этой связи представляется оправданным придание статуса философской категории понятию «кооперация», которое объективно отражает всеобщность процесса, ведущего к организации целостной системы. Но, несмотря на свою объективную всеобщность, «кооперация» не сумела эволюционизироваться до смысла категории, она осталась почти не замеченной, видимо, вследствие того, что на ее пути встали такие близкие к ней по смыслу понятия как организация, интеграция, система и др. Разумеется, чтобы выделить ее в отдельный статус, определить ей эпистемологическое место и назначение, необходимо пропустить ее сквозь строй одинарных и соотносительных категорий. В данной же статье попытаемся провести операцию соотнесения «кооперации» лишь с некоторыми из них, которые в ходе исторического развития вытеснили ее за пределы философских универсалий.

Как известно, исторически любая категория философии формируется в ходе и результате выявления какой-либо сущностной характеристики реалии. Абстрагируясь от единичного, оставляя за пределами внимания второстепенное, случайное, она концентрирует в себе лишь предельно общее, где мир, сосредотачиваясь в своем прошлом, настоящем и будущем, сужается до сущности. Выражающее смысл данного процесса понятие становится при этом информационно широким и емкостным. Следует сказать, что и сами понятия «единичное», «случайное», как бы «разведенные» от соответственно «общего», «необходимого», также сфор-

мировались аналогичным же путем как некоторый итог избирательного выбора и обобщения. Второе требование к философским категориям — это снятие с понятий их многозначности, «пространственно-широкости» (Гегель). Быть информационно емкостным не противоречит необходимости стать понятию однозначным: последнее по пути к категории, охватывая лишь то, без чего не может существовать предмет или явление, не дает ему «разрастаться» до запредельного.

Отвечает ли понятие «кооперация» двум вышеназванным требованиям, чтобы применять его в статусе категории, если — да, то в какой степени, в каком содержательном смысле? Заметим, что речь идет не о кооперации как только о форме хозяйствования, не о потребительской кооперации, какое понимание устойчиво укрепилось на уровне обыденного сознания, что представляет собой лишь как частный случай всеобщего, а о кооперации как об объединении частей, элементов в одну структурную целостность, как о системе, в определенных условиях которая дает усиленный «эффект выхода». Тем более, как известно, частная теория организации, чтобы использовать ее с высокой степенью вероятности, должна быть основана на знании принципов действия всеобщих законов организации структурных систем. Кибернетика (Н. Винер), праксиология (Т. Катарбинский), тектология как всеобщая организационная наука (А. Богданов), общая теория систем (Л. фон Берталанфи) и, наконец, синергетика как учение о самоорганизации (Г. Хакен, И. Пригожин), которая, кстати, достаточно вторична по отношению к теории открытых систем Берталанфи, но намного глубже ее, являются неоценимым вкладом в создание всеобщей теории организации. В этом плане, в плане функциональной направленности, процесса, теория кооперации и теория организации тождественны: они обе нацелены на формирование це-

лостной системы. Однако кооперация, как целое в статичности, больше подчеркивает совместимость структурных компонентов в системе, их согласованность, приведших ее к целостности. Прежде чем организовать в одну систему, отдельные элементы должны кооперироваться на основе нахождения общих параметральных оснований. Попутно отметим, что система и целостность не однозначны: первая подчеркивает наличие в целом элементов и их взаимосвязей, что предполагает ее внутрискруктурную «работу», в то время как целостность указывает на плотность взаимосвязей элементов и потому определяет ее относительную автономность, пограничность. Отсюда выводится понимание кооперации и как целостной системы, и как структурно организационный процесс формирования, сохранения самоидентичности и функционирования системы в условиях изменяющейся среды. Поэтому в дальнейшем такую целостность можно будет назвать кооперативной системой (КС).

Кооперация происходит от латинского «*cooperatio*». Во всех без исключения словарях переводят его как сотрудничество и указывают, что оно выражает определенную форму организации труда, при которой большое количество людей участвует в одном и том же или в различных, но связанных между собой процессах труда... Это форма длительных и устойчивых связей между предприятиями, занятыми совместным изготовлением определенной продукции на основе специализации производства. В основе данного определения лежит сотрудничество, т.е. совместный труд, и имеет отношение оно лишь к социально организованной форме материи. Такой перевод суживает, обедняет смысл «кооперации». Этимология ее интерпретирована неточно. «*Co*» — это первая составная часть сложных слов, что означает «вместе», «с», а «*operatio*» — действие. Следовательно, кооперация — это содейст-

вие, т.е. совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели действий, которая имеет место не только в социальной среде, но и на всех уровнях организации систем, ибо, как известно, естественным свойством любой материальной системы является стремление к переходу от менее устойчивого состояния или даже хаоса к более устойчивому путем преодоления неупорядоченности отношений элементов, что может происходить лишь при условии кооперирования последних. А со-трудничество, (труд — параметральная характеристика общества) хотя и является высшей формой организации, выступает лишь частным случаем кооперации. Подытоживая сказанное, кооперацию можно определить как процесс организации совместимых и целесообразно действующих элементов в некоторую целостную систему в любой сфере организации материи.

Кооперация есть особый уровень взаимодействия. Представляется важным соотнесение понятия «кооперация» с категорией «взаимодействие». В природе нет систем, которые бы не находились в каких-либо отношениях друг к другу. Взаимодействие есть каузальная причина всех происходящих изменений в мире. Если «разложить» процесс взаимодействия на отдельные стадии, то в нем можно выделить следующие в порядке последовательного развития этапы: влияние, взаимовлияние и взаимообогащение, где влияние есть одностороннее воздействие одного материального образования на другое, информационное давление на структуру менее организованной системы, а взаимовлияние представляет собой процесс, когда взаимодействующие объекты находятся на сравнительно одинаковом уровне организации и в одинаковой степени они перенимают друг у друга как позитивные так и негативные моменты, так или иначе воздействующие на их развитие. Во взаимообогащении в целом исключаются переходы негэнтропических моментов,

в процесс образования системы включаются только те элементы, которые не только противоречат, но и взаимодополняют, взаимообуславливают друг друга. А это возможно только при совпадении параметральных характеристик взаимодействующих элементов, при их согласованных действиях, ведущих к образованию целостной системы. Следовательно, во взаимодействии кооперация находит себя лишь на стадии взаимообогащения, ибо процесс отбора пройден на предыдущих этапах и система начинает жить в своей самодостаточности.

Основными условиями организации, функционирования и развития кооперативной системы являются: 1) самодостаточность системы и разнообразие ее элементов, 2) согласованность и интегрированность, 3) открытость и автономность. Первые два условия обеспечивают внутреннее содержание кооперативной системы, а открытость и автономность определяют ее границы существования в пространстве и во времени, т.е. в среде.

Никакая система ни на каком уровне организации не может полноценно функционировать без наличия в ней необходимого количества качественно определенных элементов. Отсутствие тех или иных элементов или «сбой» их на каком-то промежутке времени и переложение в связи с этим их нагрузки на другие элементы необходимо будет влиять на работу целой системы, на ее срок жизни, ибо каждый элемент по природе своей предназначен выполнять только те функции, которые на него возложены природой. Перебор элементов в кооперативной системе также отрицательно влияет на систему. Работа элементов не на полную нагрузку постепенно атрофирует их. Это может происходить не только с излишними, «холостыми» элементами, но и с теми, с которых последними снята определенная часть информационной нагрузки.

С другой стороны, все элементы системы должны работать с некоторой долей недогрузки с тем, чтобы при экстремальных ситуациях, связанных с изменением ситуации среды или «сбоем» одного из элементов, они могли бы в состоянии «выручить» систему. Таким образом, неполнота или избыток элементов в кооперативной системе могут привести ее в конечном итоге к деструкционному порогу.

Несмотря на схожесть, что составляет базу совместимости, каждый элемент системы является специфичным, а, следовательно, относительно самостоятельным. По закону необходимого разнообразия каждый элемент структуры содержит в себе информацию, отсутствующую у других в данной кооперативной системе. Однообразие губит мир. В системе присутствует не столько разнообразие, сколько стремление к однообразию. Оно и противостоит безграничному разрастанию разнообразия. Мир без ограничения разнообразия был бы полностью хаотичным. (*Эшби*). Закон необходимого разнообразия действует только до определенного момента. Однако критический момент разнообразия не есть постоянная величина. Определяющая его шкала меняется в зависимости от ситуации среды. В поведении кооперативной системы в этом плане необходимо выделить две стороны: ее способность приспособливаться к изменяющейся среде и способность противостоять ее ситуации, что и характеризует ее как самоорганизующую систему. Приспособление к среде скорее всего происходит благодаря разнообразию элементов, обладающих большей динамичностью и способностью реагировать на внешние изменения, а противостояние идет благодаря той достигнутой общности, равновесности, что составляет ядро системы, ибо последняя не есть простая сумма элементов, а нечто качественно иное, образованное в результате множества параллельных, встречных и перекрестных

информационных связей и потому обладающее большей консервативностью. Не приспособление системы к среде, а ее противостояние заставляет приспособляться среде потребностям системы, хотя это в некоторой степени обоюднo-встречный процесс. Разнообразие обеспечивает открытость системы, оно питает систему веществом, энергией, информацией, получаемой из среды, а достигнутая общность системы способствует организации ее состояния замкнутости, автономности. Однако эти как бы раздвоенные ветви процесса направлены на одну и ту же цель: на сохранение самоидентичности кооперативной системы в любых условиях — больших и малых, линейных и нелинейных перемен.

В процессе самоорганизации в систему кооперируются только структурно и функционально совместимые элементы. Совместимость есть взаимодействие элементов с исключением их противоречивости на основе взаимодополнительности, которая необходимо предполагает соподчиненную функциональную зависимость. Отношение элементов статусного уровня определяет содержание и направление развития системы. Их совместимость в целом обеспечивает однонаправленность информационных связей. Однонаправленность не исключает встречных и перекрестных связей, способных «пробить» другие каналы, которые способны укреплять или разрушать систему. В ходе и на пике развития деструктурирующие систему встречные связи обычно блокируются.

Важную роль на всех уровнях существования кооперативной системы от самоорганизации до «самороспуска» играет обратная информационная связь. В отличие от встречных, где присутствуют моменты негэнтропического свойства, обратная связь призвана детерминировать отношения между элементами системы. Всякая обратная связь есть встречная связь — в

ней больше опосредованных, чем прямых, линейных связей, но значение которых одинаково важно для системы.

Считается, что чем больше количественных связей, тем устойчивее, жизненнее кооперативная система. С такой позицией можно согласиться, если учитывать качество (глубина, устойчивость, долговременность) связей между элементами. Но эта же устойчивость, «надежность» приводит кооперативную систему к менее динамичному состоянию и, в конечном счете, к изоляции, закрытости. Излишнее скопление элементов, хотя и в какой-то мере совместимых, перегрузка избыточной информацией, пульсирующей между ними, равно и ее недостаточность расшатывает систему. Их должно быть столько, сколько нужно кооперативной системе в данное время и в данных условиях среды. Синхронная совместимость системы и среды — основа устойчивости мира и эволюционного развития его отдельных сфер.

В литературе доминирует мнение, подчеркивающее устроенность элементов в кооперативной системе в строго иерархическом порядке. Разумеется, субординационность между элементами должна иметь место. Более того, в зависимости от условий среды и степени организованности системы тот или иной ее элемент может «диктовать» направленность движения системы или сыграть роль дезорганизатора, что имеет место в случаях нелинейного развития. Иерархическая зависимость абсолютна только в отношениях системы как целостности и ее элементов. Но это не значит, что элементы должны «работать» всецело на систему, обеспечивая ее целесообразность. Сама система должна поддерживать относительную самостоятельность каждого элемента с их специфическим информационным полем, т.е. разнообразием. Нивелировка, размывание разнообразия фактически означает смерть системы.

Следует иметь в виду также, что в систему кооперируются чаще всего элементы разных возрастов, сложности и уровня развития, которые включаются в один темпомир благодаря действию закона самоорганизации. Последняя органически есть, по образному выражению Винера, процесс «втягивания в синхронизм». Стремление к упорядоченности всегда доминирует над силами хаоса, хотя они в диссипативности равнозначны.

Определение разницы между организацией и самоорганизацией — существенный момент для конкретизации кооперативных процессов. Организация есть то, что ведет к упорядоченности элементов досистемного состояния, к состоянию целостной структуры, что вызывается прежде всего воздействием извне (среды). Таким образом, в организации следует подчеркнуть момент включенности сторонней силы, т.е. определенной части среды в процесс становления системы. А самоорганизация, по Эшби, представляет собой переход от системы с независимыми частями к системе с зависимыми частями. В данном случае кооперирование элементов (подсистем) происходит благодаря в основном их внутренней энергии, нельзя сбросить со счета воздействие, хотя и минимальное, на данный процесс со стороны среды. И. Пригожин, развивая эту мысль, отмечает, что самоорганизация возможна лишь в неравновесных системах, где они с равной точки отсчета выступают одновременно и принимающей, и отдающей информацию сторонами. При определенных условиях устойчивые структуры возникают из единства хаоса и порядка, которое можно назвать диссипативной системой уже ограниченной рамками пространственно-временной функциональности. Переход материи от предбиологических к биологическим системам (жизнь) можно объяснить также лишь самоорганизацией, решающей предпосылкой ко-

торой является наличие каталитических функций в сочетании с различными механизмами обратной связи, придающие системе способность к автокаталитическому росту.

Таким образом, система является самоорганизующейся, если она обретает какую-то пространственно-временную функциональную структуру при минимальных воздействиях извне. А организация представляет собой приобретение статуса структурной системы при доминирующем воздействии на данный процесс со стороны внешнего, а в обществе субъективного фактора. Это общепринятое определение организации и самоорганизации применимо также и к обществу в целом, которое взаимодействует с природной средой, включающей в себя не только ноосферу, но и Вселенную в целом, чье непосредственное или опосредованное влияние оно испытывает.

Мир в целом представляет собой самоорганизующийся и саморегулирующийся универсум. Здесь нет фактора, воздействующего на него извне, а есть только отношение сущностей, порождающее негэнтропиту как малых, так и масштабных систем. Разумеется, здесь действует и дезорганизующая величина, которая в физике называется энтропией. Если мы признаем антропный принцип (но есть и точка зрения, по которому развиваются лишь отдельные системы мира, а мир находится в безостановочном состоянии организации и разрушения), то в нем в конечном счете доминирует негэнтропия, т.е. отрицательная энергия. Система, в которой сосуществуют в определенном соотношении эгэнтропия и негэнтропия, чтобы быть перспективной, должна обладать не только неравновесностью и нелинейностью, но и прежде всего открытостью, которая обеспечивает два первых фактора. Процессы самоорганизации не зависят от величины локальных систем, и они не равносложны: чем выше на эволюционной

лестнице находится система, тем сложнее протекают в ней процессы самоорганизации.

Как уже было сказано, кооперативная система, чтобы функционировать в своей целостности и перспективности, должна обмениваться с внешней средой: с веществом и энергией. Для этого она должна быть открытой, что, по мнению синергетиков, составляет основу неустойчивости, т.е. такое состояние, которое, в свою очередь, поддерживает наличие в системе разнообразия. Позиция синергетиков относительно детерминантной роли неустойчивости находит близкую параллель с основополагающей концепцией марксистской философии об абсолютности борьбы противоположностей, неустойчивости, флуктуационности и релятивности единства, т.е. устойчивости системы. Здесь мы обнаруживаем явное вторжение политики в область строгой философии с целью философско-теоретического обоснования неустойчивости современного социального мира.

Открытость и автономность — эти необходимые условия для кооперирования элементов или подсистем в систему, названы рядом не с целью противопоставления, а с целью экспликации их взаимодополнительного единства, о котором речь пойдет ниже.

Открытость позволяет кооперативной системе находиться в колебательной (пространственной) и скоростной (временной) ритмике среды, которую можно назвать пространственно-временной симметрией. Именно эта ПВ — симметрия определяет и регулирует предел открытости системы в каждый момент ситуации. При плюсовой (избыточной, излишней) открытости система становится уязвимой: экспансивное влияние, вторжение со стороны других образований среды может разрушить ее структуру, «выдуть» ее содержание. Но и отрицательная открытость, т.е. тенденция к герметичности, замкнутости негативно сказывается на развитии

системы: поступление информации извне уменьшается, вследствие чего размывается, притупляется разнообразие системы в ее элементах и начинается процесс «самороспуска». Замкнутость сопровождается равновесием со средой, а затем предельной устойчивостью и потерей динамичности системы. Процесс деструкции замедляется лишь наличием определенной порции внутрискрутурной свободной энергии, константно направленной против равновесия.

Определить меру открытости и замкнутости системы на все времена и на все случаи невозможно. Для каждой конкретной системы в каждой конкретной ситуации она предопределена фактором их синхронизма. Однако концептуальное решение проблемы, ее теоретическая установка необходимы, что, на наш взгляд, возможно решить в пространстве определения автономности системы.

Автономность часто отождествляют с закрытостью системы и противопоставляют ее открытости. В действительности автономность есть единство закрытости и открытости. С одной стороны, она не может существовать без определенных пространственно-временных границ. Это касается и идеальных образований, теорий и метатеорий как результата отражения самостоятельности круга взаимосвязанных материальных систем, которые облают некоторой замкнутостью. С другой стороны, система как автономное образование может существовать только лишь при условии некоторой открытости, т.е. при наличии ее связи непосредственными и опосредствованными выходами на другие организованные системы, на среду, откуда она черпает необходимую для себя порцию информации, в ходе которой околосистемная среда может деструктурироваться до хаоса. При соответствующей открытости любые глобальные возмущения среды, любые экспансивные воздействия не в состоянии разрушить структуру сис-

темы, а значит и ее автономность. Что важнее из этих факторов для сохранения автономности системы — открытость или закрытость?

Ответ должен быть один: их единство, заключающееся в мере.

Общество как целостная система состоит из множества государств, наций и т.д., производственных, распределительных и потребительских коопераций. Индивид в этом ряду выступает как первичная система, где наличествуют все уровни организации материи. В отличие от других форм бытия, общество, как обладающий сознанием и способностью целенаправленной деятельности субъект, является высшей формой самоорганизующейся и самоуправляющейся системы. Мы возвели в ранг догмы слова Ф. Энгельса о том, что общество развивается по объективным, не зависящим от него законам, но через сознательную деятельность людей, государств и других социальных систем, преследующих свои не совпадающие друг с другом цели, в конечном счете составляющих одну параллелограмму сил, которая и называется исторической закономерностью. Ведь общество, в первую очередь, должно быть саморегулирующейся системой. Следовательно, акцент должен быть сделан на перспективно нацеленную сторону вопроса саморегуляции, субъективного фактора, а не на стихийное развитие его глобальных перемен.

Человечество ныне достигло таких возможностей, что может и должно управлять не только самим собой (саморегуляция), но включаться в управление микро- и макро- Вселенскими процессами. Человек не перестает учиться у природы, а экспериментировать на людях — дело антигуманное и чаще всего малоэффективное. К примеру, включение экспериментатора-ученого в процесс управления микромиром может сыграть величайшую экстраполирующую роль в саморе-

гуляции общества. Ярким подтверждением сказанному является использование эффекта получения лазерного луча в результате внешнего воздействия фотонами на хаотично движущиеся ядра атома. Когда энергия достигнет критического уровня, то атомы начинают двигаться коллективно, образуя один громадный цуг волн. Подобные эффекты наблюдаются не только на уровне микромира, но и в масштабах галактики и метагалактики. Аналогично таким же путем управляются социальные системы, где идеальные стимуляторы (идеи) всецело могут заменять внешние воздействия естественной среды.

*Философия потребительской кооперации
(социальный аспект). - Чебоксары, 2006.*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДИАЛЕКТИКИ КАТЕГОРИЙ ЕДИНИЧНОЕ, ОСОБЕННОЕ И ОБЩЕЕ В ПОЗНАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИИ

Задача данных тезисов — рассмотреть особенности применения диалектики категорий единичное, особенное и общее в познании социального объекта. В диалектике категорий единичного, особенного и общего, как писал К.Маркс, находит свое выражение общее направление познания. Категориям единичное, особенное и общее в объективной действительности соответствуют свои аналоги. Отсюда следует, что их необходимо рассматривать в двух взаимосвязанных планах: в онтологическом, когда мы говорим о существовании единичного, особенного и общего в объективной действительности, и в гносеологическом — как об отражении их в сознании людей. В объективной действительности единичное, особенное и общее не обла-

дают способностью самостоятельного существования и существуют в отдельном в виде сторон, моментов. В природе и обществе каждый предмет, явление наряду с повторяющимися свойствами, сторонами имеет и свои особенности, т.е. обладает своей индивидуальностью. В этом смысле все отдельные предметы, явления, события единичны. Однако это не является основанием отождествления отдельного с единичным. Понятие отдельное скорее подчеркивает относительную самостоятельность предметов, явлений в пространстве и во времени. Оно выступает как результат обобщения и различения, но не выражает степень такового в то время как этим свойством обладают понятия единичное, особенное и общее. Отождествление отдельного с единичным снимает, на наш взгляд, мировоззренческую и познавательную нагрузку данных категорий.

Сознание в процессе овладения объектом стремится фиксировать не только особенности, но и общее, существенные связи. Иначе говоря, весь процесс познания есть процесс приближения к общему как закону. Обнаруженное и познанное, такое общее превращается в надежный методологический инструмент и формирует основы мировоззренческих установок людей.

Способ познания главным образом зависит от природы предмета. Это выдвигает требование специфического использования диалектики категорий единичное, особенное и общее в процессе познания социальных явлений. В определении методов, приемов исследования нельзя игнорировать также и активной творческой деятельности субъекта.

Социальная форма движения материи — наивысшая, наисложнейшая, и законы функционирования и развития ее в отличие от природной проявляются, как известно, в деятельности людей. В общественном развитии имеется «бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов

сил», носителями которых являются отдельные люди, социальные группы, классы. Чтобы определить равнодействующую этих «параллелограммов сил», совпадающую в своем основном содержании с законом общественного развития, необходимо найти то общее в этих силах, что вытекает из всей совокупности социально-классовых отношений. Этому должно предшествовать выявление индивидуальных особенностей каждой социальной силы, ее интересов и целей. Такая процедура с использованием диалектики единичного, особенного и общего позволяет вскрыть основное направление общественного развития и построить правильную линию теоретического и практического овладения этими процессами.

Каждое социальное явление обладает индивидуальными чертами. Оно очерчено определенными историческими рамками, характеризуется относительной устойчивостью, неповторимостью. Однако каждое социальное явление так или иначе входит в другое более масштабное, вплоть до общества на рассматриваемой ступени развития или же всей истории общества вообще. Методологическим требованием исследования любого социального явления считается рассмотрение его, во-первых, как отдельного и выявление его собственных законов функционирования и развития, во-вторых, как особенное другого более широкого отдельного, где его собственные законы выступают как частные, особенные. Отсюда вытекает необходимость рассмотрения общих и специфических законов развития общества в неразрывной связи, в единстве, а также и в определенном соотношении. Это позволяет обнаружить механизм взаимодействия, взаимообусловленность общих закономерностей и особенностей их проявления в конкретных социальных явлениях.

Общество выступает как органическая система, структурными элементами которой являются различ-

ные социальные силы — отдельные люди, партии, социальные слои, классы, этнические общности и отношения между ними, которые проявляются в их практической деятельности. Общество движется к состоянию целостности, и чем выше степень органической взаимосвязи между отдельными компонентами системы, тем большей способностью воздействовать друг на друга они обладают. В процессе перехода системы в целостность большей активностью проявляет себя общее, подчиняя все другие компоненты целостности и вызывая к жизни недостающие единичные свойства. Так, например, в развитии системы социалистических национальных культур марксистско-ленинская идеология придает им определенную направленность движения. Человек, изменяя связи и отношения между отдельными сторонами социального объекта, в состоянии ограничить или, наоборот, расширить сферу движения единичного и общего и тем самым активно воздействовать на свою собственную природу. Чем большей зрелостью обладает социальное явление, тем эффективнее применение диалектики единичного, особенного и общего в раскрытии его сущности и тенденции движения. В обнаружении новых, ранее неизвестных связей в отношений необходимо выявить существенно общее данного социального факта с прошлым, с его предпосылками, а также событиями, совпадающими с ним того времени.

Общественные явления в отличие от природных, представлены не только материальными, но и духовными связями и отношениями. Раскрыть сущность и закономерности развития духовной сферы жизни обществе возможно лишь на теоретическом уровне познания. Поскольку идеальные, духовные явления в конечном счете определяются материально-производственными отношениями, то последние дают ключ к объяснению причин и сущности духовных явлений. Перед ис-

следователем открываются здесь большие возможности использования целого «ансамбля» категории и законов материалистической диалектики, в том числе и взаимосвязи категорий единичное, особенное и общее в их различных вариациях. Можно начинать познание о единичного, чтобы затем подняться до общего как сущности, или же о восприятия отдельного, переходя затем к постижению особенного и единичного, не забывая при этом, что эти два пути диалектически взаимосвязаны и ни один из них по отдельности не может быть законченным актом и единственным путем познания.

Определенный интерес представляет вопрос о различных возможностях применения категорий единичное, особенное и общее в исследовании социальных явлений в их динамическом развитии и статичности.

Так, сущность движения национального и интернационального к их высшему единству — к общечеловеческой коммунистической культуре, разумеется, нельзя раскрыть только при помощи данных категорий. Для этого необходимо использовать все основные законы и категории материалистической диалектики, множество приемов и методов исследования. Однако диалектика категорий единичного, особенного и общего является способом отражения действительности, при помощи которого воспроизводится внутренняя логика развивающегося объекта. Используя категории единичное, особенное и общее в познании, нужно всегда помнить об их диалектике, ибо их содержание в любом соотношении включает в себя противоположность, взаимопереход, тождество, отражающие развитие объекта, движение его структурных частей. Методологическое значение принципов взаимопереходов единичного через особенное в общее и наоборот определяется тем, что заставляет нас, с од-

ной стороны, учитывать подвижность общественных явлений и их структуры, а с другой — требует видеть их определенность, относительную устойчивость. Таким образом, принцип диалектики единичного, особенного и общего позволяет рассматривать социальный объект не только в состоянии относительно покоя, статичности, но и в его историческом развитии.

Познание социальных объектов — это познание обществом самого себя, закономерностей своего собственного бытия. Следовательно общество выступает одновременно и субъектом и объектом познания. Субъект отражает объект не пассивно: в ходе своей практической и теоретико-познавательной деятельности он субъективирует объект т.е. сообразно своим практическим задачам изменяет объект, налагает на него свой отпечаток. Взаимодействие объекта и субъекта, упорядочение системы их отношений связано с познанием общего и особенного объекта и самого субъекта, о создании соответствующих условий проявления общих закономерностей, с процессами сужения рамок действия единичных, случайных явлений, идущих вразрез о интересами субъекта.

Классики марксизма-ленинизма отмечали, что признавать субъектом познания все общество не совсем правильно. Познает социальный объект не абстрактный субъект-общество, а человек, принадлежащий к определенному классу, нации и т.д., выражающий их интересы, исходя из своего объективного положения в обществе. Это определяет угол зрения, который позволяет давать более или менее адекватное или, наоборот, искаженное отражение социальных процессов. Различные социальные силы и общественные классы неодинаково заинтересованы в истинном познании социальных явлений, ибо результаты их познания, в отличие от результатов познания природных явлений,

непосредственно касаются интересов субъекта. Представителя эксплуататорских классов в лице их идеологов, реакционные силы общества всячески стараются отрицать возможность познания закономерностей развития общества или же субъективистски истолковывают результаты познания социальных процессов, пытаясь опровергнуть марксистскую методологию исследования общественных явлений. Так обстоит дело и с применением категорий единичное, особенное и общее.

*Специфика социального познания. М.,
Институт философии АН СССР. 1984.*

«АБСТРАКТНОЕ И КОНКРЕТНОЕ» В ДИАЛЕКТИКЕ КАТЕГОРИЙ ЕДИНИЧНОГО И ОБЩЕГО

Понятия абстрактное и конкретное как и другие категории философии употребляются для характеристики объективно существующих предметов и явлений и обозначения мысленного, идеального. Поскольку абстрактное есть результат отвлечения от некоторых других единичных сторон, признаков, моментов бытия вещей и явлений, выхваченное, вырванное от них, то оно, взятое безотносительно к другим признакам отдельного или отдельных, всегда выступает как единично-абстрактное.

Оно становится абстрактно-общим лишь через отношение подобия как результат обобщения существующих сторон, моментов, вещей и явлений. Абстрактное и общее прямо пропорциональны другу к другу: чем более общий признак, тем он абстрактнее. Но из этого не следует, что они совпадают по объему и функциональному назначению — абстрактным явля-

ется всякий признак, свойство, но не всякое из них выступает общим.

Конкретность вещи находит отражение в логическом конкретном, где предмет или явление берется во всеобщей связи, но в своей различности, определенности. Конкретное можно постичь лишь через абстрактно-единичное и абстрактно-общее.

Первое в своей односторонности более определенное, но лишь по отношению к самому себе, где оно представляет собой, по словам Гегеля «как то, что он есть, но не то, что он не есть». А абстрактно-общее, поскольку оно есть сущность, «душа этого конкретного, в котором оно обитает», полнее представляет отдельное.

Абстрактно-единичное и абстрактно-общее в своем диалектическом единстве, полученном в ходе снятия их противоположностей и потому выступающие уже как особенное, составляют результат об отдельном какоюконкретном.

Сказанное не противоречит принципам традиционной классической философии, но одновременно полностью «ложится» на позицию неклассической диалектики, которая в этом вопросе сводится к отражению не только сферы всеобщего, но и сферы особенного, конкретного.

Положение «от абстрактного к конкретному» в непосредственном его понимании отражает лишь часть движения мысли к сущности отдельного. Если принять его в таком виде, то создается иллюзия, как будто перед нами априорная конструкция, и единичное выводится из общего. В движении мысли от абстрактного к конкретному необходимо сначала найти, выявить это абстрактное.

Исходным в этом процессе познания является восприятие отдельного, где совершается элементарное обобщение в виде информации. На этом этапе позна-

ния отдельное еще не расчленено и слабо дифференцировано от других, оно находится в непознанном единстве общего и единичного и потому «сначала мелькают впечатления, затем только выделяется нечто...». Мысль, дробя отдельное на единичное и общее, доводит последнее до абстрактного определения отдельного, как бы упрощая ход его развития.

На первый взгляд, такое абстрактное как будто удаляет нас от конкретного. Однако мысль, восходя от первоначального конкретного к абстрактному, не отдаляется, а приближается к истине. Таким образом, отдельное, выступая как исходный пункт познания, в результате своего развертывания через абстрактно-единичное и абстрактно-общее предстает перед нами как конкретное в его полноте.

Это значит, что именно в диалектике единичного, особенного и общего находит свое выражение движение познания от конкретного как отдельного, к абстрактному, и от него снова к конкретному на более полном уровне знания.

Такое конкретное тем не менее не тождественно объективному, наличному конкретному, ибо действительность всегда богаче знания о ней. Вне пределов познанного конкретного остается много сторонних, единичных, еще не прошедших через сознание человека.

Всеобщая изменяемость мира требует систематической конкретизации его, ведения в оборот практической жизни новых, еще окончательно не познанных, но уже дающих о себе знать единичных моментов, признаков и свойств его бытия.

*Кооперация на пороге XXI века.
Сб. научных статей, Ч. VIII. М.,
МУПК, 1999.*

КАТЕГОРИИ «ОТДЕЛЬНОЕ» И «ЦЕЛОСТНОСТЬ»: ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА И РАЗЛИЧИЯ

В философской литературе еще не преодолено «тождественночтение» категорий «отдельное» и «целостность», в то время как придание им статусной автономности играет важную методологическую роль в исследовании действительности.

Понятие «отдельное» и «целостность» близки прежде всего тем, что они подчеркивают самостоятельность объекта, его существование в определенных внешних и внутренних границах: целостность обеспечивает его автономность внутренне, а отдельное представляет эту автономность в отношениях с другими предметами или явлениями, дистанцирует его от них. Отдельное детерминировано целостностью, оно есть прежде всего внешнее выражение целостности.

Целостность существует благодаря наличию необходимых структурных компонентов, «полности», «насыщенности» ими и функционирует при сбалансированной их интегрированности. Она существует как бы сама по себе-для-себя, а отдельное а своей противопоставленности окружению создает некое внешнее условие для сохранения данной целостности.

В структурных элементах целостности присутствуют как общие, так и единичные моменты отдельного. При наличии факта взаимодействия отдельных целостностей благодаря общему выходит на сферу других целостностей, в «открытое пространство», а через единичные характеристики уходит вглубь, образует некоторую замкнутость. В этом смысле целостность есть сжатое состояние отдельного, т.е. особенное. Последнее характеризует целостность с точки зрения отсутствия

в ней второстепенных частей и свойств. Целостность имеет в себе лишь необходимые, гармонично сбалансированные компоненты, а второстепенные или же лишние — не приобретают статус структурных — они могут фигурировать лишь на более низких уровнях системной иерархии. В отличие от целостности отдельное включает все без исключения элементы данного материального или духовного образования. Оно пространственно шире целостности, но то, что не охвачено целостностью в сфере отдельного, составляет необходимую среду для свободного ее функционирования. Это не занятое целостностью «поле», деферент есть условие, освобождающее ее структурных частей от чрезмерно жесткой обусловленности.

Целостность в состоянии функционировать и при отсутствии в отдельном некоторых важных структурных компонентов. В таком случае пространственно-временные границы отдельного глубоко не прочерчены, автономность его ущербна. Компенсировать это недостающее, неполноту, в «требовании самодостаточности» может интегрированность инвариантных компонентов целостности, их заимодетерминированность. Таким образом, жизненность того или иного материального или духовного образования находится в прямой зависимости от их внутренней целостности. Каждый компонент целостности имеет свою специфику и свое особое назначение. Однако во взаимосвязи друг с другом они приобретают свойства, которые отсутствуют в них по отдельности. Правовая культура, например, обогащаясь философской культурой, становится более соответствующей природной и социальной сущности человека и, в свою очередь, философская культура, испытывая на себе воздействие правовой культуры, освобождается от «лишнего груза» всеобщности, конкретизируется. Причем она всякий раз «напоминает» право о его незавершенности и возврат-

ности. При условии взаимообусловленности, взаимопроникновения всех структурных компонентов целостность, хотя и будет равна сумме частей, ее составляющих, но не будет равна сумме их свойств. Целостность приобретает новое качество, которое обнаруживает себя во взаимодействии с другими системами. Для этого она должна быть внешне оформлена в виде отдельного.

Что касается понятий «целого» и «целостности», то последняя от целого отличается тем, что характеризует отдельное с точки зрения, во-первых, его состояния, степени внутренней организации. Во-вторых, исходя из этого, целостность в свои «составляющие» берет компоненты прежде всего статусного уровня, в то время как целое этих уровней не различает и включает в себя все части без исключения.

Целостность уникальна, что означает существование отдельного как единственного в своем роде. Но уникальность не есть сумма лишь специфических признаков структурных частей целостности. Такое состояние превратило бы целостность в закрытую систему. Неразвитость или отсутствие статусных компонентов снимает различенность целостности. Каждый структурный компонент должен быть достаточно зрелым, чтобы целостность выступила уникальной.

*Кооперация на пороге XXI века.
Сб. научных статей. Часть 7. М. 1999.*

ПОДСТУПЫ К
ЭТНОФИЛОСОФИИ

ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

(Опыт проспектирования монографии)

Человечество переживает переломную эпоху смены мировых порядков, идет напряженный поиск оптимального варианта будущего: уже определилась тенденция его развития по неформационному пути, складывается ситуация компромисса в решении политических и идеологических проблем, ранее считавшихся принципиально неконцессуальными, формируется неклассический стиль мышления в философии и т.д. Коренные, эпохальные изменения не могли не коснуться вопросов этнонационального бытия. Нации и народности также оказались перед необходимостью выбора третьего пути собственного развития и межэтнической интеграции.

В эпицентре мировых проблем оказались этнические общности, населяющие территорию Российской Федерации. Процессы кардинальных перемен в области экономики и политики рельефно обнажили их фактическое положение: с одной стороны, на фоне сегодняшних трудностей они ностальгически возвысили экономические и культурные приобретения за семьдесят с лишним лет социалистического строительства, но вместе с тем выявили и невосполнимые утраты, оказавшиеся следствием реализации политики тотальной интернационализации всех сторон их жизни и деятельности, обозначили трагическую перспективу быть полностью ассимилированными. С другой стороны, как естественная реакция на это, широко развернувшаяся ныне суверенизация национальных республик, понимаемая многими как суверенизация наций, поставила народы на опасный путь самоизоляции и конфликтов, что никогда не оправдывалось историей. На этом перекрестно-силовом поле перед национальными об-

шностями встала не дилемма «жить или отдельно, или вместе как прежде», а задача возрождения, сохранения своей идентичности и гармонизации межэтнических отношений на принципиально иных основах при сохранении гуманистических ценностей прошлых эпох. При реализации этой жизненно важной задачи необходимо преодолеть ряд стереотипов и идеологических наслоений, обусловленных жесткими границами той парадигмы, которая называлась марксистско-ленинской теорией наций и национальных отношений. Выводы и рекомендации, сделанные на основе этого учения, также нуждаются в переоценке в прогностическом плане. Освобождение национального от «приоритетного» давления классового, становление его самостоятельным фактором, уже во многом определяющим политические и экономические процессы в постсоветском пространстве, коренным образом изменили прежние взгляды на национальную проблему как на второплановую. Изменившаяся ситуация требует нестандартных подходов. Но ясно одно: естественное право самоопределения, самоутверждения не может быть реализовано через этническое размежевание и территориальную демаркацию, оно вызовет лишь перманентную цепь усложняющихся и конфликтных проблем. Единственно оптимальный путь решения задачи самоутверждения наций как субъектов исторического творчества лежит в плоскости создания целостности их культуры. Эта идея — не инновационное предложение, а выход из вполне определившейся ситуации. Концепция целостности национальной культуры должна способствовать выявлению недостающих в ней структурных компонентов. Самодостаточность и «собранность», интегрированность последних есть гарант от экспансии со стороны какой-то ни было инонациональной идеологии в пределы духовности ее субъекта. В условиях повышенной активности наций

по определению своего места на карте мировой истории и широких интеграционных процессов судьба каждой из них зависит от того, насколько ее культура целостна и в состоянии формировать национально-нормативную среду, которые и обеспечивают ее самоидентичность и эволюционную перспективность. В развитии национальных культур нет другого пути, кроме как ведущего к укреплению своих национально-базовых характеристик. В этом смысле все национальные культуры несводимы друг к другу и не могут претендовать на универсальную значимость. Здесь должен «работать» принцип дополнительности, в парадигме которого национальные культуры и в условиях углубления межэтнической интеграции остаются автономными. Таким образом, национальная культура как целостная система в идеале должна оставаться в меру замкнутой, но и в меру открытой по оси соотношения «больше устойчивости — меньше изменчивости».

Находить параллелограмму сил между суверенизацией и федерализацией в национально-государственном строительстве, между национальным и общечеловеческим во всех других сферах общественной жизни, в том числе и в области культуры — такую задачу поставила сегодня сама реальность. И потому вывести за круг современных научных исследований проблему соотношения единичного, национальноспецифического и общего, общечеловеческого более чем несправедливо и ущербно. Напротив, эта проблема сегодня приобрела особую мировоззренческую важность и социальную остроту — она вновь выдвигается на передний план философских исследований в виде конфликтологии, теории компромисса, принципа дополнительности, идеи гармонизации и т.д. Следовательно, проблемы целостности и интеграции национальных культур лежат не только на одной плоскости темы, но и взаимоактуализированы современностью.

Сложный, болезненный процесс движения нашего государства к новому качественному состоянию высветил еще один аспект - проблему соотношения государства и нации, власти и творчества. Для государственных структур любого уровня вопросы культуры все еще остаются периферийным объектом, в то время как государство могло бы широко использовать ее как средство гармонизации национальных отношений, ибо ни в какой другой сфере жизни национальных общностей нет столько различий, сколько в культуре, но и нигде нет таких широких возможностей взаимопонимания и компромисса, как в духовной сфере жизни. Отсутствие у власти такого качества как творчество отнюдь не способствует разработке государственной национально-культурной политики и корректировке ее в соответствии с требованиями времени. Должного внимания к проблемам национальной культуры требует и то обстоятельство, что политика рыночных отношений с широким привлечением иностранного капитала открыла путь западной, зачастую низкопробной, культуры, которая неуклонно будет парализовать национальное начало в общественном сознании. В этих условиях интенсификация процесса формирования целостности национальной культуры и усиление в ней компонентов защитного, иммунного слоя жизненно важна и для больших этнических общностей. Развитие своего, национального, специфического в этом процессе необходимо и для того, чтобы «не погас огонь, пожрав свой же материал».

Однако средоточие усилия только на своем, переоценка своих возможностей, абсолютизация собственно-национального может послужить одним из начальных истоков национализма, что неизбежно приведет к серьезным конфликтным ситуациям в первую очередь между людьми титульной, коренной национальности

и проживающей в данной республике инонациональной диаспорой.

С изменением типичной ситуации должна происходить переоценка целого ряда классических принципов и смыслов универсалий культуры, без чего они не могли бы адекватно отражать переломную эпоху человеческой истории. Однако в тех же целях нуждаются в реабилитации такие понятия как интернациональное, интернационализация, национальная идеология и др., которые со снятием с их содержания чрезмерного груза политизации вполне адекватно выражают ныне происходящие изменения в структуре национального.

О неослабном внимании философов к проблемам национальной культуры свидетельствуют опубликованные в последние годы коллективные труды, монографии, диссертационные исследования, в особенности, журнальные статьи, отличающиеся своей оперативностью. Разумеется, мы не можем обойти литературу и по теории культуры, особенно ту ее часть, где в той или иной мере затронуты проблемы национальной культуры.

Возрождение национальной культуры — это не только затребование традиционно национального на плоскость настоящего времени. Оно скорее всего есть заявка на соответствующее место в истории мировой культуры. В нынешних условиях «отсутствие должного места» невозможно преодолеть без формирования целостности культуры этноса, где приобретение таких смысложизненных ценностей как национальная идеология, философское сознание нации имеет первоочередное значение. Однако специальных трудов по названной проблеме на сегодня нет. Отсутствует также и исследование проблемы национального в философии, она лишь частично затронута в некоторых работах. Наше внимание привлекли статьи, затрагивающие вопрос о русской ментальности.

Несмотря на отдельные успехи в разработке теоретических вопросов национальной культуры метапредметный характер исследования остается доминирующим. А в отношении исследований культуры конкретного этноса по-прежнему сохраняется мелкоземье. Такое же положение наблюдается в чувашской культуроведческой литературе. Здесь, в частности, отсутствует философско-методологическое обобщение истории и современности национальной культуры в аспекте соотношения национально-специфического и общечеловеческого, не отмечена степень самостоятельности и интегрированности структурных компонентов в ее целостности, не разработана и не включена в научный оборот ее философская культура. Эти и другие обстоятельства лишней раз подчеркивают необходимость включения проблемы чувашской национальной культуры в общетеоретический контекст исследования.

Среди работ исторического, искусствоведческого и литературоведческого характера, которых можно было бы задействовать в изучение национальной культуры чуваш в историко-философском и теоретико-методологическом планах следует назвать труды А.И. Петрухина, Е.В. Владимирова, Т.С. Сергеева, И.Д. Кузнецова и др. В них собран богатый фактический материал об истории развития культуры Чувашии, о взаимосвязи литератур народов бывшего СССР. Большой интерес представляют работы А.И. Петрухина, где увязаны проблемы устно-поэтического творчества народа и его мировоззрения.

Изучение проблемы национального в философии как ракурса наполняется новым содержанием, когда от общей постановки вопроса переходим к его конкретике, предполагающей, как минимум, ответы на две его стороны: 1) на каком уровне находилась философская культура чуваш до ее начала модифицирова-

ния западной философией, 2) какое своеобразие она вносит в историю мировой философской культуры. Рассмотрение этих вопросов требует привлечения первичных источников.

Исследования проблем культуры в последнее время больше повернуты в сторону периферии темы. Исследователи начинают осознавать необходимость работать с конкретным материалом. Болевые точки культуры теперь перенесены на проблемы собственно национальной культуры. Не осталась в стороне прежде замалчиваемая тема о русском национальном сознании и о русском национализме. Осуществлен поворот от критики различных школ и направлений западной философии культуры к их осмыслению.

Наличие большого количества литературы не говорит о том, что все стороны этой сложной и многогранной проблемы изучены в достаточной степени для того, чтобы не возвращаться к ним с новых позиций и аспектов. Имеется еще немало моментов не до конца раскрытых или остающихся дискуссионными. На сегодня отсутствует исследование проблемы целостности национальной культуры, дискуссионен вопрос о полноценности ее субъекта. Не найдена альтернатива идеологии, представляющей до сих пор ядро духовной культуры. Она как одна из центральных фигур теории культуры выпала из поля зрения обществоведов. Не изученным остается вопрос о взаимодействии культуры и государства, власти и творчества в нынешних условиях коренных перемен социального строя. Нуждаются в конкретизации и дальнейшем исследовании процессы межнационального общения, для чего следовало бы критически переосмыслить прошлый опыт политики сближения и слияния наций и их культур.

Из всех многочисленных проблем развития духовной жизни общества проблема формирования философской культуры нации является совершенно не изу-

ченной и не систематизированной. В этом плане все более настоятельной становится задача исследования национального в философской культуре какого-либо конкретного народа.

***Диалектика категорий единичное,
особенное и общее как методология исследования
национальной культуры***

Наиболее адекватным методом исследования культуры нации в плане ее целостности, составляющими которой являются национально специфическое и общечеловеческое, выступает диалектика единичного, особенного и общего. Их взаимосвязь и взаимообусловленность, переведенные в соответствующие правила мышления, служат надежной основой анализа и обобщения происходящих в национальной культуре процессов. Она позволяет обнаружить «расстройство» равновесия частей в целостности, указать пути приведения их в систему, ведущих к новому порядку развития. Необходимость овладения ситуацией на основе учета общих и частных, сиюминутных и долговременных интересов наций и народностей сегодня самоочевидна. Следовательно, также актуальна и задача совершенствования средств познания и стиля руководства. Необходимо подвергнуть тщательному анализу проблему диалектики единичного, особенного и общего, и во многих аспектах отойти от традиционного ее толкования в сторону неклассической философии. Достаточно будет выделить роль особенного: оно есть то «золотое сечение», в котором преодолевается двумерная диалектика, и как межкатегориальное бытие заполняет «проваливающееся» пространство познания между пиками противоположностей — единичного и общего. А национальное есть одно из конкретных проявлений особенного.

В философской литературе еще не преодолена полисемантичесность понятий «отдельное», «единичное», «особенное». В основе их разночтения лежит смешение, а подчас явное отождествление онтологического и гносеологического подходов, нежели смешение точки отсчета. В объективной реальности отдельное представляет собой автономное, целостное материальное образование. А единичное и особенное, равно и общее, являются лишь сторонами, свойствами, моментами отдельного, и они не обладают способностью самостоятельного бытия, в то время как в гносеологии субъект может придать им статус самостоятельности.

В своих функциональных назначениях отражать различия понятия «единичное» и «особенное» в какой-то мере совпадают. Однако особенное, поскольку оно включает в себя некоторое общее и единичное, выражает определенность и различенность отдельного в его целостности. Являясь «снятием» единичного и общего, особенное одновременно и дистанцирует данное отдельное от других, и контекстирует его своей причастностью к ним. С таких методологических позиций следует подходить и к проблеме национальной культуры, где национальное как особенное является средоточием единичного, национально-специфического и общего, общечеловеческого.

В онтологии общее выступает в форме внутренней завершенности и внешней бесконечности отдельного через тождество в сущностях и сходство признаков на феноменальном уровне. Взгляд, по которому переоценивается роль общего в познавательном процессе, неправомерен.

Пропуск понятий «единичное», «особенное» и «общее» сквозь строй других философских категорий позволяет оптимизировать их роль как методологии исследования национальной культуры. Выводы из этой операции сводятся к следующим позициям:

1) В познавательном процессе «единичное — общее» выражает движение знания от явления к сущности. Как и единичное, явление выступает исходной ступенью познания и служит способом проявления сущности как общего. Единичное и явление понятия более подвижные, а общее и сущность выражают устойчивое в вещах и их связях. Вместе с тем общее и сущность не тождественны: последняя в отличие от общего выражает только главное содержание предмета, внутриструктурные его связи. Как нельзя абсолютизировать изменчивость, текучесть единичного как явления, так нельзя абсолютизировать устойчивость общего как сущности.

2) «Отдельное» и «целостность» — понятия однопорядковые. Они выражают бытие предмета в определенных внешних и внутренних границах: первое представляет его автономность по отношению к другим предметам, вторая обеспечивает эту самостоятельность внутренне. Однако отдельное детерминировано целостностью, оно есть её внешнее выражение. В структуре целостности присутствуют как общие, так и единичные моменты отдельного. При наличии факта взаимодействия отдельных целостность выходит на деференты других целостностей, а через единичные характеристики образует некоторую замкнутость.

3) Во многих публикациях понятия «целое» и «отдельное» с их составляющими не различаются. Подчиненность частей целому авторы без должного анализа распространяют на отношения общего и единичного. Общее не есть целое, оно как сторона отдельного не исчерпывает всего богатства целого, а выступает лишь связывающей основой компонентов структуры или же тождественностью некоторых свойств и сторон нескольких отдельных. Причем целое, хотя и подчиняет части, но не выталкивает их за круг своего бытия. Оно лишь контекстуализирует интерпретацию частей. Единичное

также не является частью. Оно есть свойство, носителем которого является часть целого или само целое.

Перенесение принципа подчиненности частей целому на плоскость отношений общего и единичного национальной культуры ведет к выводу о доминировании общечеловеческого над национально-специфическим и ограничении ее исторической перспективы.

Каждое целое входит в систему более широкого, объемного целого, по отношению к которому оно остается в правах части. Эта иерархия бесконечна во Вселенной и неисчерпаема вглубь. В макроструктуре часть по объему не может быть равной целому, но ценностно она вполне может представлять целое. Для этого часть должна быть внутренне самодостаточной, относительно самостоятельно функционирующей системой и определенной стороной включать в себе существенно-общее целого.

4) Немаловажный интерес представляет анализ категорий единичное, особенное и общее в разрезе диалектики единства и борьбы противоположностей.

Единство противоположностей заключено в особенном. Именно наличие особенного в каждом или в каждой группе предметов и явлений сохраняет их уникальность и стабилизирует существующее состояние отношений в мире. Противоположности в своем движении друг к другу, синтезируясь, образуют нечто особенное, которое уже свободно от их наиболее крайних, разрушительных проявлений. Оно замедляет, «усмиряет» борьбу противоположностей, гармонизирует структуру отдельного. Работа должна быть построена на основе данной интерпретации особенного. Погружаясь в специфическую среду, оно проявляется как межкатегориальное бытие и несет в себе основную методологическую нагрузку.

Национальная культура: постановка проблемы ее целостности

Рассматривая культуру как общее, можно обнаружить, что она пронизывает как по горизонтали, так и по вертикали все сферы жизни общества, но не покрывает полностью ни одну из ее сторон. Вместе с тем она выделяется от всех других социальных сфер, например, от духовной жизни и общественного сознания, имеет свою внутреннюю логику развития. По своему объему, содержанию и форме духовная жизнь шире, богаче и разнообразнее духовной культуры, но последняя находит в ней свою область функционирования, является способом организации и качественным показателем ее развития. Духовная культура имеет тенденцию постоянно расширять границы своего функционирования в пространстве духовной жизни. Но говорить о том, что по мере дальнейшего совершенствования, очеловечивания общества его духовная жизнь и духовная культура по своему содержанию и структуре будут совпадать, было бы ошибочно. отождествление духовной культуры с общественным сознанием и позиция, по которой общественное сознание во всех своих формах и уровнях включается в духовную культуру, также неправомерны. Общественное сознание объективируется в духовной деятельности и закрепляется в различных компонентах духовной культуры общества — в философии, литературе и искусстве и т.д. Это дает основание считать духовную культуру своеобразным отражением отраженного, соотношением общественного сознания и духовной культуры таково, что последняя, объективируя данное сознанием, включает в себя не все отраженное, а только то, что совпадает с гуманистическим направлением развития социума. Таким образом, духовная культура является позитивным срезом духовной жизни и общественного сознания.

Отмечая в культуре такие ключевые моменты как деятельность, аксиологичность, творчество, следует вычленять субъект культуры как само-себя-творящего начала, ибо во всех имеющихся дефинициях он как бы растворен в предметно-деятельностном процессе.

Одним из подходов к проблеме целостности культуры этноса является подход с позиции состоятельности этноса как субъекта исторического творчества. Признать таковым субъектом этнос значит признать положение, что он имеет свое сознание и способен вести практическую и теоретическую деятельность. Эти два вопроса в нашей литературе остаются дискуссионными, более того, они не увязаны между собой. Исследователи обычно признают существование национального самосознания, но отрицают, или же, в лучшем случае, дипломатично обходят национальное сознание; признают, что нация является субъектом социального действия, но отвергают познаваемость ею общественных процессов. Причем в обоих случаях свои точки зрения авторы в достаточной степени не аргументируют.

Довод о том, что «нации выступают в качестве субъектов социального действия», но «не являются субъектом познания общественных процессов», исходит из неоправданного разрыва теоретико-познавательной и практической деятельности субъекта. В самом процессе познания вплетены теория и практика, объект и субъект, физическое и психическое. Отрицание способности нации познать общественные явления есть попытка доказать ущербность национального сознания и ставит в двойственное положение факт полноценности нации как субъекта культуры.

Национальное сознание есть этносное измерение политической, правовой, философской, эстетической и других сторон общественного сознания, а национальное самосознание представляет собой знание, данное

субъекту в актах интроспекции. Проблема соотношения национального сознания и национального самосознания — это частный случай общей проблемы соотношения сознания и самосознания. Познать самого себя значит знать о себе через знание другого. В процессе освоения мира и самого себя и складывается сознание субъекта. Следовательно, национальное сознание и национальное самосознание не только не отделимы друг от друга, но и последнее включается в круг национального сознания. Только на основе признания национального в такой интерпретации возможно конструирование теоретически обоснованной национальной идеологии как одного из важнейших компонентов целостности культуры этноса.

Проблема целостности национальной культуры актуально существовала всегда, но о ней не принято было говорить, ибо она противоречила идее создания новой исторической общности людей с единой интернациональной культурой. Данная проблема предполагает рассмотрение культуры этноса с точки зрения: 1) ее самодостаточности, «насыщенности» необходимыми структурными компонентами, 2) внутренней интегрированности и взаимодетерминированности последних, а также 3) автономности, противопоставленности окружению. Названные требования при их реализованности должны обеспечивать перспективу культуры в ее самоидентичности. Именно национально оформленная целостность делает на разных уровнях находящиеся народы соизмеримыми и ставит их на одну плоскость равенства.

Обозначить национальную культуру структурно весьма сложно. Наиболее продуктивным, на наш взгляд, является подход, который строится по узловым моментам дефиниции культуры, который позволяет выделить основные сегменты национальной культуры в плане их данности на настоящее время, показать ее интегри-

рованность, состояние через виды деятельности. Кроме того, определение национальной культуры с позиции творческой деятельности дает некоторую модель ее будущего, должного. В условиях интенсивных межнационально-интеграционных процессов без такой модели национальная культура обречена. Здесь основное внимание должно быть уделено на создание компонентов теоретического уровня, потенциально обладающих статусом структурных, нежели на «выдвижение», «набор» ценностей этнографического плана. К ценностям такого порядка относятся философия, национальная идеология, политическая и правовая культуры, этика и т.д. Однако при всей своей полноте национальной культуре должен быть чужд дух самодостаточной фактичности.

Целостны ли сегодня национальные культуры? Сможет ли какой-либо этнос сказать, что его культура сегодня отвечает требованиям целостности, выдвинутым самой историей?

Если взять культуру чувашского народа, то она представлена неполной структурой. Названные компоненты теоретического уровня только обозначены. Нет должной политической активности масс, без которой сегодня трудно отстоять национальные завоевания. В результате солидарно-конкурентного присутствия русской культуры ряд участков ее (родной язык, выпуск национальной литературы, национально-нормативная среда в условиях города и т.д.) ослаблен.

Национальная культура выступает как часть целого, т.е. всемирной культуры, и как отдельное, составляющими сторонами которого являются национально-специфическое и общечеловеческое, всемирное, в их гармоничном единстве. В первом случае национальная культура функционально подчинена закономерностям культуры вообще, но, проявляя их через логику собственного развития, выходит на уровень самостоятель-

ной целостности. И потому национальная культура не есть периферия всемирной культуры, а является частью, ценностно равной целому.

Основанием и придающим национальной культуре состояние постоянной актуальности является национальное. Оно есть единство национально-оформленного содержания и национально-содержательной формы. В структурном плане, национальное состоит из национально-специфического и общечеловеческого, которые функционируют на онтолого-бытийном и логически-образном уровнях. На первом уровне речь идет о непосредственно присущих этносу чертах характера, обычаев и поведенческих трафаретов, традиций и др., исходящих из природногеографических условий и исторической судьбы этноса. На втором уровне — о выразительных средствах этого жизненно-бытийного материала, где выделяются национально-образное, связанное с художественной формой отражения действительности, и национально-логическое, описывающее эту действительность на языке рационального мышления.

Национально-специфическое является продуктом деятельности только данного этноса. В этом смысле оно выступает собственно-национальным. Но в собственно-национальном имеет место и общечеловеческое, которое обусловлено более или менее одинаковыми жизненными условиями и схожестью культурных запросов и ценностных ориентаций. Это касается в равной мере и национально-образного, и национально-логического. На этой основе обращается внимание на неправомерность отождествления национально-специфического с собственно-национальным. Общечеловеческое в национальном может быть образовано и путем приобретения инациональных ценностей. Для этого они должны быть осмыслены с точки зрения их служения человеческому прогрессу и национальным интересам. Отсюда — несводимость всего общего, имею-

щегося в национальных культурах, к общечеловеческому. Жизнеспособность и самоидентичность этноса зависит и от того, насколько он может сделать инонациональное своим, растворить его в своей структуре.

Национально-специфическое и общечеловеческое находят свое поле функционирования лишь определенным образом соотносясь друг с другом в национальном как особенном. В сообразном единстве специфического и общечеловеческого ни одна сторона не является главенствующей, подчиняющей одну другой. Общечеловеческое содержит в себе лишь саму тенденцию развития в определенном направлении. Это обстоятельство выдвигает понятие «общечеловеческое» в разряд аксиологической категории.

В структуре национального вопрос существенно-общего в ней представляет особый интерес. В связи с изменением политической ориентации страны данная проблема в литературе последних лет не затрагивается. А до сего времени «ядром», существенно-общим в национальных культурах считалась идеология, понимаемая как выражение классового интереса, при этом национальное принималось как вторичный феномен, полностью зависимый и определяемый классовыми задачами и способом производства.

Идеология не вытекает из самой природы национальной культуры. Она входит в культуру этноса лишь той частью, которая отражает его бытие через призму классового интереса, а такие предельные основания культуры как пространство, время, движение, отношение частей к целому и т.д. полностью свободны от идеологического налета. Гипотетически, по достижении нацией социально-классовой однородности, идеология как таковая должна исчерпать себя, а нация и ее культура будут функционировать безущербно. Следовательно, идеология, чьи бы интересы — буржуазии

или трудового народа — ни выражала, не может выступать существенно-общим, «душой» национальной культуры. Сущностью культуры этноса не является также и национальная идеология. Во-первых, она в классовом обществе так или иначе, в той или иной степени подпадает под одностороннее влияние классовой идеологии, во-вторых, она не всеобщна, чтобы иметь силу для всех эпох и пронизывать культуру этноса исторически, в-третьих, назначение национальной идеологии — выразить прежде всего интересы своего этноса, чем она больше дифференцирует его, нежели сближает с другими нациями. На мой взгляд, существенно-общим, душой культуры является философия.

Во-первых философия формирует мировоззренческую ориентацию национальной культуры, сообщает ее компонентам определенную направленность развития. В ее сферах идет процесс складывания новых человеческих ориентиров, новых потенциально возможных направлений развития, формируется образ будущего, который и предлагается этносу. Во-вторых, каждый компонент национальной культуры изначально нацелен на постижение сути мира и человека. Если на уровне обыденного сознания философия представлена лишь отдельными фрагментами, то на уровне теории, где достигнуто предельно обобщенное знание об окружающей действительности, она систематизирована и структурно организована. Национальная культура включает в себя оба уровня философского сознания, которые углубляют и расширяют границу ее функционирования. В-третьих, философия есть сознание и самосознание нации: только она в состоянии определить место этноса в мире вещей и социальных отношений через свою «разлитость» в компонентах национальной культуры. Однако названные доводы не означают того, что философия якобы подменила клас-

совую идеологию. Напротив, она есть единственный способ ее преодоления.

Многую высказывается критическое отношение к дихотомическому разделению этносов на исторические и неисторические (Ф. Энгельс), на пассионарные и субпассионарные (Л. Гумилев), к концепциям так называемых «гуманизированной ассимиляции», «сближения и слияния» наций и их культур. Проведение линии возвышения общего над единичным началом, реализация политизированной интернационализации приводит народы к потере ими своей национальной самобытности. Поворот от политики слияния всего и вся историей определен вовремя. Эквивифинальность национальных культур исключает необходимость искусственного вмешательства в естественный процесс их развития и интеграции.

Любой исторический момент требует от этноса адекватного отражения его особенностей и соответствующего поведения. Однако национально-специфическое как более консервативная сторона национального трудноадаптируемо к неожиданным нововведениям, но оно же поддерживает пассионарность этноса. Чисто прагматического характера требования рыночной экономики выявили отсутствие необходимой психологической гибкости у чуваш, они сделали на какое-то время ненужными их скромность, сдержанность, гостеприимство, трудолюбие. Характерное для них ретроспективное мышление также не способствует иницированию их социальной и политической активности. Похоже, что чуваш как и прежде на изломе истории «уходит в себя». Иммунитет, заложенный, самой природой и историей, действует безотказно.

Философия в ее национальном измерении

Взгляд, по которому классовое в угоду господствующей идеологии признавалось как единственно истинное содержание культуры, превратился в догму и надолго приостановил поиски исследований национального своеобразия в области философской культуры. По этой же причине остались нереализованными призывы к изучению данной проблемы некоторыми философами (А.Ф. Лосев, П.М. Рогачев, М.П. Свердлов, А.Д. Литман). Лишь в самое последнее время заговорили о русской национальной философии, понимаемой многими на уровне ментальности. Заметим, что эта проблема была поставлена нами задолго и независимо (1979 г.) от названных публикаций.

Концептуально свои доводы о наличии национального своеобразия в философии мы строим из следующих позиций.

В традиционной философии цель получения объективного знания исключала возможность введения личностных параметров в осваиваемый мир, субъект познания лишь частично был представлен в самом процессе познания. Поскольку философия есть прежде всего выражение отношения субъекта к миру, то в ней непременно должны присутствовать моменты субъектности. Субъект определяет наиболее привилегированную систему отсчета, с позиции которой описывается мир. Выбор падает на эгоцентрическую точку отсчета. Такой антропный принцип в космологии и социологии продиктован объективными потребностями познавательного процесса, ибо существует такой «срез» реальности, которая эксплицируется лишь в отношении человека к миру. Структура и динамика его строится с учетом присутствия человека — наблюдателя. Человек не только отражает мир, но и обратно проецирует свое представление о нем на внешний мир.

Он воспринимает мир кроме как с позиции готовых парадигм и теорий, и через призму личных переживаний, что, разумеется не равнозначно субъективизму. Отношение человека к миру не сводится к переживаниям: в ходе реализации воли личности создается третья форма реальности. Мифология, искусство, философия представляют продукт объективации сознания и воли человека, где необходимо присутствует момент субъектности. Это — во-первых. Во-вторых, поскольку и в содержании, и в форме национальной культуры наряду с общими, общечеловеческими признаками, свойствами имеются и единичные, национально-специфические характеристики, то и в философии как в главном содержании культуры этноса должны быть моменты национального своеобразия. Причем на уровне обыденного сознания, так называемой народной философии их больше, а по пути к теоретическому — они освобождаются от «разновидения».

Философия начинала свой путь с рационализации космогонических мифов. Здесь идет процесс «вхождения» этноса в философию. Конкретность, наглядность, образность и эмоциональность — эти характеристики мифа больше всего выступают носителями этноспецифического. Этнос антропоморфизирует явления природы со-образно своим особенностям. В представлении древних чуваш мир имеет квадратную конфигурацию, и душа также состоит в форме квадрата. Квадрат есть символ покоя, стабильной устойчивости, предсказуемой жизни, того, что все должно происходить в свое время и находиться на своем месте. Все это соответствует характеру, поведенческим устоям чуваш. Если древнегреческой философии (мир и душа, по Демокриту, состоят из особого рода шарообразных атомов) присущ поиск прежде всего противоречия в объективном мире и в сфере сознания (эта сторона жизненной диалектики впоследствии получила

логическое продолжение в философии воинственных германцев), то мысль чуваша направлена на поиски прежде всего согласия, мира: недаром в его фольклоре изобилует таванлăх, килĕшÿлĕх, туслăх — гармония в вещах и человеческих отношениях. Эта особенность миропонимания оставила глубокий след на всем историческом процессе становления мировоззрения народа, служила памятью и кодом этносной наследственности. Но это же своеобразное представление о мире загнало мысль чуваша и квадрат, в замкнутое пространство («тĕнчен тĕнни сук» — у Вселенной нет волокового окна), остановило ее полет границами покоя, что, естественно, не могло стимулировать выходу его философской мысли за пределы своего «Я».

Рационализация мифологического миропредставления дает философию, а их художественная обработка — искусство. Исторически искусство предшествует философии. Оно определенной стороной входит в пространство мифологии и философии, сосредотачивает в себе сплав мифолого-интуитивного и философско-рационального. Следовательно, философия не является сферой человеческого мышления, освобожденной от искусства.

Искусство не является только лишь средством иллюстрации готовых философских концепций или же их корреспондентом — в нем заключена сама первофилософия. Оно как и философия «осмысливает» мир, все шире и шире раздвигает границы своего «владения», тяготеет охватить мир в его сущности и целостности. Но в нем философия представлена кусками, фрагментами. Искусство ищет варианты мира, в то время как философия стремится найти его единственность. Искусство обладает способностью опережать философию в плане развития и применения новых способов духовного освоения мира. Во-первых, оно не так жестко детерминировано природой объекта, его

единственной сущностью, как философия. Сущность вещи ограничивает, регламентирует подходы к себе, в то время как пути к явлениям, с чем больше всего связано искусство, разнообразны и раскованны. Оно неприхотливо и в выборе символов. Во-вторых, искусство охватывает предмет не только абстрактно, рационально, но и эмоционально, непосредственно. Назначение философии как живой души культуры по отношению к искусству — концептуализировать его данные, выделить исключительно устойчивые, но не завершенные и потому возвратные проблемы, из «развалин» мнений и картин соорудить фундамент культуры.

Из всех видов искусства поэзия «как высшая и достойнейшая» (Шлегель, Хайдеггер) имеет большую возможность выражать этносное своеобразие философии. Она представляет в живой форме то, что философия выдает абстрактно, но в определенной субъективной особенности. Не только личностные, но и мировые, глобальные проблемы проходят через призму национального переживания поэта. Чувства и вкусы, запросы и идеалы его почерпнуты из национального кладезя. Способы и тайны видения мира поэта также соответствуют особенностям этноса. Кимура Седзибуро японцев называет людьми зрения, европейцев — людьми голоса. У итальянцев преобладает подвижность чувств, у французов — твердость духа и живость остроумия (Гегель), чуваш видит и слышит душой (Н.И. Ашмарин). Современная поэзия, все более и более отдаляясь от мифологического, стала вторгаться в сферу философии. Это обстоятельство выдвигает две проблемы: 1) не перестает ли быть философствующая поэзия сама собой, т.е. п о э з и е й, не находится ли она на пути превращения в экзистенциальную философию? 2) остаются ли в такой поэзии признаки национального своеобразия или же они исчезают вовсе?

В становлении философской культуры народа

важнейшее место занимает формирование таких фундаментальных понятий как материя, пространство, время, движение, при помощи которых создавалась этносно проецированная общая картина мира.

Известно, что понятие пространства исторически предшествовало понятию времени. Чувство времени у чуваш развито острее, нежели опущение пространственной перспективы, потому и понятие времени получило в их сознании наибольшее развитие. В мифах раннего периода время едино и неподвижно. С началом «произвольного возмущения» Хаоса время разделилось на интервалы будущее-настоящее и настоящее-прошлое. Время находилось во ведении верховного Кепе тура, вернее, оно было одним из свойств бога. Младшие божества — носители дней и ночей, стареют и умирают или же их умерщвляет Кепе тура, аналогично тому, как Кронос пожирает своих детей. В работе проводятся параллели и выявляются различия в понимании времени чуваш с представлениями о нем других народов. Одной из особенностей является то, что у чуваш время всегда связывалось с состоянием души: ожидание, переживание, воспоминание означали соответственно будущее, настоящее и прошлое время. Следующее своеобразие восприятие времени заключается в том, что по представлению чуваш оно течет не по прямой от прошлого через настоящее в будущее (динамическая модель), а наоборот (христианское воззрение), но косою линией слева направо. Такое понимание времени он весьма успешно использует в определенных жизненных ситуациях. Интуитивно угадывая функциональную асимметрию симметричного мозга, он находил ее применение в практике народной медицины: от преследования дурных воспоминаний и сновидений чувашские юмăс-целители прилипали лопухом правый висок больного, стремясь заблокировать активность правого полушария мозга, или заставляли

стоять на быстром течении реки левым боком против течения. Впоследствии чуваш допускал движение времени вперед, в будущее, но лишь в тех случаях, если оно было наполнено созиданием. Немногим позже в понимании времени у чуваш постепенно происходит смещение его с субъективно-идеалистического (время — чередование состояний восприятия радости и горя одно за другим) к наивно-материалистическому. Время стало объективным — «вăхăт патшана та пăхăнмасть, тиеке те тăхтамасть» (время не подчиняется ни царю, не ждет и писаря). В работе должны быть рассмотрены также и другие подходы к проблеме времени — о равновесности будущего и прошлого, о принципе колеса и др.

Понятие пространства в сознании чуваш, как и понятие времени, осталось на уровне обыденного. В самом начале перехода Хаоса в космос оно охватывало окружающую среду, а затем всю природу, а впоследствии и общество со всеми его «порядками и властью», называемое в настоящее время социальным пространством. Первоначально пространство и Хаос существовали в своей неразличности, в состоянии аморфности, зыбкой неустойчивости, а затем в равновесности сторон, в чем и видел чуваш основное условие начала эволюционных процессов мира. Переход от Хаоса в Космос он не объясняет никакими причинно-следственными изменениями, predetermined законмерностью. Допускается, что начало самоорганизации мира вызвано каким-либо случайным, побочным явлением. Малое возмущение могло коренным образом повлиять на ход развития мира, на его макроструктуру, как камешек вызывает поток камнепада.

Мифы были заняты поисками ответа главным образом на вопрос как образовался мир, а в функцию философии кроме того входит задача структурно определить мир. В записках В.К. Магницкого 1880 года ука-

зываются мотивы пространственного разделения единого, «равного самому себе мира» на противоположности, отмечается семисферичность его. Итак, в сознании чуваш мир семисферичен, имеет в основании форму квадрата, и он замкнут. Замкнутый мир определяет каждому предмету свое место, а месторасположенность придает ему самостоятельность, особенность. Этой операцией человек снял тождественность пространства и мира. В результате выделения самостоятельности и дифференцированности, а также специфики и структурированности предметов в одно из основных условий их существования понятие пространства приобретает статус категории.

В первоисточниках отсутствует прямое упоминание о наличии того или иного понимания материи у чуваш. Но то положение, что они даже в антично-языческую эпоху имели вполне отчетливые понятия о времени, пространстве и движении, говорит о том, что чуваш располагал таким понятием, т.к. вышеназванные и другие категории формируются относительно одновременно и во взаимосвязи. В этимологии «материи» у многих народов стоит «мать», т.е. то, что рождает свое подобие. В отличие от греков, немцев, русских и других народов у чуваш этот термин непосредственно не связан с «матерью», но по функции (родить) совпадает с ней. Такой субстанцией для них считалась земля. Ыр-Амаш (Мать-Земля) в чувашской античности — божество первого разряда, прародительница всего сущего, живого и неживого, в мире. Подчеркивается, что земля содержит в себе основу всего разнообразия Вселенной.

В дальнейшем понятие «земля» как материи было вытеснено понятием «япала» (вещь, вещество), которое охватывает и то, что находится за аудиовизуальным («илтёнми, темён те пёр куҫа курёнми япала»). Оно намного шире гольбаховского определения материи. Однако в дальнейшем стройность мысли по формиро-

ванию материалистического понимания материи была нарушена в результате включения в него наряду с вещественным, материальным и духовного, идеального образования.

Из всех понятий, выражающих форму существования материи, понятие движения (куşам) в человеческом сознании сформировалось с самого начала в своем предельно широком значении. В мифологическом сознании чуваш, как и у многих народов, движение присуще всем предметам и явлениям мира, но оно и атрибут самого мира («тёнчери пур япаласем те, тёнчи хай те пёр выранта тамасть»). Однако вследствие того, что каждый предмет автономен и «движение не пускается далее чем положено», сохраняется стабильность, устойчивость мира. Чуваш, во всем предпочитающий гармонию и стабильность, не изменил себе и в этом вопросе. В чем же видит чуваш источник, хотя и в основном количественных, постепенных, изменений? Догадка довольно верная: в вещах, как и во всей Вселенной имеются две силы. Одна направлена на сохранение прежней структуры и сущности, другая — на деструкцию прежней целостности. Первая доминирует над второй, но она всегда допускает свою противоположность, ибо без нее «единое захворает». Следовательно, есть третья сила, снимающая разрушительные возможности противоположностей и организующая целостность. Приведем незатейливый пример, чтобы иметь представление как и на каком уровне чуваша понимали диалектику этих противоположностей.

«Огонь и вода — два разных добра, два разных зла». Здесь усматривается два параметра противоречия: в первом случае огонь и вода как пространственно разделенные полюса единого мира (в сознании чуваш огонь и вода являются самыми могущественными силами) находятся в непримиримых отношениях, характеризуют диалектику на внешнем, феноменальном

уровне, во втором случае огонь и вода, в определенных ситуациях представляя зло и добро одновременно, переходят в свою противоположность на сущностном уровне. В споре между водой и огнем последний отступает, но он не побежден: скрывается в камне, чтобы затем вновь выйти на борьбу. Вода также уходит в сферу самостоятельного бытия. Как видим, в основу как объективной, так и субъективной диалектики у чуваш заложено не противоречие, уничтожающее целостность, а противоречие **до-п р е д е л ь н о е**, составляющее силу сосуществования .

Проследивая пути формирования первых диалектических построений у чуваш, можно вывести характерную особенность всего их философского мышления, заключающуюся в том, что он во всем желает найти ту точку опоры, на которой основывается Вселенная и человеческий дух в своих структурных целостностях, равновесностях противоположных сил.

Исследуя первые фундаментальные философские построения, мы преследуем цель выявить не только следы этносного своеобразия в них, но и восполнить целостность национальной культуры недостающим ей структурным компонентом — философской культурой.

Современные проблемы развития наций и их культур в основном сфокусировались вокруг вопроса государственности и национального языка. Обращается внимание на необходимость различения требований суверенитета национальной республики от требований суверенитета наций. Последнее касается прежде всего суверенитета национальной культуры и национального языка, а суверенитет национальной республики сводится в основном к экономической самостоятельности, где не акцентируется приоритет мононационального.

В литературе, как правило, национальная государственность и национальная культура рассматриваются как самостоятельные социальные явления. Следует об-

ратить внимание на их историческую взаимосвязь и взаимодополнительность. Считаю, что в нынешнее время национальная государственность является одним из необходимых атрибутов, условий существования нации как субъекта исторического творчества и сохранения целостности ее культуры. Наметившаяся тенденция деления Российского государства по административно-территориальному принципу, низведение национальных республик по статусу до уровня краев и областей будет иметь негативные последствия в судьбах национальных культур. В отношениях государства и культуры следует отметить не только их взаимообусловленность, но и взаимонеприемлемость, что обнаруживается в изначальной оппозиционности творчества к власти. Это противостояние приобретает контрастность в отношениях власти и поэзии, ибо творчество существует лишь в прорыве дозволенного и изведенного (греч. *poiesis* — творчество), а власть в своей сущности консервативна. Противостояние этнической культуры государству имеет тенденцию углубляться при усилении тоталитаризма власти.

Нация должна быть «хозяином в своем собственном доме» (Энгельс). Однако в трудах классиков марксизма сквозно проходит мысль, что правом на самостоятельное существование наделены лишь большие нации. Практическое воплощение эта идея нашла в организационных принципах Лиги Наций, а затем и ООН. Создание ООН, обеспечивающее выход культуры малых народов в мировое социальное пространство, есть восстановление исторической справедливости.

Национализм в гносеологическом плане основывается на отрыве единичного от общего и возведении первого в ранг исключительности. Вне связи с общечеловеческим национально-специфическое вылетает из орбиты национального и вырождается в национализм.

Национализм рождается на базе национального

самосознания, которое направлено в первую очередь на выделение «Я» из среды себе подобных путем фиксирования своих особенностей и гипертрофирования их. А национальная идеология формируется на основе национального сознания.

Различение национальной идеологии от националистической идеологии имеет важное значение в реформировании внутринациональной жизни и межэтнической интеграции. Национальная идеология функционально ближе к категории «общественное сознание». Отражая в равной степени и национально-специфический жизненный материал, и общечеловеческие ценности в национальном, она не только дифференцирует этнос, но и сближает его с другими национальными общностями. Национальная идеология определяет положение нации в истории и современности. Именно потребность преодоления этого «отсутствия положения» толкает так называемые малые народы на конструирование национальной идеологии как одного из важнейших компонентов целостности национальной культуры. Национальная идеология направлена на регулирование жизни данного социума в историческом масштабе времени. Она мобилизует его волевые возможности на решение практических задач, организует целостность культуры этноса. Выработанная на основе учета общих и частных интересов национальных общностей национальная идеология позволяет избежать национализмов.

Основными объектами национализма были и остаются вопросы го-сударственности и национального языка. Выдвижение родного языка на роль монополюбно-государственного, чего хотели бы представители современного национал-патриотизма, лишает нации исторической перспективы, сужает ее культурное пространство.

Чувашский народ, некогда познавший вкус свободы и независимости, оказался впоследствии лишь осколком Великой Булгарии и стесненным со всех сторон

более воинственными народами. После того, как был приостановлен процесс отатаривания, наступила угроза русификации. Народ глубоко переживал также свое положение раздробленности, в какое его поставила государственная политика СССР в 20-е годы. Независимый дух чуваш постепенно уходил вглубь рефлексивно-психологического, бессилие перед иноплеменниками переродилось в сдержанность, завистливость, заедающую уже саму нацию. Но при определенной ситуации эти и другие негативные моменты могут быть затребованы националистической идеологией. Особенностью чувашского национализма является отсутствие в нем враждебного отношения к другим этническим общностям, проживающим в национальной республике и за ее пределами. Нет в чувашском национализме экспансионизма и стремления обеспечить себе привилегии за счет других народов. Однако детонатором, поддерживающим национализм малых наций на «протестующей волне» всегда был и остается национал-шовинизм лидирующей нации, нации-гегемона.

Особенностью чувашского национализма выступает интенциональность к язычеству. Противопоставление последнего православию воспитывает негативное отношение к русскоязычной диаспоре. «Только чистота нации дает истинно национальную культуру» — эту программную цель национал-патриотизм стремится социализировать через республиканскую печать и радио. Болевые точки развития чувашской национальной культуры и языка перенесены на политическую плоскость, что нашло отражение в работе Всечувашского национального Конгресса, Конгресса тюркских народов. В целом же названные особенности лишены воинственности и направлены в русло национальной идеологии и естественного права.

*Печатается по постановлению
редакционно-издательского
Совета МПГУ. М., 1993.*

Послесловие.

Двадцать лет спустя

Прошло уже более двадцати лет как был опубликован данный Проспект, который послужил основой диссертации и всей моей дальнейшей научной работы. Перечитывая его, я пришел к выводу, что ни один принципиальный позиций, выдвинутых мною, не нуждается к пересмотру или исправлению. И ни одна проблема, указанная в работе, не решена. И потому они остаются актуальными и в наши дни.

Философы-культурологи, не осознавая значимость проблемы целостности национальной культуры, а преследуя лишь свои прагматические, сиюминутные цели, занимаются ее периферийными вопросами: ими защищены десятки диссертаций в коридорах Чувашского госуниверситета, изданы монографии в частных издательствах, проведены научно-практические конференции местного и регионального уровня. Весьма значимой была организованная в 2011 году на базе кафедры философии ЧГУ им. И.Н. Ульянова Всероссийская научная конференция, на пленарном заседании которой я обозначил основные направления развития этнофилософии и высказал некоторые сомнения в отношении правомерности чрезмерно расширительного толкования этого понятия.

К сожалению, в последние годы интерес к проблеме национального в философии заметно снизился. Исключение составляет серия содержательных научных статей доцента Т.Н. Евграфовой, публикуемых на страницах столичных журналов.

С годами я начинаю понимать, что безостановочный, перманентный экономический кризис — это не стихийный процесс, а планируемое хозяйствование властью, т.е. буржуями-олигархами (что одно и то же)

в целях прихватазации, т.е. воровства (что одно и то же) народного добра. Только в этом случае безотказно действует сформулированный великим Марксом закон абсолютного обнищания рабочего люда. Маркс гениально просто вскрыл внутренний механизм эксплуатации, но не мог даже предположить, что безо всякой хитрости, открыто бесстыдно можно грабить так называемый самый передовой класс. Но для этого конечно же надо было разрушить коммунистический строй руками самих коммунистов, в чьих душах всегда жил Иуда, олигарх. И теперь мы имеем то правительство, которое мы, бессловесные существа, заслуживаем. Любое государство во все времена было и есть «грабитель в законе», и в полной мере это право проявилось в постсоветскую эпоху. Государство — это не абстракция, на которую как на чёрта можно взвалить все беды, это конкретные люди в лице чиновников, депутатов, которые в совершенстве владеют практикой демагогии, и оболванивать обывателей словесным жонглированием. Видеть свой народ нищим, жалким — это для них наивысшее наслаждение. Им поскорее хочется превратить народ в манкрута, в сознании которого должна быть стёрта историческая память и вытравить национальный код рода. Но законы природы неподвластны даже богам. Истории известны, что экономические кризисы не всегда сопровождаются кризисом духовной культуры, ибо она обладает относительно самостоятельной логикой развития. Такова и природа национального сознания, то затухающаяся, то, как уголёк под золой, возгорающаяся при малейшем дуновении ветра эпохи. Этнофилософия как самосознание нации, как квинтэссенция её духовной культуры, как ее долговременная идеология (не в классовой интерпретации!) остается непреходяще знаковой величиной.

С чувством глубокой благодарности я вспоминаю

теперь людей, которые оценили мой Проспект и поддержали меня на разных этапах работы: это прежде всего профессор Лев Евгеньевич Серебряков (МГПУ им. В.И. Ленина), мой научный руководитель по кандидатской и докторской диссертаций, участник войны и просто добрейшей души человек; профессор Людмила Александровна Микешина, заведующая кафедрой философии МГПУ им. В.И. Ленина, специалист по проблеме методологии научного познания; профессор Антон Иванович Петрухин (ЧГУ им. И.Н. Ульянова), первый в истории Чувашии доктор философских наук; профессор Александр Константинович Рачков (МГПУ им. В.И. Ленина), методолог, автор популярного учебника для вузов; профессор Владимир Николаевич Шевченко, заместитель главного редактора журнала «Философские науки», который, кстати, предложил подготовить для своего журнала статью о миропонимании чуваш и формировании их философской культуры, но категорически был против «протаскивания» национальной идеологии как составляющей целостности национальной культуры.

Много лет спустя данный Проспект в развернутом виде был издан отдельной монографией «Философия в пространстве национальной культуры (философско-методологический аспект)». М., 2011., и отдельными статьями в различных изданиях, некоторые из которых представлены в данной книге.

2016 г.

ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Нация как субъект культуры

Для использования того или иного метода познания, его способов исследования необходимо сначала знать в общих чертах, что такое предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят. Следуя этому требованию, рассмотрим для начала некоторые ныне существующие определения культуры и выразим свое отношение к ним.

Как известно, определение культуры, как и любое другое определение не может отражать всего содержания изменения и развития этого сложнейшего и многогранного социального явления. Краткое указание в нем наиболее характерных отличительных признаков выступает основой для дальнейшего его познания. Причем, надо отметить и ценность, значение исходного, «рабочего» определения культуры для теоретической и практической деятельности людей. Решение задач культурного строительства во многом зависит и от того, как мы определим культуру с точки зрения ее образа будущего, должного.

В философской литературе имеется множество дефиниций культуры. А. Моль, А. Кребер и К. Клакхон насчитали их около 260. Философы вновь и вновь возвращаются к проблеме определения ее смысла¹⁵. Выделяются антропологические, социологические и иные подходы к ее определению. Исследователи отмечают односторонность многих из них.

Наиболее древним (слово «культура» введено Цицероном) и до настоящего времени широко распространенным является определение культуры, где она выступает как совокупность ценностей и предстает перед нами в своей предметной сущности. В сформулированных на основе этого определения культура есть результат созданных и создаваемых материальных и ду-

ховных ценностей, по которым мы судим о достигнутых высотах интеллектуального развития человека, его сущностных сил и способностей. Культура в таких определениях предстает лишь как объективированная форма человеческой деятельности, а сама деятельность остается за пределами культуры. Определение ее как универсальной формы жизнедеятельности людей оправдано лишь отчасти, ибо в таком случае на первый план выдвигается способ функционирования культуры, а не ее внутреннее содержание и историческое назначение. Для восполнения данного пробела некоторые исследователи основной упор делают на аспект творчества в деятельности». Ф.Т. Михайлов в статье «Болевые точки культуры» подчеркивает, что «культура — не что иное, как творение, причем не только и даже не столько готовое творение, например, уже написанное стихотворение, сколько творчество.

... И, прежде всего, сотворение себя». Творчество — важнейший момент в деятельности людей по овладению ими своим внутренним и внешним миром. Включение его в дефиницию культуры указывает на расширение диапазона охвата культурой окружающего мира, на прогрессивную направленность развития общества. Н.С. Злобин, например, считая «творение человеческого мира человеком сущностью культуры», в целевой нагрузке культуры видит именно общественный прогресс.

Не оспаривая правомерность и важность выделения в культуре момента творчества как определяющего общественное развитие, нельзя и принимать его за окончательное слово. В последние годы культурологи ограничиваются интерпретацией именно этого определения, что может помешать дальнейшему развитию теории культуры. Подчеркивая, что вне процесса деятельности предмет перестает быть предметом культуры, на наш взгляд, необходимо определить субъект

культуры, т.е. выделить предмет существования от его способа существования, ибо человек существует в культуре двояким образом: и объективно, предметно, и субъективно, деятельно.

Культура возможна только в обществе, но она не есть общество. Однако из этого нельзя заключить, что она представляет обособленную сферу общества. Культура, проникая во все сферы жизнедеятельности от умывания лица до величайших высот человеческого духа, охватывает всю систему производства, распределения и потребления материальных и духовных благ, но не покрывает полностью ни одну ее сторону. Она выступает своеобразным ценностным, позитивным сечением всей экономической, социально-политической и духовной жизни общества. Соотношение общества и культуры можно рассматривать как соотношение отдельного и общего, но не целого и части, как это пытаются доказать иные авторы. Культура, пронизывая каждый социальный феномен, высвечивая изнутри любую из сторон жизни и деятельности общества, в ходе своей эволюции оставляет в стороне единичные, не отвечающие требованиям эпохи элементы. Именно вследствие этого она выступает как выражение поступательного развития общества, его прогрессивных жизненных позиций.

Рассмотренные нами основные моменты становления определения культуры сравнительно адекватно передают сущность и особенности культуры в самой действительности, ибо, много сторон в предметах и дефиниций может быть много. Но ко всему этому следует добавить, что любая дефиниция должна отражать не только то, что предмет есть в действительности, но и то, чем данный предмет должен быть. За рабочее мы принимаем определение, где она, культура, выступает как процесс творческого освоения мира человеком и ценностные результаты этой деятельнос-

ти, становящиеся исходным началом нового витка саморазвития субъекта. В данном определении, как видим, отражена творческая сторона деятельности людей как способа их существования и развития, результаты этой деятельности как позитивного, ценностного среза, указывается историческая функция культуры и выделяется ее субъект.

В феномене культуры отличают материальную и духовную ее стороны. В литературе по данной проблеме имеется и другая точка зрения, согласно которой в современных условиях деление культуры на материальную и духовную нецелесообразно.

В онтологическом плане материальную и духовную сферы культуры действительно нельзя отрывать друг от друга, так как уже в самом процессе деятельности мысли и чувства человека переплетены с его физической силой, а результат его деятельности представляет собой не что иное, как овеществленную форму их единства. Вместе с тем выделение в культуре названных сфер, проведение между ними разграничительной линии в гносеологическом аспекте имеет важное научное значение. С этим объективно приходится считаться.

Деление культуры на материальную и духовную строят по различным принципам: одни авторы исходят из разделения деятельности на материальную и духовную сферы, другие же в основе такого деления видят принцип преимущественного удовлетворения материальных или духовных потребностей людей. Допустимо и несколько иное толкование данного критерия, а именно: по принципу различения общественного бытия и общественного сознания. С этих позиций материальную культуру можно считать стороной общественного бытия, а духовную — общественного сознания. Поскольку культура обнаруживается не только в деятельности, но и в самих результатах деятельнос-

ти, то, выходит, оба первых критерия одинаково правомерны. Однако их недостаточное совершенство как критерия выявляется при отнесении науки или к компонентам материальной, или же духовной культуры. По виду деятельности ее можно отнести к духовной культуре. А поскольку она служит конечным результатом удовлетворению материальных потребностей, ее можно причислить к материальной культуре. Критерий же, в основе которого лежит принцип различения общественного бытия и общественного сознания, снимает, на наш взгляд, эту неувязку. Руководствуясь им, оправданнее будет считать науку частью духовной культуры, и определить ее как совокупность знаний, а средства объективации и результаты их — сферой материальной культуры.

Духовная культура является своеобразным отражением общественного бытия. Последнее является основой и определяющим характер и уровень духовной культуры. Однако духовная культура не пассивная сторона по отношению к материальному производству. Она активно воздействует на все без исключения стороны материальной жизни общества. Следовательно, духовная культура существует и функционирует относительно самостоятельно, что обнаруживается также в том, что она может отставать от общественного бытия, сохраниться даже после исчезновения породившей ее эпохи или, наоборот, с опережением отражать ту действительность, которая должна наступить. Духовная культура имеет свою внутреннюю логику развития, что дает возможность исследовать ее в определенных границах существования.

Характеризуя бытие людей со стороны способа их творческой деятельности, и отражая качественное состояние общества на каждом этапе его развития, духовная культура по своему значению становится в один ряд с категориями «духовная жизнь» и «обществен-

ное сознание». Заметим, что эти понятия не могут быть использованы как синонимы и нуждаются в разграничении.

Духовная жизнь общества является совокупностью различных видов деятельности людей, связанной с процессами активного отражения действительности. По своему объему, содержанию и форме духовная жизнь общества шире, богаче и разнообразнее, чем духовная культура. Последняя находит в духовной жизни свою область функционирования, является ее способом организации, позитивной стороной и качественным показателем. В структуре духовной жизни общества духовная культура выступает ее ядром, связывающей и постепенно подчиняющей все остальные элементы силой и потому обладающей способностью сообщить всем видам духовной деятельности определенную направленность движения. Именно в этом смысле духовная культура является необходимой сферой, сущностью духовной жизни общества, ее основой. С дальнейшим развитием общества духовная культура постоянно будет расширять границы своего действия в духовной жизни, пронизывать все ее компоненты. Но говорить о том, что по мере дальнейшего совершенствования, очеловечивания общества его духовная жизнь и духовная культура по своему содержанию, тем более объему будут совпадать, было бы ошибочно, ибо в движении общества к своему бесконечному совершенству не отвечающие потребностям людей или отжившие моменты закономерно исключаются из сферы духовной культуры, но остаются до определенного времени в сфере духовной жизни некоторой части населения. Эта закономерность сохраняет силу постоянства на любой ступени развития общества.

По вопросу о соотношении категорий духовная культура и общественное сознание исследователи или же отождествляют их, или же полагают, что духовная

культура шире по своему объему общественного сознания и включает в себя все виды, формы и уровни общественного сознания. Мы же придерживаемся несколько иного взгляда.

Общественное сознание объективируется в духовной деятельности и закрепляется в различных элементах духовной культуры общества — в философии, идеологии, литературе и искусстве и т.д. Это дает основание считать духовную культуру своеобразным отражением отраженного. Соотношение духовной культуры и общественного сознания таково, что последнее включается в духовную культуру не во всем своем объеме, а лишь определенной стороной, которая совпадает с гуманистическими требованиями развития человечества. Из этих соображений мы не решаемся в полном объеме включить, тем более на ее современном уровне развития, такую форму общественного сознания, как религия, хотя и не отрицаем некоторые ее положительные функции в определенных пределах морали. Сдерживая изначально противоречивый характер человека по отношению к миру и друг к другу, сохраняя этику человеческой культуры в рамках гуманистических принципов, религия тем не менее в любой своей форме и окраске всегда сковывала стремление человека познать тайны Вселенной и самого себя. Но на этой основе считать ее «врагом культуры и прогресса» было бы не совсем справедливо.

Таким образом, сопоставление духовной культуры с духовной жизнью и общественным сознанием позволяет сделать вывод, что она является своего рода позитивным срезом последних и имеет с ними как общие, так и особенные черты, моменты. Вне пределов духовной жизни общества нет и духовной культуры. В свою очередь, духовная культура включает в себя как одно из своих компонентов общественное сознание, но лишь его определенную сторону — позитивную. Итак,

получается своеобразный круг, где совпадающее общее между духовной культурой и общественным сознанием представляет ядро, основное содержание всей духовной жизни общества, содержащее в себе тенденции общественного прогресса.

Духовная культура — сложное, многоаспектное социальное явление. Каждая из ее сторон и граней обладает своими особенностями, специфическими сторонами, но за этим многообразием скрывается общее, составляющее внутреннюю связь ее структуры, которое обеспечивает целостность духовной культуры. Находить, фиксировать в ней общее, сущность, значит находить их в самом человеке — субъекте культуры. В человеке есть общее, что роднит его с другими людьми и выступает сущностью человека вообще. Эта сущность, по меткому выражению К. Маркса, представляет собой совокупность всех общественных отношений. Однако это общее проходит через призму той нации, класса, социальной группы, которым человек принадлежит. Общее и единичное, содержащиеся в самом человеке, определенным образом отражаются в способах его деятельности и результатах. В свою очередь, объект культуры, активно отражаясь в сознании субъекта, закрепляется в нем со всеми общими, объединяющими его с другими предметами и явлениями определенного круга, и особенными моментами, свойствами, отделяющими один предмет от других. Это двуединый встречный процесс взаимодействия общих и особенных моментов объекта и субъекта; воплощенный в деятельности последнего, и составляет содержание становления культуры.

Действительным субъектом культуры выступает все человеческое общество. В этом заключается целостный характер культуры. Однако общество чрезвычайно разнородно: оно состоит из различных наций и народностей, находящихся на различных уровнях историческо-

го развития, классов и социальных групп, дружественных и раздираемых внутренними противоречиями и т.д., что приводит к разделению общества на отдельные относительно самостоятельные субъекты, которые и создают различные в соответствии со своими особенностями культуры. Поскольку историческое единство культуры и ее внутренняя дифференцированность заложены в сущности самого объекта культуры, то движение разноуровневых культур к своему общечеловеческому состоянию связано с естественным преодолением разноуровневой множественности, но не разнообразия самих субъектов.

Субъектом культуры могут выступать лишь те социальные силы, которые обладают своим сознанием и способны вести целенаправленную деятельность. Следовательно, чтобы признать нацию субъектом культуры, необходимо обосновать положение, что нация способна вести практическую и теоретическую, познавательную деятельность и что она имеет свое, национальное сознание. Данная проблема важна для нас и потому, что целостность национальной культуры определяется состоятельностью, полноценностью нации как субъекта исторического творчества.

В становлении этноса полноправным субъектом культуры следует выделить два встречных, но взаимообусловленных момента. Первый — это когда этнос является объектом природы как таковой и социальных факторов. Второй — когда он сам окультуривает и актуализирует природную и социальную среду и выступает активным началом взаимодействия с последними.

Считать этнос результатом действия лишь социальных или только природных законов было бы неверным. Его нужно принимать и как биологический вид, и как социальную единицу. Долгое время в отношении этого вопроса господствовал вульгарный социо-

логизм. Но «с легкой руки» Л.Н. Гумилева чаша весов стала клониться в сторону вульгарного биологизма, по которому этнос сводится к «феномену биосферы». По мнению Л.Н. Гумилева, попытки объяснить этнос «через социальные законы развития общества приводят к абсурду».

Разумеется, мы не можем сбросить факт активного влияния биосферы на поведение этноса, его разнообразность продиктована организацией Вселенной, ибо всеобщие законы целого определяют специфику части. Допустимо, что некоторые этносы обладают повышенной способностью поглощать энергию из окружающей среды. История не единожды доказала, что народ с потерей своей родовой связи с природой, откуда он берет генетическое начало, теряет свою особость. Но надо иметь в виду, что по мере ужесточения общественных отношений и развития социального, природное начало в этносе отходит на второй план — главным детерминантом становится социальный фактор. Доказательством тому является то, как в результате неблагоприятных социальных условий, а не под непосредственным воздействием космических изменений и биологических факторов, исчезали целые народы в советское время.

Представленная Л.Н. Гумилевым концепция определенной стороной перекликается с взглядами, недооценивающими творческую потенцию нации как активного субъекта исторического процесса, толкающими ее на пассивное существование, на состояние субпассионарности. Что касается момента творческой активности этноса, в ходе которой идет самоорганизация его как субъекта на уровне нации, то он исследователями также не проработан до конца. Более того, к этой проблеме с 70-х гг. и не возвращались. Так, например, проф. Г.С. Арефьева пишет: «Социальные общности людей, выделяемые историческим материализмом, та-

кие, как племя, народность, нация, класс, сословие, народные массы выступают в качестве субъектов социального действия». Далее автор на вопрос «является ли нация субъектом познания общественных процессов» отвечает отрицательно.

Взгляд автора на природу субъекта противоречив: субъект — он есть или его нет, но полусубъекта не бывает. Если признать за какой-либо социальной общностью или личностью статус субъекта, то в онтологии разрыв практической и теоретико-познавательной деятельности невозможен. Автором не мотивированы также причины отрицания ею познаваемости субъектом общественных процессов. Но вывод из всего этого однозначен: недооценка субъектности нации. Последняя якобы неосознанно творит свою культуру и стихийно строит свои «отношения» с другими субъектами исторического процесса. Получается, что познание представлено здесь лишь «тощей абстракцией частичного субъекта» (Л.А. Микешина).

Деятельность нации, как и деятельность отдельной личности, класса и целого общества, можно разделить на материальную и духовную сферы. Процесс познания есть единство практической и теоретической, духовной деятельности людей, направленный на освоение природной и социальной действительности. Было бы неправильным считать процесс познания лишь как умственную деятельность. Становление субъекта культуры происходит во взаимодействии его с объектом, т.е. в деятельности субъекта по овладению им как естественно-природными, так и социальными объектами. Иначе как понимать процесс установления нацией выгодных отношений с соседями, если не в результате познания и учета их экономических, политических и культурных интересов? В категории «деятельность» состыкованы не только объект и субъект, но и материальное, и идеальное, что выводит нас на пробле-

му единства теории и практики. Иными словами, в деятельности вплетены материя и сознание, теория и практика, объект и субъект. Таким образом, положение о неразрывности теоретической и практической деятельности людей является основанием считать, что нация, являясь субъектом социального действия, выступает одновременно и субъектом познания общественных процессов. В пользу этого довода говорит и то, что этнос на уровне национальной общности строит свою внутреннюю жизнь, познавая свои внутренние законы функционирования.

В свете современной философии познания не только познавательный процесс, но и сам познающий субъект должен быть «тематизируем». Философы совершенно справедливо отмечают необходимость «изменить уровень абстракции категории «субъект», расширить ее содержание, оставаясь в рамках философского подхода, объединить все «уровни» от эмпирического «я», «сознания вообще», «духа» как целостности мышления, деятельности, чувства до «бытийного» ядра личности... Современная философия познания должна также содержать, как исходную, предпосылку о недостаточности абстракции субъектно-объектных отношений, необходимости рассматривать их через призму общения, диалоги субъектов вообще — через межсубъектные связи и отношения...».

Отрицание нации как субъекта познания ведет к отрицанию ее сознания и самосознания, которые составляют необходимые условия существования духовной культуры нации.

Вопрос о существовании национального сознания в нашей литературе является также дискуссионным. Одни авторы, касаясь этой проблемы, национальное сознание выделяют в особый вид общественного сознания, что, естественно, не выдерживает критики. Другие же определяют его по принадлежности определенно-

му субъекту. Однако сразу же отметим несрабатываемость данного критерия: национальное сознание и национальное самосознание принадлежат одному и тому же субъекту и по данному признаку они не различимы. Причем сознание нации и национальное сознание равно как самосознание нации и национальное самосознание не всегда взаимозаменяемы, их употребление в научных текстах должно быть избирательным. Понятие «национальное сознание» подчеркивает, прежде всего, особенность отраженного национального бытия, в то время как понятие «сознание нации» непосредственно не акцентирует национальное измерение общественного сознания, оно указывает прежде всего на факт наличия сознания у данного субъекта.

В большинстве работ национальное самосознание и национальное сознание применяются как тождественные. Причем последнее как бы растворено в национальном самосознании и «ходит под его именем». Но есть точка зрения, довлеющая над другими, которая в категорической форме отрицает факт существования и функционирования национального самосознания. Наиболее полно она представлена проф. С.Т. Калтахчяном, которая инерционно и безапелляционно приводится и в новейшей философской литературе. Далее мы будем строить свои доводы, прослеживая эволюцию взгляда данного автора. «Сознание как объективное отражение объективной действительности присуще всем людям и не имеет национальных различий», — отмечает известный исследователь национальной проблемы²⁵. Занятую позицию автор последовательно проводит через все свое научное творчество. «Каждый класс, — развивает свои доводы С.Т. Калтахчян, — по-своему осознает свою нацию, свои национальные интересы. Поэтому нельзя защищать правомерность «национального самосознания» на том основании, что его следует рассматривать как отражение национального бытия.

Последнее настолько различно для каждого класса, что ударение будет падать не на национальное, а на классовое сознание».

Проблема соотношения национального сознания и национального самосознания — это частный случай общей проблемы соотношения сознания и самосознания. Исследователей проблемы сознания в философско-психологическом аспекте занимает не факт его наличия или отсутствия, — это уже приобрело статус аксиомы, — а проблема последовательности и механизма формирования сознания и самосознания личности.

Относительно вопроса генезиса и развития сознания и самосознания личности можно выделить следующие подходы:

1) самосознание в развитии личности формируется позднее сознания, ибо оно отражает более высокий уровень психической жизни;

2) самосознание предшествует возникновению предметного сознания;

3) сознание и самосознание формируются параллельно и одновременно.

Процесс осмысления своего положения в мире вещей и обществе не может происходить без предварительного создания условий ориентировки. Для того чтобы взглянуть на себя со стороны, необходимо найти дистанцию фокусировки. «Поворот» сознания на самого себя есть самосознание, главным назначением которого является индивидуализация «Я». «Не сознание рождается из самосознания, — отмечает М.С. Неймарк, — а самосознание возникает в ходе развития личности по мере того как она реально становится самостоятельным субъектом». Но момент перехода к акту интроспекции для каждого субъекта разный, что определяется больше всего внешними факторами.

Нужно полагать, что с определенного момента сознание и самосознание личности развиваются парал-

лельно и в неотрывной связи, образуя онтологически одно, целостное духовное образование.

Занятая нами точка зрения по отношению к самосознанию личности полной идентичностью может быть переведена на плоскость сознания и самосознания нации с незначительной лишь проекцией на национально-субъектное своеобразие отражения.

Предпримем попытку разграничить понятия «национальное самосознание» и «национальное сознание».

В научных исследованиях утвердился в целом следующий взгляд на структуру национального самосознания:

- 1) сознание людей своей принадлежности к определенной этнической общности;
- 2) приверженность людей к языку и культурным ценностям данной нации или народности;
- 3) сознание территориально-государственной общности;
- 4) сознание общности национальных интересов, проявляющееся в большей или меньшей степени в национальном патриотизме.

Некоторые исследователи отдельным компонентом структуры национального самосознания считают сознание общности в национально-освободительной борьбе. Разумеется, в ходе дальнейшего изучения проблемы по каждому компоненту могут быть уточнения, дополнения и даже разночтения. Так, например, в отношении сознания территориально-государственной общности имеется два противоположных мнения: одни считают его компонентом структуры национального самосознания, а другие же, наоборот, настаивают на включении его как одного из основных элементов²⁹. Названный компонент, на наш взгляд, необходимо должен присутствовать в структуре национального самосознания. Дело в том, что в зависимости от конкретных задач, решаемых нацией в тот или иной исторический период, тот или иной компонент национального

самосознания может быть особо акцентирован. Такая ситуация наблюдается в настоящее время у наций и народностей бывшего СССР, когда идет процесс осознания ими необходимости добиваться государственно-территориального суверенитета с целью экономического выживания и культурного возрождения. Так обстоит дело и со следующим компонентом национального самосознания — самосознания общности в национально-освободительной борьбе, которое мы не причисляем к отдельным, устойчивым компонентам, ибо оно может быть вызвано лишь определенными историческими условиями существования нации. Следует отметить, что хотя один из структурных компонентов национального самосознания на какой-то момент может быть выдвинут на передний план, но все остальные компоненты при этом так же активизируются в прямой от него пропорциональности. Практика нынешнего периода национального возрождения убедительно подтверждает данное положение.

Некоторыми авторами национальное самосознание принимается как один из элементов национальной психологии. Они, вероятно, не считают нужным различать структуру сознания от его уровней, или же, наоборот, считают возможным сопоставлять социологический и гносеологический аспекта рассматриваемого объекта. Данный подход не выдерживает критики. Наоборот, национальная психология составляй лишь один из нижних этажей национального самосознания. Более того, она включается в национальное самосознание лишь определенной частью, «верхушкой айсберга», а неосознанные, иррациональные мотивы поведения и устремления остаются в невербализуемой глубине национальных чувств, взглядов и привычек, поверий и предрассудок.

В отличие от национального самосознания, выступающего как различенное внутринационально-об-

щее, национальное самосознание ориентировано и на отражение лежащего вне своего национального. Оно складывалось в результате длительного процесса восприятия как социальной, так и естественно-природной среды. По широте и объему социального и естественно-природного пространства национальное сознание не только шире национального самосознания, но и включает в себя последнее.

Человек сначала познает окружающую действительность, т.е. то, что лежит вне его, и только вслед за этим он начинает выделять себя из природной среды и среды себе подобных. Исторически сознание формировалось раньше самосознания, последнее могло складываться лишь на основе сознания, а в дальнейшем этот процесс шел параллельно и в неотрывной связи. Отрицание индивидуального сознания и признание лишь самосознания лишено логики. Аналогично обстоит дело и с национальным сознанием и самосознанием. В самой онтологии национальное сознание и национальное самосознание нерасторжимы, их раздельное рассмотрение возможно только в познавательном процессе.

При анализе национального сознания следует обратить внимание на два момента. Во-первых, оно не является особой формой общественного сознания, ибо объектом его отражения является все национальное бытие. Национальное сознание — это то же общественное сознание, но очерченное рамками жизнедеятельности лишь данной нации. Оно представляет собой национальное измерение общественно-политической, правовой, философской, этической, эстетической сторон общественного сознания, их своеобразный национальный срез. Однако на этой основе нельзя свести его функции лишь к различению национальных особенностей бытия этноса. Такое дипломатичное сведение национального сознания к национальному самосозна-

нию мы встречаем у А.Х. Спиркина. «Каждая нация, — пишет он, подобно личности, каковой она и является в своеобразном, соборном смысле этого слова, обладает сознанием, пониманием своих национальных особенностей, своих положительных и отрицательных сторон. В сознании людей каждой нации, когда речь идет о недостатках и достоинствах, о характере и поведении граждан данной нации одинаково присутствует акт самосознания, как при самоосуждении, так и при самовосхвалении». Национальное сознание отражает кроме этносных особенностей и то общее, что имеется между национальными общностями. Во-вторых, национальное сознание, как и все формы общественно-го сознания по глубине отражения может лежать на разных уровневых плоскостях: на плоскости обыденного сознания, где оно включает национальную психологию, проявляющуюся в характере, темпераменте, суждениях, эмоциях, чувствах, волевых актах и т.д., и на теоретической, где осознанный интерес переходит в национальную идеологию. Еще Отто Бауэр, хотя безотносительно идеологии, отмечал, что «лишь национальное сознание делает национальность сознательно движущей силой человеческой, в частности, политической деятельности». Именно с приобретением своей идеологии нация превращается из «нации в себе» в «нацию для себя». В большей степени не на психологическом, а на уровне идеологии национальное сознание при соответствующих условиях или раздваивается на противоположные полюса по классовым принципам, или же выступает в своем целостном единстве.

Причина отрицания национального сознания некоторыми авторами кроется, видимо, в опасности подмены классового сознания национальным. Однако правильно понятое диалектическое соотношение национального и классового предостерегает нас от одностороннего подхода к данной проблеме.

Каждая нация в социальном отношении — это совокупность классов, социальных слоев, и каждый из них по-своему осознает свою нацию, свои национальные интересы. Через классовые интересы нации разъединяются на «две нации». Но она выступает единой общностью изначально на уровне этнической психологии. Национальные чувства, вкусы, привычки, поверия, характер, взгляды и представления, выработанные на протяжении длительного исторического развития, поддерживают процесс единения «расколотых» полюсов целого. Кроме того, нация, поскольку она находится в системе сложнейших экономических, политических, культурных отношений, вырабатывает свою идеологию, определяющую ей место в истории. Нацию как целостного субъекта культуры следует рассматривать именно с этих позиций, не забывая о том, что конкретно-исторические условия ее существования могут внести соответствующие изменения в соотношение психологического и идеологического факторов. Причем требование ставить объект исследования в определенные исторические рамки снимает безотносительность термина «нация вообще».

Совершим краткий экскурс в историю становления нации как субъекта культуры и отметим некоторые изменения в его характере в связи с окончательным поворотом государственной политики на классовое расслоение общества.

В антагонистическом обществе капитализма, в условиях еще недостаточно четкого разделения новых классов, интересы последних более или менее едины. Это связано с тем, что вначале интерес исторически восходящего класса действительно еще неотделим от интересов остальных, не господствующих классов и социальных групп, не успев еще под давлением отношений, существовавших до сих пор, развиться в особый интерес особого класса. Однако с развитием капита-

листических производственных отношений национальная принадлежность и национальные интересы уступают место классовым различиям и классовым интересам. По мере осознания классами своей роли в материальном производстве, формирования в соответствии со своими потребностями интереса и определения целей и задач относительно единое вначале национальное сознание раскладывается на два полюса сознания, которые закрепляются в «двух культурах». Но и в этих условиях нельзя забывать о существовании общности сознания двух непримиримых по своим коренным интересам классов данной нации на психологическом уровне. Здесь классовое скрыто в проявлениях общих психологических особенностей, черт и признаков. Однако нация становится нацией для себя, т.е. субъектом познания и культуры лишь на философско-мировоззренческом, идеологическом уровне, хотя непроеходимой грани между психологическим и идеологическим уровнями нет, и психологическое не стирается идеологическим. Вследствие раздвоенности сознания нация не может выступать единым субъектом культуры. Поскольку имущий класс в целях сохранения своего господствующего положения в материальной и духовной сферах жизни не заинтересован в научном познании социальных явлений, его деятельность не совпадает с общим направлением национального развития. Следует отметить еще один момент, который, вполне возможно, повторится в нынешней истории национального самоопределения: некоторые элементы национального сознания двух противоположных классов могут совпадать и на идеологическом уровне. Как показывает практика, в национально-освободительной борьбе народов против иностранного капитала неизбежно проявлялась общность интересов и целей различных классов и социальных слоев общества. Наличие такого общего в сознании классов явля-

ется одним из необходимых условий завоевания народом своей независимости и национального возрождения. Разумеется, такая общность во взглядах носит исключительно временный характер: с выполнением задач освободительной борьбы с новой силой разгорается классовая борьба внутри страны, которая отражается в теориях, литературно-художественных течениях, искусстве, и национальное сознание во всей полноте раскрывается в своем развернутом, раздвоенном виде.

За 80 лет после Октябрьской революции, как бы ни называли теперь этот период истории, был уничтожен антагонизм классов внутри наций и преодолена раздвоенность сознания. Не принимая субъективистские и репрессивные методы руководства прежней власти, нельзя, да и невозможно отрицать тот факт, что в годы Советской власти параллельно с процессом формирования социальной однородности наций была достигнута и интернациональная общность народов нашей страны. Совпадение в главном содержании классового и национального стало основой и условием становления нации единым по своей сущности и характеру субъектом культуры и исторического развития. А потребность расширения диапазона каждой из национальных культур, общность целей и задач наций данного содружества в сферах материального и духовного производства вызвала к жизни интернационалистское сознание.

Интернационалистское сознание выражает, прежде всего, социально-мировоззренческую общность ориентации субъектов культуры. Его нельзя представлять лишь только как основу формирования идеологии рабочего класса страны. Именно с этих позиций данная категория была идеологизирована, политизирована до остатка. В структурном плане интернационалистское сознание является результатом синтезирования национального и совпадающего с общественным прогрессом

классового. А источник его формирования заложен в самой потребности отражения сущего, необходимого, лежащего как в национально-особенном, так и межнациональном. Вместе с тем с усилением национального сознания и самосознания закономерно должно расширяться и укрепляться интернационалистское сознание и наоборот. Однако, здесь нет противоречия, ибо подлинно национальные идеи... в то же время всегда являются и подлинно интернациональными». Интернационалистское сознание не существует отдельно от национального, или со складыванием интернационалистского сознания не исчезает национальное сознание. Наличие у наций и народностей интернационалистского сознания позволяет говорить о них как о субъектах с более широкой потенциальной познания естественно-природных и социальных явлений.

История обратного хода не имеет, но, как правило, надежда на лучшее становится дороже, а трагическое — еще трагичнее. Распад бывшего многонационального Союза выделяет пока еще лишь разрушительную энергию, которая порывает прежде всего экономические и культурные связи между национальными республиками. Мы не сумели «обуздать» эту силу, как заставили служить энергию, выделяемую при расщеплении ядра атома. В этих условиях стремление наций и народностей к самоопределению вплоть до отделения и образования суверенных государств стало вынужденной мерой для выхода из глубочайшего экономического кризиса и исторически вполне оправдано. Однако этот процесс имеет отрицательные последствия в отношении дальнейшего укрепления интернационалистского сознания.

Проводимая ныне политика рыночной экономики привела к социальному расслоению наций. Возврат к частной форме собственности на средства производства неминуемо ведет к образованию двух противополо-

ложных, непримиримых по своим коренным интересам классов и к новому витку ожесточенной классовой борьбы. Эти симптомы сегодня еще сокрыты лозунгами национального самоопределения, подавляются массивной религиозной пропагандой, размываются шумом предсказателей, экстрасенсов и пр. Идет процесс раздвоения национального сознания, разрушается целостность субъекта культуры, истощается его внутренняя энергия. Похоже, история готовит себя к очередному Октябрю, последствия которого по своей жесткости будут уже непредсказуемы. Однако следует отметить и то, что, несмотря на все попытки раскола нации на две противоборствующие силы по признаку отношений людей к собственности и формирования двух интернациональных полюсов по тому же имущественному цензу, дух национальной консолидации и интернационального единства в сознании людей разных национальностей сохраняется как альтернативная сила.

Создавая свою культуру, нация «создает» самого себя. Здесь нужно выделить два момента. Если брать этнос в историческом плане, то он является творцом своей культуры, первичен по отношению к ней, как первичен художник по отношению к своему произведению. Однако каждое новое поколение этноса вначале застает уже сформированную в определенных национально-нормативных контекстах культурную готовую среду, объективно испытывает ее воспитывающее воздействие и закрепляет историческую память этноса. В этом случае культура выступает формотворческой стороной жизнедеятельности людей. Каковы тип, характер, уровень развития культуры, таковым формируется ее субъект. В полном смысле слова субъектом культуры новое поколение этноса становится лишь с усвоением достигнутых высот имеющихся ценностей и последующим за ним активным включением в процесс твор-

чества, ибо воспроизведение культуры лишь вчерашнего дня инволюционирует этнос.

В настоящее время перед нациями и народностями как никогда остро стоит задача создания такой национально-культурной среды, которая обеспечила бы их перспективу как биологического вида и социальной единицы. Такая среда достигается в рамках единой, целостной национальной культуры. Духовное единство нации формируется именно на основе целостности ее культуры.

Проблема целостности национальной культуры актуально существовала всегда, но о ней не принято было говорить, ибо она противоречила идее создания новой исторической общности людей с единой интернациональной культурой. Разработка модели целостности национальной культуры и реализация ее на практике жизненно важна прежде всего тем народам, которые не обладают достаточной экономической мощью и государственной самостоятельностью. И аксиологическое обоснование места своей национальной культуры в природном и социальном мире, и экзистенциальное утверждение ее в рамках мирового культурного пространства, и регуляция процесса ее развития в национально-нормативных контекстах невозможно без осознания самоценности своей культуры и достижения ее внутренней целостности.

Проблема целостности национальной культуры предполагает рассмотрение культуры этноса с точки зрения:

- 1) ее самодостаточности, полноты, «насыщенности» необходимыми структурными компонентами;
- 2) внутренней интегрированности и взаимодетерминированности последних;
- 3) автономности, противопоставленности окружению.

Названные требования при их реализованности должны обеспечить перспективу культуры этноса в ее индивидуальной форме. Именно национально оформ-

ленная целостность делает на разных уровнях находящиеся народы соизмеримыми и ставит их на одну плоскость равенства.

Самодостаточность национальной культуры означает наличие в ней всех необходимых структурных частей, без которых она лишается целостности и возможности полноценно функционировать. Самодостаточность одновременно ограничивает количество компонентов, указывает предел «набора». В целостности наличествуют только те компоненты, которые имеют статус структурных. Но в национальной культуре функционируют также элементы, находящиеся на нижних, этнографических этажах системной иерархии. Обозначить национальную культуру структурно весьма сложно. Трудность заключается в том, что культура многослойна и «разлита» во всех сферах жизни и деятельности этноса. В этом вопросе могут быть много вариантов и различных мнений.

Наиболее простым и продуктивным подходом, на наш взгляд, является подход, который строится по узловым моментам дефиниции культуры, где можно будет выделить основные сегменты национальной культуры в плане их данности на настоящее время, через виды деятельности (производство и потребление ценностей) показать интегрированность, состояние целостности. Дефиниция национальной культуры, отделяя данный социальный феномен от других, указывает границы ее автономности, самостоятельности. Кроме того, определение национальной культуры с точки зрения творческой деятельности дает некоторую модель будущего, должного. В современных условиях межнационально-интегрированных процессов без такой модели национальная культура обречена. В позитивном образе будущего должны быть обозначены как «лишние», так и недостающие компоненты культуры нации. Причем, основное внимание должно быть уделено на создание

компонентов теоретического уровня, потенциально обладающих статусом структурных, нежели на «выдвижение» затасканных ценностей этнографического плана. К ценностям такого порядка относятся философия, идеология, политическая и правовая культуры, этика, литература и искусство и др. Пронизывающим, «собирающим» их в одну индивидуально-целостную культуру является национальное. Активное начало национального является главным фактором достижения интегрированности, «собранности» структурных элементов.

Благодаря своей целостности национальная культура выступает уникальным и самоценным явлением. Единственность, особость обнаруживается при сопоставлении ее с культурами других этносов, в ходе которого эксплицируются существенные параметры различия. Определяющим уникальность целостной национальной культуры является национальное, где сосредоточены национально-специфическое и общее, которые обеспечивают национальной культуре пребывание «в-самой-себе-для-себя» в системе национальных отношений. Иными словами, национальная культура является одновременно и замкнутой, и открытой системой. Но какова мера ее замкнутости и открытости, которая должна поддерживать уникальность? Это зависит скорее от внешних обстоятельств, нежели от внутреннего состояния целостности. Культура этноса достаточно чутко реагирует на излишнюю активность со стороны других национальных культур, на те или иные идеологические вмешательства со стороны государства. Она избирательно воспринимает внешние импульсы. Но сила сопротивления «инородному» воздействию целиком зависит от степени зрелости, целостности национальной культуры. Целесообразность ее, как и любой другой системы — пребывание в уникальности. Национальная культура не терпит применительно к себе

никакого внешнего авторитета. Если бы такой авторитет существовал, то уникальный образ жизни, свойственный данной культуре, был бы незамедлительно подорван.

Национальное и его структура

Целостность культуры этноса как отдельного, относительно самостоятельного явления основывается на национально-особенном, которое как бы цементирует лежащие на различных этажах иерархического развития ее компоненты.

В литературе, посвященной проблеме национального, укоренилось представление о национально-особенном как о тождественном национально-специфическому. Реалии межнациональных интеграционных процессов последних лет внесли заметные изменения в содержание национального, что требует переосмысления и уточнения его смысловой нагрузки. На основе выводов, сделанных в первой главе данной работы на категориальном уровне, представляется возможным и необходимым несколько по иному взглянуть на критерий понятия национального.

В этносоциальной сфере национальное выполняет функцию категории особенного. Общечеловеческое как общее и национально-специфическое как единичное без отношения к национальному как особенному не имеют своего содержательного смысла. Только в связи с национальным общечеловеческое перестает быть абстрактно-общим и обретает жизнь. В свою очередь, национально-специфическое в силу своей единичности и односторонности не в состоянии представить различность, определенность национальной культуры как целостного образования. Оно выступает лишь как одна из наиболее ярко выраженных черт, признаков, свойств и является таковой лишь соотнесясь с общечеловеческим.

Национальное, таким образом, является своего рода синтезирующим началом национально-специфического и общечеловеческого. Если «разложить» национальное на составляющие в указанном ракурсе, то мы имеем в его структуре национально-специфическое и общечеловеческое, которые «сквозно» должны присутствовать в каждом компоненте национальной культуры независимо от ее уровня и характера, формы и содержания. В сфере духовной культуры этноса нет и не может быть такого компонента, который состоял бы из одного лишь специфического. Любой компонент, будь он даже характеристикой исключительно этноса как язык, включает в себя в том или ином соотношении кроме специфического и общечеловеческое.

Термин «национальное» восходит к *nasci* — (лат.), что означает «рождаться». Еще римляне пользовались этим словом для обозначения многочисленных племен того времени. Поскольку нация появилась как форма буржуазной эпохи общественного развития (В.И. Ленин), то и само понятие национальное в своей подлинной сущности сформировалось лишь с возникновением первых наций. Однако оно применимо для характеристики не только народов, окончательно сформировавшихся в нацию, но и тех, которые находились или находятся еще на донациональной стадии общности. И это частично оправдано, ибо возникновение и развитие некоторых отдельных сторон, черт и признаков национальной культуры по времени предшествует полному формированию наций. Ведь национальное — это своеобразный пласт всей судьбы, истории народа со дня складывания его в самые первые формы этнической общности. Дело заключается в том, что для выработки категорий необязательно полное становление предмета или явления, достижение ими своей зрелости, завершенности. Человеческий ум обладает способностью опережающего отражения событий. Он мо-

жет представить приблизительный объем, содержание целого по имеющимся частям, определить общее по единичным признакам и свойствам. Но употребление такого понятия с его прошлым ограниченным содержанием для объяснения современного уровня национальной жизни было бы недостаточно.

Область применения национального очень широка, она охватывает все сферы общественной жизни и не может быть сведена к своеобразию проявления его лишь в одной из сфер жизнедеятельности этноса. Национальное в широком смысле есть выражение экономической, политической и духовной жизни определенной национальной общности. Под национальным традиционно понимают форму развития национальной культуры и упускается или же принципиально отрицается наличие в нем содержательной стороны. Причем вкладывают в него смысл лишь национально-специфического. Этот стереотип мышления прочно утвердился и в философской литературе. Вывод о наличии в культурах еще и национального содержания, — пишет, например, А.И. Головнев, — ведет по существу к принижению идейного момента и растворению классового в национальном. Идеологическая предвзятость методологических позиций авторов уводит их в сторону абсолютизации классового подхода в ущерб национальному. Именно такой недialeктический подход лежит в основе доводов многих авторов, пытающихся доказать отсутствие национального содержания в культуре. Практика, связанная с недооценкой самостоятельности национального фактора, необходимо должна привести к ситуации «этносной мутации», с чем мы и столкнулись сегодня.

На примере соотношения национального и классового сознания мы уже показали неправомерность противопоставления классового национальному. Нация — общность историческая, преходящая. Следовательно, и ее культура должна уступить культуре, соответству-

ющей ее субъекту, что будет зависеть от многих внешних и внутренних обстоятельств. В исследовании движения национальных культур к общечеловеческой или какому-либо другому состоянию недостаточно рассматривать их содержание и форму лишь как проблему общего и единичного, где общее, социально-классовое является их содержанием, а национально-специфическое — формой. При этом почему-то забывается, что форма есть оформленное содержание, и что любая ценность культуры так или иначе является содержательной формой. Отсюда само содержание культуры нуждается в рассмотрении его как проблемы единства общего, общечеловеческого и единичного, национально-специфического.

Национальная форма развития культуры есть система организации ее содержания и способ выражения последнего. Она в состоянии представлять как общечеловеческое содержание культуры, так и содержание специфического в ней. Каждая национальная форма культуры в своем роде специфична, однако эта специфичность снимается с использованием ее другими нациями и народностями для выражения содержания собственной жизнедеятельности. В процессе взаимодействия национальных культур видоизменяется не только их содержание, но и формы выражения тоже. Национальные формы не окостеневают, но обладают способностью совершенствоваться и сближаться. Эта подвижность формы является объективным отражением происходящих процессов в содержании самой жизни наций и народностей. Мы были свидетелями того, как утверждались общие нормы поведения в быту, новые общественные традиции, которые нашли свое отражение в сферах искусства, в общих жанровых нормах, единых художественных, музыкальных и других выразительных средствах.

Наличие у предмета своего, специфического, присутствующего только ему содержания и формы говорит об

объективном, относительно самостоятельном его существовании, а присутствие в его содержании и форме общего — о зависимости его от множества других предметов и явлений. Это состояние предмета определяется и поддерживается действиями специфических и общих законов развития.

К специфическим законам развития национальной культуры можно отнести законы, связанные с отражением окружающих данную нацию естественно-географических условий ее бытия, запечатлением их в духовных ценностях и с выработкой определенного стереотипа художественного мышления, а также закон зависимости развития культуры от своеобразия национального разделения труда. Общие закономерности, в отличие от специфических, раскрывают магистральное направление развития культуры вообще. Такие законы, как закон определяющей роли материального производства по отношению к духовной культуре, закон преемственности и критического использования культурных ценностей прошлого, закон возрастания относительной самостоятельности духовной культуры и др. составляют главное содержание движения культуры человечества. Названные и другие законы присущи культуре любого исторического типа. Общие и специфические законы развития национальной культуры действуют не изолированно друг от друга, а в строгом диалектическом единстве. Общие закономерности не дают «выходить» специфическим законам за пределы всеобщего развития, а специфические законы как бы подправляют сплошное течение общих закономерностей и непосредственно направляют их на конкретный объект. Формы взаимопроникновения общих и специфических законов развития национальной культуры в высшей степени разнообразны. В случае, когда они действуют в одной и той же системе, общие законы действуют через специфические. Последние в таком

положении выступают как результат зависимости действия общих законов от конкретно-исторических условий жизни каждой нации и народности, однако они, преломляясь через действие специфических законов, не теряют свою сущность. Так, например, закон определяющей роли материального производства по отношению к духовной культуре непосредственно сказывается на ее содержании, но опосредованно отражается на форме через своеобразие национального разделения труда. В другом случае общие и специфические законы могут взаимодействовать лишь опосредованным путем и не находиться в соподчинении. Тот же самый закон определяющей роли материального производства не может проявляться непосредственно на духовной культуре через, скажем, специфический закон выработки стереотипа художественного мышления.

Специфические законы определяют дифференцированность узкого круга явлений в национальных культурах, а роль общих законов сводится в основном к тому, чтобы привести культуру к целостности более сложного и высшего порядка. Взаимообусловленность специфических и общих законов есть внутреннее выражение градационных отношений компонентов в структуре национальной культуры.

В структуре национальной культуры кроме социально-мировоззренческого имеется целый ряд неидеологических явлений. Эстетические чувства и взгляды, национальный характер, национальный язык и др. компоненты составляют содержание той части национального, которое отличает культуру одной нации от другой. В этом плане нельзя полностью согласиться с мнением, по которому содержание культуры составляет все внутреннее богатство культуры каждой нации и что это содержание интернационально. Названные компоненты национальной культуры действительно нельзя вывести за пределы внутреннего богатства культуры

общества, но и нельзя их считать общими, интернациональными.

Одной из актуальных проблем в изучении структуры национального является проблема существенно-общего в ней, остающаяся до сих пор вне поля внимания исследователей.

До недавнего прошлого за такое существенно-общее, основное содержание культуры, в том числе и национальной, однозначно принимали марксистско-ленинскую идеологию, считали ее не подавляющей, а определяющей и придающей национальным культурам органическую целостность и направленность движения. В условиях коренного перелома общественного строя, когда на политическую арену выходит имущественный класс и будет господствовать в экономической, а следовательно, и в духовной сферах, по логике от противного ядром духовной культуры должна быть буржуазная идеология, которая и будет сообщать всем компонентам национальной культуры свое, классовое содержание. И это закономерно, поскольку любая власть выражает интересы конкретного класса и стремится идеологизировать духовную культуру общества в целях закрепления своего господства и в сфере сознания.

Классовая идеология не привнесена извне, но она и не вытекает из логики развития национальной культуры. Гипотетически представим, что по достижении нацией полной социальной однородности идеология как выражение классового интереса исчерпает себя, но сама нация остается. Но существование предмета или явления без своей сущности невозможно. Следовательно, идеология, чьи бы интересы она ни выражала, не может выступать существенно-общим, ядром национальной культуры.

Разумеется, классовую печать с лица национальной культуры в настоящее время снять невозможно, но и

руководствоваться ею и считать ее определяющей, со-общающей определенную направленность движения всем структурным компонентам духовной культуры, как это представляли до сих пор, было бы не только не необъективным, но и ошибочным.

Сущностью национальной культуры не является также и национальная идеология. Во-первых, она в классовом обществе так или иначе, в той или иной степени подпадает под одностороннее влияние классовой идеологии, во-вторых, она не всеобщна, чтобы иметь силу для всех эпох и пронизывать культуру этноса исторически, в-третьих, назначение национальной идеологии — выражать прежде всего интересы своего этноса, чем она больше дифференцирует его, нежели сближает с другими нациями.

На наш взгляд, непреходящей сущностью национальной культуры, ее главным содержанием является философия, предметом которой выступают не что иное, как мир и человек. Именно философия, эта «живая душа культуры», выполняет функцию формирования самосознания нации и непосредственно определяет жизнеспособность ее в мире вещей и социальных отношений. В ее сфере идет процесс складывания новых человеческих ориентиров, потенциально возможных направлений развития, создается образ будущего, который предлагается этносу. В части социального выражения философия совпадает с национальной идеологией: она тоже призвана сохранить этнос как самостоятельный субъект исторического творчества. А идеология как отражение социального бытия через призму классового интереса может довлеть, совершать насилие над философией в ту или иную эпоху, но не в состоянии повернуть естественный ход ее развития, ибо она на самом деле испытывает груз идеологических воззрений лишь в той части, где речь идет об обществе в разрезе его социально-групповых, классовых отношений. При

существующем состоянии классовой дифференциации общества идеология в традиционном ее смысле искусственно привнесена в ту сферу философии, где она выражает законы развития природы и человеческого мышления. Усиленное, активное использование познавательной функции и возможностей философии главным образом для объяснения человеческой природы и социальных явлений, оставляя при этом без должного внимания другую половину ее предмета — мира, какое наблюдалось в прошлом столетии, на наш взгляд, деформировало истинную суть философии. В результате чрезмерной антропологизации и этизации она односторонне суживалась в своем диапазоне и, в конечном счете стала служить государ-ственной идеологии. Но и нельзя считать идеологию совершенно чужеродной к философии: определенной стороной она входит в ее пространство. Последняя в своей беспристрастности дает идеологии лишь столько значительности, сколько она несет ее в себе. По своей природной сущности философия есть способ преодоления классовой, односторонней идеологии. Однако чем дальше, тем острее становится борьба за философию, ибо власть в достаточной степени осознает то, что конструируемая и предложенная ею модель будущего выступает в качестве необходимой ценности, которую можно будет эксплуатировать как идеологию.

В большинстве исследований проблемы соотношения философии и идеологии совершенно правильно подчеркивается неправомерность сужения философии до идеологии, отмечается, что философия выступает в более широком, выходящем далеко за пределы идеологии духовном «развороте» — нацеленности на мир в целом. Но когда речь заходит о пролетарской идеологии, то они, несмотря на глубинные перемены в социальных отношениях и в самой философии, происшедшие в последние годы, всячески пытаются дока-

зять полную совпадаемость ее с философией. «В других исторических ситуациях, здесь мы имеем в виду пролетариат, его способность выражать общечеловеческие интересы, социально-классовое оказывалось сшитым с перспективами человеческой цивилизации, с интересами развития всего общества», — пишет, например, В.А. Щербинин.

Идеология в любую историческую эпоху есть выражение интереса одного класса, и никакой класс в силу своей субъективности не в состоянии представлять полнокровно интересы всех других классов и социальных слоев нации и не способен к непредвзятому отражению мира в целом и социального пространства в частности. Идеология при всем своем стремлении быть объективной будет благорасположена к одним социальным интересам.

Философия как ядро культуры является самым объективным показателем уровня развития национальной культуры. Ее отсутствие говорит о неполной, ущербной целостности культуры этноса. Нация, которая внесла определенный вклад в мировую сокровищницу человеческой мысли, стоит на голову выше в ряду остальных народов. Здесь уже не в счет ссылки на те или иные объективного и субъективного характера причины, почему тот или иной народ не смог создать свою философскую культуру. Да и никто не ставит им в вину то, что в свое время они не обобщили и не систематизировали имеющиеся знания о Вселенной и о своем внутреннем мире. История «ловит» момент, когда они в состоянии будут создать свою оригинальную систему взглядов на мир, его законов движения и тем самым обогатят мировую культуру.

К проблеме национального в его структурном плане исследователи подходят с различных позиций. Одни, исходя из положения о своеобразном проявлении национального в различных сферах культуры, выделяют

в нем следующие элементы: языковые, психологические, эстетические, а также элементы социально-экономического и природно-географического характера. Рассмотрение структуры национального в таком аспекте плодотворно в том отношении, что заставляет находить специфику национального в каждой из названных областей и в результате представить в полном объеме национальную культуру как некую целостность, структурированной на основе особенного. Данный подход, на наш взгляд, еще недостаточен для того, чтобы охватить движение национального, его динамику, ибо структура предмета, в конечном счете, представляет собой движущуюся систему взаимосвязанных элементов, без чего не может существовать и данное отдельное как целостное образование. В этом отношении наиболее удачным является подход, где в структуре национального выделяют собственно-национально-логическое и национально-приобретенное-логическое (уровень науки, философии), собственно-национально-образное и национально-приобретенное образное (уровень художественной культуры). В основе данного подхода лежит генетический аспект, который позволяет, во-первых, установить, какой нацией или народностью создана культурная ценность, во-вторых, определить в них два пласта национального независимо от их происхождения и принадлежности: национальное, созданное в результате логического мышления, и национальное, созданное при помощи образного мышления. Достоинство такого подхода к структуре национального заключается и в том, что он выводит не только к проблеме путей приобретения инациональных ценностей на уровне художественной культуры, науки и философии, но и к проблеме выработки своего, собственно-национального в сфере философии. Сама по себе постановка такого вопроса научно интересна, но требует осторожного подхода, к чему мы

вернемся при рассмотрении философской культуры нации. В приведенном структурном определении национального вызывает сомнение лишь то, что оно близко к отождествлению собственно-национального с национально-специфическим.

Не отвергая в принципе названные подходы, представляется наиболее простым и целесообразным разделение национального в культуре на: 1) национально-специфическое и 2) общечеловеческое, во взаимной связи которых, на наш взгляд, лучше всего улавливается движение, развитие национальной культуры как целостной системы и ее структурное изменение.

Национально-специфическое — это исторически сложившиеся признаки и свойства культуры нации. В самой структуре национально-специфического традиционно выделяют два компонента: это — национальные черты, связанные с историей данного народа (природные условия его развития, черты семейно-бытового уклада, традиции, обычаи, психологический склад нации и т.д.) и выразительные специфические средства национальной культуры (национальный язык, средства художественного изобразительного мышления в поэзии, музыке, художественные традиции). В первом случае национально-специфическое присутствует в объекте отражения, а во втором — в духовном освоении этой действительности, где закрепляется специфическая форма мироотношения этноса. Национально-специфическое — не инвариант. Оно изменяется, во-первых, в результате отсеивания изживших себя элементов, во-вторых, путем обогащения заново рожденными моментами и включения их в орбиту практической деятельности, в-третьих, в ходе проникновения в национальную жизнь инонациональных ценностей. Разумеется, национально-специфический жизненный материал изменяется быстрее, чем система выразительных средств национальной культуры. Здесь требуется

уточнение. Если черты семейно-бытового уклада, обычаи в условиях расширяющихся взаимосвязей во всех сферах жизни и деятельности наций и народностей легко подвергаемы влияниям и изменениям, то этого не скажешь о психологическом складе нации.

Национально-специфическое является плодом деятельности только данной этнической общности. В этом смысле оно выступает собственно-национальным. Под собственно-национальным понимается такое национальное, которое выработано данной нацией, но в котором наряду с национально-специфическим могут иметь место и общие с культурами других наций и народностей моменты, обусловленные более или менее одинаковыми потребностями и условиями их материальной жизни. Таковы, например, одинаковые открытия, ценности в науке, искусстве, сделанные народами более или менее одновременно, но независимо друг от друга. Понятие собственно-национального указывает, прежде всего, на происхождение ценностей национальной культуры, в то время как национально-специфическое, хотя и включается в собственно-национальное, служит для выражения отдельных особенностей культуры той или иной нации. По высказанным соображениям считаем употребление понятий национально-специфическое и собственно-национальное как синонимов недопустимым.

В историческом плане национально-специфическое в духовной культуре есть результат отражения длительного, сравнительно обособленного развития этноса. Однако на стадии расширения межэтносных связей имеет место возникновение новых национально-специфических моментов в их культуре. Выяснение причин и источников их рождения как в истории, так в современности представляет немалый интерес.

Каждая нация проживает в определенных естественно-географических и социально-экономических ус-

ловиях. В своей духовно-практической деятельности она испытывает на себе воздействие последних, особенности которых и выступают объектным материалом для образования национально-специфических черт культуры. Отражая неповторимое естественно-географической среды, материального и духовного общения, быта, особенности исторической судьбы народа, характер труда и его своеобразное разделение, формы социально-классовых отношений и т.д., сознание этноса вырабатывает определенный стереотип идейного и художественного образного мышления, который закрепляется в культурных ценностях.

В принципе не все, что окружает человека, является источником национально-специфического, а только та часть, которая редко встречается или же отсутствует в окружении других народов. Субъект-нация при этом может выбирать объектом своего познания и действия не все желаемое им. Возможность выбора того или иного предмета детерминирована потребностью субъекта и его уровнем развития, что зависит, в свою очередь, от ступени исторического развития всего общества. А это необходимо включает в круг объектов социального познания наряду с неповторимыми и одинаковыми, сходные предметы и явления окружающего мира. Одинаковые объекты должны вызвать у человека одинаковые или, во всяком случае, не различные ощущения. Однако в зависимости от закрепленного в нем определенного стереотипа образного мышления и стилевых приемов он может быть воспроизведен с некоторым различием. В доказательство последнего можно привести такой пример. Березовую рощу татары традиционно сравнивают с табуном белогривых коней, ель — тенью беглеца, а чувашаи березовую рощу видят в образе хоровода девушек в тухьях (старинный девичий головной убор, украшенный монетами и бурами), а ель видится им охранником в серо-зеленом

чаппане (армяке). Такую разницу в художественно-образном восприятии, сохранившуюся; у названных народов до настоящего времени, можно объяснить тем, что татары в свое время вели кочевой образ жизни, а кони служили им не только основной тягловой силой, но и идеалом быстроты и воинства, а чувашаи были оседлым народом, всегда готовым защитить мирную жизнь от набегов кочевых племен. Таким образом, неповторимое своеобразие в духовной культуре наций, ее национально-специфическое могут быть вызваны к жизни не только особенностями объекта, но и особенностями самого субъекта творчества. Известно много других примеров, когда в совершенно одинаковых естественно-географических и природных условиях не только создавались, но и развивались культуры народов с разительными особенностями.

Национальное видение мира составляет основу плюралистичности культуры. Однако это не говорит о том, что представители различных наций или в целом вся нация как субъект культуры никогда не будут в состоянии воспринимать одинаково одни и те же объекты. Практика отвергает так называемую теорию межнациональной апперцепции, на которой пытаются обосновать принцип невозможности взаимодействия культур. Но отметить которую с ходу было бы также несправедливо. Все дело заключается в том, что, если национально-логические компоненты в национальных культурах в своей основе близки друг к другу, то разнообразие в национально-образных компонентах остается, пока существует нация как единая исторически самостоятельная общность. При этом надо иметь в виду, что национальные образования имеют стремление не только объединиться в одну государственность, но и отделяться до полной суверенизации.

Национально-специфическое закрепляется в культуре этноса не в результате механического, созерцатель-

ного отражения, а в ходе активной практической, общественно-преобразующей деятельности его. В глазах горца рисуются горы, калмыка — степь не просто как объект эстетики, а, прежде всего, как источник существования, главное средство их жизни и деятельности. Естественно-географическая среда, в отличие от социально-экономических условий, на всем протяжении жизни этноса будет сохранять свое влияние на его культуру. «Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которые можно будет свести до минимума, — писал Ф. Энгельс, — но никогда не удастся устранить полностью». Разница между отдельными странами и местностями всегда будет служить объективным основанием для поддержания и развития в первую очередь национально-образного компонента культуры этноса. О таком специфическом мы можем говорить как о специфическом природного происхождения, хотя и оно преломляется через конкретные общественные отношения.

Человека окружает насыщенное информационное поле не только социального происхождения, но и Вселенского, природно-географического плана. Последнее можно назвать изначально априорными данными, которые преобразовываются и хранятся в сознании. По мнению сторонников биоэпистемологии (родоначальник немецкий ученый К. Лоренц), даже в структурах досоциальных организмов закодированы свойства и особенности той среды, в которой они существуют. Проф. Н.И. Ашмарин, характеризуя старинные песни чувашского народа, например, писал: «местная природа, так гармонирующая с его унылым характером, своеобразная форма общественных отношений, незначительная сфера привязанностей, выработавшаяся под влиянием исторических условий... выливается у него иногда в унылый и протяжный, иногда же в живой и

диковеселой песне». К этому можно добавить, что имеется разница в исполнении песен и плясок даже между низовыми (анатри) и верховыми (тури, вирьял) чувашами, сохранившаяся до сего времени: песни верховых обычно спешные и с жестким напевом, а низовых — размеренноспокойные, с более протяжным напевом. Здесь имеет место непосредственное воздействие местных природных условий на психологический склад людей — низовые с издревле проживали в степных районах, где взгляд скользит по равнине.

Национально-специфическое не во всех сферах культуры проявляется одинаково ярко. В национально-бытийном, жизненном материале его гораздо больше, но прочувствовать и передать это своеобразие в состоянии лишь тот художник, который обладает большим даром интуиции. Национально-специфическое нельзя нащупать, потрогать, оно, как воздух, присутствует во всех порах национальной жизни, им можно дышать и жить, но выделить его художнику, а тем более ученому, подчас бывает чрезвычайно трудно. Историк и литературовед И.Д. Кузнецов среди национально-специфических (нацилле хайевёрлэх) черт современных чуваш отмечает неунываемость (антраманлэх), богатырскую духовную силу и неиссякаемую жизненную энергию (иксёлми тапса тэракан кёрешүллё те паттёр вай-халё), с чем нельзя полностью согласиться. Истории не известен такой народ, который не обладал бы вышеназванными качествами. Здесь мы имеем дело с целью проецирования индивидуальных черт, свойственных представителям любой нации, на всю национальную психологию. Еще Гельвеций писал, что «нет народов особенно одаренных добродетелью, умом и мужеством. Природа в этом отношении поровну делила свои дары». Преследуя цель как можно ярче и полнее показать национально-специфическое своего народа, деятели литературы и искусства часто приписывают не принадлежа-

щие ему благородства или создают произведения, насыщенные архаизмом. Восстановить историю народа во всем ее богатстве и разнообразии — дело нужное, но попытка вернуть вместе с нею патриархальщину на почву современности без учета ее новых или обновленных обычаев и традиций — дело тщетное и нереальное. Пословица «чуваши новые традиции и обычаи не придумывает, но и старые не оставляет», выражающая одну из национальных черт народа, стала жизненной позицией некоторых авторов. С другой стороны, именно консерватизм в этических воззрениях способствует самосохранению чуваш как нации и ее духовной независимости. Национально-специфическое в духовной культуре есть своего рода волшебное зеркало, обладающее способностью отражать не только настоящее, но и прошлое в жизни народа, лицо этноса, характерными только ему чертами. Л.Н. Толстой отмечал, — чтобы понять тайну национального характера, надо обратиться к прошлому народа, к его истории, и, в особенности, к трагическим и творческим моментам эпохи как коренным узлам развития. Национально-специфический пласт есть итог пережитого этносом времени, где можно разглядеть моменты, украшающие облик народа, заметить древние, из веков идущие, но иногда и портящие современный облик его. В числе положительных отличительных характеристик чуваш известный педагог академик Г.Н. Волков называет их трудолюбие (ёсченлӗх), А.М. Горький — добрую душу и честность, Л.Н. Толстой — основательность. К этим характеристикам непременно следует добавить гостеприимство, радушие (тараватлӗх), скромность (сапайлӗх), как неотъемлемые черты внутреннего мира чуваш. В афористической форме названные фундаментальные ценности выражены мною в чувашском рубаи: Ёсченлӗх, тирпейлӗх, сапайлӗх // Çак виçе тӗп

никёс çинче // Хисеплён тӑрать манӑн халӑх// Ытти халӑхсен хушшинче. Не противоречащие идеалу человека, человеческих отношений вообще, они сквозь тысячи и тысячи лет дошли до нас и закрепились в этической культуре.

Любой исторический момент требует от людей адекватного отражения его особенностей и соответствующего поведения. Умение реагировать на ситуации и вмешаться в исторический процесс является одним из показателей жизнеспособности народа. Данное качество иному народу присуще в большей степени, нежели остальным. Нынешняя политика перехода на рельсы рыночной экономики выявила отсутствие необходимой психологической гибкости у чувашского народа. Чисто прагматического характера требования времени на какой-то период сделали ненужными скромность, гостеприимство, трудолюбие. Характерное для чуваш репрезентативное в целом мышление снижает его социальную и политическую активность. Похоже, что чуваш, как и прежде на изломе истории «уходит в себя» как жемчуг во время шторма закрывается в раковину. Иммунитет, заложенный самой природой и историей, действует безотказно. При этом «природное» в этносе имеет не только первородную, но в определенных ситуациях и определяющую силу. Этим можно объяснить, видимо, стремление чуваш уйти в глубину своих традиций, обычаев, в частности, в язычество, которого всегда отличала непосредственная близость к природе. С возрождением язычества люди связывают надежду на спасение целостности внутреннего мира нации от неожиданных нововведений с нежелательными последствиями. В массовом национальном сознании постепенно утверждается вера, что язычество в какой-то степени будет служить заслоном перед широким наступлением православия и напористостью ислама.

Этнопсихологические особенности народа могут быть обнаружены почти в любой сфере его деятельности. В своем исследовании о происхождении, смысловом значении чувашской народной вышивки — этой одной из жемчужин чувашского искусства, единственной в своем роде неповторимой ценности в мировой культуре — А.А. Трофимову удалось показать внутренний мир древних чуваш, своеобразие их духовной культуры. В то же время автор находит параллели между узорами вышивки чувашей и орнаментами керамики и терракотовых статуэток цивилизаций Шумера, Индии, Ирана, Средней Азии XV-III тысячелетий до нашей эры, что приводит исследователя к выводу о некотором духовном единстве происхождения этих ценностей.

В национальном характере любого народа кроме позитивных черт и признаков имеется немало и отжившего или негативного, которые не в состоянии служить перспективам этноса. Однако и они полноправно представляют национальное своеобразие. Такие черты характера чуваш, как духовная обособленность, скрытность (варттӑнлӑх, супинкелӑх), завистливость (кӗвӗсӳлӑх), разумеется, не могут представлять богатство духовной культуры народа, но являются, тем не менее, национальной характеристикой. Эти признаки складывались, скорее всего, на каком-либо трагическом изломе истории народа и закрепились в жестких условиях окружения его более воинственными народами. Малоземелье и слабая материальная обеспеченность усилили эти качества народа. В отношениях с другими нациями и народностями скрытность и завистливость ведут к психологической самоизоляции народа, а в своей внутренней направленности разрушают целостность культуры, разъедают нацию изнутри.

Одним из национально-специфических элементов

в духовной культуре чуваш является его язык, относящийся, по мнению большинства ученых-языковедов, к тюркоязычной группе алтайской семьи языков и являющийся единственно живым языком булгаро-хазарской ветви. Богатство языка, своеобразие словосочетания и форм выражения позволяют адекватно отразить, выразить свое, национальное, передать любые понятия на любом уровне их абстракции.

Жизнеспособность нации, ее будущее во многом зависит от того, насколько полно она располагает национально-специфической стороной своей культуры и как широко использует ее в своей духовной и практической деятельности. Следовательно, при любой интенсивности интеграционных процессов национальных культур необходимо выявлять все новые и новые элементы национально-специфического и развития их, иначе она, по образному выражению Гегеля, будет уподобляться огню, который потухнет в самом себе, пожрав свой же материал.

Другим, не менее важным, чем национально-специфическое, составляющим национального является общечеловеческое. Оно употребляется нами как однозначное с интернациональным. Здесь необходимо следующее пояснение.

В результате чрезмерной идеологизации категория интернациональное потеряла свое прежнее значение как межнациональное (*inter* — между, *natio* — народ — лат.) и требует своей реабилитации. С целью дистанцирования от политизированной его сути большинство философов отказалось от термина интернациональное, и заменили его общечеловеческим. Это — другая крайность, вызванная очередной волной политической конъюнктуры. Использование общечеловеческого и интернационального как взаимозаменяющихся допустимо в случаях снятия с последнего идеолого-политического привкуса. Однако было бы необъективным

под видом деидеологизации понятий полностью освободить интернациональное от классового момента, который необходимо присутствует в нем на данном этапе развития национальных общностей. Об этом свидетельствуют процессы складывания буржуазно-классовых интернациональных интересов в некоторых европейских странах и России, хотя движение трудящихся к интернациональному единению традиционно запаздывает.

Общечеловеческое и интернациональное сблизилось и в социально-пространственном отношении: более 90% народов мира ныне находятся на уровне национального развития. Употребление этих категорий как тождественных оправдано еще и тем, что мы ограничиваем свое исследование рамками культурного наследия народов России.

При всей схожести содержательного смысла общечеловеческого и интернационального следует заметить один момент проблемы. Категорию общечеловеческого все чаще стали употреблять как выражение степени ценности, и она стала аксиологической категорией. А интернациональное традиционно сохраняет свое прежнее значение как межнациональное измерение.

Общечеловеческое, интернациональное — это не только общее, выработанное нациями или взаимно воспринятое ими всеми, но и ценности, созданные народами, не достигшими уровня национальной формы развития. Оно аналогично национально-специфическому, применимо как для выражения содержания, так и формы национальной культуры. Отсюда вытекает более широкое понимание интернационального. Оно есть категория, отражающая общие признаки, стороны и моменты содержания и формы национальных культур и выражающее историческое единство их развития. Потребность познать мир, использовать познание в своих интересах является движущей силой

становления любого субъекта, в том числе и нации как саморазвивающейся целостности. Всякая нация в общем потоке исторических событий старается запечатлеть в своей культуре самое существенное в них, имеющее значение для своего дальнейшего развития. Таким образом, схожесть культурных запросов и ценностных ориентации порождает одинаково сходные, единые представления, воплощающиеся в теории, идеи, образы и т.д. Их можно называть изначально-общими чертами, моментами в национальных культурах.

Кроме указанной формы возникновения общего, интернационального, существует еще и такой путь, заключающийся в передаче и распространении духовных ценностей одной нации среди других. Эта форма рождения интернационального, общечеловеческого приобретает в последнее время доминирующее значение. Образованное таким путем интернациональное в структуре культуры нации выступает как национально-приобретенное. Интернациональное и национально-приобретенное не совпадают друг с другом: не всякое интернациональное есть приобретенное и не все национально-приобретенное является интернациональным. Воспринятое от других национальных культур и имеющее свое практическое применение в пределах культур нескольких наций выступает межнациональным. Таковы, на-пример, элементы национального в области языка территориально близких, но генетически далеких друг от друга народов. Это вовсе не говорит о том, что собственно-национальное, чтобы стать интернациональным, должно получить повсеместное распространение в общечеловеческой культуре. Интернациональным могут стать ценности того или иного национального содержания культуры, ее способов и форм отображения в пределах определенной системы национальных культур. Критерием общезначимого является то, насколько приобретаемые ценности могут

удовлетворять потребности этноса и насколько они могут служить его развитию. Такой подход позволяет выделить из общего интернациональное. В литературе довольно часто встречается понимание интернационального как всего общего, имеющегося в жизни народа. Отождествление общего и интернационального размывает как раз ту границу, которой мы выделяем гуманистически направленное общее от отжившего, положительное от негативного, добродетельное от порока.

Общее гораздо шире, чем интернациональное. Во-первых, если общее применимо и к природным, и к социальным явлениям, то интернациональное — только к социальным. Во-вторых, если общее может быть существенным и несущественным, то интернациональное в целом охватывает больше существенного, необходимого. При выделении интернационального от общего следует исходить с общечеловеческих, гуманистических позиций. В сущности интернационального в его подлинном понимании скрывается тенденция лишь поступательного движения, оно в оценочном плане переросло свою этимологию как всего межнационального. Но все это не должно давать повода считать, что интернациональное есть «атрибут более зрелого, стоящего на более высокой ступени развития».

Указанные нами два пути возникновения интернационального есть одинаково объективные формы развития национальной и общечеловеческой культуры. Это легко разрешает спор о том, откуда в национальном появляется интернациональное: или вырабатывается только самой нацией, или же проникает в него извне, из других национальных культур. Эти встречные, взаимодополняющие пути лежат в основе процесса межэтнической интеграции.

Развитие и интеграция как процесс формирования целостности национальной культуры

Проблему диалектики национально-специфического и общечеловеческого (интернационального) нередко рассматривают как взаимосвязь части и целого. «Национальное есть единичное, часть особенного, форма существования и проявления интернационального и общечеловеческого. Интернациональное и общечеловеческое — общее, универсальное, целое, не существующее без национального» (Н.Г. Айдемиров). Как видим, автор перепутал здесь все понятия, и разобраться в них представляется неинтересным и нецелесообразным. «Диалектика интернационального и национального — это выражение диалектики целого и частного, общего и особенного» (Ц.А. Степанян). Далее автор пишет о диалектическом сочетании «интернационального и национального на основе подчинения второго первому как части целому». Видимо, политическая установка на социалистическую интернационализацию заставила ученого пойти на заведомо ложную аналогию. Толкование взаимосвязи национального и интернационального как части и целого или как частей в целом не может раскрыть их диалектику, объяснить сложный механизм взаимопереходов общих и единичных моментов в культуре этноса. Оно может привести к выводу о постепенном сужении, подчинении и вытеснении национально-специфического интернациональным, что, по-видимому, хотел теоретически обосновать Ц.А. Степанян.

Состояние гармоничного единства национально-специфического и интернационального есть относительно завершённый итог взаимодействия различных сфер различных национальных культур, а процесс восхождения к такому состоянию идет через переходы

первого во второе, что совершается с сохранением сущности первичного состояния национально-специфического. О том, что специфические части национальной культуры приобрели статус интернационального, говорят два фактора: становление специфического общезначимым и сохранение им своего первоначального качества в составе родоначальной культуры. Только при таких условиях специфическое может охарактеризовать одновременно и свое, национальное, и интернациональное. Процесс перехода национально-специфического в интернациональное исследователи обычно делят на четыре стадии:

1) селекция, когда происходит отбор одних и отвержение других элементов национальной культуры;

2) воспроизведение или копирование, заключающееся в отражении результатов селекции и простом, вне органической интеграции воспроизведении их;

3) процесс постепенной ассимиляции, трансформации элементов культуры применительно к специфике собственной этнической культуры и соответствующего перехода последней в адаптируемую этническую культуру;

4) структурная интеграция заимствованного в рамках данной этнической культуры, когда она выступает уже в качестве органической или даже отличительной части данной этнической культуры.

Указанные стадии в целом верно отражают переход национально-специфического в межнациональное и интернациональное. Однако заметим, что национально-специфическое с переходом в сферу интернационального не может приобретать черты этнической специфики нации-реципиента, ибо национально-специфическое, найдя себя в другом отдельном, теряет свою единичность, неповторимость.

Взаимодействие, диалог национальных культур — обоюдно встречный процесс, где вырабатываются но-

вые смысложизненные ориентиры. И этот интеграционный процесс проистекает не где-либо, а в сфере содержания и формы компонентов культур. Мы уже отметили относительную устойчивость национально-жизненного материала духовной культуры. Форма же — более подвижна, она легко может быть передана в сферу инационального или воспринята последним. Таковы, например, выразительные средства искусства — театр, опера, симфония, оратория, роман и др., используемые в настоящее время почти всеми нациями и народностями нашего сообщества для выражения своего национального или же общечеловеческих проблем. Классическим примером применения инациональной, интернациональной формы для передачи своеобразия национальной жизни является такой стиль поэтики, как сонет. Расул Гамзатов, отмечая практическую возможность безболезненной пересадки этой поэтической формы на новую национальную почву, писал, что в таких сонетах нет всего того, что сделали бы аварскую поэзию кривым горским кинжалом на европейском костюме.

Расширение межнациональных связей — естественное, закономерное явление истории. Ход этого процесса можно замедлить на какое-то время, но нельзя остановить его какими-то ни было изменениями политического курса или правительственными установками. Принципиального изменения в характере и содержании в межнациональных отношениях, какого ожидают иные авторы, не должно быть по той простой причине, что в основе взаимоотношений между нациями лежит взаимообогащение во всех сферах их жизни и принцип добрососедских отношений. Речь может пойти лишь о повышении культуры межнациональных отношений в самом широком спектре. Чем дальше, тем ускореннее идет процесс взаимовлияния наций и народностей в экономической, культурной сферах жиз-

ни. Этот процесс по праву должен называться интернационализацией, а не интеграцией (последнее по объему понятие более широкое, чем интернационализация), однако в ходе разъяснений и комментариев марксизма и бесчисленных руководящих установок партии по вопросам национальных отношений было выхолощено богатство содержания этого понятия и оставлено лишь идеологизированное, на классовой основе закрепленное начало. Интернационализация стала политической категорией. Этому в немалой степени способствовали и сами исследователи, участники дискуссий о тенденциях в развитии наций и национальных отношений, действующих при социализме, где непременно должна была преобладать тенденция сближения и слияния, которая должна была привести нации и народности в одно коммунистическое целое. В данной дискуссии принимал участие и автор этих строк, где он, в отличие от других, смысл интернационализации усматривал не в неоправданно поспешном стирании национальных различий в культурной сфере жизни, а в развитии национального в ней, и тем самым дистанцировался, в какой степени возможно было это тогда, от идеологизированной сути этого понятия. Автор придерживается этой позиции и в данной работе, но не отрекается от понятия интернационализации под влиянием новых политических ориентиров, ибо сама история делается лишь в ходе и результате взаимного общения народов, именуемого международными, интернациональными, межнациональными отношениями. И то, что было в советское время, не перечеркнуть, его можно лишь замалчивать, исказить до неузнаваемости в новой официальной литературе, точно так же, как в свое время скрывала и фальсифицировала дореволюционную историю народов советско-партийная печать. Попытка выдернуть, выбросить любой интервал социального времени является в высшей

степени неблагодарностью по отношению к истории.

Совместное проживание этносов не может обойтись без обмена духовными ценностями. В этом обоюдно заинтересованы обменивающиеся стороны. Но вопрос здесь может стоять так: выгодно ли субъекту-нации отдавать свое, национальное, или же полезнее принимать культурные инациональные ценности, сколько, до каких пор, чтобы не ассимилироваться и не потерять себя? Истории известно немало примеров, когда народы поглощались в результате чрезмерного перенятия культурных ценностей, традиций, языка малочисленного, но более цивилизованного народа, или же малочисленный со сравнительно невысоким уровнем развития культуры народ, несмотря на административное давление сверху, сумел сохранить себя, принимая лишь жизненно важные принципы духовности нации, стоящей на более высокой ступени культурного развития. Где граница прекращения дальнейшего взаимодействия и возможна ли она вообще, каков должен быть предельный уровень количественного и качественного соотношения национально-специфического и инационального в этом взаимодействии, в чем критерий развития и опасная тайна сближения? Предпримем попытку разобраться в этих вопросах, выяснить содержание процесса взаимодействия, разделив его на отдельные этапы, формы, подкрепляя примерами из истории развития чувашской национальной культуры.

Взаимодействие обеспечивает национальным культурам развитие и сближение, предметным содержанием которых выступают национально-специфические и интернациональные, общечеловеческие ценности. Следовательно, проблема должна быть рассмотрена в плане определения соотношения развития и интеграции, от характера которого зависит судьба национальной культуры.

Развитие — направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов, характеризующееся количественными и качественными измерениями. В духовной культуре нации развитие представляет собой процесс отражения ее жизни и деятельности во всем богатстве и разнообразии и закрепление его результатов в материальных и духовных ценностях. Оно выражает, прежде всего, уровень и эффективность взаимодействия собственно-национальных структурных элементов данной культуры. Указывая на момент связи и качество результата, эта категория одновременно предполагает дальнейшее совершенствование форм и методов отражения действительности. Развитие национальной культуры проявляется не только и не столько в том, что она приобретает более сложную структуру и повышается степень организации ее структурных компонентов, но главным образом в том, что сохраняет свою эволюционную перспективность, адаптируясь к условиям масштабных изменений в обществе. Процесс развития национальной культуры, кроме как активностью, работоспособностью собственно-национальных структур, обеспечивается и творческим восприятием и усвоением инационального, приживание которого к своеобразной культуре данного этноса выступает одновременно как одна из сторон их интеграции. Таким образом, развитие направляет движение национальных культур и вглубь, в сферу национально-специфического, и вширь, в инациональное пространство, и потому оно не может быть понято как переход на традиции иных, более развитых, наций. Всякое движение национальных культур должно быть подготовлено логикой их внутреннего развития и обусловлено историческими корнями собственно-национального.

Интеграция культур отражает межнациональные отношения и проявляется главным образом в расшире-

нии сферы инационального, интернационального в национальном. Однако интеграцию нельзя свести только к взаимосвязи национальных культур, она охватывает более глубокие процессы их взаимодействия и предполагает, во-первых, взаимопереход специфических сторон, как содержания, так и формы культур различных наций и народностей, во-вторых, развитие таких свойств и моментов, которые выражают их единые социально-экономические условия. В функциональном плане в интеграции прежде всего следует видеть ее способность будить, «возмущать», поднимать при помощи инационального заряда национальную потенцию, и лишь тогда оно будет подчинено развитию и служить ему. В этом отношении характерен пример художественного перевода с другого языка, где сотворец через инациональное не только достигает тонкости и изящества выражений родного языка, но и постигает сокровенные тайны своего народа. П. Хузангай, с большим мастерством переводивший «Евгения Онегина» на чувашский язык, признавался: Благодарю я вас за муки слова, — // Какая страсть овладевала мной, // Когда я добирался до родного // В иных созвучиях...»

В развитии и интеграции национальных культур традиционно усматривают их слаженность, единство: развитие достигается путем сближения, а сближение осуществляется на базе развития. В идеале так оно и должно быть, однако практика никогда полностью не совпадает с целеполаганием. Развитие и сближение, как бы мы ни идеализировали их единство, направления встречные, противоположные, и они не могут не вызвать противоречия при взаимодействии национальных культур. Развитие всячески стремится подчинить, растворить в своей структуре элементы инационального с тем, чтобы сохранить национальную культуру как целостное, самостоятельное социальное явление,

а интеграция идет на расшатывание этой целостности, деструктирование ее с целью передвинуть на среднее, усредненное состояние. В интеграции нельзя не видеть ломки национальных перегородок, но она содержит в себе столько же радости, сколько и огорчений. Посягательство на святыню национальных ценностей нельзя оправдать ни капиталистической, ни социалистической формами ассимиляции, разницу между которыми так усиленно пропагандировали иные философы от политики, ссылаясь прежде всего на авторитет классиков марксизма-ленинизма.

Ассимиляция, естественная она или насильственная, означает слияние одного народа с другим путем усвоения языка, традиции, обычаев соседа и утраты самобытности своей культуры, своего языка, национального самосознания. Одним из рычагов ассимиляции была так называемая социалистическая интернационализация, «гуманизированное сближение», при помощи которых приводили народы к единокультурию, единомыслию. В результате «естественного преобладания тенденции сближения над тенденцией развития» ежегодно поглощалось по несколько малых народов и национальных меньшинств со своими уникальными, самобытными культурами. На очереди такой интернационализации стояли уже более масштабные культуры Украины, Беларусь и др. Последствия естественной ассимиляции оказались такими же неестественными, как последствия насильственной, капиталистической ассимиляции. Оказывается, инструмент политизированной интернационализации, в чьих бы руках он ни находился, используется властями всегда по своему назначению: к единому культурному центру под флагом «равноправного» к нему шествия. Ныне, умудренный опытом прошлого, каждый этнос, желает возноситься над судьбой, мобилизует свои внутренние ресурсы и волю, чтобы выжить, не полагаясь

ни на законы истории и не доверяя никаким новым обещаниям и заклинаниям власть имущих.

К сожалению, несмотря на очевидные результаты демократизации национальной жизни, в литературе последних лет по национальной проблематике имеются попытки теоретически оправдать процесс ассимиляции малых народов. А. Галкин, автор актуальной, но и довольно дискуссионной статьи, включение этнической группы ввиду ее малочисленности в большую национальную общность считает вполне естественным. «Такое включение вовсе не обязательно уподоблять ассимиляции. Оно предполагает принятие общенационально культурных, языковых и поведенческих ценностей при одновременном сохранении национальной специфики и родного языка. Но и сама ассимиляция, ставшая последние десятилетия своего рода жупелом, не представляет собой ничего страшного, разумеется, если она происходит не насильственно, а естественно, добровольным путем. Ассимиляционные процессы — важнейшая отличительная черта становления мировой культуры на нескольких последних столетий».

Логическая противоречивость позиции автора лежит на поверхности взгляда: как можно сохранить национальную специфику и родной язык в случае принятия этнической группой культурных, языковых и поведенческих ценностей другого народа? А что «страшнее» может быть для этноса кроме ассимиляции — насильственной или добровольной, итог-то однозначен — небытие! Прежняя политическая платформа мышления снова призывает личность поступиться своими интересами ради общественных, этнос — своей уникальностью, самобытной культурой ради «становления мировой культуры».

Взгляды исследователей по данному вопросу кардинально расходятся. В.М. Межуев объективно и ис-

кренне определил мудрость нашего времени таким образом. «Она, эта мудрость, — пишет он, — состоит в признании за каждой культурой ее права на самостоятельное существование и развитие, в отстаивании принципа равноправного существования всех культур, что исключает не только какой-либо культуроцентризм..., но и вообще любую претензию на культурное лидерство со стороны отдельной культуры. Культура по своей природе не монистична, а плюралистична». Как бы развивая эту мысль, В.С. Степин пишет, что «многообразие культур и их взаимодействие выступают условием их развития. Унификация и уничтожение культурного многообразия могут приводить к вырождению культуры».

Во взаимоотношении национальных культур развитие и интеграция не могут долго задержаться в равновесии, гармоничности: одна из национальных культур, «насытившись» инонациональными ценностями, теряет свою самобытность, специфичность, или же должна будет, если желает сохранить самое себя, избирательно замедлить, насколько это возможно, дальнейший процесс сближения. Один из героев романа в стихах «Ахърсамана» («Светопреставление») при обсуждении национального вопроса на писательском пленуме выразил это следующим образом:

«Чăваш аслăлăхне, культурина
Вырăссенни шайне ситерсенех
Уйрăлмалла сасартăк вĕсенчен,
Ма тетĕр-и? Уйрăлмасан енчен,
Чăваш сұхатĕ хăйевĕрлĕхне,
Сăн-сăпатне, илемлĕ чĕлхине...».

(Мы как коммунисты должны сказать открыто, нагло по примеру «Манифеста»: если хотим спасти свою нацию, то, достигнув уровня русской культуры при ее же помощи, следует прервать всякие отноше-

ния с ней. Иначе мы потеряем себя, свой прекрасный язык, свой «голос» в истории).

Интеграция как одно из проявлений всеобщего взаимодействия, достигнув критического (порогового) момента, ограничивает естественный ход развития нелинейных, способных к самодействию, систем, какими являются национальные культуры. А разрыв в цепи взаимодействий, их отсутствие в неклассической философии связывают с фактом свободы. С этих позиций стоит продолжить диалог с героем «Светопреобразование», не ставя цель доказать преимущества такого направления развития взаимодействующих систем, ибо последние в суперсоциальной системе выступают лишь тезаурусным материалом отбора.

Рассмотрим на конкретном примере взаимодействия культуры чувашского народа с культурой более развитой во многих сферах русской нации, в каком соотношении находились развитие и интеграция в начале XX века и каково оно стало к концу 80-х гг. При этом мы следуем исторической правде, а не публицистам от новой власти, голословно утверждающим, что история за эти годы ничего не дала национальным культурам, а лишь разваливала их. Мы также против чрезмерного восхваления этого периода советскими историками, которые для контраста используют ложные доводы о дореволюционном периоде развития чувашской культуры.

Действительно, культура чувашского народа к началу века находилась на довольно низком уровне развития. Отсутствие своей государственности, национальной автономии со временем, естественно, ускорило бы процесс ассимиляции. Но то, что чувашский народ до Октябрьской революции находился на грани вымирания, исчезновения, также не соответствует действительности. Цель принижения всего дооктябрьского была официальной политикой партийно-государствен-

ной номенклатуры. К политике «переноса сознания людей» поверх действительности причастны были и ученые-обществоведы, которые писали о сплошной неграмотности чуваш в дореволюционную эпоху, что чувашаи якобы получили свою письменность только после Октября. В то время как чувашский народ еще в прошлом веке был одним из просвещенных народов в Казанской губернии. Чувашская письменность восходит к XVIII веку, а общечувашская газета «Хыпар» стала издаваться еще задолго до Октябрьской революции и т.д. Разумеется, это не говорит о том, что культура чуваш к концу прошлого века находилась на одном уровне цивилизации с культурой, например, русского народа, но она, вопреки распространенному мнению, и не была среди самых отсталых народов царской России.

XX век застал народы России на различных стадиях исторического развития. Одни из них переживали муки капитализма, другие тяжесть феодально-патриархального строя. Были и такие народы, как мари, мордва, удмурты, чувашаи, у которых капиталистические производственные отношения еще не стали целиком господствующими. Они не успели полностью сформироваться в буржуазные нации и, соответственно, их культуры еще не могли нести печать должных цивилизаций. Это разнообразие в зависимости от тех условий, при которых начинается движение, определяет соответствующие формы и темпы развития национальных культур, характер их взаимодействия. Назначение взаимодействия — выравнивание уровней национальных культур. Здесь закономерен процесс опережающего в темпах развития культуры нации, находящейся на более низкой ступени, что ведет фактически к одностороннему сближению. Национальной культуре как саморазвивающейся социальной системе присуща жизненная сила самосохранения, она спо-

собна уберечь себя от опасного для нее непрерывного одностороннего влияния и вывести на следующий виток взаимодействия — на взаимовлияние, что возможно лишь с достижением фактического равенства с культурой более цивилизованных наций.

Под влиянием обычно подразумевается активное воздействие одной национальной культуры, ее элементов на духовную жизнь другой или нескольких наций, однако утверждение о том, что взаимодействие национальных культур на первых порах сопровождалось прямым, механическим влиянием и подражанием, нам представляется не совсем точным, ибо в духовной сфере жизни, отобранные культурные ценности непременно переосмысливаются исходя из потребностей и интересов воспринимающей стороны. Толкование влияния исключительно как только одностороннего, механического воздействия исключает процесс интеграции национальных культур. Очевидно, влияние нужно понимать не как чисто одностороннее воздействие, а как процесс, при котором происходит взаимодействие национальных культур с допущением преобладающей активности одной из них. Ведь само понятие «взаимодействие» есть связь взаимообуславливающих и взаимопереходящих явлений. Взаимовлияние и взаимообогащение как последовательные этапы, формы взаимодействия в преобразованном виде включают в себя и начало процесса — влияние. Понимание влияния как преобладающего воздействия одного объекта на другой соответствует взаимодействию таких культур, где уровни их развития заметно отличаются друг от друга. Имея в виду экономическую основу начала процесса, К. Маркс писал: «Взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение». Исторический опыт взаимодействия между русской и

чувашской национальными культурами говорит о том, что к началу века чувашская культура находилась под преобладающим влиянием со стороны русской, в то время как нельзя утверждать этого в отношениях татарской, башкирской, марийской, чувашской культур в целом, т.к. они находились на сравнительно одинаковом уровне развития. Но и в этом случае необходимо отметить возможность преобладания одной наиболее развитой сферы духовной культуры нации на аналогичную сферу культуры другого этноса. Так, например, марийский литературовед и писатель Ким Васин отмечает, что «в утверждении и упрочении реализма в марийской литературе большую роль сыграла чувашская литература. Она помогла марийским писателям, не обладавшим еще серьезными творческими навыками, богатой письменной традицией, освободиться от фольклорности, ее внешней условности, творческой наивности».

Иные авторы выделяют даже отдельный исторический период необходимого подражания для перехода на почву оригинальной литературы. Подражание, как правило, ими понимается как механический, без переосмысления, национальной проработки, перенос инонациональных ценностей на сферу собственной национальной культуры. Такой точки зрения придерживался, к примеру, большой знаток национальной культуры, Народный поэт Чувашии Я. Ухсай. Мы согласны с критикой литературоведа проф. Е.В. Владимирова о неправомерности подобного подхода, однако он не сумел обосновать свое мнение. Автор пишет, что «высказанная мысль о существовании отдельного исторического периода (необходимого подражания — Н.И.) может быть верна для отдельных литератур в определенные периоды их развития, но о чувашской литературе этого сказать нельзя: она в своем развитии не слепо следовала чужим образцам, а творчески

воспринимала опыт зрелых литератур». Автор делает исключение лишь для своего народа, будто бы его литература развивалась в стороне от общих закономерностей взаимодействия национальных культур. Как видим, автор фактически пришел к выводу Я. Ухсяя, чью точку зрения он только что подверг критике. Здесь, как нам представляется, необходим дифференцированный подход к влияниям содержательной стороны национальной культуры, которая не может быть механическим подражанием, и формы, стилевых приемов. Последняя воспринимается в основном в своем прежнем виде. Об этом говорит перенятие чувашской поэзией силлабикотонического размера стихосложения, который открыл богатейшую возможность раскрытия внутренних ресурсов языка и рациокультуры нации.

В каждой сфере духовной культуры процесс влияния имеет свою специфику. Исключительно своеобразно он проявляется в языковой области. Язык этноса, взаимодействуя с языками других народов, принимает в свой словарный фонд много слов и оборотов речи для выполнения возросших его общественных функций. Эта же потребность вызывает к жизни новые слова и выражения на своем, национальном языке или требует переосмысления ряда ныне функционирующих, что благотворно сказывается в сужении области применения местных диалектов и формировании стройного единого национального языка. Естественный процесс влияния не может разрушить внутренний строй языка нации. Иноязычные заимствования, вступая в распоряжение грамматики заимствующего языка, подчиняются внутренним законам своей национальной специфики. При этом нельзя не заметить и такой негативный момент, когда без надобности на это используют архаизмы или же искусственно внедряют иноязычные слова. Последние не только прочно вош-

ли в быт, но и утвердились в периодической печати, а также в учебной и научной литературе: вместо исконно родных патшаләх, хайлав, састаш, пулăшу, пұлём и др. применяют государство, произведение, рифма, услуга, комната и др., что, естественно, унижает достоинство родного языка. Однако следует отметить, что потеря этносом своего родного языка происходит не этим путем. Переход на язык иной нации совершается через межнациональный, или по-другому, так называемый второй родной язык. Поколение, обученное и воспитанное на межнациональном языке, напрочь прерывает связь со своим языком. Этот процесс особенно интенсивно идет в условиях города, что до самоочевидности заостряет языковую проблему в национальных республиках.

Влияние ведет к выравниванию уровней развития национальных культур, а это есть создание условий для более широкого и ускоренного развития всей системы взаимодействующих культур. Возможность положительного взаимного влияния национальных культур говорит об их зрелости, а способность творческого восприятия инонациональных ценностей выступает как один из критериев их эволюционной перспективности.

С выравниванием уровней развития национальных культур начинает доминировать такая форма взаимодействия, как взаимообогащение. Оно отличается от взаимовлияния тем, что, если при второй форме взаимодействия в содержание объекта могут включаться и положительный, и негативный моменты, то во взаимообогащении происходит взаимопереход только позитивных черт и признаков. Тот факт, что национальные культуры в состоянии взаимно влиять и успешно обогащать друг друга, говорит о том, что миновала опасность быть ассимилированной одна другой. Наступает время диалога культур, субъекты которых, оставаясь равноправными, самостоятельными (самостояние), вы-

рабатывают новые смысложизненные ориентиры, регулирующие межсубъектные отношения, формируют новые кодовые системы для закрепления и транслирования национальных и общечеловеческих ценностей.

В литературе — философской и литературоведско-критической — достаточно много работ, посвященных проблемам влияния русской культуры на культуры народов России. Такие исследования представляют большой интерес в познании закономерностей взаимодействия культур, находящихся на разных уровнях развития. Современный интенсивный процесс взаимовлияния и взаимообогащения выдвинул перед учеными задачу выяснения другой стороны проблемы — раскрытия содержания обратного воздействия различных национальных культур на русскую. Такая задача еще в 70-х годах была поставлена в книге Н. Утехина, критика и ученого. Однако автор замечает, что речь должна идти не о влиянии в широком смысле той или иной национальной культуры на русскую, а в взаимодействии некоторых сторон, элементов творчества инациональных писателей на отдельные произведения русских художников. В этом отношении мы располагаем примером благотворного влияния произведений Я. Ухса на творчество А. Твардовского. Рассматривая параллели в произведениях А. Твардовского «За далью даль» и Я. Ухса «Сельские новости» и «Дед Кельбук», можно констатировать, что образы Я. Ухса, наблюдаемые в поэзии А. Твардовского, по времени были выведены раньше. Об этом свидетельствует и такая деталь: А. Твардовский в своей дарственной книге «Сельская хроника» подписал Я. Ухсаю, что «данная книга обязана ему многим». Таких примеров положительного влияния на творчество русских художников со стороны представителей культуры иных наций и народностей достаточно много. Известно, к примеру, активное влияние грузинской лирики на творчество Н. Тихонова, Н. За-

болоцкого и др. Поскольку национальные культуры в настоящее время находятся на уровне зрелости и отличаются друг от друга только своей самобытностью, то наступило время, когда нужно говорить об их взаимном влиянии в самом широком смысле. Кроме того, и это существенно важно, нельзя полагать, что русская культура сосредоточена только на недосыгаемом далеком Центре. Она активно присутствует в национальных республиках, где проживает немалый процент русского населения, который традиционно выдвигает из своей среды деятелей литературы и искусства, выросших в духовной близости с творческой интеллигенцией коренной национальности.

Если представить процесс взаимодействия национальных культур во всех его подробностях, то мы увидим сложное переплетение влияния, взаимовлияния и взаимообогащения одновременно. При этом взаимообогащение во всех предшествующих ему формах выступает как главное направление движения, и оно, как высшая форма данного процесса, включает в себя в преобразованном виде влияние и взаимовлияние. И поэтому проведение резкой грани между отдельными формами взаимодействия по принципам периодизации истории развития национальных культур не совсем оправдано.

Взаимодействие включает в себя как взаимодополнение, так и взаимоисключение, но основное назначение данного процесса заключается в выдвигании национальных ценностей на сферу всеобщего, общечеловеческого с тем, чтобы самоутвердиться на карте мировой истории. Да и непринятие инонациональных ценностей, не вписывающихся в пространство своей культуры, служит той же цели — сохранению своей целостности. В научной литературе широко распространено мнение, что «в ходе взаимодействия наряду с расширением сферы общего, интернационального в

национальной культуре происходит сужение другой части национального — национально-специфического», что рост удельного веса интернационального происходит за счет национально-единичного. Как видим, мы снова столкнулись с попыткой отождествления диалектики единичного и общего с отношением целого и частей. Причем авторы исходят не из содержательно-объективного смысла интернационализации, а имеют в виду социалистическую интернационализацию, с ее конечной целью скорейшего сближения, слияния, ассимиляции. Взаимодействие, на вершине витка которого мы видим взаимообогащение, если не совершить над ним политическое насилие, не должно подрывать основы национальной культуры, а, наоборот, должно давать новые импульсы развитию, создавать дополнительные условия для раскрытия прогрессивных национально-специфических черт. Видимо, об уменьшении национально-специфического при одновременном росте общего можно будет говорить лишь тогда, когда будет исчерпана вся внутренняя энергия национальной формы развития культуры. Однако не приведет ли это к выводу о том, что в результате взаимообогащения остается одно лишь общее, интернациональное, которое уже будет существовать без национально-специфического?

Поскольку общее не имеет своего самостоятельного существования, то интернациональное, общечеловеческое, как общее, существует лишь в отдельной, национальной культуре, во взаимной связи с национально-единичным. Отсутствие одной из противоположностей означает отсутствие и другой. Постепенное убывание и, наконец, исчезновение единичных в данном отдельном лишает всякого смысла существование общего, следовательно, и данного отдельного. О культуре интернациональной мы можем говорить лишь при существовании национальных различий, с исчезнове-

нием которых теряет смысл и интернациональное. Таким образом, потеря национальной культурой своего национально-специфического есть потеря самое себя.

Процесс развития культуры в своей национальной форме не может продолжаться без конца. С выявлением и использованием изначально заложенных и вновь возникающих национально-специфических признаков и моментов такая историческая форма развития человеческой культуры исчерпает себя.

Правильное, беспристрастное понимание и принятие законов общественного развития должно быть неотъемлемым качеством не только ученых, но и любого представителя литературы и искусства, что исключает сползание их позиций на платформу национализма или космополитизма. Принимая во внимание их обостренное чувство ко всему тому, что имеет отношение к судьбам своего народа, Родины, учитывая их, образно говоря, тонкие сосуды национальных чувств, все же нельзя пройти мимо, если быть до конца объективным, некоторых уже ставших крылатыми выражений, которые искаженно выражают историческую перспективу развития наций и их культуры. «Пирён юрă, пирён тёрё, // Пирён тусёмлĕ сăмах // Хамăрпа вăл ситсе кĕрĕ/ Коммунизм таранах. ...Эпир пулнă, пур, пулатпăр!» — пишет один из ярчайших представителей чувашской нации П.П. Хузангай. Совершенно справедливо считает автор, что песни чуваш, их многозначительные узоры и другие духовные ценности останутся в сокровищнице мировой культуры, и многое из того, что может дать нация общечеловеческой культуре, полностью не раскрыто и не использовано. Однако пространство истории измеряют не только столетиями. Приходится считаться с ее неумолимыми законами: национальная форма развития общества так же преходяща, как и любые материальные и духовные образования.

Ставя вопрос о природе и судьбах национальных культур, В.М. Межуев отмечает, что она, национальная культура, в своей каждодневной встрече с современностью, цивилизацией перестает мыслиться в качестве единственно возможной, самодостаточной и окончательной формой культурного развития человечества. Она не ликвидируется, а постепенно перерастает в новое качество, обогащаясь за счет других культур и все более включаясь в мировой культурный процесс. Однако нужно заметить, что в природе этноса сила самосохранения всегда доминировала над силой унифицирования. Доказательством тому являются современные процессы национального размежевания, связанные с ростом национального самосознания, и поэтому нельзя безоговорочно согласиться с выводом автора о том, что нации уже сегодня приблизились «к все более общему, универсальному объединению в планетарном масштабе».

Торопить время с каких-либо, а чаще всего с политических соображений, пытаются и государственные деятели. «Мы, в свое время, говорили о единой общности — советском народе. И были под этим определенные основания. Полагаю, мы сегодня имеем все основания, говорить о российском народе как о единой нации, — отмечает в своем выступлении на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений, состоявшейся в г. Чебоксары 5 февраля 2004 г., Президент РФ В.В. Путин. Безоговорочно согласиться с мнением первого официального лица страны, значит сделать шаг в сторону от объективного хода развития наций и национальных отношений и наступать на те же советско-партийные «грабли».

Стремление этноса к самоутверждению, сохранению своей уникальности такой же естественный процесс, как желание каждой личности оставаться самим со-

бой, отстаивать свою субъектность при любых общественных отношениях, имеющих неизменную тенденцию «смыть» разнообразие, унифицировать личность. Общество на любой стадии развития, так или иначе, структурно организовано. Национальные общности, как одна из структурных частей общества, сегодня заняты активным утверждением своей «особости», своей идентичности и субъектности на основе решения экономических, политических и культурных задач. В ряду названных направлений наиболее эффективным и безболезненным является решение проблемы через создание национально-нормативной среды, оформление целостности культуры нации, ибо попытка самоутверждения на основе экономических и, тем более, территориальных определений порождает лишь перманентную цепь углубляющихся проблем.

Целостны ли сегодня национальные культуры? Сможет ли какой-либо этнос сказать, что его культура по всем параметрам отвечает требованиям целостности? Вопрос ставится не в разрезе выявления степени перенасыщенности национальной культуры русскоспецифическими ценностями, которых очень часто «оптом» принимают за общечеловеческие стандарты, а в плане диагностирования внутреннего состояния (организации) национальной культуры, наличия или отсутствия в ней необходимых статусных компонентов, установления факта относительной автономности ее как целостности. Если взять культуру чувашского народа и оценивать ее по названным требованиям, то в целом ее можно охарактеризовать как целостность неполной структурой. Во-первых, многие ее компоненты все еще пребывают на этнографическом уровне. Исследования культуроведов и историков в своем большинстве посвящены историческому прошлому народа, нежели ее современным проблемам и перспективе, что способствует, прежде всего, выработке у этноса психорефлек-

сивных качеств. Но и здесь отсутствует единообразие: непрекращающиеся и бесплодные дискуссии между сторонниками тюркского и шумерского происхождения чувашского народа деформируют национальное сознание. Они актуальны лишь в случае выхода их на современные проблемы национальной культуры, о чем обычно забывают участники дискуссий. Во-вторых, такие важные участки культуры, как национальная идеология, философия этноса теоретически не осмыслены, в то время как создание их явилось бы доказательством жизнеспособности и выработкой концепции целостности национальной культуры, что само по себе сыграло бы исключительную роль в развитии этноса. В-третьих, в результате солидарно-конкурентного присутствия русской культуры ряд участков чувашской национальной культуры (родной язык, выпуск национальной литературы, театральное искусство) ослаблен.

Верно, что в национальной культуре на ее этнографическом этапе больше национально-специфического, но без теоретического оформления ей сегодня, когда идет острая борьба за право независимого существования, не выжить.

Особенно ущербно сказывается на судьбе чувашской культуры отсутствие теоретически обоснованной и четко разработанной национальной идеологии на государственном уровне, которая служила бы духовному единению нации, способствовала бы созданию национально-ориентированных культурных ценностей, повысила бы ее слабую политическую активность, чем традиционно страдает чуваш. В результате утвердился бы статус нации как субъекта исторического процесса. В реализации этих возможностей большая роль принадлежит государству. Идеальным государством является такое государство, когда его интересы совпадают территориально и национально. Народ, располагающий целостно развитой культурой, достоин суверенно-

го государства. Наличие у чувашей государственности на правах автономной республики в целом соответствует современному уровню развития и внутренней целостности его культуры. Государство, как продукт культуры, оказывает обратное воздействие на культуру, и самой гуманной его функцией становится защита интересов культуры. Однако в нынешних условиях межгосударственных и межнациональных отношений лишь независимое национальное государство может выступить гарантом защиты культуры этноса. На сегодня же государство чуваш не только бессильно перед экономическим, политическим наступлением времени, но и полностью отреклось от своей культуротворческой функции. Оно не располагает ни средствами, ни научно обоснованной программой ее спасения. Власти не ведают о том, каким бумерангом обернется национальному государству «невнимание» к собственной культуре.

Философия чуваш также не включена в структуру национальной культуры. Она как конструкция и обоснование мировоззрения сама имеет в подструктуре теорию бытия природы, антропологию и систему идеалов, ежевременно сравниваемая с объективной реальностью.

В чувашской философской мысли метафизика (в ее первоначальном понимании) и антропология хотя и фрагментарно, но представлены. Однако не диагностировано соответствие или несоответствие национальных идеалов с действительным состоянием вещей и явлений, не выработана программа преодоления их разности, что необходимо для гармонизации национальной жизни с природой, обществом и самой собой. Оторванность идеалов от действительности (чувашам обычно присуще иметь идеалы нации в прошлом) имеет своим следствием социальную пассивность этноса. Таким образом, философия чуваш и на дотеоретическом

уровне не завершена, она остановилась перед задачей минимизации несоответствия между идеалом и действительностью.

Post skriptum — 2011

Но справедливости ради надо сказать, что в последние годы, с открытием аспирантуры и организацией Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при Чувашском государственном университете, наметилась тенденция активной разработки проблем социальной философии, связанных с национальной тематикой, в числе которых следует назвать докторские диссертации В.А. Федотова «Этноэтика: народная система нравственного воспитания» — 2004 г.; Г.Э. Ахтямовой «Проблема идеала совершенного человека в социокультурных системах чувашей и татар» — 2005 г.; Г.Д. Петровой «Народная мудрость (социально-философский анализ на основе самобытности национальных культур Среднего Поволжья)» — 2005 г.; В.Ю. Кузнецова «Социально-философская концепция мифологизации времени» — 2007 г.; кандидатские диссертации М.В. Андриюшкиной «Проблемы нравственного выбора в фольклоре и современной теории нравственности» — 1999 г.; А.Г. Степанова «Традиции коллективизма чувашского народа как социокультурный феномен» — 2003 г.; Т.Н. Евграфовой «Миропонимание чуваш и формирование их философской культуры» — 2005 г.; О.Н. Терентьевой «Ценностные ориентации личности (на материале устного народного творчества чувашей)» — 2007 г.; В.М. Терентьева «Этническое мировосприятие как духовно-практическое отражение действительности» — 2007 г.; О.Г. Павловой «Эволюция социального статуса искусства» — 2007 г.; А.М. Иванова «Духовно-нравственные ценности российской интеллигенции» — 2007 г.; А.Е. Решетовой «Здравый смысл в контексте обоснования философского знания» — 2008 г. и др.

О неполной структуре чувашской национальной культуры говорит и тот факт, что родной язык, несмотря на официальное признание его наравне с русским государственным языком, остался в роли второстепенного средства общения. Этому есть свое объяснение. Во-первых, чувашский язык полно-правно не может функционировать в городах республики, где проживает 67 % русскоязычного населения и чуваш, не владеющих своим родным языком. Во-вторых, деловые межгосударственные связи объективно требуют общения на межнациональном русском языке. Следовательно, из сферы делопроизводства государственно-административных служб чувашский язык полностью вытеснен. Снижению престижа родного языка как государственного способствует отсутствие принципиальной позиции властных структур республики в отношении изучения его в системе общеобразовательных школ и вузов. Трагическая ситуация сложилась в городах и районных центрах республики: стандартизация и дегуманизация современной городской жизни разрушили защитные механизмы национальной культуры. А временный всплеск интереса к родному языку при полном отсутствии государственной поддержки, как и следовало ожидать, вскоре угас.

Идет наступательный процесс православия на национальное сознание. Количество действующих церквей и мечетей в Чувашской Республике возросло с 85 в 1990 г. до 246 в 2000 г., а возрожденных и вновь построенных за 1993-2003 гг. составляет 157 (См.: Специальный выпуск к приезду В.В. Путина в Чувашию, — (без выходных данных). В то же время за указанный период не было построено ни одного Дома культуры, наоборот, они закрывались, а, следовательно, «гасли» центры хранителей национального.

Расширение промышленного производства и рост городов всегда носили с собой опасность для чуваш-

ского языка. Процесс консервации промышленных предприятий и заводов, вызванной экономическим кризисом, несколько приостановил приток сельских жителей в города. Более того, начался отток рабочей силы в сельские районы, где языковая среда чуваш еще не нарушена.

Но в последние годы в связи с приостановкой или закрытием промышленных предприятий и резким сокращением рабочих мест, а также с упадком сельского хозяйства складывается опасная для республики ситуация социального и национального характера. Выезжающие на заработки чернорабочими на Север и в Москву молодые люди отчуждаются от родных мест, что не может не повлиять на укрепление семьи, на что ориентирована политика правительства, и постепенно теряется связь с национальной культурой. Подорвана материально-финансовая база национальной культуры. Пострадала, прежде всего, чувашская книга. Анализ тематических планов Чувашского книжного издательства за 2000-2010 годы свидетельствует о резком сокращении выпуска литературы на родном языке. Республику захлестнула иностранная литература с сомнительной репутацией. И это происходит в то время, когда мы доподлинно знаем, что глобализация стирает с лица мировой культуры по несколько языков в год, и чувашский язык на уровне ЮНЕСКО признан вымирающим. («Атлас ЮНЕСКО о вымирающем языке», 2011 г.).

Релятивизм ценностей отразился и на русской литературе. Выянилось, что излишняя «открытость» является слабостью национальной культуры, чрезмерное увлечение инонациональными стандартами разрывает и разрушает достигнутый уровень ее целостности. Это подтверждается и началом процесса «инонационализации» чувашского театрального искусства. В песенном жанре искусства также наблюдается отход от тради-

ционного строя чувашской национальной мелодии. Непрофессионализм любителей-композиторов и самодеятельных поэтов наполняет эфир суррогатом на манер Запада.

Полностью отсутствует национальная архитектура.

Своим беглым перечислением недостающих компонентов в современной духовной культуре чуваш мы преследовали цель не просто констатировать факт ее неполности, а главным образом обозначить объекты дальнейшего исследования в контексте концепции целостности национальной культуры. И первым шагом в этом направлении по градации значимости должна быть философская культура нации.

*ИНИОН АН СССР (№ 5190 от 14.04.1980 г.)
Описание настоящей статьи опубликовано
в «Философские науки». № 9, 1980 г.*

Мифология, искусство и философия в их этносом измерении

Исторически в основе духовной культуры человечества лежат мифы. В массовом сознании они сохранились и функционируют до сих пор. На их отголосках создаются весьма оригинальные художественные произведения, пишутся картины. Один из крупнейших специалистов по первобытному мышлению Э. Тейлор отмечает, что «мифы, выработавшиеся из тех бесконечных аналогий между человеком и природой, которые составляют душу поэзии, ... являются мастерскими произведениями искусства». Добавим, что миф — это не столько произведение искусства, сколько искусство мышления. Несмотря на то, что современный человек в своей повседневной жизни большей частью руководствуется разумом, насыщенные легендами художественные творения легко находят его потому, что они

возвращают нас к начальным истокам духовного, поднимают пласт аффектного, покрытого слоем сложных переплетений рационально-рассудочного. Однако в данном случае нас интересуют не литературно-художественные сюжеты мифов, а структурные аспекты мифологического мира в них, архаические космологические построения, откуда берут свои начала философские понятия материи, времени, пространства и движения и др.

В литературе о природе мифов обычно подчеркивают, а чаще всего абсолютизируют вымышленность, фантастичность, в то время как в их основе лежит сама действительность, хотя и часто перепутанная, сдвинутая. Известно, например, открытие Г. Шлиманом Трои, нахождение по следам мифов микенской культуры и т.д. Соответственно, не следует пренебрегать мифами и при поисках научных открытий. Исследователями выявлена непосредственная связь античной греческой философии со своей предшественницей — мифологией. К сожалению, такая связь мало, а то и вовсе не прослежена в культуре многих народов, через которые можно было бы приблизиться к неизведанным пластам мировоззрения этноса. Академик С.И. Вавилов, подчеркивая важность самого серьезного отношения к мифам, писал: «И в наше время рядом с наукой, одновременно с картиной явлений, раскрытой и объясненной новым естествознанием, продолжает бытовать мир представлений ребенка и первобытного человека и, намеренно или ненамеренно, подражающий мир поэтов. В этот мир стоит иногда заглянуть, как в одно из возможных истоков научных гипотез. Он удивителен и сказочен: в этом мире между явлениями природы смело перекладываются мосты — связи, о которых иной раз наука и не подозревает». Следовательно, при исследовании древнейших мифов никоим образом нельзя забывать, что они были делом расчета, а не

пустого воображения, что отразилось в языке этноса. В наш язык вложена целая мифология (Л. Витгенштейн). «Вытянуть» смысложизненные ценности из глубины веков — задача непростая, но выполнимая с помощью герменевтики.

Духовная связь первобытного человека с природой поддерживалась главным образом мифами. Желание понять, объяснить чуждые ему явления природы заставляли конструировать свой, удобный его душе полудействительный-полуфантастический мир. Наивная символизация мира считалась для него реалией, частью жизни, служила практическим целям: в объясненном мире ему легче было переносить груз повседневных забот. Шел процесс обживания мира как дома.

Историческое значение мифов заключалось в преодолении Хаоса и перехода от него к Космосу, к мировому порядку, к объективному расположению вещей и их отношений. Заметим, что процесс узнавания и упорядочения мира постепенно подрывал и саму структуру мифов.

Удивление — начало познания (Платон). Для объяснения этого удивительного, дивного чувства были совершенно недостаточны. Оторваться от предмета означало оставить чувственное начало и заставить работать мысль, абстрагироваться, а затем снова вернуться на исходный объект, но уже «повзрослевшим», и с целью выразить его и надолго оставить в принятой устойчивости. В этом смысле скорее всего удивление, положительный всплеск вызвало к жизни искусство. Трудовая теория происхождения искусства к данному случаю не подходит.

В процессе постепенного выделения из природы и началом осознания собственного Я человек начинает ценить собственную жизнь. Увидев каннибалов, Пятница дрожит от надвигающейся смерти. С осознанием ценности собственной жизни человека постоянно

преследовало чувство опасности и возможности потерять ее. Страх, как самое сильное отрицательное переживание, укорачивает жизнь, но заставляет человека приземлиться на реальность и ставит его перед необходимостью выбора общего, необходимого и тем самым искать практические пути преодоления источника страха. «Страх развивал ум людей больше, чем иные, присущие людям психологические качества», — совершенно справедливо подметил Ф. Ницше.

Удивление и страх — вот истинные родители мифов. Homo sapiens, пока еще бессильный перед стихийными силами природы и перед иноплеменниками, находил себе защиту кроме как в дубинках и простейших орудиях труда, в выдуманных им образах героического, закаляя дух, чтобы при случае употребить его достойно. Отвлекаясь от проблемы мотивов, скажем, что уподобление образу героического явилось фактически одной из форм борьбы со страхом. Следовать мифу с тем, чтобы не оказаться в вечном подчинении у неумолимых и неустрашимых законов природы. С помощью воображения предок наш стремился не только защититься, преодолеть житейские трудности, а в конечном счете и смерть, но постепенно подчинить, формировать природу и нужную ему социальную среду.

Удивление больше, чем страх, порождает и поддерживает миф, питает и умножает его миры, а страх, заставляя неизменно, рационально мыслить и действовать, каждый раз разрушает его основы, сужает его пространство воображения до объективной действительности, подготавливая почву для начатков наук, предназначенных, в первую очередь, «исправлять» мифы, «очистить» их от вымышленности и тем самым способствовать дальнейшему процессу демифологизации жизни. Таким образом, миф противоречив внутри себя: все более и более приближаясь к объектив-

ной действительности, к истине, он ограничивает границы своего существования.

Оседлый образ жизни сыграл неоценимо большую роль в создании своеобразия культуры этноса и закреплении ее ценностей. Идет двуединый процесс: метаморфизация, вернее, субъективизация, окружающей природы и объективизация, природовизация человека. Среда, где оседло обитает человек, накладывает на его сознание неизгладимую историей печать. Первобытный человек этот аудиовизуальный мир трансформирует на все представляемое им пространство, чтобы по аналогии легче было объяснять его и свободнее ориентироваться в нем. В мифологическом сознании целое и часть идентифицированы — часть есть повторение целого и наоборот, разница только в их объеме. У Гомера щит Ахилла, где изображена человеческая жизнь в своей вечной значимости и со всеми ее противоречиями, по своей форме круглый как шар потому, что Земля, а по аналогии Вселенная и все ее составляющие, имеют шарообразную форму: гомеровский грек, выходя в море, окидывает взглядом даль и представляет горизонт как отражение пограничного очертания шарообразного мира. Демокрит впоследствии перенес эту аналогию на человеческую психику. Душа, по его мнению, состоит в основном из особого рода подвижных шарообразных атомов. Мифологическое сознание у древних греков сформировалось в большей степени путем объективизации Я, нежели антропоморфизацией природы. Мир во всем своем разнообразии и таинстве рисуется на его сознании как на простом, цельном, но не ровном зеркале. Чтобы снять деформированность, получить объективный рисунок мира, пылливому античному уму оставалось лишь разбить это зеркало на отдельные части, на множество осколков, каждый из которых впоследствии будет образовывать отдельную отрасль знания, и заново раз-

ложить их на ровном месте так, чтобы отношения частей не оставались вне рисунка. Исправление искаженности в ходе этой мысленной операции есть отход от мифов, а установление общего между частями, выраженного в отношениях, есть приближение к философии. Античный мыслитель больше находится «вне», чем «в себе», он чаще идет от мира к себе, чем от себя в мир. Для него природа есть владычица человека, он созерцал и действовал сообразно природе. Этим отчасти объясняется, по нашему мнению, ускоренное и раннее развитие их философии.

А в языческих мифах чуваш мир имеет в основании форму квадрата. Устойчивость мира и его надежность достигается четырьмя опорами. Противоположные стороны Света (дут тёнче) не исключают друг друга, они прямыми линиями от углов сходятся в человеке, стоящем в центре Света. Это можно истолковать так: с одной стороны, человек как бы является смыслом существования этого мира, с другой стороны, он сам стремится стать центром мироздания, поддерживая равновесие двух противоположных сторон. Это непосредственно перекликается с протагоровским своемерием «человек есть мера всех вещей». Проблема места человека в пространстве в воззрениях чуваша-язычника приближена к антропоцентризму. Человек становился в ходе длительной адаптации к окружающей среде, миру. Следовательно, он запечатлел в себе структуру этого мира, и, как часть целого, сосредоточил информацию обо всем целом, отдельном. Человек, познавая себя, познавал суть и особенности мира. Этот путь для мифологического времени, когда еще только «проклевывались» начатки научных знаний, был одним из двух оптимальных путей познания. Процесс смещения в сторону эгоцентризма происходил и в эпоху первых научных открытий, и дело дошло до признания, что якобы существующий во Вселенной

порядок обусловлен существованием самого человека, и что теперь человек определяет структуру самой Вселенной. Этот антропологический взгляд на космогонию впоследствии нашел свое отражение и в христианстве: Всевышний, прежде чем создать Адама и Еву, обустроил мир удобно и человекоподобно. Нужно сказать, что антропоцентризм был объяснен научно, материалистически, но в иной интерпретации: по так называемому антропному принципу мир не создан специально для человека, однако в результате бесчисленных деструкций и одного единственного набора констант создались соответствующие условия для возникновения жизни и человека.

Представление о мире квадратной формы имеется в воззрениях китайских философов-даосистов, которое позволило им выдвинуть стройную систему самосовершенствования и постижения человеком своей природы. «Четыре стороны, верх и низ обозначают пространство... Внутренние дела пространства и времени — это мои внутренние дела. Все предметы стоят, как деревья в лесу, в моем сердце величиною в квадратный цунь», — писал один из средневековых мыслителей Лу Цзююань. Как видим, в восточных религиозно-философских взглядах этот квадратный мир помещен во внутрь человека, в его сердце, а в представлении чуваш человек находится в середине квадратного мира и составляет сущность, смысл этого мира. Чуваши до сих пор предпочитают строить и окружать себя вещами, имеющими квадратные, прямоугольные формы. Квадрат — заведенный порядок: все должно происходить в свое время и находиться на своем месте. Идеал квадрата — распланированная, предсказуемая жизнь, покой, согласие, оседлость, стабильность. Все это соответствует характеру и поведению чуваш. На старинных вышивках этого древнейшего народа мы редко находим круглой конфигурации орнаменты. Обо-

значение мира квадратной фигурой является, таким образом, одним из веских объяснений того, почему философия у чуваш не получила равного в темпах развития с философией античных греков: чуваш загнал свою мысль в квадрат, в замкнутое пространство, ограничил ее полет границами покоя. Причем, если древнегреческой философии присущ поиск прежде всего противоречия во всем — в материальном мире и в сфере идеального, то мысль чуваша направлена на поиски согласия, мира: в его фольклоре изобилует таванлах, килёшулёх, туслах — гармония в вещах и человеческих отношениях. Чуваш стремится скорее личностное переносить на мир и диктовать ему свою внутреннепсихологическую структуру и состояние, нежели принимать воздействие внешнего мира — мир должен быть его подобием, а не наоборот. По его мнению, Вселенная — это «размытый» в пространстве человек, расширенный до ее границ со всех сторон. Очеловечивание природы, т.е. приписывание ей всех атрибутов человеческого бытия, распространилось на все четыре стороны Света. В познавательном плане нечто подобное мы находим в древнекитайской философии. Менцзы, живший в конце IV — начале III веков до нашей эры, писал: «Тот, кто до предела совершенствует свое внутреннее сознание, тот познает свою природу; тот, кто познает свою природу, тот познает Небо и находит в нем свое подобие». Направление духовной энергии главным образом на самопознание впоследствии вывело китайцев на путь интенсивного развития йоговской медицины с философской интерпретацией. А грек, в отличие от чуваш и китайцев, наоборот, считает себя подчиненным всеобщим законам Космоса, и потому, по его мнению, человек не есть «часть равная Вселенной».

Для чуваша человек представляет из себя собранная в одну точку Вселенная.

Первоначально выступающая как мир окружающая среда оказала огромное влияние на формирование психического склада этноса, на его мифологическое мышление и искусство. Не так уж далеко были от истины Ш. Монтескье и И. Тэн, выводя национальные особенности культуры исключительно от пространственных координат народа. Географическая обусловленность национальной культуры ими абсолютизировалась до предела, в то время как наши культурологи эту детерминанту стараются свести до незначительности. Упускается здесь принцип конкретноисторического подхода к явлениям. На генезис мифологического сознания, на процесс формирования культуры этноса и его психологических особенностей географическая среда имела первостепенное, определяющее влияние. Гегель в «Философии духа» писал: «Определенный дух народа, поскольку он есть нечто действительное и его свобода существует как природа, содержит с этой природной стороны момент географической и климатической определенности». Далее Гегель конкретизирует свое рассуждение: «неизменность климата, всей совокупности свойств и особенностей страны, в которой та или иная нация имеет свое постоянное местопребывание, способствует неизменности ее характера. Пустыня, близость страны к морю или удаленность от него — все эти обстоятельства могут иметь влияние на национальный характер». Но когда иметь влияние на национальный характер». Но когда на смену родоплеменным производственным связям пришли социально-классовые, более жесткие, отношения, и социальные группы, и классы заняли свои исторические места в системе производства и распределения материальных и духовных благ, на первый план выдвинулся социальный фактор. Однако роль географической среды в развитии культуры этноса и определении ее особенностей никогда не будет сведена на нет. Здесь

необходимо иметь в виду тот факт, что такой компонент культуры, как психологический склад, консервативен по своей генетической природе и вытравить его почти невозможно, поскольку он исторически сформирован прежде всего под влиянием географической среды.

В самой духовной жизни общества можно выделить бесчисленное множество вариаций соотношения единичного и общего. Во взаимосвязи мифологии, искусства и философии, если последняя принимается за общее, то по отношению к ней мифология выступает как единичное, а искусство, включающее в себя определенный срез мифологии и философии, — как особенное. Мифы единичны, во-первых, потому, что отражают они своеобразие жизни и деятельности этноса в определенной естественно-географических и социальных условиях. Адресность — характерная черта мифов. «Сознание, конечно, есть осознание ближайшей чувственно-воспринимаемой связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно — осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и непреступная сила».

У каждого народа свои мифы. К пониманию смысла жизни и сути мира они шли разными путями, но все — через этносно-специфические формы выражения своего Я. Нужно полагать, что в начале пути мифы народов мира разительно отличались друг от друга. Отсутствие у многих из них письменности и других выразительно-коммуникативных средств, кроме наскальной и деревянной живописи, не позволило закрепить это своеобразие в первоизданном виде. Впоследствии они стали схожими в результате расширения диапазона контактов. Смысл многих древнейших мифов дошел до нас в деформированном виде. В чувашской мифо-

логии, например, они в большинстве своем искажены последующими поколениями под углом зрения крупных исторических событий.

Большинство исследователей проблемы мифологического сознания отмечает, что оно сформировано в результате отражения мира на уровне мирозерцания. Нам же представляется, что в основе мифологического сознания лежит мироотношение, включающее в себя и мироощущение, и мировосприятие, а в некоторых отношениях и миропреобразование, в котором шел процесс самореализации человека. Именно мироотношение дает целостный образ мира, бытийно формирует мировоззренческую ориентацию людей. Исследователи совершенно справедливо отмечают, что в мироотношении репрезентируется культурно-историческая и этническая целостность человечески чувственных, а также практических отношений, так или иначе конституирующая культурные формы без осмысления их глубинных детерминаций.

Мифологическая форма мироотношения складывалась в большей степени представлениями, нежели понятиями. Представления объективно не могут оторваться от восприятий, а первые понятия еще не очерчены рамками основного содержания объектов и не составляют средоточие лишь существенно-общего. Одно понятие от других отчетливо не отделено, не расчленено, их расплывчатость объясняется тем, что мифологическое мышление еще только начинает различать необходимость от случайного, общее от единичного, а иногда духовное от материального. Например, очень часто встречающиеся в чувашской языческой мифологии чун (душа) и чёре (сердце) не разграничены между собой, они несли одну и ту же смысловую нагрузку. Здесь мы сталкиваемся с фактом смещения идеального — чун и вещественного — чёре. В ходе дальнейшей эволюции мышления постепенно отбрасывается

материальная сторона характеристики данного понятия и оно закрепляется в лексиконе лишь как идеальное, оставаясь в то же время и для обозначения чувственного, психорефлективного состояния человека. Чун-чэре — это духовное начало, природная сущность человека. Подобное толкование мы находим у Гераклита, который выработал на этой основе понятие души.

Аналогичные понятия вследствие близости первоначальных значений к своему основанию — восприятию и представлению — имеют большую возможность непосредственного воздействия на эмоциональное состояние реципиента. Так же закономерно, что понятия, сформированные на предельной широте и абстрактности, не вызывают у человека эффектной реакции. Конкретность, телесность, эмоциональность — эти характеристики мифа больше всего выступают носителями специфического этноса.

Однако, исходя из всего сказанного, нельзя толковать первобытное мышление как вне и дологическое мышление, какое распространено в литературе по проблеме мифологического сознания: создавая обобщенные образы, мифологическое мышление уже вторглось в сферу абстрактнообщего, хотя до конкретно-общего было далеко. Познавательное предназначение мифов осуществляется в выходе именно за пределы чувственно-практического. И не надо забывать, что мифологическое мышление по своему характеру радикально не отличается от мышления цивилизованного человека.

Ничто так не близко к мифологии, как искусство, но ни в какой другой области человеческого знания нет столько мудрости, сколько в философии. Миф занимает как бы промежуточное положение между природой и искусством, но чем дальше искусство от мифологии, тем оно ближе к философии. Если теоретическое освоение мифов дает философию, то их художественная обработка дает искусство: богатейший на-

бор образов и символов искусство черпает в основном из области мифов.

Итак, в историческом плане искусство следует за мифологией, но предшествует философии, однако оно не стоит особняком между ними. Искусство и по своему функциональному назначению, и по своему предметному содержанию определенной стороной входит в пограничные зоны и мифологии, и философии. В смысле функциональности искусство, следуя традициям мифологии, осваивает мир, выражает и формирует духовный климат общества. В то же время оно вырабатывает иные формы, методы, приемы и способы постижения мира и бытия, чем мифология, одновременно развивая и эстетическую сторону мышления. Искусство, занимая посредническое положение между мифологией и философией, сосредотачивает в себе сплав мифолого-интуитивного и философско-рационального, благодаря чему в массовом сознании находит больше пространства, нежели мифология и философия: наличие в структуре искусства чувственного начала и компонентов эстетического ставит его в выигрышное положение перед философией, но философия имеет перед ним преимущество в том отношении, что она освобождает мысль от всего менее значимого, утяжеляющего мысль, тем самым приближая и раскладывая ее параллельно к оси сущего, закона реального мира.

Что больше в искусстве: от чувственного или от абстрактного, от мифологии или философии? Исторически в начале пути, естественно, в нем больше было чувственного, мифологического. Но в современном искусстве со всей очевидностью наблюдается тяготение его к философии, однако и оно, если желает сохранить жизнеспособность, не должно оттолкнуть свое основание, трамплин, откуда оно начинает свой полет. Интуиция, воображение, фантазия, свободно

перешедшие из мифологии в искусство, вызывают из-под сознания образы и заставляют работать мысль. А мысль уже в состоянии оформить целостную теоретическую картину мира. Однако эти образы непременно должны вписаться в гармонию мира, хотя необязательно адекватироваться с ней. Искусство, таким образом, в своем онтологическом содержании есть не дофилософское, а пред-в-философское состояние. Оно, если механически не следовать традиционному представлению о нем как о независимой от философии сфере деятельности, представляет собой четко не востребуванную, «неочищенную» сторону строгой философии, а философия — узкоспецифическую, направленную в сторону общего, сущего сферу искусства. И потому, видимо, в эпоху чрезвычайно интенсивного развития искусства наблюдается и небывалый по своей высоте взлет философской мысли. Их синхронный всплеск мы обнаруживаем, например, в античной греческой культуре, в итальянском Ренессансе, в искусстве и общественной мысли Франции XVIII века. Единовременность развития искусства и философии ярко представлены также произведениями немецких философов-поэтов Гегеля, Шлегеля, Гете, Шиллера и др. Здесь уместно упоминание и того факта, что великие художники слова всегда были незаурядными философами.

Искусство как и философия все шире и шире раздвигает границы своего владения и стремится охватить мир в его целостности. Эту целостность оно желает достигнуть, отображая мир отдельными фрагментами, в соответствии с существующими видами и жанрами, но которое ему никогда не удастся достичь. Как бы оправдывая свое гносеологическое, но не эстетическое, назначение, оно старается показать в единичном отдельное, в частях — целое в художественных образах, типах. Попытка выразить, выдать всю информацию целостности в частях говорит о состоятельности

искусства. А философия, в отличие от искусства, пронизывает все сферы человеческого интереса и познания, охватывает мир сразу и целиком и постигает при помощи предельно широких понятий его сущность самого высокого порядка.

Искусство, хотя и исторически предшествует философии, но обладает способностью опережать ее в плане создания и применения новых способов духовного освоения мира. Во-первых, оно не так жестко детерминировано природой объекта, его единственной сущностью, как философия. В соответствии с этим оно может подойти к нему с совершенно неожиданной стороны и высветить притаенные незнакомые грани. Сущность вещей, куда стремится философия, ограничивает, регламентирует подходы к себе, в то время как пути к явлениям, с чем больше всего связано искусство, разнообразны и раскованы. Оно неприспособлено и в выборе символов. Во-вторых, искусство охватывает предмет не только абстрактно, рационально, но в большей степени эмоционально, непосредственно. Интуиция, как высшая ступень развития эмоционального, играет важнейшую роль в познании мира и угадывании, определении прекрасного. Ко многим научным открытиям люди пришли интуитивно, через интуитивно схваченный образ.

С позиций сказанного, мы не можем согласиться с мнением некоторых авторов, сводящих роль искусства как к простому распространителю философских идей, а не производителя. Отметим, что к такой интерпретации соотношения философии и искусства придерживался и М.М. Бахтин. По его мнению, писатель активен лишь в оформлении образами уже философски истолкованной и этически оцененной действительности.

Распространение уже известных философских идей — это одна из функций, но не главная функция

искусства в гносеологическом плане. В этом мы можем убедиться, ознакомившись с произведениями Ясперса, Сартра, Достоевского, где художественными средствами выявлены совершенно новые, неизведанные до сих пор параметры мирового и социального пространства, где не чувствуется никакого «лидерства» со стороны философии. Об этом же говорят получившие в последние годы широкое распространение такие формы искусства, как социальная фантастика и философская эссеистика. Современное искусство характеризуется занятостью поисками сущего в каждом кусочке мира, его жанры и виды питают философию как ручейки безбрежное море. О нерасторжимости философии и искусства можно привести множество примеров, среди которых особо выделяются «О всеобщности вещей» Бернара Сильвестра (XII век) и «Зодиак жизни», автором которого является Пьер-Анджело-Мандзолли. В «Зодиаке жизни» затрагиваются главнейшие проблемы ренессансной философской мысли, и по широте тематического охвата он занимает второе место после поэм Лукреция. «Зодиак жизни» есть образец не только обобщения ранее известного философского знания в художественных образах, но и подача новых мировоззренческих подходов к природе вещей и эпохе. Это произведение указало историческое назначение истинного художника в «захватывающих образах творить философию». Причем, художественно-образное освоение действительности имеет одно важное преимущество перед теоретическим познанием: оно в состоянии передать подсознательное, рационально не всегда выразимое отношение человека к миру. Искусство — это то же самое постижение мира, то же самое стремление к восхождению к существенно-общему, что и философия, но не путем отвлечения от единичного к безлично-всеобщему, а путем погружения в индивидуальное сознание.

Какой из основных жанров искусства ближе к философии: гармония звука, цвета или слова? Этот вопрос следует рассматривать в плане того, какой из названных жанров способен наиболее полно явить сущее, делать его слышимым, видимым и понятным, а также найти подход, по которому можно было бы «срезать», отделить от искусства его философскую «верхушку». К такому критерию можно отнести несколько принципов:

1. познавательная направленность искусства;
2. творческое обогащение философского, мировоззренческого сознания людей;
3. степень художественной обобщенности современного понимания природы, сущности человека, смысла жизни и эпохи, способствующая формированию всеобъемлющего научного мировоззрения.

На наш взгляд, в музыке, по сравнению с живописью и поэзией, больше чувственного, эмоционального, и потому она ближе к первобытному, к мифологии. Она в большей части рождает образы прошлого, нежели будущего и возможного, выраженного в надежде. Музыка больше и ближе связана с мифологией и потому, что у нее больше свободы в конструировании новых вольных аспектов видения мира, она допускает больше вольностей в выборе подходов к комбинированию звуков, в ее видении больше простора для полета фантазии. Музыка может оказаться дальше от объекта, но ближе к творцу или воспроизводящему. Из всех жанров искусства она в высшей степени субъективна, ибо не стеснена, не детерминирована особенностями объекта в силу того, что она не имеет конкретных аналогов в действительности. Композитор настолько свободен в отборе звуков из хаоса, что ему остается лишь талантливо расположить их в канву гармонии. Он вкладывает в музыку родовую память, наполняет ее чувством, опытом всего рода, этноса, переживает звуки

по-своему, субъективно-этносно, и потому в ней рельефно, углубленно проявляются национально-специфические моменты, образующиеся в особом расположении гармонирующих звуков. В идеале музыка должна обходиться без слов, она не должна быть утяжелена ими, ибо никакие слова с полной идентичностью и по содержанию, и по форме не ложатся на гармонию звуков. Музыка способна выразить душу без посторонней помощи, как живопись обходится своими лишь ресурсами, не прибегая к словесному объяснению.

В музыкальном жанре искусства, как видим, указанные выше принципы работают с крайне недостаточной нагрузкой.

Живопись ближе к реальности: цвет разборчив к соседству, он броско выдает дисгармонию, но не может представить больше комбинаций, чем на самом деле есть вариаций цветов в действительности. В живописи мышление в образах причинно обусловлено жестче, чем в музыке, но более свободно, чем в поэзии.

Из всех строительных материалов творчества слово является наипростейшим и потому в своих бесчисленных комбинациях обладающим самыми большими возможностями логического и образного выражения действительности. Словесное искусство, в отличие от живописи и музыки, является, по словам Гегеля, тем самым особенным искусством, в котором одновременно начинает разлагаться само искусство и в котором оно обретает для философского познания точку перехода ... к прозе научного мышления. Здесь мы позволим себе полностью не согласиться с Гегелем. Не всякое словесное искусство является точкой перехода к прозе научного мышления, исключение из этой области составляет поэзия. Поэзия есть как раз тот кристаллизованный синтез переживания и мышления, их нерасторжимое единство, которое, просачиваясь в философию, сохраняет себя, не разлагается в ней,

ибо, кроме того, она в своей истинной форме включает и гармонию звуков, и гармонию цветов.

Сохранить тайну в качестве тайны и в то же время явить ее миру — вот задача произведения искусства. Иными словами, задача любого вида искусства заключается в том, чтобы не до конца открыть тайну, не оставить ее голой на ветру людских взоров и лишит привлекательности, если художник даже знает эту тайну. Лишить тайну таинственности — это задача философии. Философия, как мышление о понятиях, постигнув эту тайну, уже не нуждается в том искусстве, которое вручило ей ключи от тайника. Ей нужна вся тайна, без остатка, и она ее видит полностью с высоты абстрактного мышления. Великий теоретик философии искусства Гегель представил искусство как свершение истины. В искусстве, по его мнению, наличествует тот самый «свет разума, дух, который, развиваясь, обретает свою чистую форму — форму мысли — и поэтому не нуждается больше в той, менее совершенной и менее адекватной форме, какой было искусство». Однако этот процесс восхождения к философии не мог произойти без искусства: оно было единственным участком культуры, откуда философия совершила плавный переход в лоно чистого мышления. «Искусство есть даже единственный орган, — пишет Гегель, — посредством которого абстрактное, в себе неясное, из природных и духовных элементов беспорядочно сплетенное может стремиться поднять до сознания».

Художник при создании своего произведения идет от мысли к чувствам, а реципиент — от чувства к мысли. Поскольку произведение искусства есть единство чувственного и рационального, то никогда с помощью только рациональных средств невозможно совершенно адекватно передать его содержание, будь оно музыкального, изобразительного или поэтического тво-

рения. Многие из эмоционально-чувственного содержания словесно невыразимо. Более выгодное положение в этом плане занимает поэзия. Она в большей степени искусство нежели музыка и живопись. Преимущество поэтической формы искусства заключается в том, что она способна выразить и музыку, и живопись, и все другие виды искусства игрой слов, комбинацией их интонаций, сравнительной идентичностью выражения содержания бытия. По глубокому убеждению Хайдеггера, только поэзия способна подобрать слова, соответствующие бытию. В доказательство высказанного мнения автор приводит цикл чувашского рубая в книге «Диалектика общего и особенного в развитии национальных культур».

Поэзия «делает все чувственное исключительно выражением духа», — пишет Гегель, и поэтому она ближе всех других жанров искусства приближена к философии. А для этого она каждый раз должна совершить прорыв из области чувственного в сферу запредельного, неизведанного духовного, иначе она теряет свою суть и назначение. Поэзия — одна из прекрасных сестер искусства наряду с живописью и музыкой (Гоголь). Она есть истинное выражение творчества и присутствует во всех без исключения сферах жизнедеятельности. В человечестве с самого начала его истории заложена пружина поступательного движения — творчества: без создания все новых и новых материальных и духовных ценностей нет и не может быть продвижения к совершенству. Миф есть творчество, но творчество, направленное в своей основе не столько на внутренний мир человека, сколько на внешний. Понятие творчества со временем ограничило свою область применения, оставаясь в правах главным образом в литературе и искусстве, а также в науке. Словосочетания типа «поэзия труда» и т.д. стали применяться лишь в смысле вдохновения, а не факта подлинного твор-

чества. Далее этимология поэзии постепенно сузилась до определенного вида искусства, где сконцентрировалась она в наивысшей степени как творчество.

В литературе часто можно встретить употребление мифа и поэзии как однозначных. Разница между ними заключается в том, что, если в мифах выражению переносному придается вполне реальный смысл, а по А.Ф. Лосеву, например, «миф — это подлинная и максимально конкретная реальность», то в поэзии образу не приписывается реальность. А общее проявляется в их эмоциональной выраженности, способности персонифицировать, проецировать человеческие качества на предметы окружающего мира. В мифе и поэзии мир лишь живописуется, а не формализуется. К общему А.Ф. Лосев относит и то, что образы поэзии так же, как и образы мифа, не нуждаются ни в какой логической системе, науке, философии, и «поэтическое, и мифологическое бытие есть бытие непосредственное, невыводное». Данное высказывание философа может быть верным лишь по отношению к мифу и отчасти к поэзии на ее начальной стадии. А современная поэзия все больше и больше нуждается в оригинальных выводах, «концовках» и афористических изречениях, в чем можно убедиться на примерах рубаи. Глубина творчества все более и более стала зависеть от уровня философской культуры этноса.

В философских, да и в литературно-критических работах нет однозначного определения поэзии. Трудность заключается в том, что, по словам Ф. Шлегеля, «дефиниция поэзии может определить то, чем поэзия должна быть, а не то, чем она была и есть в действительности». Однако должное выводится из возможного и потому нельзя ставить определение в строгие рамки пространства и времени. «Определений у поэзии столько, сколько будет читателей и слушателей», — пишет Жан-Поль. Это, видимо, связано с тем, что на

стыке чувственного и рационального уровней сознания, где и рождается поэзия, объект воспринимается гораздо разнообразнее, чем на чисто понятийном уровне. Но и в поэзии, естественно, чувства, эмоции и волевой импульс должны быть выражены рассудочно, но не должны быть отданы рассудку до остатка. Поэзия — особое состояние души, божественное вдохновение (Платон), прекрасное подражание природе (Аристотель), искренность (Дидро) и т.д. Все эти высказывания мыслителей вполне правомерны, но она, поэзия есть и то, и другое, и третье вместе взятые.

Ранее, рассматривая соотношение искусства и философии, в самых общих чертах нами уже были отмечены некоторые моменты их общности и различия. Каково их конкретное проявление в сфере одного из видов искусства, например, в поэзии — ответ на данный вопрос представляется весьма интересным.

Проблема соотношения поэзии и философии имеет древние истоки. Платон видел в отношениях между ними прежде всего противоречие, что они якобы «угрожают друг друга». В эпоху Ренессанса больше подчеркивали единство поэзии и философии, нежели их противоположность. Вопрос о философичности поэзии в ту пору нашло отражение в споре о том, является ли поэзия презентацией или репрезентацией. Данная проблема находит живейший отклик и у современных мыслителей. В статье «В каком смысле поэзия философична» американский философ Энтони Лабранш отмечает следующие черты сходства и различия между поэзией и философией: и поэзия, и философия выражают наше отношение к миру. Обе дисциплины используют множество определений: определения этимологии, описания, сравнения, контраста и т.п.; и та, и другая дисциплина направлены на определение конечной позиции с помощью парадокса или иронии; и поэзия, и философское описание отражают

борьбу между прошлым и настоящим, выразимым и невыразимым; и в философии, и в поэзии сущность трудно уловить с первого взгляда; и поэзия, и философия содержат нечто «невысказанное», нечто скрытое за строкою текста. Поэзия и философия приглашают нас почувствовать те невыразимые области, доступ в которые ограничен: познавая новую гармонию мира, мы достигаем более глубокой близости к нему. В этом заключается перспектива социального видения поэзии и философии: поэзия разделяет с философией оценку времени как мелодии, в которой перед нами раскрывается мир.

Что касается различия между поэзией и философией, то они сводятся к следующему. Философов можно назвать специальными поэтами, а поэтов, в свою очередь, специальными автобиографами. Традиционно философы пытаются исследовать правильность и ложность наших суждений. Поэты же пытаются представить, как мы живем с этой правильностью и ложностью, с нашим детским искаженным восприятием. Философия выдвигает предложения, призванные помочь нашему одинокому противостоянию миру. Поэзия разбивает эти предложения на отдельные детали. Что представляется ясным для поэзии, не является таковым для философии. Эти дисциплины представляют различные стили жизни.

Не со всеми позициями автора можно согласиться безоговорочно. Во многих из них поэзию можно заменить художественной прозой, живописью безущербно. В части определения сходства они не принципиальны, а то и поверхностны. Например, когда речь идет о «невысказанных» сторонах поэзии и философии больше напрашивается не экспликация сходства, а «различия в сходстве». Философия оставляет за строкою текста неподвластную в настоящее время разуму сущность второго, третьего и т.д. порядка, при помо-

щи которых должна быть достигаема «более глубокая близость» к объекту. Поэзия также стремится к сущности. Она так же, как и философия, способствует конструированию миропонимания, представляет в живой форме то, что философия выражает абстрактно. Однако поэзия никогда полностью не открывает тайну с таинственности, если она даже известна ей.

Философия по отношению к поэзии выступает как общее. Без единичного последнее лишь обездушивает, обескровливает природу, человека. Нет ни листьев, ни веток, ни дерева, а есть лишь движение сока, корни. Дальнейшее исследование проблемы, на наш взгляд, должно строиться в плане философии в каждой отдельной сфере поэзии.

Все произведения поэзии издавна делились на лирические и драматические. В такой последовательности ярко прослеживается процесс постепенного выделения поэзии из мифологии. Эпика — первый шаг очищения. В ней достаточно много аниматизма, но уже делается обратный ход в сторону личностного. С появлением лирической поэзии ускоряется процесс разрушения синкретизма искусства и отпачковываются отдельные его виды. Но какая сфера поэзии может выдать больше философско-мировоззренческого? Ответ здесь должен быть строго избирательным. В эпике и трагедии больше пространства и, следовательно, и возможностей применения в нем различных стилевых приемов и подходов для выражения типичного в социальном, общего в природном, больше. Но вместе с тем вряд ли можно согласиться с мнением, по которому о философичности лирики можно говорить лишь с натяжкой по причине того, что в отличие от эпики здесь предметом не может являться «поступающее мышление» а только, так сказать, «поступающее переживание».

В лирике, действительно, мир моделируется в боль-

шей степени в пространственно-временных координатах «Я», однако «Я» и есть один из двух, наряду с объективным миром, предметов философии. А поступающее переживание направлено на познание чувственного, лирического «Я». Причем именно в лирике человек убеждается в существовании невербальной, чувственно представленной мысли, о которой так много стали говорить психологи. Поступающее переживание и поступающее мышление оказываются в лирике нерасторжимыми. Лирика является как раз той формой, которая дает философию существования «Я», его переживания, жизни, т.е. экзистенциальную философию.

Лирика — это фактически первое средство творческого самовыражения и самопознания «Я» В полемике с Т.С. Элиотом Ж. Маритен по этому поводу, например, восклицает: «в чем же тогда результат творчества, если не в самовыражении творящего!»! Когда вещи охватывает эмоция, для поэта пробуждаются вместе и вещи, и его «Я» в некотором особом роде познания — темном, по сути своей невыговариваемом, которое может быть выражено только в произведении... В этой связи нужно сказать, что поэзия, как и все другие виды искусства, одновременно служила для творца и как форма познания, и как средство удовлетворения его эстетических потребностей. Таковы почти все философские трактаты древнегреческих мыслителей, например, диалоги Платона, поэмы Парменида, Лукреция Кара и др. Эстетические и познавательные потребности в едином порыве дают прекрасные плоды. Однако Гегель, стоявший на Олимпе философии и высоко ценивший поэзию, понимал искусство в большей степени в теоретико-гносеологическом смысле. «Искусство, — писал он, — призвано раскрывать истину в чувственной форме». В этом высказывании Гегеля обращает на себя внимание и то, что сущность

вещей, выражаемая в истине, может быть получена и на чувственном уровне познания. В дальнейших текстах мы еще вернемся к этой проблеме. Теперь же, возвращаясь к вопросу субъективности и объективности поэзии, приведем еще одну точку зрения, противоречащую взглядам Маритена. Это точка зрения Гегеля. «Субъект есть формальная сторона деятельности, — утверждает он, — а произведение искусства только в том случае является выражением бога, если в этом выражении не заключается никакого признака субъективной особенности, но содержание присущего ему духа воспринято во всей чистоте и порождено без примеси этой субъективной особенности и связанной с ней случайности. Итак, произведение искусства, по Гегелю, должно быть выражением абсолютной идеи, абсолютного духа, а абсолютная идея объективна, оно, произведение, следовательно, должно быть свободно от субъективности, т.е. самовыраженности. Самовыражение художника есть в высшей степени субъективность, и Гегель желает снять субъективную особенность с произведения с тем, чтобы приблизиться к всевременному абсолюту. Художник в его глазах лишь мастер бога. Как видим, Гегель оттеснил роль субъекта творчества под тень величественного абсолюта. Следовательно, здесь снимается и национальная субъектность. А Маритен на первый план выдвигает субъективную активность творца, где должно проявляться личностное, этносное его своеобразие.

Каждый художник, самовыражаясь, выражает и эпоху, и мир, ибо он есть результат средоточения в одной точке Вселенной, результат наслоения дней и событий, из которых складывается эпоха. Чем глубже проникает он в бытие мира и пространство эпохи, тем свободнее его произведение от субъективности и связанной с ней случайности. Только при этих условиях художник становится современником всех времен. Тво-

рение есть выражение всеобщности через субъективное самовыражение «Я».

Человек посредством мифологии и поэзии уже определил предмет философии в самом широком его смысле: мир и человек. Мифология в своей основе обращена на внешний мир, на расстояние, а поэзия в лице лирики направлена на экзистенцию личности, на собственное «Я». На уровне драмы поэзия расширяет и углубляет социальную сторону своего бытия, здесь она освобождается от традиций культа и мифа. В драме уже не допускается свободный перенос причинно-следственных связей с одних явлений на другие.

Поэзию чаще всего связывают с возвышенным порывом души, страстно-аффектным ее состоянием. Этот односторонний подход в свое время привел Платона в заблуждение: в «Государстве» он называет поэзию социально бесполезной. Поэзия, по его мнению, питает и усиливает неблагоприятные влечения и эмоции души и потому поэту и художнику нет места в рационально устроенном мире. Поэзия кроме ощущения себя в состоянии страсти (Шиллер), выражает и печально-согратательное, что находится во ведении трагедии. Через сострадание и страх поэзия очищает душу, замечает Аристотель, справедливо считая трагедию вершиной поэзии. Именно через трагедию поэзия приобретает психотерапевтическую функцию. По образному выражению Жан-Поля, на уровне трагедии она подобна копью Ахиллеса: залечивает рану, которую наносит.

Поэзия есть квинтэссенция эпохи на ее чувственном уровне. Предвосхитить события, главным образом их трагическую сторону, и тем более, предсказать свою судьбу, поэт может в силу того, что он, концентрируя чувства в едином интуитивном поле, создает момент озарения и тем самым приближает к себе время из будущего, сольется с ним в один поток, а передоверить разуму затребованное чувствами, — значит уйти

от себя, от изначального «Я», чего не может позволить себе истинный поэт. Разум служит ему лишь для фиксации мгновения наивысшего напряжения чувств. Но нельзя полагать, что поэт творит подсознательно. Его проникающая интуиция есть сплав тысячекратно проверенный человеческим опытом чувственного и рационального. И потому известное выражение, исходящее от Канта «Ньютон, все что делал, сознавал, а Гомер — нет» по отношению к поэзии не совсем справедливо. Другое дело с феноменом этнического: он сквозно проходит через все творчество, не принимая границы структурных уровней сознания.

Процесс поэзии как творчества, ее механизм, можно раскладывать на такую триаду. В начале пути поэт един с действительностью как в мифе. Он — часть, но слитная, нивелированная, тождественная целому часть. Затем поэт противопоставляет себя всему внешнему, что не есть Я — природе, эпохе, обществу. Отвергая это внешнее, он находит в себе лишь их слепки, тени, оставленные под давлением общественности. Но это еще не образы, символы. Это скорее всего готовая грунтовка, иначе он стал бы похож лишь на покорного переписчика природы, эпохи. Для законченности образа, картины нужно нечто из мифологии, а именно фантазия, легкий отлет от действительности, правдоподобный вымысел, иными словами, живое дыхание духа. Еще Аристотель советовал учиться у Гомера «грешить против истины ради истины», вызывать, если это оправдано, нужные эмоции чистейшим до нелепости воображением. Творец, приписывая объекту несуществующие у него качества, доводит его до живого состояния, но не до состояния законченного совершенства. А это уже акт наличного самовыражения, который и составляет важнейший момент искусства. Поэт, погружаясь таким образом в объект, ищет и находит себя в нем, а объект сбрасывает свои

изидовы покровы. Он снова сливается с окружающей средой — с природой и эпохой до полной неразличности, но не растворяясь в них до состояния безличностного. «Если предмет и Я существуем раздельно, истинной поэзии не достигнуть», — пишет знаменитый Босе. Однако результат всего этого процесса, синтеза, готовый уже образ не идентичен ни внешнему объекту, ни Я, хотя он и сотворен как самим субъектом, так и объектом. М. Хайдеггер в «Истоке художественного творчества» совершенно справедливо замечает, что «художник творит, поскольку впервые отворяет, раскрывает таким образом сущее в средоточии его бытия». Творец потому он и творец, что переступил рамки внешнего и внутреннего, общепринятого, и в результате возвышения единичного или, наоборот, выпячивания какой-либо стороны, признака предмета, явления, путем перестановки и комбинирования их создал некий третий мир, мир искусства, мир поэзии. Что больше в нем: от внешнего или от собственного Я? — для реципиента это совершенно безразлично. Произведение для него становится ценностным элементом культуры лишь в том случае и в той мере, в какой оно может служить ему выражением его собственного Я.

Чувства, которым больше всего руководствуется художник при создании своего произведения, вычленил из целого часть и единичное почти неосознанно, ибо объект сам выдает рельефно выступающее свое свойство и задевает им обостренное чувство поэта. Французский поэт П. Валери, анализируя творчество Леонардо да Винчи, величие художника видел именно в его способности интуитивно воспроизводить лишь одно свойство предмета и через него дать полное представление обо всех его свойствах. И, действительно, в умении видеть в единичном весь объем информации отдельного есть своя прелесть. Используя до иллюзии близких к натуре эффекта освещения, А. Куинджи гени-

ально репрезентировал березовую рощу в одноименном полотне «Березовая роща». А в стиле В. Маяковского мы наблюдаем разворачивание метафор до грандиозных образов. Отход от реальности путем укрупнения одной стороны действительности на самом деле есть использование одного из мифологических приемов.

Описанный нами опыт творчества показывает, что поэзия, опираясь на мифологию, постепенно отрывается от нее, но не в сторону неорганизованной абстрактности. Она в содержательном плане более приближена к действительности. Поэзия рождена для полета, но чувства, в отличие от мысли, устойчиво, непосредственно связаны с самой этой действительностью. Поэзия в своем наиве уже показала, как можно укрупнять или разукрупнять отдельные стороны, грани предметов и явлений, хотя и делается это неразборчиво, не различая постоянное от непостоянного, необходимое от второстепенного, руководствуясь лишь требованиями субъективной, временной прихоти творца. Но первого опыта с него достаточно, а выявление наиболее общих идей, представлений, универсальных понятий и определений — дело философии.

Человеческое мышление в историческом плане, да и в каждом конкретном случае, как бы совершает путь гегелевской триады: от наивно-абстрактного, мифологического к искусству в его конкретной действительности, и от него к философской стройности мысли, т.е. к всеохватывающему конкретно-общему. Отмечая необходимость и достоинство каждого из этих этапов мышления, выделим особую роль искусства как связывающего звена мифологии с философией: одновременно отрицая какие-то стороны той и другой, оно не позволяет им разлетаться — ведь философия полностью не отрицает, не отбрасывает мифологию, на которой выросло искусство. Искусство занимает особое место и потому, что оно, стремясь к абстрактно-

му, не отрывается и от чувственного. По той же причине в искусстве содержится больше специфического этноса, чем в мифологии и философии.

Поэт прежде всего выразитель душевного состояния своего народа, своей нации. Даже мировые проблемы проходят через призму его национального переживания, ибо чувства, вкусы, запросы и идеалы его почерпнуты из национального кладезя. Способы и тайны видения мира поэта также соответствуют его национальному восприятию. Знаток мировой культуры Кимура Седзибуро не без основания называет японцев «людьми зрения», а европейцев — «людьми голоса». Еще Гегель в «Философии духа» отмечал, что, если у итальянцев преобладает подвижность чувства, у французов в большей степени обнаруживается твердость духа и живость остроумия, то англичан можно было бы назвать народом интеллектуального созерцания. Они познают разумное не столько в форме всеобщего, сколько в форме единичного. Поэтому их поэты стоят гораздо выше их философов. Здесь не лишне привести слова самого Пушкина, который также был уверен, что «есть образ мыслей и чувствований, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу, его особенная физиономия более или менее отражается в зеркале жизни». Нужно подчеркнуть, что именно этот «образ мыслей и чувствований» позволяет сохранить этносу свое духовное лицо. «Чуваш видит и слышит душой», — заметил в свое время Н.И. Ашмарин, крупнейший знаток чувашской культуры. Лишь написанные душой, на пределе натянутости национальных чувств произведения достойны истории. Поэме «Таэр» Васyleя Митты и песням «Тилли» П. Хузангая нет аналога в мировой литературе по силе напряжения эмоционального, по глубине выявления аффектного пласта национального.

Говоря о нерасторжимости поэзии с природой и

эпохой следует добавить, что художник слова вводит в свое произведение картины природы из национального окружения почти подсознательно, исходя из логики самого произведения, его текста, как, например, М. Шолохов в «Тихом Доне», или непосредственно использует фольклор своего народа. Примером последнего может служить творчество А. Твардовского. Классик чувашской поэзии К. Иванов еще в начале века широко использовал эти приемы для выражения характера и душевного состояния своих героев в поэме «Нарспи». Константин Иванов — редчайшее явление в истории мировой поэзии: 17-летний юноша на стыке мифологического и поэтического возраста создал непревзойденную энциклопедию жизни целого народа. Поэт почти не выделяет себя из окружающего мира, его незамутненный цивилизацией голос слышится ключевым журчаньем, детская игривость которого темнеет в непогоду и светлеет в ясный безоблачный день. Создается ощущение, будто характеры и настроения героев призваны вскрывать внутреннее состояние природы, а не наоборот. Поэт свободен от какой бы то ни было теории и идеологии, он совершенно не думает о цельности произведения, не ставит цель показать в нем ни национального, ни общечеловеческого. Он сам стихийная душа этой природы и сгусток духовности своего народа, до тонкости, до мифологической близости чувствует он все чувашское, которое его окружает, но полностью не сознавая даже этого. Более десяти раз переводили поэму «Нарспи» на русский язык, в их числе есть и переводы чувашских мастеров, но ни один не смог подойти близко к оригиналу потому, что никто из них не в состоянии был углубиться в тайны мифологического сознания, до древних глубин национально-чувственного. Даже лучшие переводы русского поэта Б. Иренина и чувашского мастера П. Хузангая являются лишь попыткой найти аналогичные модели и па-

радигмы образности в русской словесности. Истинная поэзия непереводаема. Она невербализуема, иррациональный пласт в ней скрыт пластом чувственно-эмоционального и поэтому прорыв в инонациональное в области истинной поэзии почти невозможен.

Поэзия презентативно больше, чем философия. Она есть «первооткрыватель мира» (Хайдеггер). Но не является ли философичная поэзия преодоления самой поэзии? Нужно полагать, что как бы философична ни была поэзия, она никогда не достигнет уровня концептуализации. Переход этой грани ведет к потере качества поэзии. Достоинство поэзии заключается в том, что она выражает возможные варианты природы и «поступающих» переживаний.

Поэзия имеет особую, свою характеристику, некоторую абсолютную величину, констант, благодаря чему она сохраняет себя в том виде, в каком она есть и должна быть. Но это постоянство, верность самой себе, она выражает в каждый раз по разному. По разному она выражает свою суть и в национальном плане. Русской поэзии в целом присущ пафос оптимизма, и это определяет постановку рифмы на конец строчки. В монгольской поэзии, в большей степени заунывной и монотонной, рифмы выводятся на передний слог. А в чувашской национальной поэтике преобладает внутренняя (сплошная, сквозная) рифма, которая организует особую стройность, благозвучие стиха. Такая эвритмия вызывает неожиданно оригинальные мысли, высвечивает объект с совершенно иной, неожиданной, стороны, подсказывает возможные варианты природы. Например, словосочетание «тёнчен тённи сук» (у Вселенной нет волокового окна), изреченное еще в древности, открыло совершенно новое видение мира: наша Вселенная, оказывается, это замкнутое, внутреннезашнурованное пространство. Одно слово непременно вызывает, притягивает сообразное себе дру-

гое. Не значит ли это, что гармонирующиеся слова, связность мыслей изначально адекватны гармонии Вселенной? Вопрос «может ли язык быть образом мира, имеют ли язык и мир общую структуру — логическую форму» (Витгенштейн) остается загадкой. Можно согласиться с В.С. Степиным, который склонен думать и предполагать, что структура языка задает определенный образ мира, способ фрагментации и синтеза его объектов. А мысли выявляются и отлагаются прежде всего в языке. А как быть тогда (в случае позитивного ответа) с наличием полиязычности мира и они идентично не переводимы? Следует ли из этого, что в сознании человечества столько же миров, сколько этносов и языков? Остается, видимо, вернуть слова «домой», в мифологическое время. В этой операции большие возможности у герменевтики, которая предупреждает, что апелляция к этнологии слова и текста не заменяла собой доказательства в ходе выведения логических категорий.

Литература:

1. Тейлор Э. первобытная культура. - М., 1994. - С. 49.
2. Вавилов С.И. Глаз и Солнце. - М., 1976. - С. 2.
3. Ницше Ф. Утренняя заря. - Свердловск, 1991. - С. 128.
4. Чувашские мифы, в особенности космологического направления, весьма сходны с мифами древних шумеров. Академик Н.Я. Марр считает, что «чуваша по названию шумеры». (Марр Н.Я. Избранные работы. - М., 1951. - Т.V. - С. 331.).
5. Aschmarin N.I. Thesaurus Linguae tschuvashorum. - Tscheb., - L. - S. - 145.
6. Трудные вопросы классической китайской медицины. - Ленинград, 1991. - С. 14.
7. Трудные вопросы классической китайской медицины. - Ленинград, 1991. - С. 123.
8. Касаясь проблемы отставания философской мысли чуваш от темпов ее развития указанных более цивилизованных народов, нужно назвать и такую причину, как чрезмерную этизацию его духовной культуры. Внутренний мир чуваша также обведен «поведенческим частоколом» и насыщен всевозможными табу, нравоучениями. Причислить эти принципы в ранг

вечных истин — попытка остановить процесс нравственного самосовершенствования этноса. Идеализация этнопедагогики и, соответственно, подмена философской мудрости народа модальными требованиями однозначно будет сковывать развитие свободомыслия народа.

Среди причин отставания философской культуры чуваш нельзя не назвать такой фактор, как суровое природно-климатическое условие его проживания и трагическую историю. Постоянные переселения и каждодневная забота о хлебе насущном и одежде отнимали все его свободное время: не мог он ходить круглосуточно по берегу моря босиком и в легком одеянии как Сократ, не было у его отдельных представителей возможности собираться в гольбаховских замках для обсуждения философских проблем во время застолий.

9. Гегель. Соч.-Т. 3.-С.365.

10. Гегель. Там же. - С. 67.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. -Т.3. - С.29.

12. См: История философии и культуры. - С. 145.

13. См.: Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М., 1975. - С. 41.

14. Бальзак об искусстве. - М. -Л., 1941. - С. 6.

15. Гегель. Указ. Соч. - Т.3. - С. 387.

16. См.: Исмуков Н.А. Диалектика общего и особенности в развитии национальных культур. - Чебоксары, 1992. - С. 89-133.

17. Гегель. Соч. - Т. 3. - С. 387.

18. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Опыты. Литературно-философский ежегодник. - М., 1990. - С. 139.

19. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Там же. - С. 156.

20. Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика. - М., 1983. - 4.1. - С. 139.

21. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. - М., 1981. -С. 63.

22. SM. Literature as philosophu, philosophu as literature / Ed bu Marshall LI/ - Jowe Gitu: Univ.o. Iowa press, 1987. - С. 10.

23. История философии и культуры. - С. 155.

24. Маритен Ж. Ответственность художника // Самосознание европейской культуры XX века. - М., 1991.-С. 180.

25. Гегель. Эстетика. - М., 1968.-Т. 1.-С. 62.

26. Гегель. Энциклопедия философских наук. -Т.3. -С. 385.

27. В последние годы, в связи с началом переосмысления марксистской философии, многие исследователи несколько по-другому ставят проблему философского сознания и считают, что «предметом философского сознания является человек и мир, но

никак «человек в мире» // Философское сознание: драматизм об-новления. - М., 1991. - С. 217, 387.

28. См.: Платон. Соч.: В 3 т. - Т. 3, ч. II. - С. 123.

29. В обыденном сознании поэзия как состояние души и стих как средство выражения его стали уже тождественными. Это редкий случай слияния понятий, выражающих содержание и форму. Применение их как однозначных даже в ученых кругах теперь не вызывает критического отношения.

30. Человек и мир в японской культуре. - С. 259.

31. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX веков. - М., 1987. - С. 269.

32. См.: Валерии П. Об искусстве. - М., 1976. - С. 49.

33. Человек и мир в японской культуре. - С. 248, 251.

34. См.: Гегель. Указ. соч. - Т. III. - С. 72.

35. Пушкин А.С. Собр. Соч.: В 10 т. - М., 1976. - Т. 6. - С. 238.

36. См.: Степин В.С. Культура // Вопросы философии. - 1999. - № 8. - С. 64.

37. См.: Гегель. Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1-3. - М., 1979-1972. - Т.1. - С. 82.

*Вестник Российского университета
кооперации, 2011. № 1(11).*

Этнофилософия: постановка проблемы

Сегодня перед исследователями этнофилософии стоят два принципиально важных вопроса: 1) есть ли она вообще эта этнофилософия? Если да, то что она из себя представляет, не псевдопроблема ли она, искусственно выдвинутая как подобие этнопедагогике, не попытка ли лишь уйти от надоедливого повторения и коммент мифологии этноса? Или же это с большим опозданием заданный вопрос как заявка нации на соответствующее место в мировой культуре, когда уже всё занято, распределено и устоялось? 2) нужно ли этносам, нациям (надо бы различить эти понятия, они не тождественны) своя философия? Может быть это лишь «патологический невроз уникальности» в психологии этноса? Поскольку философия функционирует

к в качестве сверхдолговременной идеологии, то национальное в философии больше противопоставляет этнос остальному интеллектуальному миру, чем сближает и интегрирует их. Недаром западные и американские исследователи заняли в этом вопросе позицию неэффективности разработки русской философии. А представители русской национальной философии непременно займут ту же позицию (зачем чувашам, татарам и др. своя философия?), не учитывая то обстоятельство, что и другие этносы находятся в фокусе великих перемен века, и что в переломные моменты человеческой истории происходят радикальные преобразования категориальной модели мира, пересматриваются фундаментальные основания бытия этноса и вырабатываются новые ценности национальной культуры, призванные обеспечить стратегию его выживания.

Проблема этнофилософии — заявка громкая и претензионная, а скромнее, уместнее и адекватнее была бы формулировка «национальное начало в философии» — стала разрабатываться сравнительно недавно. Определилось несколько точек зрения и подходов к её исследованию: одни напрочь отрицают присутствие национального начала в философии и считают, что в научных знаниях, философии, нравственных взглядах, система общеобразовательного и специального образования и др. элементах духовной культуры в виду их явного общечеловеческого и классового характера тщетно искать национальное; другие же считают, что философская мысль как и все сферы духовной культуры неизбежно отмечены печатью национального своеобразия. Мое же отношение к данной проблеме следующее: 1) присутствие моментов национального обнаруживало даже на уровне здравого смысла, но это должно быть подтверждено наглядными примерами; 2) философия по пути к теоретическому уровню, суживая субъективно-своеобразное восприятие мира оставляет

видимой лишь «макушку» айсберга, где понятия и категории перестают быть мыслимыми в особой форме.

В традиционной философии субъект познания лишь частично представляется в самом процессе познания. Цель получения объективного знания исключает возможность введения личностных параметров в осваиваемый мир. Стремление действовать лишь по логике объекта, познать объект в том виде, в каком он существует независимо от субъекта, больше присуще науке, чем философии. В разрабатываемой ныне неклассической диалектике необходимо, на наш взгляд, особо акцентировать момент субъектности в познании, ибо философия есть, прежде всего, выражение отношения субъекта к миру. Человек, включаясь в процесс познания, становится в какой-то мере частью познаваемой системы, а в социальной системе он уже выбирает варианты из множества равновозможностей. При таком ракурсе рассмотрения проблемы в самом процессе освоения действительности следует выделить три уровня:

1) определение наиболее оптимальной, привилегированной системы отсчета, с позиции которой должен описываться мир. Выбор падает на эгоцентрическую систему отсчета. В настоящее время не только философы, но и физики описывают сценарии расширяющейся Вселенной с учетом присутствия человека-наблюдателя. Антропный принцип в космологии — это не капризы отдельных специалистов, а новая парадигма, продиктованная потребностями познавательного процесса;

2) познающий субъект не только отражает и понимает мир, но и обратно проецирует свое представление на него. Он воспринимает внешний мир кроме как с позиций той или иной теории и через призму своих переживаний. Это не равнозначно субъективизму. Существует такой субъективный «срез» реальнос-

ти, который проявляется лишь в отношении человека к миру. Эта новая парадигма выдвигает также и новые аспекты экстрапроекции личности;

3) отношение человека к миру не сводится к понятиям и переживаниям. Есть еще один аспект отношения к нему, может быть, даже более важный: это — проекция воли личности на мир. Речь идет о создании третьей формы реальности, представляющей собой продукт объективации сознания и воли субъекта. К таковой относятся мифология, искусство, философия.

В ходе этого познавательного трехактного процесса создается такая картина мира, где будет присутствовать много из того, что привнесено субъектом. Предложенный нами срез понимания философии и будет служить исходной методологической основой исследования национального в философ-ской культуре этноса.

Человек в ходе своей повседневной практической и теоретико-познавательной деятельности определяет свое отношение к миру, вырабатывает обобщенную систему взглядов на действительность. Формируя, таким образом, мировоззренческую ориентацию, он строит свою жизнь, в том числе и материальное производство, соответственно объективным законам мира. Не учитывать требование универсального закона сообразности — значит, противоречить законам гармонии природы. В этом смысле философию можно назвать жизнеопределяющим способом существования и развития субъекта на любом уровне его общности. Так или иначе, философия пронизывает все формы и виды деятельности людей по созданию и потреблению ценностей культуры. Чем выше уровень ее абстрактности и глубина средоточения, тем выше должны быть по своей значимости культурные ценности. Каждый конкретный вид духовной деятельности и ее результаты, оформленные в систему законченного отдельного образования, являются по сути лишь специфическим проявлением самой всеобщнос-

ти, философии. И, в свою очередь, научные данные, уникальные произведения литературы и искусства постепенно, но неуклонно поднимают шкалу философии. Итак, мировоззрение конструируется не только философией как таковой, но и наукой, литературой и искусством, религией. Однако именно философия стремится рационально обосновать и защитить конструированное ими мировоззрение. Образно говоря, наука и искусство — это послы философии в той или иной стране знания и культуры, информации от которых она согласовывает, интегрирует. Через множество конкретных видов творческой деятельности человек выходит на уровень философии с тем, чтобы оказаться в русле движения мироздания. Примечательно, что уже первобытный человек ложился спать головой к востоку, чтобы на утро встать без головной боли. Овладеть философией значит открыть двери мирового порядка. Гармония, сообразность между обществом и природой, между естественной и общественной сторонами существования человека, согласие духа и тела, разума и чувства есть основное условие повышения тонуса жизнеспособности. Недаром одним из метких изречений латинян было *natura parendo vincitur*. Посредством философии человечество как бы протягивает вольтову дугу между вышеназванными сторонами как противоположностями, где и рождается культура.

Философия, выступая в качестве живой души культуры, с одной стороны, выполняет структурообразующую функцию, не дает разлетаться ее компонентам, собирает их в одну целостность по принципу сущностного отбора. С другой стороны, она, как семя, изнутри расширяет во все стороны духовную культуру, и предела расширения не будет по той простой причине, что мир бесконечен и безбрежен, а духовной культуре предназначено охватывать все больший

и большой круг его владения. В этой связи возникает вопрос: выходит ли философия за пределы культурного пространства? Нужно полагать, что философия функционирует лишь в сфере духовно-культурной деятельности, причем несет лишь ее мировоззренческую нагрузку. Она не только критически осмысливает глубинные основания культуры каждой исторической эпохи, но и «набрасывает категориальную сеть познания» на будущее, чтобы «проектировать» его возможные варианты. Потенциально мир духовной культуры так же безграничен, как и мир. Но процесс охвата будет напоминать круги, образуемые после бросания в воду тяжелого камня: чем шире круг, тем слабее он становится, и угасли бы волны насовсем, если бы не было постоянного возмутителя — человека. Объем и степень окультуривания общественного и мирового пространства, вовлечение естественно-природного в культурный пласт общества целиком зависят от уровня развития философской культуры самого общества. Следовательно, субъекту культуры надобно познать самого себя, получить свечение изнутри, т.е. свое мировоззренческое измерение. Эти два процесса, направленные внутрь и вне себя, непрерывно связаны между собой. Самокопание или распыление энергии здесь одинаково бесплодно.

Мерой всех вещей и явлений, включенных в сферу практической деятельности людей, является то, насколько и в какой степени они могут удовлетворить потребности человека. Ценность заключается в их главном содержании, сущности, которая относительно стабильна, а форма часто выступает лишь как частный случай содержания. В процессе потребления этих ценностей обычно выпадает этот частный случай, забывается, что форма есть не менее важная сторона их существования. Объект «поворачивается лицом» к субъекту в ходе развертывания его содержания через и

посредством формы. Философия как главное содержание духовной культуры эксплицируется в каждом отдельном ее компоненте через их специфические формы, и мы вправе поставить вопрос о своеобразии форм ее проявления в каждом конкретном случае.

Философия не оторвана от субъекта, она не существует независимо от него как абсолют у Гегеля. Она субъективна в том отношении, что, во-первых, сформулирована человеком, во-вторых, в ее содержание внесены особенности самого субъекта. В философии Гегеля, например, отчетливо видны жесткость и практичность немецкого национального видения мира.

Ранее, говоря о содержании и форме национальной культуры, мы отметили в них наряду с общими, общечеловеческими признаками, свойствами и единичные, национально-специфические моменты. Поскольку философия нами признана как ядро, основное содержание духовной культуры вообще и национальной культуры в частности, то по аналогии в ней должны присутствовать и национально-специфические черты. Исследование данной проблемы на первый взгляд может показаться бесперспективным. Взгляд, по которому классовое в угоду господствующей идеологии признавалось как единственно истинное содержание духовной жизни, превратился в догму и фактически приостановил поиски в исследованиях. Утвердилось мнение, что в научных знаниях, философии, нравственных взглядах, системе общеобразовательного и специального образования и др. элементах духовной культуры ввиду их явного общечеловеческого и классового характера тщетно искать национальное. Один из видных советских исследователей национальной проблемы С.Т. Калтахчян также категоричен в этом вопросе. «Не приходится говорить о национальной философии. Употребление выражений «греческая философия», «русская философия» и т.д., — пишет он, — указывает лишь на развитие философии

той или иной страны различных философских взглядов, школ, направлений, выражающих определенные классовые интересы». А осторожные намеки П.М. Рогачева и М.П. Свердлина, высказанные ими четверть века тому назад о том, что «такие элементы культуры, как наука и философия... имеют некоторые национальные особенности», не получили дальнейшего развития.

Призывы к исследованию национального своеобразия в области философии мы находим в работах и некоторых других авторов, хотя они по тем или иным причинам и не были реализованы. А.Ф. Лосев, один из современных крупнейших отечественных философов, которому никогда не изменяло предчувствие в философской науке, например, в статье «русская философия» самым серьезным образом ставит задачу «выделения и описания основных типов собственно русского мировосприятия». Хотя в отношении творческой стороны русской культуры нам известны и прямо противоположные взгляды. Знаток индийской философии А.Д. Литман пишет, что «развитие философии всегда обусловлено своеобразием социально-исторического развития, особенностями национальной культуры и духовной традиции того или иного народа. Поэтому и его философская мысль неизбежно отмечена печатью своеобразия».

Немодный теперь уже Ф. Энгельс в свое время отмечал: «Различие французского и английского материализма соответствует различию между этими нациями». О каких именно национальных различиях материализма говорит мыслитель — в дальнейших рассуждениях, да и в других произведениях ответ не усматривается. Ясно одно: Ф. Энгельс имеет в виду не только национальную принадлежность французских и английских философов, которыми разработаны сложнейшие проблемы космологии, морали, мышления, или же разность их стилевых приемов, образов и т.д., но и «плоть

и кровь» (Энгельс), т.е. содержание, суть философии. Из высказывания Ф. Энгельса можно предположить, что существует некая национальная философия. Само название «немецкая философия», «индийская философия», «японская философия» косвенно подтверждает наличие национального своеобразия в философии. Оправдана ли научно и перспективна ли такая индивидуализация, «национализация» философии? Не псевдо-проблема ли это, не попытка ли лишь уйти от надоедливого повторения и комментирования общепринятых истин? Или же это своевременно заданный вопрос, который будет способствовать теоретическому осмыслению философской культуры нации и тем самым выявлять совершенно незнакомые пласты философской мысли?

В последнее время непомерно часто стали появляться статьи о российской ментальности, о русской идее, о русской философии в религиозном сознании и т.д., что само по себе говорит о напряженном поиске путей развития народом собственно национальных ориентиров на основе своей конкретной философии. Чем тупиковее создается ситуация в экономической и духовной сферах российского общества, тем активнее работают ученые-обществоведы, о чем свидетельствуют появившиеся в последние годы труды по русской философии, а также проводимые известными философами дискуссии, симпозиумы. Но эти статьи — лишь подступы к теме, они еще не являются исследованиями подлинной философии русской нации, о чем речь пойдет ниже.

Сегодня перед нами стоят два принципиально важных вопроса, от решения которых зависит дальнейшее развитие проблемы национального в философии:

1) нужна ли нациям своя философия? Если нужна, то какая она должна быть из себя, куда должна быть ориентирована?

2) есть ли национальное в философии, что оно из себя представляет?

На первый вопрос попытаемся ответить входя в диалог с американским философом Дж. П. Скэнланом, опубликовавшим весьма дискуссионную статью «Нужна ли России русская философия?» Приведем несколько ключевых мыслей автора.

«...разговоры о самобытности и своеобразии (уникальности, оригинальности, исключительности) русской философии направлены в конечном счете на то, чтобы противопоставить России с философской точки зрения остальному интеллектуальному миру»;

«...русская мысль мало что приобретает, если будет замыкаться в своей исключительности. Открытость миру кажется более продуктивной как с психологической, так и с философской точек зрения, чем сосредоточие на том, что отдаляет Россию от остального мира»;

«...представление русской философии как абсолютно оригинальной, уникальной, исключительной вряд ли можно оправдать»;

«...поиск отличий в предмете мысли сам по себе не имеет особого философского достоинства. Более того, это может быть симптомом психологического нездоровья». И, наконец, вывод и ультимативная установка автора: «России нужна своя философия, но только при условии, что эта философия обращена к реальным нуждам сегодняшнего дня».

Прежде всего, бросается в глаза обеспокоенность Дж. Скэнлана о возможном противопоставлении сегодняшней России, ориентированной на экономические и духовные ценности «интеллектуального мира», т.е. Запада, стремление сохранить монополию западного философского мышления, ибо, как известно, философия функционирует и в качестве сверхдолговременной идеологии нации. Автор «балетом терминов» постепенно подводит самобытность, национальное своеобразие

к национальной исключительности, а затем сводит все к «неврозу уникальности», «психологическому нездоровью», иными словами — к русскому национализму, к самой примитивной шовинистической идеологии, в отказе от которой должна быть заинтересована сама Россия. Перечисляя те или иные синонимы, он сознательно дополняет к ним наиболее «сильнодействующие». Ни в одной статье, ни у одного автора, названных нами, не ведется речь об «абсолютно оригинальной, уникальной, исключительной» (подчеркнуто нами — *Н.И.*) русской философии, хотя доподлинно известно, что в природе не существует абсолютной, стерилизованной уникальности.

Дж. Скэнлан уверяет, что «поиск отличий в предмете мысли сам по себе не имеет особого философского достоинства и призывает «вообще избавиться от невроза уникальности», т.е. от поисков национально-своеобразия русской философии. Трудно сказать, что из них — «поиск отличий» или «поиск «общностей» — имеет больше философского достоинства. Они одинаково важны как в самой онтологии, так и в любой мысленной процедуре. По мнению автора, «поиск отличий» будет отдалять Россию от западного мира и приведет русскую мысль к замыканию в своей самобытности. Однако об открытости и замкнутости мы можем говорить лишь при наличии некоей целостности, отдельности, в данном случае о русской философии как о системе, где присутствуют как национально-своеобразные моменты, так и ценности общечеловеческого порядка, которые и «дозируют» соотношение открытости и закрытости данной системы.

Дж. Скэнлан совершенно прав в той части своих рассуждений, где говорит о необходимости иметь России такой философии, которая могла бы служить ее сегодняшним нуждам. Но реальные нужды современной России заключаются не в том, чтобы подвести

русскую самобытность под западные стандарты экономических и социокультурных отношений, а в том, чтобы определить свой путь развития, в обосновании которого русская философия имеет фундаментальное значение. Нужды России — в самой российской действительности. Такую философию, которая служила бы потребностям современной «России на перепутье», невозможно формировать без знания ее истоков, исторически характерных черт, чем сегодня больше всего заняты наши обществоведы. Нельзя создать философию сегодня и на сегодня, она есть сквозное историко-духовное явление. Любая новая философия формируется на основе прежних ценностей. Так обстоит дело, например, и с современной неклассической формой мышления, которая «становится» на базе критического осмысления традиционной философии и использования ее непреходящих ценностей. Формирующаяся ныне неклассическая социальная философия выдвинула идею не социалистического и не капиталистического, а третьего, своего рода альтернативного пути развития. По всей вероятности, русская философия должна обосновать эту неформационную стратегию развития России. Однако, как показала практика последних лет, третьего пути просто не существует.

Мы столько внимания уделили Дж. Скэнлану не только потому, чтобы показать характерное для Запада отношение к начавшейся разработке русской философии и уверовать в необходимости самого серьезного изучения национальной специфики в философской сфере культуры, но и потому, что вполне возможно, с началом разработки народами Российской Федерации своих «национальных философий» русские философы могут поменяться местами с Дж. Скэнланом и занять его идеологические позиции. Да и американский ученый говорит лишь о русской философии, а не о национальной философии вообще, совершенно не

учитывая то обстоятельство, что и другие этносы находятся в фокусе великих перемен века и что в переломные моменты человеческой истории происходят радикальные преобразования категориальной модели мира, переоцениваются фундаментальные основания бытия этноса, вырабатываются новые ценности национальной культуры, призванные обеспечить стратегию его выживания.

Дж. Скэнлан фактически имеет дело с той русской философией, которая должна быть создана, приведена в систему, а на данное время она присутствует в национальной культуре фрагментарно, разбросана на разных уровнях сознания. Отечественные философы также заняты исследованием русской ментальности, национальной психологии, нежели категориями из высших этажей мышления. А ментальность, национальный стиль духовной жизни, есть дорефлексивный слой сознания, она существует как система культурных автоматизмов, фундаментальных образов и представлений, коренящихся в образно-представляющем слое сознания. На уровне ментальности абстрактно- и конкретно-всеобщее знание, к чему стремится в конечном счете наше сознание, не достигаемо. Главным ее материалом служат этноантропологические характеристики человека, и не конструируется национальное видение мира через и посредством фундаментальных категорий.

Предметом национальной философии, как и всей философии вообще, остаются Вселенная и человек. Этносно-экзистенциальное переживание мира включает в себя также национальный стиль мышления. Но верно и то, что «философия есть не только продукт деятельности чистого разума, не только итог специфических изысканий узкого круга специалистов. Она представляет собой концентрированное выражение духовного опыта нации, ее неповторимого исторического пути, ее твор-

ческого гения и сознательного интеллектуального потенциала, воплотившегося в разнообразии творческой культуры».

Какие же особенности отмечают исследователи в русской философии, вернее, в русской ментальности? Этих признаков названо так много, что мы вынуждены перечислить лишь наиболее характерные из них:

- 1) государственное и имперское сознание;
- 2) приоритет духовных ценностей перед остальными, в том числе и перед материальным благополучием;
- 3) софийность, при которой не исключается, но включается в систему всеохватывающего интуитивно-эмоционального познания мира как необходимая, но и не высшая форма его постижения, а неизреченная сущность софии отображается в художественной, пластической форме;
- 4) эмоционально ориентированная гносеология сердца, исповедальность;
- 5) аскетическая направленность (М.Н. Громов);
- 6) социальная солидарность;
- 7) идея несоответствия внутренней свободы внешней необходимости (Дж. Скэнлан);
- 8) отсутствие личного сознания, соборность;
- 9) открытость и всеотзывчивость;
- 10) исключительная поглощенность будущим (Г. Гачев), мазохизм (Ранкур Лаферриер) и т. п.

И.А. Егоров отмечает глобальную противоречивость в характере русского народа, неожиданный поворот на пути от обыденно-психического к социальной практике. «Самый недетерминированный, нецелесообразный и иррациональный из европейских народов, самый незлобивый в мире русский народ создал самую «научную», т.е. самую жесткую и самую жестокую общественную систему». Возражений здесь не должно быть. Нелишне будет лишь вспомнить авторов и исполнителей этой «самой научной» теории...

Трудно найти объяснение, почему и по каким критериям те или иные особенности национального характера исследователи выдают за философию. Они теоретически не обоснованы и не подкреплены конкретикой. Таким духовным ценностям нации как софийность, эмоционально акцентированная гносеология, отсутствие личностного сознания, исключительная поглощенность будущим и некоторым другим можно дать основательную философскую интерпретацию. Хотя и здесь не обойтись без сомнения, соответствует ли, например, «отсутствие личностного сознания русскому национальному мышлению», ибо соборность необязательно предполагает растворенности личностного сознания в коллективном, общинном сознании. Весьма сомнительна также «направленность русского национального мышления исключительно и только в будущее». По поводу последнего Г. Гачев немногим только раньше отмечал совершенно противоположное («В русском Логосе задний ум». - с. 27).

Заслуживает внимания точка зрения Г. Гачева на российскую ментальность (точнее было бы назвать ее русской ментальностью). Несмотря на некоторую искусственность, мифологизированность, она, в отличие от взглядов других исследователей, имеет одно преимущество: национальный склад мышления (Логос) в ней выделяется в особую, наивысшую сферу национальной целостности и рассматривается он в неразрывной связи с национальной природой (Космос) и национальным характером (Психея). Именно по этим трем параметрам следует начать изучение философской культуры любой национальной общности. Что касается непосредственно русской философии, то замечание Г. Гачева относительно того, что «в России не вполне работает рассудочная логика, а образ работает, поэтому строгая философия России не присуща, философия здесь всегда на грани художественной ли-

тературы или религии» вполне соответствует действительности. Но эта проблема, как и многие другие, требует специального исследования. Характерным во взглядах отечественных философов является обоснование уникальности русской национальной философии с помощью гипертрофических преувеличений («Рублевская «Троица» не менее философична, чем триада Гегеля и «Трихотомия Канта» — М.Н. Громов). В то время как позиция Дж. Скэнлана страдает не только недооценкой, но и непринятием национального своеобразия в философии. Для преодоления этих крайностей требуется объективное и основательное изучение русской ментальности и философии.

Философская культура каждого народа — это уникальный феномен мировой мысли. Идея о национальной специфике в философии пришла автору этих строк независимо от вышеназванных исследователей и задолго до появления их трудов по проблеме русской ментальности.

Продолжая исследование этого весьма проблематичного вопроса, хотим сразу же определиться в своей позиции, чтобы не быть подвергнутыми скороспешной критике.

Как известно, философия, как и любая форма общественного сознания, в гносеологическом плане имеет два уровня: обыденный и теоретический. С нашей точки зрения, допустимо наличие национального своеобразия в философии на уровне обыденного, а по пути к теоретическому понятию и категории закономерно теряют субъективную форму и перестают быть мыслимыми в особой форме. Хотя некоторые мыслители интуитивно, но не без основания представляют национальное и на теоретическом уровне общественного сознания. Н.А. Бердяев, например, пишет, что «все творчество в культуре носит на себе печать национального гения. Даже великие технические изобрете-

ния национальны, и не национальны лишь технические применения великих изобретений... Даже научный гений — национален. Дарвин мог быть только англичанином, а Гельмгольц — характерный немец». В особой форме перестают восприниматься и объекты действительности. Следует также отметить, что философия и на своем сущностнообщем, теоретическом уровне может быть выражена разными фигурами и приемами мысли, разными стилевыми подходами, языком. Чем больше и разнообразнее эти подходы, тем больше возможностей выявить до сего времени неизвестные грани исследуемого явления.

Философию на ее обыденном уровне сознания обычно называют народной философией. Здесь она пребывает лишь в некотором «отлете» от общественной психологии и эмпирических знаний. Однако она по своей природе и на этом уровне стремится к выражению всеобщности бытия и целостности мира своей содержательной стороной. Непосредственными носителями философского сознания являются определенные социальные субъекты, нации, классы, общество в целом. Авторы «Истории философии и культуры» в этой связи совершенно справедливо отмечают, что «одним из важнейших элементов, конституирующих общественную форму философского сознания, является национальное в философии». Однако дальнейший ход мыслей авторов показывает, что под национальным в философии они понимают языково-культурную самобытность, т.е. форму выражения, выявляющую общечеловеческое содержание философии, хотя, как признают они немногим позже, изменение тех или иных параметров стиля, жанра и т.д. в рамках одного и того же языка могут привести к «весьма существенным изменениям и самого содержания». Но эта мысль авторов не получила дальнейшего развития, что позволило бы актуализировать проблему.

Все логико-теоретические исследования в пользу доказательства наличия национального своеобразия в философии или отсутствия его в ней, разумеется, имеет важное значение в удостоверении истины. Однако эмпирическое (но не экспериментальное) исследование, на наш взгляд, играет не меньшую роль в этом деле, ибо видеть становление вещей — лучший способ их объяснения (Гете). Не претендуя на полное освещение затронутой проблемы с предложенной нами позиции, попытаемся показать это на примере развития философской мысли чуваш. Для этого, как нам представляется, целесообразно рассматривать философию в ее исторической перспективе: от мифологии к искусству, в частности к поэзии, и от поэзии к рациональным философским построениям. Сложность исследования проблемы в таком аспекте заключается, во-первых, в том, что эту задачу нужно осуществлять в ходе разработки понятийного аппарата философии у чуваш, которой до сегодняшнего дня никто не занимался, во-вторых, надо преодолеть чрезмерную этизацию всей национальной культуры, снять с нее этот «моральный фанатизм» (Кант), под тяжестью которого до сих пор пребывает духовность чуваш. А промежуточным звеном перехода от мифологии к философии выбор пал на поэзию потому, что в ней как «высшей и достойнейшей среди всех других видов искусств» (Шлегель) сконцентрированы дух нации, ее запросы и идеалы, которые не могут не трансформироваться в философию, не могут не влиять на процесс складывания определенного типа национального мироотношения.

Следует оговорить еще один момент проблемы. Среди большей части ученых довольно прочно сложилась традиция сводить философию малых народов к фольклору, в лучшем случае к этнопедагогике, бытует мнение, что у чуваш, равно как у мари, мордвы,

татар и башкир, не было и нет своей философии даже на обыденном уровне сознания, причем это утверждается голословно, без единой попытки научного обоснования. Такой подход к проблеме, естественно, не может стимулировать ее исследование в качестве самостоятельного, теоретически значимого объекта. Если даже согласиться с мнением ученых умеренного взгляда, то нужно сказать, что в фольклоре заключена сама философия этноса, которую мы и должны отделить от нефилософского, нерационализованного. Нам знакомы отзывы о японской философии, будто бы их образу мышления нисколько не присущ философский рационализм, что философия как форма общественного сознания появилась в Японии только с проникновением духовной культуры западных, прежде всего европейских, народов. Этой точки зрения придерживался и знаменитый Накаэ Темин. Однако это не остановило дальнейшие поиски ученых, и постепенно было установлено, что развитие философской мысли этого народа обнаруживает оригинальное, собственно японское видение мира. История развития философской мысли чуваш также не знала такого взлета, как в античной Греции или Китае во времена мудрецов ста школ. Однако любой народ, пока он ставит перед собой вопросы о смысле жизни и строении мира и пытается по-своему разрешить их, остается философом. Как метко заметил французский мыслитель Э. Вейль, «люди забудут философию, не будут философствовать, если поверят, что они достигли этот смысл, или станут сомневаться в том, что он существует». К счастью, никто из смертных еще не постиг этого смысла и уверен в том, что этот смысл все-таки существует. На чувашской земле полностью и повсеместно не привилась идеология христианства. То, что начатки философии у чувашей мало были подвержены чужеродному влиянию, облегчает нашу задачу и наталкивает на по-

иски оригинального пути развития их абстрактно-понятийного аппарата мышления.

Проблему становления философии этноса, естественно, нужно рассматривать в контексте более широкого плана вопроса — философской культуры народа. Однако в данной работе мы вынуждены ограничиться, что вполне оправдано, решением лишь поставленной задачи. Тем более проблема самой философской культуры, как отмечают исследователи, даже в самом общем плане в нашей отечественной литературе не определена и не систематизирована, нет ни одной монографии, посвященной этому важнейшему разделу духовной культуры общества. При исследовании вопроса становления первых философских построений чуваш мы исходим из самого сжатого определения философской культуры, гласящего, что она есть мировоззренческо-ценностное измерение действительности.

Данный ощущениями мир спорадичен, он состоит из отдельных внутренне слабо связанных друг с другом осколков отражения. Искусство, непосредственно предшествующее философии, удаляясь от наглядности, строгой феноменальной идентичности, в целом способно на глубинное проникновение в отдельные пласты действительности, но не в состоянии дать целостную картину мира. Комбинируя и представляя в различных вариациях внешний и внутренний мир человека, мифология и искусство равно и наука, предоставляют богатейший материал для формирования философской культуры общества. Философия же впоследствии должна будет раскладывать их данные и открытия по принципу общности и градации значимости, приводить в целостную систему, тем самым охватывая объективный мир и мир человека в их существенных, конкретно-всеобщих связях. Однако надо иметь в виду, что за пределами сущности, закономерности лежит немало второстепенного, неперспективного. Позитивный срез всего

человеческого знания по критериям всеобщности и является философскую культуру в ее функциональном аспекте. А в содержательном, структурном плане она есть ценность мировоззренческого характера. Такая интерпретация философской культуры позволяет определить тот угол зрения, откуда мир и человек предстают перед нами не кусками, частями, а в целостности, общем, сущем, и потому она не может быть сведена ни к социологии, идеологии, этике, ни космологии, астрономии и т.д., ни методологии наук.

Еще до недавнего времени философскую науку понимали как освоение и знание марксистско-ленинского учения. С этим было связано определение философии лишь как науки об общей теории развития и познания, исключались истоки ее в виде мифологического мышления. Кроме того, она стала со временем безличностно-субъективной, не стало в ней места для своего носителя. Забывалось то, что философия есть творческое самовыражение не только всего человечества, но и каждого отдельного субъекта, вносящего разнообразие в философскую культуру.

Каждая нация, большая она или малая, в своем арсенале духовной культуры имеет ценности, определяющие ее мировоззренческую позицию. Идеи и взгляды, понятия и категории, а также средства и формы постижения мира, накопленные в течение всей ее истории, в комплексе составляют ее философскую культуру. Различными путями, формами и методами, через различные образы, символы и стилевые приемы приходят народы к пониманию единой сути мира и к осмыслению жизненных критериев. Несмотря на многие другие показатели определения цивилизованного народа, его историческую зрелость оценивают уровнем развития его философской культуры. А последнюю обычно измеряют по философским трудам его отдельных представителей. Уровень просвещенности, обра-

зованности, развития науки является здесь лишь второплановой «кусковой» характеристикой.

Становление философской культуры народа шло, как и процесс развития всей его культуры в целом, двумя взаимодополняющими, встречными путями:

1) путем развития первых философских конструкций в мышлении самостоятельным образом, независимо от каких-либо чужеродных влияний, через собственную мифологию, искусство первых научных знаний;

2) путем перенятия ценностей мировой философской культуры через образование, просвещение без национальной проработки.

Классическим примером вертикальной линии самостоятельного развития философии является античная греческая философия, которая впоследствии оказала исключительное влияние на европейскую культуру, определив почти все ее направления поисков. Французы, англичане, немцы также отличались своими философскими исканиями и самостоятельным мышлением, хотя и начинали со стартовой площадки, подготовленной в основном древними греками. В силу благоприятных географических и исторических обстоятельств в новое время большинство народов оказалось под мощнейшим влиянием западной философской культуры, и, естественно, был прерван их путь самостоятельного развития, который мог длиться очень долго, хотя и с некоторым выигрышем в отношении этносного своеобразия в культуре. Но и среди этих народов были те, философская мысль которых переведена была на рельсы Западной философской культуры раньше других. Их усилия с этого времени были направлены главным образом на усвоение достижений Западной философии и потому собственно философская культура так и не стала объектом историко-философского изучения. Если брать в сравнительном плане чувашскую и татарскую философскую мысль, то последняя, не-

смотря на жесткое мировоззренческое воздействие ислама, к концу XIX столетия уже приобрела европейское содержание, чему способствовало, в первую очередь, превращение Казани в мощнейший центр науки и просвещения после Петербурга и Москвы. Путем переводческих публикаций сочинений Бэкона, Декарта, Лейбница, Спинозы и др. в журналах «Анг» и «Шура» татары довольно быстро приобщились к мировой философской культуре и, соответственно, раньше, чем чувашаи, отошли от мифолого-поэтического, от народной философии и теряли национальную специфику в области философского мышления. Во всяком случае, с акцентом на обнаружение национального в философии в трудах татарских мыслителей Дж. Валиди, Г. Кулахметова, Ш. Ахмадиева и др. Даже один из талантливых татарских мыслителей З. Хамади в своем известном «Учение о душе в рациональной философии» ограничивается воспроизведением ранее известных европейцам положений о духовном. Татары по той или иной причине не обратили взоры на свое национальное в философской культуре.

Самостоятельное философское творчество народа особо наблюдаемо должно быть в области литературы и искусства. Однако и здесь мы не находим целостного национального видения мира, «Чувства обманывают нас, а разум заражен субъективизмом. Каждый считает истинным только то, что ему полезно. Из-за этого враждуют страны и нации...», — говорит языком своего героя Н. Думави, почти что повторяя установки раннего прагматизма. Резкий скачок на ступень европейской философии явился, видимо, причиной того, что даже в художественном творчестве элементы татарской народной философии были задействованы слабо, не говоря о том, что татарскими исследователями вообще не была предпринята попытка систематизации своей философской культуры.

Чуваши оказались одним из народов, к которым мировая философская культура пришла также через западную, в особенности через марксистскую философию, но немногим позднее. Древнейший народ в мире, истоки которого уходят в историческую глубину, приобретая и теряя свою письменность на трагических изломах судьбы, не имел возможности сохранить и закрепить веками выпестованную мудрость, которую мы пытаемся теперь обнаружить в фольклоре, идиоматических понятиях и мифологии. Имеет ли смысл эксплицировать собственно-философские ценности такого народа, когда он и без того уже приобщился к вершинам мировой философской культуры без особых затрат времени и энергии? Этот вопрос для политиков, которых всегда одолевали сиюминутные практические выгоды, разумеется, незначителен, но для истории философии он имеет несомненный интерес. Память — это тоже культура. Она имеет значение для укрепления самосознания нации, ее духовной консолидации. Мы не ставим цель исторического описания развития философской культуры чуваш — это не входит в поле нашей темы. Несколько суживая проблему, представляется вполне реальной создание теоретической картины становления диалектики у чувашей, что в какой-то степени помогло бы ему найти свое место на философской карте мира, какого он заслуживает. Осуществление этой задачи облегчается наличием парадигм из сегодняшних этажей мировой философской культуры, которыми мы располагаем, и которые можно экстраполировать на те уровни философских знаний, где они не систематизированы и не разработаны. Необходимо переработать концептуальный опыт других народов, в результате переводов, расшифровок, истолкований формировать философский язык нации. Взглянуть на процесс возвышения понятий до высот философских категорий в сознании отдельного этноса

при наличии в нашем распоряжении богатейшего материала по становлению греческой, китайской, японской и др. философии, на первый взгляд, кажется легко осуществимым. Но здесь исследователя ждет опасность войти в наезженную колею аналогов, тем более законы мышления едины и они непременно выведут на одинаковый для всех путь фиксирования устойчивой сути предметов и явлений материального мира. Однако для нас важно иметь философское представление народа в чистом, не модифицированном виде, по которому только и можно судить о творческой стороне развития его мысли. Ценнее в этом случае не синкретизм традиционного и современного или механический перенос западной философии на чувашскую национальную почву, а обоснование при ее помощи и готовых парадигмов чувашскую мысль.

Элементы национального своеобразия в философской культуре народа следует искать, прежде всего, в созданной им общей картине мира. Здесь, как нам представляется, особенно продуктивно рассмотрение таких инвариантно составляющих ее, как пространство, время, материя и движение. Развертывание названных смыслов универсалий и их взаимосвязей дает нам категориальную модель мира в рациональном измерении, чему будет посвящен отдельный параграф работы. При этом мы не будем касаться проблем картины и схематики социального, где происходило достраивание, дооформление общей картины мира.

Философия начинала свой путь осмысления и эмоционального переживания внешнего мира, Вселенной. Создав простейшую картину мира, человек постепенно стал осознавать свое место в ней и, далее, осваивать самого себя. В этом познавательном процессе многое зависело от того, какую модель мира он вырабатывал себе, какую мировоззренческую позицию он занял, чтобы расширить границы своего дома бытия.

Каждый индивид или относительно обособленная группа людей, этнос в начале своего исторического пути создает свою картину мира. «На эту картину и ее оформление он и переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность», — замечает А. Эйнштейн. Как и на каком промежутке познания могло сформироваться этносное, своеобразное видение мира, из чего складывалась картина мира?

Единство предметного мира предполагает, в конечном счете, и единую картину мира в сознании человечества. На первых порах человек создавал такую картину мира, которая отражала лишь непосредственный дом своего бытия, т.е. ту ее часть, где он обитал. Тем более на уровне чувственно-практического, обыденного восприятия субъект познания претендует на идентичность отраженного с действительностью. Отсюда — разнообразие в видении мира, его многокартинность. Автохтонность или, по крайней мере, оседлость этноса значило многое в закреплении данной, но не иной, картины мира. В соответствии со своими практическими и эстетическими потребностями он вносил в нее новые детали и краски, дополнял отличными образами, вовлекая тем самым все больший круг пространства и культуру. Созданная на чувственно-практическом, наглядном уровне картина мира имманентно обладает высокой степенью субъективности. В дальнейшем, в ходе постепенной рационализации онтологически первичного мира, размывались границы отдельных картин, претензия на тождество поливариантности картин мира с реальностью со временем снимается и формируется представление о наличии единой, единственной, цельной картины мира. Но это достигается уже на абстрактно-логическом, категориальном уровне познания.

Разнообразие мира есть первичная основа, фундамент формирования различных национальных моделей мира. Этим моделям неоткуда братья, кроме как

из природного окружения этноса, где имеется немало национальных, неповторимых предметов и явлений. Конечно, мы далеки от мысли, что и характер нашего мышления полностью определяется природным окружением нации, как это представлял О. Шпенглер. Но человек в буквальном смысле потребляет эту часть природы и физиологически, и духовно, он, вдыхая ее во-з-д у х (внешний, природный дух), сам становится неотъемлемой частью этой стороны мира с ее особостью, печатью. Нет сомнения насчет того, что разные предметы воспринимаются по-разному. Но нужно ли возражать против того, что разные чувствования должны быть выражены разными, особыми мыслями, образами? Природа сама себя, свое разнообразие не может выразить идеальным путем, но она нашла способ самовыражения через духовно-практическую деятельность отдельных людей, отдельных этносов. Ландшафт местности, климат, фауна — этот микрокосмос определяет конфигурацию этносной картины мира, ее цветовую и звуковую символику, диктует ее образ. Общечеловеческая культура — это целая галерея этносно-разных картин мира. В чувашском видении мира, например, в основном преобладают черный и желтый цвета потому, что он проживает в пространстве чернозема и щедрого солнца. Чуваш как земледelec переводит в себя гармонию земли и солнца, низменного и возвышенного. Хотя каждая этносная картина мира представляет собой целостную, замкнутую систему образов, но в ней есть такие элементы, которые снимают эту резкость. В данном случае солнце выводит чуваша на стык разностей, ибо оно, солнце, и в Шумере, и в Шумерле — одно.

В скандинавских мифах мир, Космос, выступает Иггдрасилем, гигантским ясенем, являющимся структурной основой мира, деревом жизни и судьбы. Ясень соединяет различные миры: небо, землю, подземное

царство в одну общую картину мира. Данный образ также взят из близкого окружения и в сознании скандинавских народов предстает как мировое общее. О непосредственном воздействии природной среды на процесс формирования исходной модели мира можно привести множество примеров. Неотъемлемым атрибутом образов мира у Закавказских народов являются, например, горы, которые выполняют роль мировых координат в образах, где звук и взгляд скользят по вертикали, а не по горизонтали как у равнинных народов.

Если условно выделить три этапа формирования общей картины мира:

1) общее представление об окружающем мире на феноменальном, внешнем уровне;

2) ценностное отношение к миру;

3) осознание своего места в мире, которые соответственно можно назвать онтологический, аксиологический и рефлексивный этапы, то этносное видение мира свое законченное выражение приобретает на аксиологическом промежутке познания.

Во-первых, создаваемая этносом картина мира должна быть обустроена так, что она должна служить его предметно-практическим целям. Во-вторых, она должна соответствовать его эстетическим идеалам. Этнос @отделяет@ свой дом бытия по своему вкусу, умонастроению снаружи и изнутри: снаружи для того, чтобы его мир вписался взору, изнутри — чтобы радовал душу. Здесь следует заметить, что эстетическое оформление общей картины мира также способствует выявлению неизреченной части природы.

Общая картина мира создается посредством образов. На чувственном, обыденном уровне эти образы богаче, разнообразнее, нежели образы рационального в виде категорий, абстракций и принципов. Они динамичнее, живее и потому легко могут вступить в согласованность, образовать целостность, не требуя логического объяснения.

Основанные на повседневном опыте, они существуют на уровне наглядности, явлений. А рациональные образы опираются на данные науки, они составляют внутреннюю, сущностную целостность картины мира. Однако следует отметить, что образы рационального, философского, куда стремится в конечном счете человечество, «заработают» лишь при условии приложения их на практические, чувственно-предметные отношения к объектам.

Этносная картина мира создается не всеми знаниями, которыми обладает человек. В этом процессе участвуют лишь социально, этносно значимые ценности, прошедшие отбор, проверки, преобразования. Этнос сверяет, оценивает полученную картину мира с точки зрения объективности, идентичности ее с действительностью и с позиции удобства, полезности. Идет процесс рационализации первичной, онтологизированной картины мира, вырабатывается ориентация на определенные ценности. Общая картина мира в процессе аксиологической проработки освобождается от второстепенных деталей и рисунков, формируется устойчивая форма миропонимания, образуется четкая система мировоззренческих установок, которая входит в культуру этноса теперь уже своей философской стороной. Рационализированный субъектом на идеальных конструкциях мир и есть философия.

Национальная картина мира — это этнически экзистенциальная проекция вселенского и социального пространства. Этносно-субъективное переживание, понимание и объективизация таких его фундаментальных параметров, как пространство, время, материя, движение и организует третью реальность — философию этноса, предшествующими формами которой являются миф и искусство.

Речь на пленарном заседании международной научно-практической конференции. Этнофилософия: проблемы и перспективы. Чебоксары, ЧГУ им. И.Н. Ульянова. 2011.

Национализмы: теория и современность

Согласно критериям ООН, любое государство считается мононациональным, когда в нем проживает не менее 67 % населения титульной нации. Откуда этот критерий, ибо любая мера должна быть обоснована единством количества и качества? А по данным переписи 2002 г. русские в России составляют 80 %. Следовательно, на карте мира внезапно появилось Русское (а не Российское) мононациональное государство. С этого времени, как утверждают некоторые политики, «русскость» стала доминантой в сознании людей страны. А куда же делось многонациональное государство под названием «Российская Федерация»? И это напрямую бьет по тонким сосудам национальных чувств. Не потому ли В.В. Путин в своей предвыборной Программе национальный вопрос считает одной из самых актуальных в современной российской действительности. Есть нации — значит есть проблемы в национальных отношениях, которые требуют ежевременного внимания к себе и соответствующего решения. Властные структуры просто забыли об этой важнейшей задаче государства, ибо были заняты распределением и перераспределением собственности страны.

В.В. Путин в своей, несколько запоздалой, но логично выстроенной статье предлагает нам евразийский вариант национальной структуры России, который сводится в основном к сохранению этнической идентичности народов через укрепление и развитие их самобытной культуры с одновременной интеграцией всех этносов, в единое стратегическое державное пространство. При этом особо подчёркивает недопущение этнического национализма во всех его формах и проявлениях, с чьей бы стороны он ни исходил — с русской или со стороны других этносов страны. Только

при соблюдении этих принципов можно сохранить Россию как многонациональное государство.

Не правда ли до боли знакомые проблемы и направления их решения? Только выражены они по современному и иными оборотами речи. Но не согласиться с этими исторического значения требованиями нельзя, «ибо будет поздно». Дальнейшая теоретическая разработка проблем наций и национальных отношений в создавшихся условиях многонационального российского государства жизненно необходима. В данной же статье мы остановимся на проблеме «национализмов», проецируя её на экран современности и конкретики.

Одни авторы, касаясь этой проблемы, считают что национальное сознание и национальное самосознание, тождественными; другие национальное сознание выделяют в особый вид общественного сознания; третьи национальное самосознание причисляют к национальной психологии, другие принципиально отрицают факт существования национального сознания. И ни одна позиция не выдерживает критики, которую я изложил в предыдущей статье. Всё это сводится к тому, чтобы разными ухищрениями доказать, что нация не может выступать полноправным субъектом исторического творчества. С моей точки зрения национализм рождается непосредственно на базе национального самосознания, включенного в пространство национального сознания.

Национализм, возродившийся сегодня в пространстве между действительностью размежевания народов и необходимостью их объединения в новой государственной структуре, все чаще и острее стал напоминать о себе. Эта проблема стала предметом особого внимания, как со стороны теоретиков национального вопроса, так и политических структур, ибо дальнейшее разрастание ее вширь может привести к еще бо-

лее трагическим событиям, какие мы имеем теперь в южной части бывшего Союза и в республиках ближнего, в особенности прибалтийского так называемого Зарубежья. Перманентный характер национализма испытывает на себе и Российская Федерация, которая стоит перед опасностью быть «расшитым» изнутри национальными республиками. Дополнением к этой сложной ситуации служит межнациональное противостояние в пределах самих автономий и республик России. В создавшихся условиях совершенно недостаточно вскрывать лишь сущность национализма вообще, хотя и это имеет немаловажное значение и без него не обойтись в теоретическом анализе данной проблемы, а необходимо выяснить его особенности на современном этапе, проследить его геополитическую преемственность с национализмом царской России и СССР, выявить причины каждого конкретного случая, исходящего со стороны той или иной, большой или малой нации.

Национализм в целом считается негативным социальным явлением. Тем не менее, его следует рассматривать в контексте культуры. Существовая и функционируя в национальном сознании, он определенной стороной включается в культуру, так или иначе воздействует на нее, и потому нельзя вывести его за пределы духовной жизни общества. Психологическому обособлению формирующейся нации способствовала именно эта сторона культуры. Национализм со дня образования самых первых в истории человечества этнических общностей то утихающей, то возрастающей силой всегда присутствовал в культуре этноса как противовес общему, межнациональному, тому, что объединяло народы. И поэтому, особо выделяя объединительную функцию культуры, нельзя забывать о ее этнодифференцирующей роли. Как бы много ни было в национальной культуре общего, общечелове-

ческого, общество на данном этапе истории развивается в индивидуально-национальной форме, а нации и народности друг от друга, как правило, отличают, прежде всего, по их культуре и языку.

В словаре социологических терминов дается следующее определение национализма:

1. Идеология и политика, трактующие нацию как основу национального государства и высшую форму общественного единства.

2. Гипертрофированная форма национального сознания, провозглашающая идеи национальной исключительности, замкнутости, превосходства.

Первое определение неверное. Разве нация не социальная общность, составляющая основу того или другого национального государства? Разве она на данной стадии исторического развития не является высшей формой общественного единства? На данном определении мы убедились в том, что отождествление национальной идеологии с националистической далеко небезобидное явление, если оно выходит на уровень «борьбы с национализмом». Согласиться со 2-м определением — более чем достаточно. Вызывает сомнение лишь то, что одной из характеристик национализма названа «замкнутость», в то время как она, разворачиваясь, имеет тенденцию расширяться на сферы духовной жизни соседей и т.д.

Национализм в гносеологическом плане основывается на отрыве единичного, национально-специфического, от общего, интернационального и общечеловеческого, и возведении первого в ранг исключительности, абсолюта, что неминуемо ведет к недооценке и игнорированию инационального и общечеловеческого. Вне связи с общечеловеческим национально-специфическое вылетает из орбиты национального и вырождается в национализм. Процесс выпячивания единичного начинается не где-либо, а в самой действительности,

т.е. в национальных отношениях, но он многократно может искажаться в сознании определенной части населения, а иногда и приобретать общенациональный характер, как это имело место, например, в фашистской Германии. Выработанные на основе этого ложного отражения политические установки и применение их на практике национальных отношений могут привести к непредсказуемым последствиям.

Анализируя современное состояние отношений между нациями в сфере духовностей, М.Н. Руткевич в своей диалогической статье пишет: «Национальное самосознание так называемых «титულных» наций новых государств, а также «полугосударств» (каковыми можно условно назвать «суверенные» республики в составе РФ) буквально «на глазах превращается из естественного желания сохранения национального языка, обычаев развития национальной культуры в попытки ущемления прав «нетитулных» народов...»[12].

На основе национального сознания сформировалась национальная идеология. Она есть сконцентрированное выражение экономических, политических, правовых, нравственных и иных интересов нации, направленных на сохранение и развитие ее как субъекта исторического творчества. Национальная идеология кроме социальной действительности в содержательном плане имеет дело с миропониманием, мироотношением. В специальной литературе определений идеологии, от чего можно было бы оттолкнуться к национальной идеологии, достаточно много. Проф. В.Г. Федотова приводит около десяти представлений о ней, но все они далеки от академического определения. Проф. А.С. Ахиезэр представляет идеологию «как попытки власти сформировать особое нравственное, духовное, культурное основание интеграции общества, необходимое для обеспечения единства расколотых частей»[3]. Можно продолжить разговор в отношении авторства идеологии и о не-

полноты данной дефиниции, но достоинство его в том, что он «сшит» с мировоззрением, что дает возможность перейти к основаниям национальной идеологии. Немногом раньше В.Г. Федотова со свойственной ей непоследовательностью настаивая необходимость общества в идеологии («Идеология нужна», она есть «оформленное идеологами выражение коренных интересов», призывает «термина «идеология» лучше избегать». «Давайте избавимся от слова «идеология», — вторит ей проф. Н.Е. Покровский. От участников ли «круглого стола» зависит выбор того, что можно оставить, что выбросить на свалку истории из ценностей реалии нашей жизни. Невольно приходит на ум притча: девочке, которая умела считать только до четырех, дали 5 ложек. Она насчитала 4, а 5-ую отложила в сторону под видом того, что она якобы грязная. Да, идеология и политика — дело сложное и грязное, но с ними сегодня надо считаться. А национальная идеология для проф. В.Г. Федотовой не что иное, как «надуманный термин». Следовательно — «нет проблем»?

Национальная идеология — это возведенная на теоретический уровень линия поведения нации, построенная на учете объективного соотношения общих и частных моментов во всем содержании национальной жизни. Она направлена на регулирование жизни данного социума в историческом масштабе времени, т.е. на всю эпоху его существования и мобилизует его волевые возможности на решение практических задач, имеющих для него значение созидания. Согласование, совместное действие компонентов национальной культуры невозможно без национальной идеологии. Она является той энергией, тем «цугом волн», который организует целостность культуры этноса. Беспристрастное, объективное понимание и принятие национальной идеологии должно быть новым качеством современных государственных структур. Выработка единого

«вектора» отношений национальных идеологий позволяет избежать национализмов. Идеологический плюрализм в данном векторе есть направленное движение всеобщности, которая должна найти место в Конституции Российской Федерации в виде государственной идеологии, где ни одна составляющая не должна возобладать над остальными. А на сегодня 13-я статья Конституции запрещает говорить о государственной идеологии, что вполне вероятно обернется историческим упущением в плане консолидации народов страны. Сказывается, видимо, то обстоятельство, что из-за насильственного навязывания коммунистической идеологии в течение многих лет престиж самого термина и реалии идеологии резко упали и повернуть сознание людей в сторону научного понимания ее смысла не так уж легко и быстро.

Независимо от политической системы и государственного строя стратегию национальной идеологии — самосохранение и развитие — поддерживает подавляющая часть классов и социальных слоев нации, дело заключается лишь в том, кому, какому классу, партии или группе людей завладеть инициативой и плодами ее «работы». В мононациональной стране господствующий класс, организовав свой госаппарат, выдает свою идеологию за универсальную, общенациональную. Сложнее обстоит дело в многонациональном государстве: здесь классы хотя и интернационализированы по имущественному признаку, но каждый желает подчинить ключевые позиции экономики страны, залезая при этом в экономику национальных регионов. А государство, по идее, призвано, не допуская неравенства, представлять их интересы в равной степени. В том и другом случае есть реальная почва зарождения национализма: в первом случае госаппарат, исполняя волю своего класса, по истечении времени захочет расширить границы своего рынка за счет территории и при-

родных ресурсов других народов — нужна лишь логическая мотивировка права на это притязание. Экспансия обосновывается чаще всего тем, что данный народ является «пранародом, родоначальником нового мира» или же избранником Бога («Бог благословил шумеров (чувашей) быть первыми во всем»), чтобы они могли повелевать миром. А во втором случае из-за множества объективных и субъективных причин просто невозможно поддерживать равное равенство между классами, представляющими свою национальную идеологию, одновременно и в одинаковой степени обеспечивать их потребности и интересы. А равенство может быть только среди равных (Кант). Отсутствие равенства — почва для национализма. В борьбе за ключевые позиции в экономике и политике они непременно выносят вперед флаг национализма.

Националистическая идеология в отличие от национальной идеологии гипертрофированно представляет особость «этнуса». Попытка теоретически обосновать национальную исключительность, превосходство своей нации над другими — вот характерная черта националистической идеологии. Возникшая в результате средоточения во внутрь, в собственно-национальное, она затем непременно будет направлена вовне, в пределы инонационального пространства. Объектом своей агрессивности она выбирает те или иные негативные моменты, которые имеются в психологии каждого народа. Путем генерации их националистическая идеология склонна к принижению достоинства других наций и народностей, их культурных ценностей и творческих успехов. Здесь следует выделить две линии: национализм, исходящий со стороны лидирующей в данном полинациональном государстве нации, и национализм малой нации или народности как ответная реакция на культурную и иную экспансию, на недооценку их достоинства со стороны первой. Национализм, пре-

следующий экономическое, культурно-идеологическое подчинение соседей, превращается в национал-шовинизм, а национализм малой нации, порожденный безысходностью, бессилием, ближе к национальной идеологии, призванной, как мы отметили выше, способствовать равноправному и полноценному функционированию национальной жизни. В таком смысле и в указанном случае национализм в какой-то степени исторически может быть оправдан. В этих условиях он чаще всего выступает в облике национального патриотизма. Националистическое движение, с какой бы стороны оно ни исходило, не приемлет своего истинного названия — национализма, а прикрывается терминами «национальный патриотизм», «любовь к Малой Родине», которые больше связаны с идеей национальной государственности, Отчизны, нежели с национальной идеей, выражающей отношение к Родине, и данная нам больше всего чувственно, изначально. И, действительно, патриотизм и национализм в начале пути тесно переплетаются друг с другом, и довольно трудно различать их и потому, что во многих случаях стартовой площадкой националистического движения служит не что иное, как национальный патриотизм. «Любовь к Родине — вещь прекрасная, но есть кое-что и повыше — любовь к истине. Этого мы не должны забывать никогда, потому, что сильная любовь к отечеству роднит нас с инстинктивным патриотизмом и приводит народы к чванству, самомнению, самопревозношению «тому трескучему, тупому, наносно-болтливому национализму, к тщеславию, которое часто является достоянием людей не только малокультурных, но и образованных».

Ну и что из того, что чуваша древнее татар, башкир, что именно они являются кровными наследниками, потомками булгар? Принадлежность к какой-либо нации это ни хорошо, ни плохо, и кичится тем, что

ты немец, русский или чуваш — занятие подобно хвастовству, что у тебя две руки и десять пальцев. «Теперь встречаются люди, в большинстве случаев молодые поэты, которые слово «немецкий» произносят, почти всегда задрав нос. Верное доказательство, что даже патриотизм этих людей является так же подражанием. Кому это нужно, всегда хвастаться, что ты «немец»? «Я немецкая девушка», разве это нечто более значительное, чем английская, русская или тайтская. Или вы хотите этим сказать, что и немцы тоже обладают и разумом и талантом? О, но ведь это может отрицать лишь невежда или глупец ... Я прошу вас, мои соотечественники, бросьте эту бесполезную похвальбу»[7]. Это сказано еще современником Гете Георгом Лихтенбергом. «Самая дешевая гордость — это гордость национальная» (А. Шопенгауэр)[2]. Мудрое предупреждение. Однако история пошла другим путем. Мы до сих пор остаемся в детском возрасте мышления. «Мой папа милиционер, а мой — грузин». Однако истинный патриотизм не отвергает инонациональное и не чужд общечеловеческому.

К национальному как социальному явлению следует подходить исторически и конкретно. Мы здесь не будем касаться вопросов его исторической эволюции в эпоху перехода Средневековья в Новое время, феодализма в капитализм, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, этот период исследован достаточно широко. В избранном случае нас интересуют конкретность и особенность его проявления при современном национальном движении.

С начала 90-х годов национализм в той или иной мере охватил все национальные республики и выступил как глобальная проблема. Сыгравший не последнюю роль в перестройке геополитической карты СССР, теперь он во многом определяет политические процессы постсоветского пространства.

Формы и проявления современного национализма настолько разнообразны и утонченны, что давать ему однозначную оценку довольно сложно. А. Галкин вычленяет среди них несколько наиболее типичных направлений:

«1) тенденция к суверенизации больших и малых этнолингвистических общностей с целью создания независимой государственности;

2) растущая нетерпимость по отношению к национальным меньшинствам — вне зависимости от их отношения к государству, в котором они проживают;

3) усиление ксенофобии, жертвами которой становятся, прежде всего, беженцы, переселенцы и иностранная рабочая сила;

4) все более интенсивное сопротивление значительной части населения процессам интернационализации международных отношений, в том числе региональной экономической и политической интеграции — особенно там, где эта интеграция приобрела реальные очертания»[4].

На основе названных признаков автор оценивает современный национализм как воинствующий.

Данная классификация весьма условна, и не все позиции автора бесспорны. Нужно ли считать проявлением воинствующего национализма тенденцию к суверенизации национальных общностей? Создание независимой государственности — не самоцель, оно в нынешней ситуации подчинено идее выживания этноса и не имеет отношения к национализму. Скорее в пределах этой атмосферы те или иные сферы национальных отношений не находят взаимопонимания, проявляются с некоторым преломлением. При этом не каждая этносоциальная общность и не всегда ставит вопросы передела территории и изменения традиционных, экономических и культурных связей. Такие претензии со стороны наций и народностей, составляющих РФ, кроме республики Ичкерия, практически

отсутствуют. Не следует опасаться также «возникновения множества нежизнеспособных государств» в случае реализации самоопределения в виде обретения самостоятельных государственных. Экономические и политические реалии необходимо «продиктуют» нужный предел и форму суверенизации и интеграции. В принципе можно согласиться с автором в той части, где он для «спасения» этнических групп ввиду их малочисленности или рассеянного расселения предлагает включить в состав большой национальной общности на добровольной ассимиляционной основе. Но не кроется ли здесь одно из утонченных проявлений национализма «большой национальной общности»?

Публикации последних лет свидетельствуют о формирующейся тенденции свести все, что связано с проблемой сохранения самоидентичности и самоутверждения этноса, к национализму. «Национализмы осуществляют коренизацию кадров, принимают законы о языке, провозглашают лозунг «приоритетного развития титульного народа», — пишет, например, С. Панарин [9]. Но если это так, то «аналогичным образом защита интересов русского населения подчас перерастает в шовинистические лозунги и действия экстремистских организаций» [9]. Укрепление властных структур национальными кадрами, переориентация науки, просвещения на обслуживание национальных интересов, выдвигание родного языка на роль автономно-государственного и другие мероприятия по «национализации» республики есть осуществление национальной идеологии, и оно не противоречит современным этническим формам развития общества. Если же названные и другие мероприятия сопровождаются этнической чисткой, нарушением гражданских прав инациональной диаспоры, пренебрежительным отношением к их самобытной культуре и т.п., то лишь тогда мы имеем дело с воинствующим национализмом.

Беспомощность политиков перед национальным вопросом, который беспокоит Россию со дня начала колонизации русскими окраины, перед реальией национализмов заставляет теоретиков идти на самые беспомощные и нереальные решения. «...Именно семантический подход может помочь выйти из методологического тупика в использовании этого понятия (национализма — *Н.И.*) в науке и политическом языке»[4], — пишет известный философ и политолог В.А. Тишков, который искренне верит, что с удалением термина «нация» из сознания людей уходит в небытие и сама реальность, а вместе с ней — и все национальные проблемы. Семантический позитивизм, с платформы которого выступает В.А. Тишков, не выдерживает проверки практикой. Понятия национализм, войны, голод и т.д. конструированы нашим сознанием не на уровне абсолютных, априорных идей, а исходя из соответственно объективной реальности.

Преимственен ли национализм, какие этносоциальные функции он выполняет в разные исторические эпохи? Нельзя же его оценивать исключительно только негативными параметрами. Эти вопросы интересны не только в творческом плане, но и практически приложим к современной политической программе национальных отношений.

В исторической преимущественности национализма условно можно выделить три этапа, в пределах которых он видоизменялся и модернизировался:

- 1) эпоха царской России;
- 2) советский период, когда национализм развивался в своей внутрипротиворечивой форме;
- 3) постсоветский период, имеющий глобальный и демократически открытый характер.

На первом этапе национализм в ходе своего становления способствовал этнической общности «открыть себя», осознать себя нацией. Одновременно он высту-

пил способом интегрирования диалектно-полилингвистических групп в одну целостность. Национализм начала этой эпохи характеризовался региональностью, сравнительно адекватно отвечал социально-экономическим и культурным потребностям этноса. По своему содержанию он был ближе к национальной идеологии, нежели к национализму. Однако конец данной эпохи ознаменовался активизацией открытого, беззащитного русского национализма, выразившемся в политике всеобщей и тотальной русификации не только «нацменов», но и весьма крупных, с устоявшейся самобытной культурой наций.

Советский период характеризуется довольно противоречивой формой развития национализма. С одной стороны, провозгласив свободное развитие всех без исключения национальных общностей страны вплоть до самоопределения в той или иной форме и поддерживая их материально и духовно, официальная политика помогла подняться им с того униженного положения, в каком они оказались в последние годы единодержавия. Властные структуры всячески подкрепляли сознание национальных общностей об их самоценности, неповторимости, не предполагая, что такая поддержка в иных ситуациях может дать эффект, противоположный ожидаемому: вызвать множество национализмов. Запрет властями всякого проявления национализма сопровождался одним лишь исключением — свободой для русского национализма, открытым восхвалением всего русского, в том числе системы ценностей, норм, стандартов, эталонов, правил деятельности и т.д. Давление внешнего авторитета под видом интернационализации вызвало активную реакцию: национальные общности заявили о своем естественном праве на идентичное себе существование.

Исследователи находят полную совпадаемость национализмов царской России и СССР. Верно, что на-

ционализм, «отпущенный сверху», осуществлялся на русской основе. Верно также и то, что их стратегические цели — слияние «звезд в одну безликую луну» — находятся в полной совпадаемости. Однако очень важно выделить принципиальное различие между ними: если национализм царской России предполагал скорейшую русификацию этнических общностей путем задержки, а то и разрушения логики их национально-го развития, пренебрежительно оценивая их язык и культуру с высоты своего недостижимого превосходства, то Советская власть желала того же процесса — слияния на всеобщем фундаменте русской культуры, но только не препятствуя, а, наоборот, способствуя их развитию: национальные культуры должны были остановиться на некоторой вершине, пике развития и расцвета, чтобы образовать некое общее, единое, наднациональное — русское. Политика «кнута» была заменена политикой «пряника», метод принуждения сменился методом добровольного слияния в одно целое.

На третьем, современном этапе, утвердившееся сознание об уникальности и самоценности переросло в ложное мнение о национальной исключительности этноса. В отличие от советского периода, когда нации были оторжены от своего исторического прошлого ради безнационального будущего, ныне субъекты культуры стали искать свои идеалы и полноту духовной жизни в прошлом.

Таким образом, особенности современного национализма, такие как массовый, глобальный характер, противостояние интеграционным процессам, упование идеями национальной самодостаточности, антирусскоязычная направленность и др. были подготовлены в советское время. При этом, как и в прошлые времена, русский национализм в России остается константно-доминирующим, воинствующим. А.И. Ракилов среди трех главных направлений интенсификации русского

культурного развития в настоящее время называет усиление и расширение «агрессии (подчеркнуто — *Н.И.*) нашей собственной культуры», что означает «процесс активного распространения культурных эталонов, стандартов и достижений нашей (т.е. русской — *Н.И.*) культуры за границей ее собственного исторического ареала»[11]. Нужно ли в нынешних условиях интенсифицировать агрессию своей культуры, которая непременно будет вызывать множество других национализмов? Именно эта агрессия, теперь уже открыто провозглашаемая, не завуалированная политическими хитросплетениями, вызывает множество национализмов, которые иногда сгруппируются против эскалации национал-шовинизма, на какое-то время сглаживая свои притязания на исключительность. Для этой цели, например, была организована Ассамблея народов Поволжья и Урала (АНПУ) в 1991 году из отдельных организаций националистического толка Татарстана, Башкирии, Мордовии, Марий Эл и Чувашии. На своей итоговой конференции, организованной в столице Чувашии в 2006 г., АНПУ указало на необходимость дальнейшей активизации работы «по объединению усилий по сохранению национальной самобытности и защиты прав народов Поволжья и Урала». Однако, этот вполне справедливый лозунг был размещен на сайте, пропагандирующий кавказских экстремистов, где утверждается, что народы и Кавказа и Поволжья были насильно включены в состав Российского государства и потому они должны бороться за свою независимость любыми путями и средствами. При этом некоторые представители АНПУ явно апеллируют к аналогичным зарубежным организациям и фондам. Взаимодействие национальных культур должно быть скорее свободным, в какой-то степени даже стихийным процессом, чем управляемым. Другое дело с организующей внутренней целостностью их культур: здесь требуется актив-

ное начало, избирательно воспринимающее инонациональные ценности, но не настаивающее агрессию.

Национализм, его живучесть, обычно связывают с существованием мелких и средних собственников. Действительно, пространственная ограниченность их хозяйствования, оседлость и регионально узкий характер экономических связей накладывают на их психологию черты индивидуализма: они не располагают той экономической и культурной мощью, какой обладают крупные собственники, стремящиеся к интернационализации своего капитала. Но это имело и имеет место при буржуазной системе общественного строя. Общественная собственность на средства производства, утвердившаяся при Советской власти, ликвидировала экономический фундамент национализма как идеологии. Тем более новая экономическая основа была подкреплена интернационалистской идеологией и карательными методами борьбы с любым, даже незначительным, его проявлением. Здесь уместно будет обратить внимание на один момент, который обычно упускается в нашей литературе. У большинства малых народов до Октябрьской революции почти не было своей национальной буржуазии, и потому у них не было и «двух культур в одной национальной культуре» и раздвоенности сознания. Вследствие этого у них отсутствовал и национализм в современном его смысле.

Главным детонатором национализма малых народов является претензия на исключительность со стороны нации-гегемона, нации-лидера, каковым традиционно являются русские в данном национально-государственном объединении. Как отмечал в свое время известный русский историк К.Д. Кавелин «великороссы глубоко носят в своей душе чувство превосходства над инородцами». Чувство превосходства неизменно сопровождается игнорированием инонационального. «Неуважение к любым национальным традициям стано-

вилось характерной чертой русского образованного общества» [15], — констатирует через сто лет В. Шаповалов. Положение лидера вызывает прорусское направление среди национальной интеллигенции, которая «питает» чувство превосходства нации-лидера. Возвышение ею всего русского, преклонение перед их культурными ценностями при одновременной недооценке роли своей нации в историческом процессе усиливают болезнь исключительности «гегемона». Отнюдь не положительное влияние на национальное сознание оказывают оценки и высказывания известных представителей национальной интеллигенции, которые в силу своего авторитета имеют много последователей и в последующих поколениях. Среди чуваш таковым авторитетом считается великий педагог и просветитель И.Л. Яковлев, имя которого стоит в ряду Я. Коменского, И. Песталоцци, К. Ушинского, А. Дистервега и др. Неоценим его вклад в культуру чувашского народа.

«Русская народность — это великая сила, перед которой все живущие в пределах России необходимо должны преклоняться». «Они (инородцы, чуваш — *Н.И.*) — незначительные спутники великого мирового тела русского народа — покорно следуют в его исторической орбите». «Никакой самостоятельной политической роли нашим восточным инородцам играть не суждено, никакого самобытного и национального развития им искать не следует». «Фантазировать на тему автономии чуваш, черемис, вотяков и т.д. значило бы напрасно тратить силы и внимание на химеры». Все эти высказывания принадлежат И.Я. Яковлеву, чье имя национал-патриоты по недоразумению желают использовать как знамя национального движения. Они не ведают о том, что И.Я. Яковлев страстно желал слияния чувашей с русскими при широком использовании христианства.

Как и любая идеология, национализм имеет свою социальную базу. Однако носителями националисти-

ческих идей в настоящее время является не сельское население, в ком больше, чем где-либо сосредоточено своеобразие национального характера и культуры, и не рабочий класс, из среды которого еще не успели выделиться собственники и слой рабочей аристократии. Конечно, национализм в их среде потенциально существует, вернее, он существует на обыденном уровне сознания, но на сегодня в силу их общественного характера труда они не могут быть задействованы в националистическое движение. Носителем националистических идей традиционно является слой интеллигенции. Не власть, а в большинстве своем творческая интеллигенция — этот черновой набросок человеческого идеала — разрабатывает национализм как идеологию. Интеллигенция не связана с какой-либо формой собственности кроме личной, но непосредственно связана с национальной культурой. Она лучше и дальше видит проблему и перспективу своей нации и ее культуры, обладает сознанием теоретического уровня и с его высоты умело манипулирует национальной психологией. Обостренное чувство возможной потери будущего своей нации толкает ее на решительные, порою даже рационально не мотивированные поступки. Следует заметить, что не вся национальная интеллигенция, а лишь ее определенная часть, стремящаяся к власти, является проводником националистических идей в массы. Это так называемая «национально мыслящая интеллигенция», присваивая лучшие качества нации и ее успехи главным образом в сфере науки и культуры, стала чувствовать себя «нацией» и говорить от имени нации. А эгоцентристские амбиции недоученной ее части чаще всего принимают форму социальной шизофрении, что не только отвращает массы от национальной идеологии, но и дискредитирует саму интеллигенцию в глазах общественности. Иммунитет, выработанный нациями и народностями под воздейст-

вием сравнительно долгой совместной экономической и культурной жизни, сегодня служит своего рода барьером на пути дальнейшего распространения этой опасной социальной болезни. Однако неудержимый процесс снижения уровня жизни народов, поляризация общества по имущественному цензу и связанное с этим начало раздвоения национального сознания, а, следовательно, и национальной культуры, позволяют сделать вывод, что переходный период к частной форме собственности будет способствовать расширению социальной базы и без того агрессивного национализма.

Интеллигенция как теоретически самый подготовленный слой общества первая, раньше крестьянства и рабочего класса, осознает интересы как нации в целом, так и ее классов. Однако в отличие от них она представляет интересы нации главным образом в разрезе культуры, в то время как классы воспринимают их сквозь призму экономических отношений. В этом заключена и масштабность взгляда, и проигрышная сторона интеллигенции. Она при любой революции, при смене любой из форм собственности в ту или иную сторону, оказывается в положении ущемленной. Удел интеллигенции — начинать революцию и быть побитой революцией. Политика рыночной экономики, проводимая в большей степени через перераспределение собственности, а не производство материальных благ, ущербно сказывается на положении основной массы населения национальной республики. Чрезвычайно высокая плотность населения при сравнительной бедности природных ресурсов стала вызывать у людей коренной национальности некоторое отчужденное отношение к так называемым «пришлым».

При всей пагубности частной формы собственности, на которой вырастает и зиждется национализм, общественная собственность на определенном пределе также несет в себе и для себя опасность быть от-

вергнутой и вызвать националистическое движение. За обобществлением всех форм собственности следует и обобществление духовной жизни нации и народностей, которое планируется довести до единомыслия, и которое со временем находит себе противодействие в лице национальной идеологии и ее крайнего крыла — национализма, целью которых уже является создание независимого государства и при его помощи возродить самобытную культуру, язык, спасти нацию. Для осуществления этой цели в настоящее время в национальных республиках создаются партии, национально-общественные центры, союзы и прочие организации, деятельность которых чаще всего направлено в русло националистического движения. Обещая обеспечить режим наибольшего благоприятствования людям коренной национальности, но, игнорируя при этом интересами представителей других национальностей, проживающих на территории данной республики, эти группы и партии стремятся перехватить государственные функции не только в сфере культуры, но и в области экономики и политики. Этим и подобным претензиям способствует и то, что до настоящего времени властными структурами Российской Федерации, а также национальных республик не выработана программа национально-культурного развития. Недоработки и ошибки центральных органов власти будут служить лишним поводом и толчком для подогревания националистических страстей. Так, символика государственного герба Российской Федерации с двуглавым орлом и скипетром стала объектом во многом справедливой критики не только со стороны национал патриотов, ибо этот герб всегда означал владычество русской империи. Отсутствие на гербе обозначения федеративного устройства страны закономерно усилило конфронтацию между Центром и национальными республиками, а национализм при этом расширил свое

социальное пространство. Национальное сознание народов России за последние 3-4 года выросло настолько, что нельзя его представлять на прежнем уровне, и что любое возвышение и распространение царской символики вызывают у них чувства всеобщего протеста против русского народа. Так получилось и с прекращением выпуска денежной единицы с федеративной символикой и заменой ее двуглавым орлом. Новоявленные политики, не прошедшие притирку в межнациональных вопросах, оказывают русскому народу «медвежью услугу».

Современное националистическое движение можно разделить условно на два потока по его внутреннему содержанию и территориальному признаку: национализм закавказских народов, направленных друг против друга и одновременно против русскоязычного населения, который уже перешел пределы теоретических споров и дискуссий, и национализм наций и народностей России, не противоборствующих между собой, но выступающих, хотя и разрозненно, против русских в своих республиках. Мы здесь не будем затрагивать национальные проблемы Закавказья и Прибалтики, которые требуют отдельного рассмотрения в виду их региональных особенностей и исторических судеб. Достаточно будет сказать, что их опыт разрешения национального вопроса путем диктата, насилия и войн неприемлем для цивилизованного мира. Что касается национализма, идущего со стороны наций и народностей самой России и направленного сегодня против русского населения в своих республиках и против Центрального госаппарата, который обычно отождествляется с властью если уж не непосредственно русского, то, по крайней мере, прорусского направления, то следует отметить, что этот остаточный инстинкт не угас и держится в психологии малых наций и народностей со времен царской России. Но если

предположить, что они каким-либо образом освободились от так называемого «русского насилия и русского владычества», то вслед за этим не заставят себя ждать националистические трения и войны между самими малыми нациями, которых уже трудно будет остановить. Процесс этот будет носить перманентный характер. Перед такой опасностью нелишне взглянуть на наше недавнее прошлое, т.е. на практику национально-государственного устройства при Советской власти, которая весьма поучительна и полезна для решения современных проблем переустройства страны. При этом отметим немаловажный факт, на что следует обратить особое внимание: наличие русского населения в национальных республиках выступает сдерживающим началом в межнациональных трениях и служит как бы амортизационной стыковкой в отношениях между ними. Национализм со стороны какого-то ни было народа, всегда оборачивается неблагодарностью к той нации, которая в свое время оказала благотворное влияние на него, и оправдать его в любом проявлении нельзя. Многие народы бывшего Союза, в их числе чуваша, татары, башкиры, марийцы и др., во многом благодаря русской нации, а иногда и в ущерб ее собственным национальным интересам, добились тех успехов в экономике и культуре, которые теперь они имеют. Формирование национальной культуры, ее мощная материальная база, подготовка научных кадров происходили не без помощи русского народа. Выход любой национальной литературы на мировую арену осуществлялся через русский контекст, через русские переводы. Такова уж суть национализма, что он не желает считаться объективными процессами и их результатами в национальных отношениях: даже такие недостатки поведенческого типа, как лень, производственная недисциплинированность, пьянство, цензура, принятие или непринятие которых це-

ликом зависит от уровня зрелости этической культуры самой нации, связывают с последствиями влияния якобы «русского некультурия», «русского колониализма и насилия». Естественный процесс исчезновения ретроспективных элементов культуры, архаизмов, компонентов старой языческой веры и т.д., которые национал-патриоты принимают за единственно «самое национальное», также считают следствием разрушающего действия «русского зла».

С образованием суверенных республик на территории России и самостоятельных государств на месте распавшегося Союза в положении национальных меньшинств оказались представители многих наций. Впервые в истории всю тяжесть прав и обязанностей национальных меньшинств на себе почувствовали оставшиеся в государствах Прибалтики, Средней Азии и Закавказья русские. Осознание своего объективного положения способствовало резкому повышению национального сознания русскоязычного населения, под испытанием инонационализма наметилась тенденция к национальной консолидации.

Положение человека, живущего в инонациональном суверенном государстве, но чувствующего свою принадлежность к другой, материнской, нации, довольно сложное. С одной стороны, он сознает свою принадлежность к той нации, которая имеет в соседстве свою государственность, культуру, язык, и считает себя частью этого целого. Его генетическая привязанность к своему этносу проявляется не только на психологическом, бытовом, но и на идеологическом уровнях отношений. С другой стороны, он должен быть гражданином той национальной республики, в которой проживает, обязан соблюдать интересы коренной национальности, уважать традиции, обычаи, культурные ценности ее. А в последнее время выдвигается требование знания ими государственного языка суверенной республики.

Двойственность положения национальных меньшинств в инонациональных республиках не обеспечивает их нейтральность: национальные чувства, как правило, превалируют над гражданским долгом. В промежутке дилеммы «национальность или гражданство» и рождается национализм. Такая постановка вопроса руководством суверенного государства лишь усугубляет национальные отношения в республиках. Решение проблемы должно исходить с позиций диалектической совместимости социального и национального. Приоритетность задач социального над последним, первенство социального равноправия над национальным возвышением снимает причины, способствующие углублению националистического движения в республиках. Во многих суверенных национальных республиках люди коренной национальности оказались в роли национальных меньшинств. Так, в Татарстане татары составляют 48,5 % всего населения, в то время как русские составляют 43,5 %, а 8 % — люди разных национальностей. В столице Республики Марий-Эл Йошкар-Оле проживает всего 23 % марийцев. В исполнительных органах власти республики марийцы также в меньшинстве: в Министерстве Юстиции их 10 %, ФСБ — 14 %, в республиканской прокуратуре из 42 человек только 8 человек — марийцы. Проблема национальных меньшинств, когда таковыми оказались люди коренной национальности, требует к себе несколько иного подхода. Здесь на какое-то время оправдано будет предоставление им условий наибольшего благоприятствования для подготовки национальных кадров, развития своей культуры, языка. Такую поучительную позицию занимает Н.Н. Гаврилов, предлагая четко разработанную программу развития марийской национальной культуры в условиях всероссийской и европейской глобализации.

Следует отметить тот исторический факт, что в годы

Советской власти, как правило, вытравляли национализм, исходящий со стороны нерусских народов. Под видом борьбы с «периферийным национализмом» периодически истребляли интеллектуальный потенциал нации. Но нельзя было говорить о русском национализме. Только в последнее время эта тема была открыта для обсуждения. Вся пагубность национализма почувствовали на себе русские, оказавшиеся вне пределов России, в особенности в Прибалтийских республиках. Однако этого до сих пор не осознали представители данной нации, проживающие в самой Российской Федерации. Более того, многие все еще мыслят прежними категориями и стоят на привычных прежних позициях. По мнению некоторых деятелей культуры, настало время теоретически и политически оправдать национализм, как в свое время оправдывали и сполна использовали социалистический интернационализм. «Понятие национализма сознательно оболгано», — пишет В.Г. Распутин, один из известных и талантливых писателей России, — сознательный культурный национализм есть работа по качественному преобразованию своего народа, высвобождению в нем нравственных сил...». А если это национализм другого народа, а не русского, коих писатель выделяет в разряд «самых талантливых»? Последовало бы немедленное возражение, ибо национализм другого народа непременно коснется его нации. Миф о том, что «люди такой-то национальности — самые талантливые в мире, они то-то и то-то первыми придумали, покорили, построили, завоевали» должен быть отброшен. Нельзя забывать, что национализм в любом словесном одеянии остается национализмом.

Одним из основных объектов националистической идеологии является такая сфера национальной культуры, как родной язык.

Проблема национально-родного языка всегда была

и остается самой действенной, непосредственно затрагивающей интересы нации проблемой в национальном вопросе, ибо «только язык сделал нацию нацией» (И. Гердер), а отсутствие его означает и отсутствие данного национального образования. И поэтому борьба за родной язык, за его право в общественной сфере приложения есть вполне естественное стремление национальной общности. В языковой области вопроса можно выделить два аспекта:

1) сохранение родного языка как одного из основных признаков нации, как признака единства и средства единения нации;

2) использование родного языка в развитии национальной культуры.

Нет слов возражения против того, что родной язык, преодолев свой диалектизм, способствовал внутренней консолидации нации, выработке единой национальной психологии и национальной идеологии. Известно, что языковая и территориально-государственная общности не всегда совпадают, но генетическая принадлежность к тому или иному языку говорит о принадлежности человека к определенной нации, хотя он и проживает на территории иного национального образования. Также естественны формирование и развитие национальной культуры на родном языке, ибо только в нем закодированы все тайны национального, идущего из глубины веков, и только при его помощи возможно извлечь из глубин психологии народа его истинно национальное и выразить достойным образом. «Удовлетворение потребностей мятежной души я нахожу лишь в родном языке», — писал знавший несколько языков поэт Васyleй Митта. Защита родного языка от инонационального засорения, неологизма и от политики «слияния» является одной из важнейших задач любого национального движения в любую историческую эпоху, и это стремление должно быть

оправдано и исторически, и логически. Однако это вполне естественное явление с выходом на сферу межнациональных отношений приобретает различные, чаще всего искаженные и претендующие на большее, толкования в устах некоторых деятелей культуры. Они не считаются с тем положением, что вследствие совместной экономической жизни в советское время и массовых миграционных процессов национальные республики стали многонациональными, и в этих условиях язык межнационального общения стал не только исторической реальностью, но и просто необходим. На роль межнационального языка волею истории выдвинулся русский язык, который сосуществует с другими генетически неродственными языками. Более того, двуязычие дало не только двойную культуру — собственно-национальную и русскую, оно не только не помешало функционированию и развитию национальных языков, а наоборот, способствовало расширению их общественных функций. В условиях многонационального государства без двуязычия у нации нет исторической перспективы, нет выхода на культурное мировое пространство.

Требование националистически настроенной части интеллигенции введения монополии родного языка на территории национальных республик и вытеснения русского языка из сферы внутреннего и межгосударственного делопроизводства, по крайней мере, недальновидно. Допустимо, что родной язык в какой-то степени может выполнять внутринациональную общественную функцию, но он не в состоянии обеспечить потребности нации во внешних связях и отношениях. Тем более неубедительно выдвижение родного языка на роль монополично-государственного, ссылаясь на его древнее происхождение. В этом отношении упомянуть книгу Г. Егорова «Чăваш Шумер» считаем не лишним [6]. Автор без каких-либо научных обосно-

ваний, умозрительно пытается доказать первенство чувашского языка над всеми остальными языками народов мира. Известный в стране тюрколог, профессор М.Р. Федотов подверг основательному анализу положения и выводы этой книги, отметил абсолютную некомпетентность автора в вопросах языкознания. Ценность языка заключается не в его древнем происхождении, не в генетической близости к языку той или иной цивилизованной нации — это само по себе ничего не дает, — а в способности его обновляться и выполнять возросшую общественную функцию.

Приоритет одного языка над другими — это одно из выражений национального неравенства. На наш взгляд, лучшим вариантом решения данного вопроса было бы возвращение к ленинскому пониманию языковой политики в многонациональном государстве, а именно: правом государственного языка не должен быть наделен ни один из языков страны с одной лишь разницей, что эта установка должна быть объявлена не формально, как в прежнем СССР, а реализована на практике и соблюдена неукоснительно.

Пока общество развивается в своей национальной форме, национализм неистребим. В зависимости от конкретно-исторических условий жизни наций и национальных отношений он может проявиться или же не проявиться. Причем, имея одни и те же социально-психологические корни и цели, сущность его может быть обнаружена в различных сферах национальной культуры по разному путем фиксирования в ней той или иной стороны национального. В соответствии с тем, что каждая нация имеет свои особенности в сфере экономики и культуры, хотя и переживает одну и ту же эпоху, испытывает одни и те же трудности, национализм каждой нации проявляется по-своему, специфично. Каковы же исторические корни и особенности чувашского национализма и как они проявляются в нынешних

условиях размежевания народов по национальным признакам и государственной суверенизации?

Чувашский народ, некогда познавший вкус свободы и независимости, по воле истории оказался лишь осколком Великой Булгарии и стесненным со всех сторон более воинственными народами. После того, как был приостановлен процесс отатаривания, наступила угроза русификации в ходе колонизации его исконных территорий русскими. Народ глубоко переживал также свое положение раздробленности и разбросанности, в какой его поставила национально-государственная политика СССР в 20-е годы. Независимый дух чувашского народа постепенно уходил вглубь рефлексивно-психологического, бессилие перед иноплеменниками переродилось в сдержанность, скрытность, завистливость, заедающую уже саму нацию. Но в любой подходящий момент эти или другие негативные черты характера в какой-либо другой форме могут быть использованы националистической идеологией. Особенностью чувашского национализма является то, что он складывается путем возвышения вполне естественных, положительных черт, признаков национальной психологии, таких как трудолюбие, скромность, гостеприимность, уживчивость и т.д., неповторимость культурных ценностей в ранг исключительной ценности, что позволило назвать его «бархатным национализмом».

Наряду со стремлением осознать объективное положение нации в условиях крутого перелома общественных и национальных отношений в чувашской общественной мысли наметилась тенденция движения к крайнему национализму: в устах некоторой националистически настроенной части интеллигенции все чаще стали повторяться призывы сохранения чистоты нации. «Чистота нации дает истинно национальную культуру», — пишет одна из чувашских газет. «Возрождение любого народа возможно лишь по национальному

признаку. Чувашия завоевана Россией. Чуваши должны жениться на чувашках», — вторит ей республиканская молодежная газета. Подобные взгляды знакомы нам еще с 20-30 годов. Ф. Ницше также проповедовал идею чистой расы и чистой культуры, что было принято впоследствии вместо государственной идеологии фашистской Германией. «...Сделавшиеся чистыми расы всегда бывают сильнее и красивее. Греки представляют собою образец расы и культуры, достигшей чистоты: можно надеяться, что достигнет чистоты европейская раса и культура», — отмечал философ. Однако вопреки призывам и ожиданиям националистов культура распоряжается судьбами народов по-своему. Межнациональные браки в России стали обычным явлением, что считается самым убедительным опровержением измышлений и стремлений сторонников «чистой расы и чистой культуры».

Особенностью чувашского национализма, которой сегодня представлен узкой группой интеллигенции, можно считать и то, что он стремится противопоставить язычество, которое исповедовали предки чуваш с мифологических времен, христианству. Одна из проповедей Христа гласит: «Да будет все едино!» А язычество, в основе которого лежит многобожество, по мнению национал-патриотов, ведет к обособлению народа, к его независимости, к возврату его культуры к своим истокам. Здесь столкнулись две идеологии: первая желает охватить все социальное пространство единым, вторая стремится обособиться, оторваться от единого. Предостережение кандидата богословских наук И. Карлинова, произнесенное им на Всечувашском Национальном Конгрессе, об опасности такого противопоставления для нации встречено было неодобрительно. Под видом возрождения национальных традиций и обычаев кое-где уже стали проводить ритуальные праздники поклонения Киремет, во всем копируя этот

древний религиозный обряд. Сообщено о начале строительства языческого храма в столице. Желание оживить язычество во спасение национальной культуры не ново. Симпатии язычеству отдавали Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев. 50-е годы нарастание неоязычества отмечали К. Ясперс, К.Г. Юнг, Р. Гвардини. Язычество, видимо, это пройденный, но не исчерпанный до конца, этап развития духовности людей. Чувашские национал-патриоты хотели бы соединить архаическое прошлое поверх головы настоящего с будущим. Тем самым они сделали бы шаг назад даже от Хайдеггера, который также выдвигал идею создания язычества усовершенствованного образца.

Параллельно с процессами противопоставления язычества христианству сегодня наметилась тенденция распространения исламского фундаментализма в южных районах Чувашии, где компактно проживают люди татарской национальности, которых и материально, и идеологически поддерживает исламское зарубежье: На возможность конфронтационных процессов не только между христианством и исламом, но и между исламом и язычеством, за которыми стоят определенные социальные силы, обратил внимание архиепископ Варнава. Некоторые круги интеллигенции охотнее идут на смыкание с исламом, но против православия. Узость взглядов не позволяют им осознать эту опасность, от которой чувашаи спаслись благодаря русской колонизации края около 500 лет тому назад.

Названные и другие позиционные взгляды на проблемы духовной культуры нации лидеры националистического движения пытались придать общенациональный характер, что нашло свое отражение в работе Всечувашского Национального Конгресса. Болевые точки развития чувашской культуры ими были перенесены на политическую плоскость. Однако, несмотря на эти ухищрения, организаторам этого форума не уда-

лось расширить социальную базу национализма, ибо реалии сегодняшних национальных отношений в республике совершенно иные, чем в 20-30-е годы, они совершенно иные, чем в Прибалтике, эстонский вариант которых они хотели бы прокрутить. Такие предложения Конгресса, как создать режим наибольшего благоприятствования только лишь для чувашей, объявить чувашский язык единственно государственным языком, а не владеющим им не допускать к государственным должностям, а также концепция о гражданстве, предполагающая предоставление права гражданства со всеми вытекающими отсюда последствиями лишь по истечении пяти лет безвыездного проживания на территории национальной республики, не могли быть приняты многонациональным ее населением. А некоторые из вышеназванных предложений руководителей национал-патриотического движения, например, статус о гражданстве, вызвали обратную реакцию со стороны самих чувашей, ибо принятие его для нации обернулось бы бумерангом. Дело заключается в том, что в психологии чуваш инстинкт принадлежности к Родине, к своему краю чрезвычайно развит, а для чувашей, в массовом порядке выехавших в свое время на всесоюзные стройки в другие края и области и возвращающихся под старость лет на родную землю, установление срока наступления права гражданства есть отторжение их от нации. Таким образом, выдвижение перечисленных выше требований, не свойственных общественным организациям и собраниям, не дало того эффекта, какого ожидали организаторы Конгресса: им не удалось обострить национальные отношения в республике и расширить социальную базу национализма, втянув в него заграничных чувашей и молодежь.

Особого внимания требуют процессы национального движения в Татарстане. Эта республика обладает

достаточно мощными природными и материально-производственными ресурсами, что питает надежду о возможности построения независимого от России государства. Политику *sezessia* активно проводит руководство Татарского Демократического движения (ТДД), которое находит широкую поддержку со стороны людей не только коренной национальности, на что повлияли успешное сопротивление инфляционному курсу российского правительства и относительная стабильность уровня жизни Татарстана. Это делает людей инойязычной национальности причастными к татарскому национальному движению. Газета «Suverenitet» Российскую Федерацию называет не иначе как «соседним иностранным государством» и призывает народ Татарстана активно включаться «в борьбу за освобождение Татарстана от диктата Российской Федерации и достижение полной независимости Государства Татарстан». А газета «Независимость» обещает «сторонникам полной независимости Государства Татарстан в ближайшем будущем присуждать высокое звание Героя Государства Татарстан».

Национализм не может оставаться в пределах лишь своей государственности. Углубляясь, она стремится распространяться вширь. Татарский национализм сегодня главным образом направлен на «вытравление русского духа». «От «русского» образования и искусства, «русских» улиц и транспорта города Казани вдруг запахло «русской зимой»: «русским лесом», «русской березой», — пишет известный историк проф. Р. Фахрутдинов. — Все это не может привести, в конечном счете, к опасной мысли о «русском воздухе», без которого татары и другие «нацмены» дышать не смогут». Автор во многом справедлив в отношении искусственно насажденного русского на национальную почву, но вызывает опасение то, что он эти частности подводит к нациофобизму. Справедливости ради надо сказать, что зачастую сами теоретики-исследователи дают повод для

неприятия слуха: страницы официальных журналов пестрят «русскими путями» выхода из кризиса экономики и духовности России. Тогда напрашивается вопрос: а кто же завел Россию в тупик? Автор статьи «Проблема самоопределения России: историческое измерение», подчеркивая важность уяснения основного вектора исторического движения страны сегодня и в будущем, говорит исключительно о «русском пути», «русской идее», «русском самоопределении» и т.п., пренебрегая участия в этом процессе других народов Российской Федерации [10].

Претензии татарского национализма не ограничиваются нацеленностью на освобождение народа от «русского духа». Для противовеса всему русскому освобождению народы Поволжья должны принять установку идеологов татарского национализма. Под лозунгом единения тюркоязычных народов они стремятся возродить идею создания государства «Идель-Урал», куда должны будут включены чувашаи и башкиры. На карте, составленной Гаязом Исхаки, Чувашия не обозначена автономией. Р. Хаким, автор предисловия книги «Идель-Урал», особо подчеркивает, что «идея Идель-Урала не умерла [5]». В целях осуществления этой идеи и были созданы в Чебоксарах Конгрессы тюркоязычных народов (1993, 1994 гг.), участниками которых были делегаты из многих стран исламского мира.

Национальные общности, составляющие население Российской Федерации, главную опасность своей независимости видят в «разлитости» русских по всем национальным республикам. В целях избавления от их притязания на политическое и культурное лидерство, татарские национал-патриоты стремятся дистанцироваться от русских, предлагая им создать свое Русское государство в Российской Федерации.

Национализм был и остается самой действенной формой разрушения полинациональных государств.

3. Бжезинский еще в начале 70-х годов в сборнике «Советские национальные проблемы» писал о возможности и необходимости расколоть СССР, Советское общество путем разжигания национальных конфликтов, создания очагов «национальной нестабильности». В этом процессе, по его мнению, следует воздействовать в первую очередь на интеллигенцию малых наций и народностей, вдалбливать в сознание «культурной элиты нерусских народов понимание преимуществ отдельного существования»[16]. И он оказался пророчески прав. Стремление к отдельному существованию объективно существует теперь среди народов Российской Федерации. Экономический, вслед за ним политический кризисы могут лишь интенсифицировать этот процесс, усилить националистические тенденции. От этих недугов века общество может спасти лишь культура: она должна привести в состояние равновесия общие и единичные моменты общественного развития. Да и сама культура нации как целостное социальное явление может существовать и развиваться, если эти противоположности находятся в разумном соотношении.

Литература:

1. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изм. от 30.12.2008 г.) // Рос. газ. 2009. 21 янв.
2. Афоризмы Артура Шопенгауэра. URL:<http://best-words.ru/shopenhauer/> (дата обращения: 20.07.2013).
3. Ахизезер А. Наука и идеология // ОНис. 1991. № 1. С. 83-89.
4. Галкин А.А. Суперэгнизм как глобальная проблема // Свободная мысль. 1994. № 5. С. 15-28.
5. Гаязом Исхаки. Идель-Урал. Набережные Челны: Газ. кн. изд-во «КамАЗ», 1993.
6. Егоров Г. Чаваш шумер. Чебоксары: Чуваш, кн. изд-во, 1993. 56 с.
7. Лихтенберг. Афоризмы. URL: <http://transurfmg.newmail.ru/lichtenberg-aphorizm.html#80> (дата обращения: 20.07.2013).

8. *Неймарк М.С.* Психологический анализ эмоциональных реакций школьников на трудности в работе // *Вопр. психологии личности школьника*. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
9. *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: РАГС, 2003. 560 с.
10. *Пантин И.К.* Проблема самоопределения России: историческое измерение // *Вопр. философии*. 1999. № 10. С. 3-17.
11. *Ракитов А.И.* Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // *Вопр. философии*. 1994. № 4. С. 14-34.
12. *Руткевич М.Н.* Теория нации: Философские вопросы // *Вопр. философии*. 1999. № 5.
13. *Спиркин А.Т.* Философия. Изд. 2-е. М.: Гардарики, 2006.
14. *Тишков В.А.* Национализм // *Новая философская энциклопедия: в 4-х т.* М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 30-42.
15. *Шаповалов В.Ф.* Россиеведение как комплексная научная дисциплина // *Свободная мысль*. - 1994. № 7-8. С. 33.
16. *Bzzejnski Z.* *Souiet Nationalitu Probetms.* -N.V., 1971. - P. 81-82.

«Вестник» Российского университета кооперации. № 2(12), 2013.

**НАГРАДЫ И ПОЧЁТНЫЕ ЗВАНИЯ
ДОКТОРА ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
Н.А. ИСМУКОВА**

- Почетный донор СССР. 1990 г.
- Заслуженный деятель искусств Чувашской Республики.
10.10.2001.
- Действительный член Муниципальной Академии
16.02.1996 г.
- Ветеран труда. 10.10.2001 г.
- Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. 10.11.2002 г.
- Действительный член (академик) Российской Академии социальных наук. 24.04.2006 г.
- Орден «За вклад в развитие потребительской кооперации России. 14.02.2007 г.
- Народный поэт Чувашской Республики. 24.10.2008 г.
- Почётный гражданин Батыревского района Чувашской Республики. 24.06.2016 г.

ТУПМАЛЛИ

Кашни поэт – философ, анчах кашни философ – поэт мар	5
Каҗалакъам – поэзи хирё	33
Кун-сул каҗалакёнчен	87
Поэзи чуна җывахрах та хаклабрах	142
Отзывы, рецензии, предисловия	194
Антропный космологический принцип и синергетика	258
Подступы к этнофилософии	321
Проблема целостности национальной культуры	356
Нация как субъект культуры	358
Мифология, искусство и философия в их этносном измерении	434
Этнофилософия: постановка проблемы	469
Национализмы: теория и современность	498
Приложения	

Николай Аверкиевич ИСМУКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

СЫРНИСЕН ПУХХИ

Пиллёмёш том

Редактор *В. Кервен*
Художественный редактор *А. Кокель*
Компьютерная верстка *Л. Богатеевой*

Подписано в печать 24.01.2017. Бумага офсетная.
Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 18,3. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии «Новое Время»,
г. Чебоксары, 4280034. Ул. Мичмана Павлова, дом 50/1.
Тел. (8352)32-33-53, 41-27-98. E-mail: newtime1@mail.ru.

